Николай Шепель
Цена истинной свободы

Samenkorn

Н.Е. Шепель

Цена истинной свободы

Тираж 2018 – 4.000 шт.

© Все права сохранены за издательством «Samenkorn»
© Samenkorn e.V.
Christlicher Schriften- und Liederverlag
Liebigstr. 8, 33803 Steinhagen
Germany

Редактор – Яков Пеннер
Корректоры – Наталья Ковалько
Layout – Яков Пеннер

Компьютерная верстка: Samenkorn e.V.
Обложка: Samenkorn e.V.
Печать и переплет: Finidr, Чехия

Содержание

От автора 9

Часть 1 11

Первый арест 11
Обыск и первая ночь в КПЗ 15
Беседа в прокуратуре 21
В черкасской тюрьме 25
На молодежном общении 41
Беседа с подполковником 47
Трудные беседы 53
Выход – Иисус Христос 59
Может это ангелы поют? 64
Духовное очищение 68
Знакомство с «уголовным делом» 71
Беседы об очищении 76
Суд над молодыми христианами 80
Тайное крещение 147
Этап 155
Дело Божие расширяется 164
Жизнь в крытой тюрьме 167

Духовный труд для Господа 175
Свидетельство в тюрьме 181
Семья Петра Григорьевича Евтушенко 195
Неожиданная свобода 204
Тайная борьба с верующими 213
Возвращение в Черкассы 223
Встречи с пятидесятниками 229

Часть 2 239

Решение семейного вопроса 239
Межобластное совещание под Киевом 243
Положительный ответ 246
«Попутчик» по дороге в Коростень 249
Брак Николая с Катей 253
Начало семейной жизни 259
Принятие служения пресвитера 265
Решение неприятных вопросов 270
Не всякому духу верьте 275
Напряженная свадьба Миши и Лены 280
Освобождение от грехов мерзости 287
Прослушивание и слежки 293
Предатель-неудачник 301
Штрафы и разгоны собраний 309
Арест в Грузии 317
В следственном изоляторе 333
Судебный процесс 339
Первый год в зоне 347
Испытания в лагере 354
Благословения и испытания 362
Клевета и поношение 368

Освобождение 376
Помещение для собраний 382
Служение в разных жизненных ситуациях 389
Откровенный разговор 396
Дивные перемены 402
Освобождение зависимых 408
Примеры душепопечения 416
Служение душепопечителя 424

Приложение 429

Фотографии из жизни и служения Н.Е. Шепель 429

От автора

Эта книга является живым свидетельством о пробуждающей силе Духа Святого в жизни народа Божьего, Церкви Христовой в трудные годы в Украине. Христос сказал: «... На сём камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» (Мф. 16:18). Атеизм коммунистической системы, при всей своей изощрённости и грубой жестокости, не смог разрушить то, что создано жертвенной любовью на Голгофе.

Книга освещает как положительные, так и отрицательные стороны жизни детей Божьих: веру и маловерие, верность и трусливую измену. Здесь описаны события из пережитого в личной жизни, а также из жизни тех, кто победил диавола Кровью Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбил души своей даже до смерти (Откр. 12:11-17).

Книга эта посвящается христианской молодёжи – с целью дальнейшего её пробуждения для жертвенного служения Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу.

Часть 1 Глава 1

Первый арест

Декабрьский снег был мокрым, и это свидетельствовало о том, что зима только начала вступать в свои права, и морозы и метели ещё впереди. Уходя ранним утром на работу, я не думал о том, что последний раз переступаю порог дома, в котором жил с братом по вере. Но сердце подсказывало: в жизни всё может быть.

На Черкасском заводе по выпуску химического волокна я проработал слесарем уже более двух лет. Рано утром привык вставать без будильника, несмотря на то, что ложиться приходилось далеко за полночь. Сейчас, идя на завод, по пути размышлял о том, что сделано, и что надо будет, не откладывая, срочно делать после работы. Вспомнил, что на столе осталось недописанное «открытое» письмо брата Степана верующим ЕХБ... Как хорошо, что братья из Киева помогли решить проблему с бумагой, а ведь в этом была такая большая нужда! На прошлой неделе, провожая на автовокзал, они вручили нам два пакета качественной писчей бумаги. Вес хорошо чувствовался в руках, особенно когда в Черкассах поздно вечером пришлось идти домой пешком.

В проходной почти машинально показал пропуск и направился по знакомой, засаженной кустарником аллейке к своему цеху, который выполнял функцию снабжения завода специальной водой: смягчённой, осветлённой, технической

и обыкновенной питьевой. Быстро переодевшись в раздевалке в рабочую одежду, поспешил на планёрку.

Задание было простое и понятное: отремонтировать насос в зале фильтров. Время за работой бежало быстро, приближался обеденный перерыв, как вдруг кто-то позвал:

– Шепель! Срочно к начальнику цеха!

Оставив ключи и вытерев тряпкой руки, я направился в кабинет к начальнику, по пути размышляя, что бы это могло значить. Быстро поднялся на второй этаж, подошёл к кабинету, где была надпись «Начальник цеха Архипов». Предварительно постучав, открыл дверь и спросил:

– Можно войти? Меня вызывали?

– Проходи, садись, – прозвучал ответ.

В кабинете было несколько человек из цехового начальства и незнакомые мне люди. Видно было, что они о чём-то до моего прихода рассуждали, возможно, обо мне. Когда я сел, воцарилось молчание. После короткой паузы незнакомый мужчина, который сидел напротив меня, спросил:

– Вы Николай Шепель?

– Да.

– Восемнадцатого декабря 1938 года рождения?

– Да.

Тогда он быстро поднялся из-за стола, показывая мне какой-то документ, и резким голосом произнёс:

– Вы арестованы! Я – следователь областной прокуратуры. Вот моё удостоверение.

Внутри у меня как будто что-то оборвалось, но тут же в сердце воцарился какой-то особенный мир. Не обращая внимания на протянутое удостоверение, глядя прямо в глаза незнакомцу, я произнёс:

– Всё ясно.

– Тогда прошу следовать за мной.

Мы вышли из кабинета начальника цеха, по ступенькам спустились на первый этаж, и следователь уже хотел направиться к выходу, как человек в штатском костюме обратился к нему:

– Николаю надо помыть руки и переодеться. Пошли в раздевалку, – сказал он, обращаясь уже ко мне.

Тогда мы вновь поднялись на второй этаж, я помыл руки и, когда подошли к шкафчику, где была моя одежда, он сказал:

– Одну минуточку... – и стал тщательно обыскивать карманы, проверяя всё до ниточки. По его поведению сразу стало понятно, откуда этот работник. А когда он, перечитывая каждую бумажку, нашёл записку, в которой было написано: «Брат Яков, у нас есть много духовной литературы. Скажешь, когда можно будет её раздать друзьям», – лицо его сразу изменилось, глаза стали злыми, а голос резким и грубым:

– Прошу отойти от меня на два шага.

Спокойно отойдя в сторону, я стал вспоминать, как эта записка оказалась в моём кармане. Какое непростительное упущение! Позже мне приходилось ещё не раз размышлять об этом случае.

Когда обыск был закончен, мы направились вниз. На лицах рабочих, проходивших мимо нас, отчётливо был виден вопрос: «Что происходит?» Спокойно прощаясь с ними кивком головы, я со своими сопровождающими направился к машине «ГАЗ-69», которую в народе называли «бобиком». Меня усадили на заднее сиденье между двумя милиционерами. Следователь уселся впереди, рядом с водителем.

Мужчина в штатском уплотнил нас, насколько это было возможно. Водитель нажал на газ, желая как можно быстрее вырулить, но, увы, машина забуксовала, отказываясь покидать территорию завода. Все попытки водителя выбраться были напрасны. Рабочие, столпившись, стояли на расстоянии и смотрели, не решаясь помочь вытолкнуть автомобиль. Тогда самым младшим по чину, как я понял, пришлось выходить для этого из машины.

По пути следователь начал говорить, что сейчас поедем ко мне на квартиру для проведения обыска, на который и ордер есть, и основание. Где-то, мол, кого-то обокрали в городе, а подозрение падает на меня.

Человек в штатском посмотрел на мой тёплый тулупчик, подарок матери, и сказал:

– Очень хорош. В нём не страшно даже на север ехать...

– Да, если на это будет воля Божья, – поддержал я его.

Тогда следователь спросил:

– Николай, ты не скажешь, где твой друг Василий сейчас и почему его нет на работе?

Этот вопрос меня утешил и даже немного обрадовал: значит, не всё у вас получается, как запланировано. Я ответил:

– Хочу со всей серьёзностью и ответственностью сказать вам, что с сегодняшнего дня я буду говорить только за себя.

Как бы между делом следователь по пути спрашивал:

– Ну, а теперь куда поворачивать? – ясно было, что, это была всего лишь формальность, и я заметил:

– По всему видно, что дорогу ко мне домой вы знаете не хуже меня...

Они довольно ухмыльнулись.

Декабрьский день был пасмурным, было сыро и неуютно.

Часть 1 Глава 2

Обыск и первая ночь в КПЗ

Газик подкатил к калитке, резко затормозив, остановился, и кто-то из пассажиров сказал:

– Приехали.

Быстро выбравшись из автомобиля, все прошли мимо домика, где жили хозяева, к времянке. В голове роились разные мысли, то и дело останавливаясь на недописанном «открытом» письме брата Степана. Хоть внутренне я давно был готов к подобным событиям, но всё-таки произошло это довольно неожиданно: жаль письма, которое сейчас заберут, заберут и специальные чернила «Кристалл», которые с таким трудом пришлось добывать. Жаль незаконченного труда и нарушенных планов. Но Господь через Своё Слово нежно напоминал: «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои» (Ис. 55:8).

Ах, как хотелось бы сейчас подняться на небо, выйдя из этого окружения, раствориться в воздухе, но... увы, я пока на земле, и вокруг меня – земная действительность.

– Что ж, открывай дверь и принимай «гостей».

Войдя в дом, следователь положил на стол ордер на обыск и дал указание сотрудникам милиции искать или, как выражаются у нас, «ловить» понятых. Но, увы, найти понятых не так уж легко. Все, а особенно умудренные жизненным опытом, стараются избежать этого грязного дела.

Следователь снял пальто. Видно было, что он настроен не на беглый осмотр наших «хором», и этот кошмар затянется надолго. В это время сотрудник милиции уже ввёл сопротивляющуюся женщину, которую поймал на улице, и именем закона предложил ей выполнить гражданский долг. Работа началась...

Первым делом аккуратно сложили недописанное письмо, лежавшее на столе. Похвалили почерк, показав письмо недоумевающей в растерянности женщине.

И обратились ко мне:

– Вы посмотрите, как красиво написано. Это же талант. А кто такой брат Степан?

– Это верующий брат, – ответил я.

– А как далеко он живёт отсюда, и давно ли вы с ним знакомы?

– Извините, но вы уже забыли то, что я не так давно вам говорил. Я – человек верующий, и в данной ситуации могу говорить только за себя, – напомнил я.

Следователь внимательно просматривал Библию и христианскую литературу, проверяя каждый листочек и откладывая в сторону буквально всё, что имело хотя бы намёк на слово «Бог». Человек в штатском проверял нашу холостяцкую кухню. Было заметно, что его особенно интересует содержание банок с закаткой. Всё было тщательно перещупано, исследовано и на запах, и на цвет.

Привели ещё одного понятого-мужчину: посадили на табуретку, записали его данные и сунули в руки какую-то газету, чтобы не скучал. На подмогу подъехали сотрудники в штатском, и после тщательной проверки каждой баночки-скляночки, не находя того, что им так хотелось найти, начали выгребать пепел из печки.

Когда же и там ничего не нашли, начали простукивать стены. Потом полезли на чердак. Порядком испачкавшись в пыли и паутине, нашли какие-то две планочки, и крутили их в руках, что-то мудря. Всё, что им показалось подозрительным, складывали отдельно, составляя протокол изъятия.

Подозрительной показалась и старенькая Библия – подарок матери.

Обыск длился уже более четырёх часов. На улице стемнело – декабрьские дни очень короткие. Погрузив всё изъятое в автомобиль, заполучив подписи понятых, ещё о чём-то посоветовавшись, решили уезжать. Надев тёплую одежду и последний раз окинув прощальным взглядом уютную комнату, я направился к выходу. Не было рядом мамы, которая могла бы собрать хотя бы скромный узелок в далёкий неизведанный путь. Переступив порог дома, я шагнул в ночную темноту, догадываясь, что впереди ждёт кромешная духовная тьма. Внутренний голос в сердце тихо и нежно напомнил: «И свет во тьме светит...»

Городское отделение милиции, куда мы приехали, встретило нас своей обыденностью: шум, слёзы, упрёки, отчаяние. Кто-то с кем-то разбирался, кто-то что-то доказывал, и было видно, что всё это бессмысленно и бесполезно. Тело ныло от усталости, хотелось отдохнуть, но дежурный, начав оформлять бумаги, всё время то одному, то другому что-то отвечал по телефону. Наконец всё было закончено: колющее и режущее, часы и ремень были изъяты. Вызванный конвоир взял бумаги, и мы пошли по узкому мрачному коридору.

Вот он подошёл к одной двери, заглянул в маленькое окошечко, потом – к другой. Наконец забренчали ключи, заскрежетал засов замка, двери отворились, и мне пришлось сделать свой первый шаг в мрачную и душную камеру темницы. Когда дверь с шумом закрылась, и глаза привыкли к еле мерцающему свету, я увидел на полу дремлющего уже немолодого человека. Преклонив колени и тихо помолившись про себя, я стал рассматривать камеру. Со временем, с приобретённым опытом я, конечно, начал понимать, что такое камера предварительного заключения, сокращённо – КПЗ. Это камера без малейших удобств, не имеющая самого необходимого для человека. Но пока... Развернуться было негде, и поэтому пришлось, как говорится, приземляться на грязные доски.

Несмотря на дающую о себе знать усталость во всём теле от пережитого за долгий день, заснуть было очень нелегко. В голову лезли разные мысли, одна сменяла другую, как кадры на киноэкране. Одни мысли радовали и воодушевляли, а другие приносили печаль от допущенных ошибок и промахов. Потом пришло успокоение и вспомнились раннее детство и простая родительская хатка на окраине села.

Мать, Салова Лукерья Михайловна, была родом из зажиточной, очень трудолюбивой семьи. Её отец имел несколько собственных ветряных мельниц. Его дети – два сына и три дочери – преждевременно осиротели: умерла их мать – моя бабушка – тихая, трудолюбивая простая сельская женщина. Семья, как и другие в те времена на Украине, была религиозной, православной. Однажды бабушка пришла из церкви с болью в пятке. Она натёрла её чем-то, чтобы снять боль – лекарств никаких не было, как и врачей.

Люди советовали различные способы лечения – примитивные и даже вредные. Так с простой маленькой ранки началось заражение, которое перешло в гангрену и, как следствие, преждевременная смерть. Это был большой удар для семьи, и пережить его было нелегко.

Но прошло немного времени, и в доме появилась другая хозяйка, мачеха – очень своевольная и сварливая женщина. Это сразу же отразилось на детях, потерявших домашний уют, ласку и понимание. Ещё большее горе пришло в семью после смерти отца. Однажды тихим летним днём, не подозревая об опасности, он готовил мельницу к работе: полез наверх, чтобы смазать деревянные шестерни, но допустил непоправимую ошибку, которая стала роковой в его жизни: не застопорил крылья мельницы. Неожиданно подул ветер, они зашевелились и прокрутили шестерни, которые безжалостно отрезали ему голову.

После похорон дети разбежались кто куда. Моя мать рано вышла замуж за очень бедного крестьянского парня, и перед самой войной овдовела. Четверо детей – два сына и две дочери – и небольшое хозяйство легли на её хрупкие плечи.

По соседству жила большая семья, люди верующие. Каждое воскресенье они всей семьёй ходили на богослужения. Они начали приглашать и мою мать пойти послушать Слово Божье. Несмотря на семикилометровое расстояние в одну сторону до Дома молитвы, мать начала посещать собрания верующих, и вскоре её разбитое жизнью и измученное скорбью сердце приняло Иисуса Христа. После её покаяния жизнь семьи изменилась. Старшие дети тоже стали посещать собрания и участвовать в служении.

Свет новой жизни во Христе стал озарять тьму язычества и обрядовой религиозности. Но страшное горе начало надвигаться с другой стороны – это горе разразившейся войны. Эта всеобщая беда сблизила многих людей, и они стали искать помощи, защиты и утешения в Слове Божьем. Многие за годы оккупации нашли радость и счастье в Господе Иисусе Христе.

Нашу семью постигли особенные переживания, когда стало известно о болезни меньшего брата – дифтерии. Все были в трауре. Соседские дети, заболевшие этой болезнью, почти все умерли. Куда идти и у кого просить помощи? Мать вечером побежала в военную часть за врачом. Патруль её чуть не застрелил – немцы не понимали украинского языка. Она горячо просила помощи у Господа, Которому недавно вручила свою жизнь и жизнь своих детей. Немец-врач пришёл, посмотрел и развёл руками. Из его непонятной для нас речи можно было догадаться, что всё бесполезно, необходимых медикаментов нет.

Со слезами горечи и с молитвой семья начала готовиться к похоронам. Нашли самый лучший отрез ткани и сшили, как тогда у нас говорили, «на смерть» рубашечку и штанишки. Все плакали. Температура не спадала, начало прерываться дыхание. Тогда мать вместе со старшим сыном рано утром запрягли в сани корову Куклу и поехали в Смелянскую районную больницу. Несколько часов пришлось сидеть у дверей врача, чтобы дождаться приёма. Наконец врач принял их,

осмотрел больного, расспросил о нём, и что-то сказал медсестре. Та сделала укол, и они отправились в обратный путь.

Когда приехали домой, все взрослые, преклонив колени, помолились Господу. Стемнело, и в доме было тихо-тихо. Все сидели молча, зная, что сейчас решается вопрос жизни и смерти ребёнка. Шла невидимая борьба в духовном мире. После пережитых мытарств, наконец, все уснули. А утром увидели, что смерть отступила. Температура спала, стало легче дышать, и мальчик, хоть и с трудом, мог говорить.

– Мамочка, а где мои новенькие рубашечка и штанишки, которые мне сшили на смерть? Можно мне их примерить?

Мать со слезами радости и благодарности Богу принесла цветастую рубашечку и положила у постели сына.

– Мама, а можно её надеть?

Обняв сына, мать прижала его к своей груди. Она понимала, что Бог опять подарил ей его, и радовалась тому, что полностью посвящает его Господу. Она не знала тогда, что придёт время, когда будет много переживаний и борьбы, и ей придётся вновь прижимать к груди своего сына, но уже за тюремной решёткой, когда минуты свидания заканчиваются так быстро.

...Засыпая на грубых досках и чувствуя, что действительность сливается со сном, я успел подумать: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла Его. Господи, помоги мне быть Твоим светом в этой греховной тьме». Всё стихло.

Часть 1 Глава 3

Беседа в прокуратуре

Звук отпираемого замка оповестил, что уже утро. Со скрежетом отворилась металлическая дверь, и обитатели камеры номер три услышали команду:

– Туалет, уборка помещения – вот вам веник.

Приводя себя в порядок и разминая затёкшие после сна на дощатой постели руки и ноги, познакомился с соседом по камере. Он кратко объяснил свои обстоятельства: что и почему. Я понял, что он скоро будет на свободе. Меня он также успокаивал, что за веру в Бога, насколько ему известно, судить не будут. Это какое-то недоразумение, разберутся и выпустят. После уборки камеры представилась возможность побеседовать на текст из Евангелия о том, как Пётр, Апостол Иисуса Христа, был в темнице, и Церковь молилась за него Богу. После беседы я пригласил и его помолиться, а потом негромко спел псалом «Ты стоишь на краю зеленеющей нивы». Сокамернику этот гимн очень понравился, он попросил меня ещё раз спеть, и мы уже пели вместе.

Часам к восьми нам принесли поесть. Завтракать мне почему-то не хотелось. Пища была не тюремной; дежурный принёс её из столовой, которая была рядом с КПЗ. Анализируя вчерашний день, я понял, что предстоит большая духовная борьба, и поэтому в сердечной молитве поручил Господу себя и все предстоящие заботы. Где-то во второй половине

дня дверь открылась, и меня пригласили на выход. Возле КПЗ ожидала милицейская машина. Мы подъехали к зданию областной прокуратуры. Меня ввели в кабинет на первом этаже – это был кабинет следователя. Всё изъятое вчера при обыске было разложено и на столе, и на подоконнике.

В кабинете присутствовало пять человек: работники прокуратуры, органов внутренних дел, представитель общественности и человек в штатском.

После знакомства долгую напутственно-нравоучительную речь держал прокурор области Зелёный. Потом начались вопросы:

– Как ты мог стать верующим в Бога? Ведь ты учился в нашей советской школе, в техникуме и институте.

– Верующим человек становится не потому, что он этого захотел, а потому, что Бог ему открывает этот путь, и человек принимает Иисуса Христа в своё сердце и в свою жизнь. Вы не можете даже представить себе, какое это счастье – быть христианином не только на словах, – ответил я.

– А к какой именно вере ты себя относишь?

– Вера одна, как и Бог один. Так написано в Евангелии: «Один Бог, одна вера, одно крещение».

– Значит, ты крещён?

– Да.

– И кто, где и когда тебе преподавал крещение?

– Это сугубо внутрицерковный вопрос, и если бы кто-то из вас был пастором Церкви Христовой, я безо всякого смущения поделился бы с ним.

– Но мы же представители власти, и нам надо знать всё.

– Христос Своих учеников учил повиноваться власти, ибо она Богом установлена. Но Он также учил отдавать кесарю – кесарево, а Богу – Божье.

Тогда следователь показал недописанное письмо, изъятое при обыске, и спросил:

– Кто писал это письмо брата Степана?

– Я писал.

– А кто такой брат Степан? Где он живёт?

– Брат во Христе, а живёт на Господней земле, как и написано: «Господня земля, и что наполняет её», – ответил я уклончиво.

– У вас при обыске изъято два пакета чистой писчей бумаги. Зачем вам столько?

– Эта бумага была нужна мне.

– А кто вам её дал, или в каком магазине вы её купили?

– Я не покупал её в магазине, а дали мне её братья.

– Откуда и кто они – эти братья?

– Они – братья.

– Назовите хотя бы одно имя!

– Христос нас учит называть друг друга братьями, и это всё, что я могу сказать.

Тогда вопросы начал задавать областной прокурор:

– А где собираются ваши братья?

– Христос сказал, что Бог – есть Дух, и истинные поклонники будут поклоняться Ему на любом месте в Духе и истине.

– А почему вы не ходите на собрание к вашим братьям – зарегистрированным?

– Потому, что ценим больше небесную регистрацию, нежели земную. Христос сказал: «Радуйтесь тому, что имена ваши записаны на небесах».

– А почему у верующих ЕХБ произошло разделение?

– Прежде всего – это вопрос самих верующих, и если бы вы вместе с Фесоненко оставили бы верующих в покое и не вмешивались в жизнь церкви, они быстрее разрешили бы свои проблемы.

Молча наблюдавший за происходящим человек в штатском, от неожиданности заёрзал на месте:

– Откуда вам известно, кто я?

– Майор КГБ Фесоненко, который занимается вопросами верующих в Черкасской области, известен многим. И это – вопреки его личному желанию, а также служебному положению.

– Вот это да...

Он встал и прошёлся по кабинету. Было видно, что это простое разоблачение смутило его, и задуманная игра должна прекратиться. Тогда следователь достал бумагу и зачитал постановление областной прокуратуры об открытии уголовного дела на гражданина Шепеля Николая Емельяновича, по статье 209, и взятии его под стражу на время следствия. Все встали, и, по команде следователя, я под конвоем отправился в КПЗ.

Анализируя состоявшийся допрос, поставленные мне вопросы и мои ответы на них, я благодарил Бога за Его помощь и данную мне мудрость, за то, что я смог твёрдо дать отчёт в своём уповании. Радовало и то, что арестовали меня одного. Мысли переходили с одного вопроса на другой: чем сейчас заняты друзья нашей небольшой группы верующих? Знают ли уже мать и мои родственники о случившемся? Как дальше будет совершаться труд на ниве Божьей в нашей области?

Сознавая свою полную зависимость в данных обстоятельствах только от Господа, тихо молясь, я просил у Него мудрости, силы и руководства на дальнейший жизненный путь. Вспомнились слова из гимна, который я пел ещё с детства: «Никаких преград я не страшусь, впереди лишь был бы огонёк...»

Часть 1 Глава 4

В черкасской тюрьме

На третий день спецмашина, которую в народе прозвали «чёрным вороном», подъехала к широким воротам черкасской тюрьмы. По бренчанию ключей, клацанью замков и скрипу дверей можно было определить, что автомобиль въехал на территорию тюрьмы. Тишина... Томительные минуты ожидания... После торопливых шагов отворилась дверца «воронка», что было сигналом на выход. Начальник конвоя передал бумаги дежурному офицеру. Тот назвал фамилию, а я должен был сказать имя, отчество и год рождения.

Не успел я оглянуться, как сержант открыл маленькую дверцу и показал рукой, что надо заходить. Только успел переступить порог, дверь закрылась на замок. Как мне потом объяснили, по-тюремному это помещение называется «стаканчиком»; оно было настолько тесным, что нельзя было пошевелиться. Время тянулось медленно, ноги сводило, дышать было нечем. Молясь Богу, я думал: «Неужели людей так держат в тюрьме, и сколько всё это будет длиться?» Ноги начали мёрзнуть. Но вдруг пришла мысль: «А как же будет там, в аду? Слава Богу, что Он избавил меня от ада».

Мне казалось, что прошла уже вечность, и терпение уже кончилось, что я скоро умру. Но тут щёлкнул ключ в замке, и дверь открылась. Знакомый уже сержант показал направление, в котором надо идти, и мы пошли по мрачному кори-

дору. Потом опять открылась дверь, и тут же закрылась, но уже за моей спиной.

Передо мной была тюремная камера, она казалась очень большой. Посредине в бетонный пол были вмонтированы длинный стол и такая же длинная скамейка, всё намертво закреплено. В торцовой стороне, под стенкой – сваренные из уголка железные нары в два яруса. Позже, осваивая тюремную науку, узнал, что это была пересылочная камера.

Примерно через полчаса мне принесли поесть: щи в металлической тарелке и кусок хлеба. Поблагодарив Бога, я принял тюремную пищу, размышляя о том, что же будет дальше. А дальше была ещё одна тюремная процедура: стрижка, бритьё, баня. Потом – опять длинный коридор, ступеньки на второй этаж и камера с номером «16» на двери. Подошёл дежурный по коридору сержант со связкой ключей, и с шумом открыл дверь. Переступив порог и сделав один шаг, я остановился. Передо мной открылась неизвестная мне доселе панорама камеры следственного изолятора: стол, скамейка, нары в два яруса, маленькое, находящееся под самым потолком, окошко: внутри – с металлической решёткой, а снаружи – с деревянной, по тюремному – «баяном». Два десятка пар глаз сосредоточили внимание на только что вошедшем новеньком. Один из обитателей камеры, уже в возрасте, глухим голосом сказал:

– В нашу хату прибыло пополнение.

Другой, помоложе, спросил:

– Откуда?

– Местный, черкасский, – ответил я.

– За что и по какой статье посадили?

– Я – верующий, и посадили меня за верность Богу.

Воцарилась тишина. Кто-то из молодых с насмешкой произнёс:

– Значит, богомол.

– Перестань, Витёк, и дайте человеку место, – сказал тот, который постарше. – Подойди ближе, меня зовут Гришкой. А тебя? – обратился он ко мне.

– Меня – Николаем.

– Ну, вот и познакомились. Занимай место, располагайся вон на тех нарах, – он показал мне свободные нары.

В камере воцарился прежний шум и гам. Возблагодарив тихонько Бога, я стал более внимательно рассматривать камеру и изучать её обитателей. Здесь было сравнительно чисто. Пол был подметён, в углу стоял веник, а рядом – большая ёмкость с крышкой, так называемая «параша». Сокамерники, разделившись на небольшие группы, шумно разговаривали и, что-то доказывая друг другу, и переубеждая, решали свои проблемы. Мужчина, назвавшийся Гришкой, в раздумье ходил по камере то туда, то сюда. Потом, подойдя ко мне, спросил:

– Можно немного поговорить?

– Пожалуйста, присаживайся возле меня, – ответил я.

Он опустился на нары, оглянулся вокруг, и тихо сказал:

– Ты, Николай, действительно верующий?

– Да, действительно. Христианином я стал два года назад, в 1961 году.

Он ещё раз посмотрел по сторонам:

– Дело в том, что сам я – из Смелы. Работал шофёром на базе, недалеко от железнодорожного вокзала. В том районе собирались верующие. Я часто видел, как они сходились в дом...

– Да, я знаю, что в Смеле недалеко от вокзала есть молитвенный дом верующих ЕХБ, и на собрании у них мне приходилось бывать.

Григорию было лет под сорок. Слыша свидетельство о верующих, которых он знал, я оживился.

– Верующие – хорошие люди, я это знаю. Они никому не делают зла. За что тебя могли посадить? Меня вот сам сатана попутал, и за мешок муки теперь буду сидеть...

– Верующих судят за верность Богу. В Евангелии написано: «Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь ... Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни». Верующие должны быть верны

своему Господу. Хочу объяснить тебе это на простом житейском примере. Например, Григорий – глубоко верующий человек. Бог через Своё Слово – Библию – учит его, как ему надо жить, чтобы угождать Тому, Кто спас его от вечной гибели ценою страданий и мук на Голгофском кресте, как надо поклоняться и служить Богу. Но нашлись люди, которые не только не желают признавать Бога, но противятся Ему. Они с определённой, безусловно, недоброй целью говорят, что у нас в стране существуют законы о религии, в которых сказано, как именно верующим следует поклоняться и служить Богу. Тогда человек глубоко верующий откровенно заявляет, что атеистический закон полностью противоречит закону Божьему, и если он будет соблюдать атеистический закон вопреки Божьему, то окажется, как и всякий грешник, в аду. Люди же, специально наблюдающие за верующими, тогда в негодовании говорят: вы нарушаете законы нашего государства и не подчиняетесь принятым инструкциям и указам, и поэтому будете наказаны и посажены в тюрьму. Что же остаётся верующему человеку? Сделать выбор: слушаться или Бога, или людей. Как говорили некогда Апостолы Христовы, когда им запрещали свидетельствовать о воскресшем Господе и их Учителе: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам ... и судите, справедливо ли перед Богом, слушаться вас больше, нежели Бога?» Что ж, если так, тогда, как у нас принято (и все об этом хорошо знают) – дайте нам человека, а дело на него мы составим...

Сокамерники начали посматривать в нашу сторону и прислушиваться к разговору. Григорий тихо сказал:

– О том, что у нас любому могут пришить уголовное дело и осудить, я не сомневаюсь, но что они могут предъявить верующим, которые и не пьют, и не курят, и не воруют? К примеру, взять хотя бы меня, я никак не могу бросить курить. Знаю, что вредно, а силы воли не хватает.

В следственной камере время тянется медленно, но зато есть возможность обо всём поговорить, многое осмыслить, вспомнить пережитое. Григорий начал знакомить меня с

тюремными законами и порядками. Режим содержания в следственном изоляторе очень строгий, и все это ощущают на себе. Начальником изолятора является подполковник Варивода – даже фамилия сама за себя говорит. Заместитель начальника по режиму – подполковник Мордвинцев – ужасный человек: очень груб, и, бывало, даже применял запрещённые методы физической расправы.

Распорядок дня таков: в шесть утра – подъём, а в десять вечера – отбой. С утра до вечера ложиться на нары нельзя, только сидеть или ходить. После отбоя – наоборот, сидеть или ходить нельзя, а только лежать. Три раза в день кормят. В сутки один раз – прогулка на свежем воздухе во дворике. За месяц можно получить одну передачу до пяти килограммов.

Декабрьский день давно уже закончился, на улице стемнело, но в камере электрический свет горит и днём и ночью. Когда время подошло к отбою, я начал ощущать внутреннюю борьбу: как быть с вечерней молитвой? Или молиться тихо, про себя, возле нар, или же на нарах? Внутренний голос подсказывал, что надо молиться открыто, как подобает христианину, преклонив колени. Затем приходила другая мысль: зачем обращать на себя внимание и бросать святыню псам? Ведь Бог услышит меня и тогда, когда я буду молиться сидя и даже лёжа, под одеялом. Но представить себя молящимся под одеялом я никак не мог – это ничем не оправданная трусость. Итак, внутренняя борьба усиливалась, на сердце стало как-то тяжело. Я почти физически ощущал мрак, сгущающийся вокруг. Когда, наконец, в коридоре прозвучала команда «Отбой!», и дежурный, проходя по коридору и заглядывая в глазок, напоминал, что пора уже ложиться спать, я, преодолевая чуть ли не физическое сопротивление, подошёл к столу, преклонил колени и тихо про себя помолился. Как будто страшный груз в одно мгновение свалился с моих плеч. На сердце стало легко-легко. Я словно ощущал стоящего рядом Господа.

Молитва была краткой, но это была победа. Встав, я подошёл к нарам. Внутри всё ликовало, в камере было тихо

и спокойно, а в коридоре слышны были шаги дежурного. Оказавшись, наконец, наедине с собой и Господом, я начал мысленно подводить итог прошедших дней в новых условиях жизни. Главное – не допустить ошибок ни в словах, ни в поступках. Как бы Христос поступал, если бы был на моём месте? Мысли улетали к родным и друзьям: как они там сейчас, как будут реагировать на случившееся? Потом мысли опять перенесли в далёкое прошлое...

После войны старший брат и сестра возвратились из Германии, куда были угнаны на принудительные работы. Брат Вася вернулся сильно больным. Всё, что возможно было делать с нашей стороны в послевоенных условиях – делали, но жизнь его угасала на глазах. Всех трудоспособных принуждали к полевым работам с раннего утра и до позднего вечера. Почти каждый день мать и две моих сестры уезжали на поле: пахали, убирали. Перевозили всё коровами, потому что ни лошадей, ни тракторов не было. Несмотря на все усилия и старания, явно был виден надвигающийся голод. Многие с дрожью вспоминали тридцать третий год.

Вскоре пришлось хоронить брата – он тихо и спокойно ушёл с этой скорбной земли к Господу. Мы все горько оплакивали его, плакали до того, что уже не стало слёз. Особенно тяжело было маме. Оставшись вдовой перед самой войной, она возлагала надежду на старшего сына, но, увы, у Бога были другие планы.

Нужда, как непрошеный гость, заходила в каждую хату. Одежду шили сами из домотканой материи, но главная нужда была не в одежде, а в еде. Люди начали пухнуть от голода, особенно дети. Мать делала всё возможное, чтобы спасти нас от голодной смерти. Часто, просыпаясь, мы видели её в слезах на коленях пред Господом. Старшая сестра в это время вышла замуж, но это не решило семейную проблему. Мать собирала самые хорошие вещи, оставшиеся после войны, складывала, упаковывала и уходила на железнодорожную станцию. А там было много таких же голодных людей, ищу-

щих возможности уехать в Западную Украину и выменять эти вещи на продукты – картошку или крупу.

Когда мама возвращалась – в доме был большой праздник. Правда, однажды пришлось есть картошку, от которой был сильный запах керосина... Но Господь дал нам Свою милость, и семья выжила в трудный сорок седьмой год. Все остались живы.

Нелегко было учиться в школе: не было учебников, тетрадей, нечем было писать. Началось охлаждение в поместных церквах. В их жизнь стали вмешиваться люди, совершенно чуждые Богу. Появились инструкции служителям от старших братьев, очень далёкие от истины Слова Божьего. Верующие просто духовно изнемогали.

В старшие классы мне пришлось ходить на большое расстояние, около семи километров. Дома делали всё, чтобы я не бросал школу. Мама говорила: «Я окончила два класса ещё до революции, и как я рада, что могу читать Библию. Пусть сын учится, пусть познаёт грамоту, раз она ему легко даётся». Как-то в школе возник сложный вопрос, и мы решили после воскресного собрания подойти к служителю церкви за советом:

– Дорогой в Господе брат, в школе всех принуждают вступать в комсомол. Что вы скажете, как быть? Если не комсомолец, то дорога учиться дальше закрыта.

Видно было, как этот вопрос смутил его, и ему нелегко было просто и открыто дать ответ. Потом, опустив глаза, сказал:

– Что ж, учись. В церкви тоже нужны грамотные проповедники.

Такой ответ служителя можно было истолковать так: ничего страшного, лишь бы достигалась цель. И неудивительно, что многие из нашей молодёжи ходили, хоть и без комсомольских значков, но с красными книжечками в кармане. Были и такие, которые успокаивали: ничего, мол, страшного, ведь написано же в Библии: «Всё испытывайте, хорошего держитесь». Вследствие такого понимания и согласия с тем,

Мама Лукерья Михайловна

что внедрялось в поместные церкви, начали терять молодёжь. В молитвенном доме появились пустые места.

Организовывались культпоходы и поездки членов церкви на атеистические лекции, в кино. С одной стороны, было видно, как кто-то старался показать, что он работает, и недаром получает зарплату. С другой же стороны, точно так же было видно, кто только место занимает, называясь христианином, будучи ни горячим, ни холодным.

Я окончил среднюю школу, поступил учиться в техникум. Господь был рядом, но не в моём сердце. После учёбы в техникуме я работал в Одесской области. Пришло время и, согласно закону, меня должны были призвать на службу в армию. Но – удивительное Божье вмешательство, и я был определён в запас второй категории – не годен к строевой

С мамой и сестрой Меланьей

С мамой и племянницей

Среди верующей молодёжи с. Билозирье (первый справа)

Среди верующей молодёжи с. Билозирье (второй справа, рядом – брат Вася Чосенко)

службе в мирное время. У меня была обнаружена язвенная болезнь двенадцатиперстной. Пришлось отложить диплом в сторону и устраиваться на работу на Черкасский завод искусственного волокна, сокращённо «ЗИВ», который как раз готовился к пуску.

Я познакомился с молодым приближённым братом Васей. Вместе ходили на собрания в Черкасскую общину ЕХБ, вместе посещали молодёжные собрания. Так как оба мы были приезжие, то пришлось нанимать частную квартиру. Мы с Васей много беседовали, планировали наше будущее. А вокруг была духовная зима. Всё нуждалось в пробуждении. Наши юные сердца жаждали перемены в церковной жизни. Бог находил отдельные души, которые всё понимали и горячо молились Богу о пробуждении.

Часть 1 Глава 5

Молитва в камере

Тюремная жизнь имеет свои особенности. Новый день начинается с подъёма. В коридоре раздаётся команда: «Подъём! Всем подняться». Когда двери открывались, все быстро бежали в туалет, а дежурный по камере с помощником должны были выносить «парашу». Затем следовала проверка.

В камеру заходил дежурный офицер, все должны были построиться в ряд возле нар. Когда проверяющий зачитывал фамилию, надо было быстро говорить имя, отчество и год рождения. После этого ожидали завтрака. Когда в коридоре раздавался звон посуды, все выстраивались возле окошка в двери, так называемой «кормушки». Вначале подавали пайки хлеба по количеству людей в камере, а потом – миски с похлёбкой. Утром на каждого заключённого давали по полтора кусочка сахара-рафинада и по кружке кипятка. Каждый брал свою порцию и садился за стол. Дежурный принимал пайку тюльки на всех. Стоял сплошной шум и гам. Когда я первый раз, молясь, просил благословения на пищу, Гришка прикрикнул на всех:

– Да тише вы, разгалделись!

Позавтракав, занимались кто чем. Иногда звякали ключи, дверь открывалась, и называли чью-то фамилию – это значило, что вызывают на допрос. Когда в очередной раз дежурный выкрикнул:

– Шепель, на выход!

Кто-то подсказал:

– Это на пианино играть.

Как я узнал позже, вызывали снимать отпечатки пальцев.

Где-то после обеда ко мне не очень смело подошёл молодой парень по имени Богдан:

– Можно поговорить? Не помешаю?

– Пожалуйста, садись поближе, – ответил я.

Он тихо начал рассказывать свою жизненную историю. Сам он родом из Западной Украины. Мать – верующая, сёстры – тоже. Оказавшись на Черкасщине, попался на мелкой краже в одном магазине. Теперь идёт следствие и, по-видимому, скоро будет суд.

Мы с ним долго беседовали. Я рассказывал ему о жизни нашей молодёжи. Было видно, что в нём начиналась борьба. Слово Божье через Духа Святого сокрушало его сердце. Я, молясь, просил Господа, чтобы Он даровал ему победу над грехом и диаволом через глубокое, сердечное раскаяние. Беседы продолжались, и однажды, когда было объявлено «На прогулку!», Богдан подошёл ко мне и сказал:

– Николай, я хочу покаяться.

Когда все вышли во дворик, где каждый старался провести время в движении, мы отошли в сторонку, и он искренне, со слезами просил Господа, чтобы ради Голгофской жертвы Бог простил его, большого грешника, и принял, как блудного сына.

После покаяния Богдана нас тянуло к общению друг с другом, и мы много времени проводили вместе в беседах на различные темы. Его интересовал вопрос о крещении. Он был удивлён, что это является заповедью Христа. «Кто будет веровать и креститься -спасён будет, а кто не будет веровать – осуждён будет» (Мр. 16:16). Я советовал Богдану сразу же после освобождения принять крещение и служить Господу. Как мы предполагали, срок у него должен быть небольшой. Богдан записал себе адреса друзей, которые ему вскоре пригодились.

Через несколько дней меня вызвали на первый допрос к следователю, То, что он объявил, меня очень обеспокоило и опечалило. Кроме меня, уголовное дело открыто на Чосенко

Василия и Жученко Нину. Они арестованы и взяты под стражу. Я понял: нас троих будут судить по групповому делу.

Я попросил следователя, чтобы он разрешил матери передать мне в тюрьму нужную одежду и забрать ту, которая не подходит. Он сказал коротко:

– Пиши записку, я передам.

На этом первая встреча закончилась. Я понял, что это было просто знакомство: следователя интересовали вопросы моей веры. После этой встречи было о чём поразмышлять: обстановка осложнялась, ведь были арестованы мои друзья, самые активные в служении. Тактика КГБ прояснялась: они делали это по многим городам, районным и областным центрам, собирая материал на активных членов церкви, а затем передавая дело в прокуратуру.

Целью было – открыть уголовные дела, осудить и изолировать неугодных им активистов среди верующих, так называемых «раскольников», которые не соглашались идти на сделку с государством. Таким методом они надеялись покончить с религиозным инакомыслием в Черкассах и Черкасской области. По всему было видно, что следствие затянется не на один месяц, и не исключено, что будут искать, кого бы ещё посадить из верующих других церквей области. И, таким образом, покончить с «раскольниками» и отчитаться перед высшим партийным начальством, что с «проблемой» в Черкассах и области покончено. Но в Библии сказано: «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55:8-9).

А мы всё в нашей жизни доверили Господу. Тучи испытаний сгущались. Вера и упование на Господа должны быть испытаны, ведь духовный Божий закон непреложен: «Большим Божьим благословениям предшествуют большие испытания». Приближались праздники: Рождество Христово и Новый 1964 год. Приближался и день моего рождения – восемнадцатое декабря.

В камере по вечерам было много рассуждений о жизни, о Боге, о справедливости. У каждого было своё понимание,

часто зависящее от личных переживаний и проблем. Многие попали в эти места просто по глупости, некоторые – из-за пьянки. Особенно выделялась группа молодых ребят из Черкасс. Среди них был Виктор Ш., который всё время занимался спортивными упражнениями, искал приключений, насмехался над другими. Рассказывали о нём, что он сидит вместе с дружками за хулиганство. Они устроили побоище между враждующими группировками молодёжи.

Камеру №16 надзиратели, по всей видимости, взяли под особое наблюдение, да и из службы безопасности об этом тоже побеспокоились. Эти предположения подтвердились чуть позже. А пока в камере начали привыкать, что после отбоя Николай будет молиться, и для меня это было большой победой в духовном плане над силами тьмы. Но победы никогда не даются легко, и наша вера бывает испытана.

Началось с того, что после отбоя, когда все уже были на своих нарах, я, преклонив колени в молитве к Богу, почувствовал, что в камере что-то происходит. Под шёпот и насмешки кто-то в мои сложенные во время молитвы руки воткнул крестик, сделанный из прутьев веника. Закончив молиться, я спокойно, без единого слова, положил крестик на стол и лёг на своё место. Все тоже молчали.

Днём об этом никто не вспоминал. На следующий вечер искушение повторилось, и во время моей молитвы кто-то аккуратно положил мне на голову раскрытую книгу «Уголовный кодекс». Так она и лежала, свисая на обе стороны головы, пока молитва не была закончена. Некоторым в камере такое развлечение понравилось, и они, наблюдая за происходящим, хихикали. Сердцем я понимал, что происходит не только человеческая забава, но идёт большая духовная борьба, и если бы в одно мгновение открылись глаза, как по молитве Елисея открылись глаза его слуги, то тогда всё стало бы понятно.

На следующий вечер последовало продолжение, и меня, спокойно молящегося, с ног до головы накрыло одеяло. Но, как и раньше, всё прошло спокойно. Я, стоя на коленях, тихо молился Богу под покровом одеяла, которое не создавало

никаких преград для молитвы. Но даже тем, кто не желал участвовать в этом кощунстве и смеяться над молящимся человеком, удержаться было нелегко. После молитвы я спокойно снял одеяло и аккуратно положил на скамейку. Трудно сказать, когда закончилось бы это испытание, если бы не случай, отрезвивший всю камеру, которая стала смотреть на всё это другими глазами.

Это было очень схоже с ответом на молитву Елисея, человека Божьего. На следующий вечер всё было, как и прежде: после отбоя все на нарах, а я – один у стола на коленях в молитве. Слышно было, как по коридору проходит дежурный и проверяет обстановку в каждой камере, заглядывая в глазок. Вот он остановился возле двери камеры №16. Открылся глазок, он долго наблюдал за необычной для него картиной. Проработав в этой системе уже не один год и повидав всякое, он ещё никогда не видел в камере человека, склонившегося на колени в молитве. Звякнули ключи, скрипнула открывшаяся дверь и, нарушая уставной порядок, он вошёл в камеру, осматривая меня со всех сторон. Заглянул в лицо: глаза были закрыты, руки сложены на груди, а губы беззвучно шевелятся. Обратившись к заключённым, он тихо спросил:

– Что это такое?

Кто-то так же тихо ответил:

– Он верующий, и теперь молится.

Надзиратель быстро ушёл. Что он делал, можно было только догадываться, но в коридоре уже был слышен топот ног – это бежала оперативная группа. Вот они остановились, отворилась дверь, и группа людей в форме обступила меня, молящегося. Они разговаривали между собой, выясняли что-то у заключённых, тогда как я продолжал молиться. Вдруг кто-то резко скомандовал:

– Встать! Как фамилия?

На эту команду с моей стороны не последовало никакой реакции. Тогда все гурьбой вышли за двери и опять стали наблюдать в глазок, по-видимому, решая, что же им делать, или

надеясь, что молящийся быстро встанет с колен. Но в камере всё было, как и прежде. Тогда за дверью прозвучала команда:

– Взять!

Двери с шумом распахнулись, и вбежавшая опергруппа подхватила меня под руки и поволокла по камере в коридор. Дверь камеры с шумом захлопнулась. Офицер в чине майора требовательно уставился на меня:

– Фамилия?

– Шепель Николай Емельянович, 1938 года рождения.

– Почему нарушаешь режим тюремного содержания?

Я спокойно ответил:

– Я не нарушал режима тюремного содержания. Я молился.

Майор в гневе продолжал кричать:

– Тебя посадили в тюрьму, а не в церковь! Ты нарушитель, и будешь наказан! Я запрещаю тебе молиться.

– Я – верующий человек. В тюрьме нахожусь за верность моему Господу. И, да будет вам известно, молился, молюсь, и буду молиться, – всё так же спокойно ответил я.

– Всё! В камеру!

Двери открылись, и сразу же закрылись за мной. В камере была гробовая тишина. Я, лёжа на нарах, рассуждал о происшедшем, а на сердце было спокойно. Ощущалась неописуемая радость, небо стало ближе, и как будто где-то рядом пели ангелы. Да, это была ещё одна победа в духовном мире. На память пришли слова христианского гимна, и знакомая мелодия отозвалась в сердце:

О Боже, Боже, дай мне силы
За ближних душу полагать,
И в сердце вечно, до могилы,
Врагам обиды все прощать.
Не дай мне с ложью примириться
В суровой жизненной борьбе,
И научи меня молиться,
Молиться пламенно Тебе.

Часть 1 Глава 6

На молодежном общении

Брат Вася работал мотористом на компрессоре в строительной организации. Дома, умываясь и переодеваясь после работы, он спросил меня:

– Как у тебя дела?

– Думаю, буду работать на заводе, – ответил я. – Сегодня был в отделе кадров. Сначала у меня спросили трудовую книжку, на что я сказал, что у меня её нет. Была у меня справка о том, что три года назад я работал в Черкасском аэропорту заправщиком самолётов, но где-то затерялась. Потом учился в техникуме. Я показал свой паспорт и диплом. Начальник отдела кадров, женщина, долго смотрела мои документы, о чём-то раздумывая, а потом сказала, чтобы я написал заявление, взял одноразовый пропуск и пошёл в цех водоснабжения поговорить с начальником. Если он не против, то меня примут дежурным аппаратчиком.

– Ну и как, понравился тебе завод?

– Да! А если бы и нет, сам понимаешь, какое у меня сейчас положение. Надо хоть где-то зацепиться, или же придётся уезжать из Черкасс.

– Нет, уезжать тебе не надо, – сказал Вася. И вдруг оживился, улыбаясь и потирая руки: – Сегодня нас пригласили на молодёжное собрание. Оно будет вечером в частном доме. Должна сойтись молодёжь для разбора Слова Божьего. Но об этом поговорим позже, а сейчас расскажи, что у тебя было дальше.

– Ну, что... – продолжал я, хотя мысли уже были на молодёжном. – Прошёл я через всю территорию завода: всё разрыто, разворочено, шум, стук, сварка искрит... Спрашиваю, где же цех водоснабжения, а рабочие показывают, что надо идти дальше, в конец территории. Показали мне цех приготовления растворов для очистки и смягчения воды. Начальника цеха не было – он где-то на повышении квалификации, учится. Его замещает женщина, Андержанова. Я поздоровался, представился, кратко рассказал о себе и подал ей заявление. Она прочитала заявление и, глянув на меня, спросила:

– Что, будете у нас работать?

– Да, – ответил я.

Тогда она тут же наложила резолюцию на уголке заявления: «Прошу отдел кадров оформить аппаратчиком в цех водоподготовки, по четвёртому разряду». Ну, вот и всё.

– Нет, ещё не всё. А что сказали в отделе кадров? – не успокаивался Вася.

– В отделе кадров быстро оформили бумаги. Дали разрешение на выписку пропуска, и через три дня я могу выйти на работу.

– О, это другое дело. Поздравляю! Поедешь навестить мать?

– Да, надо поехать в село к родным. Расскажу, что устроился на работу, да и взять что-нибудь из продуктов – на первый случай.

Вася прошёлся по маленькой комнатке и сказал:

– Ты знаешь, у меня есть ещё одна радостная новость. Поговорил я с верующей сестрой, Клавой, и она согласилась сдавать нам одну комнату в их доме. Дом у них большой, по улице Энгельса. Чуть ли не на перекрёстке с Октябрьской. У них небольшая семья. Муж, правда, неверующий, а она уверовала не так давно. Место подходящее, завтра зайдём, посмотришь. А сейчас надо готовиться к молодёжному общению.

В селе, где я жил, не было ни молодёжных собраний, ни разбора Слова Божьего. До моего поступления на учёбу в техникум один брат собирал молодёжь и подростков. Звали

его Иван Фёдорович. Цель его была – любой ценой удержать молодёжь. Из этих простых сельских общений мне запомнилась форма изучения Слова Божьего, когда кто-то из молодёжи вытягивал карточку с номером стиха из 118 Псалма и потом зачитывал его, и все рассуждали, кто как мог.

Помню, один брат никак не решался прочитать стих, который ему попался, смущаясь даже назвать его. Потом его всё-таки уговорили, и он сказал:

– Стих 120-й. «Трепещет от страха Твоего плоть моя и судов Твоих я боюсь». Кто-то из друзей сразу же заметил:

– Вот видишь, как всё правильно. Ты должен бояться греха, ибо Бог будет судить за всякий грех. Теперь, кто самый храбрый, называй следующий номер.

Этим храбрецом оказался Петя. Он любил играть на баяне и петь. Он встал.

– Ну… Ну… – потом оглянулся по сторонам, и сказал: – Мне достался последний.

– Последний стих – 176, – подсказала сестричка.

– «Я заблудился, как овца потерянная: взыщи раба Твоего, ибо я заповедей Твоих не забыл».

Все смотрели на Петю, улыбаясь:

– Вот видишь, как предупреждает тебя Господь.

Тогда он ещё раз прочитал концовку стиха: «Ибо я заповедей Твоих не забыл».

Когда начало темнеть, мы с Васей, приодевшись, как могли, взяли свои старенькие Библии и, помолившись, вышли на улицу. Пройдя несколько кварталов, мы оказались на улице Шевченко. Подойдя к автобусной остановке, где стояло несколько человек, я спросил:

– Брат, а далеко до того места, где будет проходить общение?

– Когда подойдёт первый автобус, мы поедем в другую сторону города от центра, а там увидишь.

Через 15 минут мы вышли на остановке и направились по слабоосвещённой улице в сторону Днепра. Подойдя к калитке дома, мы обнаружили, что она заперта, и постучали в окно. Нам открыла молодая сестра по имени Вера:

– Пожалуйста, братья, проходите.

Мы вошли в прихожую частного дома, где нам предложили пройти в комнату. Там уже была группа молодёжи, о чём-то оживлённо беседующая.

– Мир вам, друзья! – приветствовал всех брат Вася.

– С миром принимаем, – дружно ответила молодёжь.

Нас пригласили пройти поближе к столу, и беседа продолжалась.

Рассматривая небольшую, но уютную комнатку, я прислушался к разговору. Обсуждались проблемы в поместной церкви: братья церковного совета были против того, чтобы молодёжь собиралась на разборы Слова Божьего, мол, достаточно тех собраний, которые есть в церкви. Вспомнили, что о молодёжи кто-то специально распускает нехорошие слухи, мол, они собираются для того, чтобы потом друг друга провожать.

Спустя короткое время комната была заполнена, и кто-то из старших предложил попросить Божьего благословения на предстоящее служение. Потом спели псалом «Дорогие минуты нам Бог даровал». Брат Вася спросил:

– Друзья, а какую главу мы должны сегодня исследовать?

– Третью главу Евангелия от Матфея, – ответил кто-то.

– Тогда будем читать по два стиха каждый, начиная с сестры Веры, – он посмотрел на сестру, которая открывала нам дверь.

После чтения главы мы рассуждали о том, что такое искушение. Как поступать, чтобы не впасть в искушение? Все пришли к согласию, что если будем отражать искушения, как Иисус Христос – Словом Божьим, то будет победа.

Многие свидетельствовали, делясь опытом личной жизни. Брат обратил наше внимание на то, что Слово Божье нужно знать, чтоб отражать им искушения. А чтобы Его знать – надо читать Библию. Но, к большой печали, не у всех была возможность иметь не только Библию, но даже Евангелие. Некоторые друзья свидетельствовали о том, что уже начали переписывать Евангелие от руки.

Слушая эти рассуждения и искренне стремясь к свету, я ощущал, как сердце моё переполнилось чем-то добрым, неописуемо прекрасным. В голове рождались разные мысли о том, как помочь тем, кто так нуждается в Слове Божьем, в духовном свете.

Позже рассуждения перешли на тему о крещении: как и кого крестил Иоанн, почему крещение принимал Христос, надо ли нам принимать крещение. Когда же коснулись практического вопроса: кто готов принимать крещение, а кто уже крещён по вере в Иисуса Христа, то картина оказалась плачевной. Выяснилось, что некоторые молодые люди, покаявшиеся и заявившие на крещение, находятся в списках уже от трёх до пяти лет, но их не крестят.

– Почему? – вопрос прозвучал как протест. – Что же об этом говорят руководящие братья?

– А что братья... Никто ничего вразумительного сказать не может. Один, правда, высказал такую мысль: «Написано: «научите, а потом крестите», так что пусть молодёжь учится посещать церковь, учится послушанию, ведь крещение не спасает...».

Возник вопрос о списках на крещение: что это за списки, и зачем они нужны? Ясного ответа и объяснения никто дать не мог. Предложили на следующее собрание пригласить кого-то из старших братьев. Некоторые с тревогой возразили:

– Так можно вообще лишиться молодёжных общений, ведь ходят же слухи, чтобы запретить их вообще.

До поздней ночи молодёжь рассуждала над практическими жизненными вопросами. Пробуждение к новой жизни назревало. По дороге домой мы вдвоём с братом Васей продолжали рассуждать. Не всё из услышанного было мне понятно:

– Что это за списки на крещение?

Вася, как мог, старался объяснить:

– Дело в том, что появилось какое-то «Инструктивное письмо», но оно – только для служителей. Говорят, появилось и «Новое положение». Я сам этих документов не видел, но немного слышал о них. Один из братьев союза вроде заявил, что «Инструктивное письмо» для служителей и «Новое

положение» – это два рельса, по которым надо будет дальше двигаться в вопросе домостроительства.

– Ну, а при чём здесь заявление на крещение, и эти письма?

– Не спеши, я ещё не всё сказал. В том-то и дело, что как раз в этом «Инструктивном письме» дано указание, как в церкви надо решать вопросы, также и вопрос крещения. Его надо свести до минимума. Когда пресвитер церкви подаёт список заявивших на крещение уполномоченному по делам религии, то он, просмотрев его, вычеркивает тех, кто моложе тридцати лет.

– Вот это да! Это же неверующий человек! А как же теперь быть тем, кто давно уже ожидает крещения?

– Этот серьёзный вопрос и вызывает конфликты в церкви, особенно между служителями и молодёжью.

– А что же будет, если запретят проводить молодёжные разборы Слова Божьего?

– Трудно сказать сейчас, но, думаю, изучать Слово Божье необходимо, несмотря ни на какие запреты, потому что Христос сказал: «Исследуйте Писания, ибо чрез них вы думаете иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне». Вот почему мне очень хотелось, чтобы ты остался в Черкассах.

Мы подошли к остановке и в ожидании размышляли каждый про себя обо всём услышанном. Потом Вася спросил:

– Ну а как тебе разбор Слова Божьего? Понравился?

– Очень понравился, и скажу откровенно, это как раз то, чего мне так не хватало.

Подъехал автобус. Вместе с другими пассажирами мы зашли, и он тронулся дальше по заданному маршруту. На сердце было приятно и радостно. Псалом, который пели вместе, никак не выходил из головы, и я мысленно его напевал:

Юность светлая, весна ранняя.
Мы её Творцу принесём.
Молодые мы в золотые дни
Лишь для Господа живём!

Часть 1 Глава 7

Беседа с подполковником

...На третий день, после памятного события, во время утренней проверки, в камеру зашёл уже знакомый майор. Теперь, в спокойной обстановке, я рассмотрел его получше. Щупленький, среднего роста человек, голос хриплый, прокуренный. По всему было видно, что прослужил он в системе тюрем и лагерей уже не один десяток лет.

Все стояли в ожидании, выстроенные в одну шеренгу. Деловито пройдясь по камере, он остановился, отыскал список заключённых и начал зачитывать фамилии. Когда дошёл до фамилии Шепель и услышал в ответ: «Николай Емельянович», – то, сделав паузу, пристально посмотрел мне в лицо и сказал:

– Шепель, а ты чего здесь?

– А где же мне быть, гражданин майор? Меня же посадили!

После ещё более длительной паузы прозвучало:

– М... да, проверим.

Он резко развернулся и вышел.

Все поняли, что что-то должно было произойти, но почему-то не произошло. Оказывается, майором был написан рапорт на наложение взыскания на меня за нарушение режима содержания. Меня должны были отправить в подвал, в карцер, но рапорт попал к подполковнику, замполиту

тюрьмы. Он лично решил заняться и провести работу с этим политически неблагонадёжным заключённым. Но об этом стало известно позже.

А в камере №16 обстановка в последние дни заметно изменилась. Прекратились насмешки и подстрекательства со стороны молодых, каждый желал подойти, поговорить наедине о самом сокровенном. После того, как Богдан ушёл на суд, мы молились, чтобы Господь Сам устроил его жизнь. Больше других интересовался вопросом веры Григорий. Однажды он, подсев поближе, сказал:

– Я решил покончить со старой жизнью. Хочу жить, как ты, как живут верующие люди. Ну и ... – он остановился в нерешительности и каким-то особым тоном в голосе продолжил:

– Я решил бросить курить. Можешь заметить, после Нового года я не буду курить. Это так вредно, особенно в тюремных условиях.

До Нового года оставалось больше недели.

– Гриша, это хорошо, что ты решил оставить такую вредную привычку. Но, извини, не могу понять, почему с Нового года?

Он немного смутился от такого вопроса:

– Знаешь, я подумал, что важно будет избрать эту памятную дату. Да вот, думаю немножко приготовиться, потому что бросать будет нелегко. Если бы это было на свободе, то можно было бы купить семечки или кислые леденцы.

Просто жаль было смотреть и слушать этого связанного грехом и пороком человека. Нашу тихую и мирную беседу прервал голос дежурного:

– Шепель! На выход!

Под сочувствующими взглядами сокамерников я оделся. Григорий ободряюще постучал по плечу:

– Наверное, на допрос. Пусть Бог поможет тебе!

Внутренне молясь, я перешагнул порог камеры. Конвоир, который пришёл сопровождать меня, скомандовал:

– Руки за спину, и – вперёд на выход!

Проходя по тюремному двору, я поднял голову и посмотрел на второй этаж. Где-то там окно 16-й камеры. Оно, как и другие окна, было закрыто специальной решёткой. В здании мы остановились возле кабинета с табличкой «Замполит». Сержант постучал в дверь, и после краткого «Войдите!», знаком показал, чтобы я заходил. Открыв дверь и сделав вперёд два шага, я остановился и, стараясь как можно чётче, доложил:

– Заключённый Шепель по статье 209, часть третья, прибыл.

За столом сидел подполковник. Перед этим он беседовал с пожилым человеком крупного телосложения, находившимся здесь же. Повернувшись и измерив меня взглядом с ног до головы, он сказал:

– Можно садиться.

Когда конвоир вышел, после небольшой паузы подполковник спросил:

– Так за какие такие дела, молодой человек, ты оказался в этом учреждении?

– За убеждения, – коротко ответил я.

– Даже… – протянул подполковник с улыбкой. – И что же это за убеждения?

– Я верю в Бога и желаю быть Ему верным.

– В нашей социалистической стране за веру не судят, – возразил он.

– Может быть, по идее и так, но на практике уже многих осудили за это. Иисус Христос сказал: «Гнали Меня, будут гнать и вас…», «Желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы». Таковые были гонимы во все времена.

– Итак, гонимый и благочестивый молодой человек, какое у тебя образование?

– Окончил среднюю школу, техникум, учился в институте в Черкассах, на технолога на вечернем отделении. Теперь же очень ценю образование свыше, и желаю получить его.

Опять наступила пауза. Подполковник посмотрел в сторону пожилого человека, молчаливо наблюдавшего за происходящим:

– Алексеевич, объясните, пожалуйста, молодому человеку его заблуждение: как много он теряет из-за своей веры, и как будет сожалеть об этом впоследствии. Ведь вы тоже когда-то верили, и только после отречения у вас началась полноценная и спокойная жизнь.

Человек, к которому обращался подполковник, наклонив голову, молчал. Я не стал ждать приглашения говорить, и начал первым:

– Христос сказал: «...Надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит. ... лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской...» – и, глядя прямо в лицо подполковнику, я продолжил: – «А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным».

В кабинете наступила гробовая тишина. Молчал старик, названный Алексеевичем, молчал и подполковник, почему-то не решаясь говорить. Может быть, надеялся, что приглашённый что-то скажет. Пришлось мне прервать затянувшуюся паузу словами Христа:

– «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!”, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие».

Голова Алексеевича ещё сильнее поникла. Он так и не проронил ни единого слова. Подполковник встал:

– Ну, всё, на сегодня хватит. Потом ещё поговорим, в другой раз.

Вошёл конвоир, и я, поднявшись со стула, вышел из кабинета. Когда вернулся в камеру, у всех был один вопрос:

– Ну, как? Что было?

Радость победы, дарованная Богом, превышала усталость от напряжения.

– Была интересная беседа в кабинете замполита тюрьмы, – ответил я.

– Ну, и как? Всё нормально?

– Как видите, привели назад в камеру, значит, всё нормально.

Все заулыбались.

Так бежало время, дни сменялись днями, приближался Новый год. Обитатели камеры №16 готовились к его встрече. Навели порядок, подмели, и всё, что можно было, почистили. Молодые ребята начали, фантазируя, украшать новогоднюю ёлку, сделанную из веника. К концу дня в камеру явилась целая группа надзирателей. Кто-то успел только сказать:

– Ребята, шмон!

Это значило – обыск. Но это был особенный, предновогодний обыск. У всех проверили карманы, и не только карманы, но и всё, что можно было проверить. Потом полезли на нары и перевернули матрасы. Молоточком с длинной ручкой простукали все стены, решётку на окне. Заглядывали во все щелочки. Перерыли вещмешки и сумки. В камере пыль стояла столбом. Теперь здесь был полнейший беспорядок. Пострадала и новогодняя ёлка, сделанная из веника. Её просто выбросили в коридор.

Все облегчённо вздохнули, когда надзиратели ушли. Каждый стал потихоньку наводить у себя порядок, и к отбою уже обо всём забыли. Кто-то из новеньких спросил:

– И что они так ретиво искали?

– Как что? Как всегда в таких случаях: всё колющее, режущее, а также красный материал, – ответил Григорий.

– Да ты что? ... Почему именно красный материал?

– Потому, что всегда есть опасность, что кто-нибудь выставит в окно красный флаг. А это компрометирует символику советской власти.

После отбоя все укладывались на свои нары, а возле стола, как и раньше, стоял на коленях молящийся человек. В камере это уже воспринималось, как что-то необходимое. Воистину верно слово: «любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу».

Часть 1 Глава 8

Трудные беседы

...После памятного молодёжного общения разборы Слова Божьего стало проводить всё труднее. Некоторых молодых членов церкви начали вызывать в братскую комнату для беседы. Разъяснительную работу проводили особенно с теми, кто предоставлял свои дома и квартиры для проведения собраний. Когда у старших братьев из исполнительного органа не всё получалось с «увещеванием» (мол, такие молодёжные собрания проводить нецелесообразно и даже вредно), начали открыто намекать на церковное взыскание, вплоть до отлучения за непослушание.

А мотивировка была серьёзная:

– Вы что, хотите, чтобы на двери молитвенного дома повесили замок? Надо считаться со старушками. Вам что, молодым? Давай молодёжное, давай разбор Слова Божьего, но ведь нельзя! Запрещено! Могут арестовать и посадить пресвитера.

На некоторых такая «увещевательная» работа возымела действие. Мест для проведения общений становилось всё меньше, да и число посещающих молодёжные разборы Слова также сокращалось. Но зато определилась небольшая группа ревностных и жертвенных друзей, которые не испугались различных разговоров и угроз. А отлучать их было неоткуда, потому что практически все были в числе вычер-

кнутых уполномоченным по делам религии из списков на крещение.

Так как обстановка в церкви складывалась не очень благоприятная, особенно в отношениях между братским советом церкви и молодёжью, то возникло много непонятных вопросов. Кто-то из друзей предложил посетить старшего пресвитера по Черкасской области, побеседовать и, насколько возможно, уладить проблемы. Когда мы зашли в кабинет, нас любезно приняли и пригласили сесть. Брат сидел за рабочим столом и что-то писал. Вверху, над его головой, висел портрет вождя мирового пролетариата. Посмотрев на него, мы немного смутились. Он поймал наши взгляды:

– Не обращайте на это внимание. Это так надо, для внешних. Сейчас такое время, что по-иному никак нельзя. Этот кабинет посещают разные люди. Какой у вас вопрос?

– Вопрос наш вот о чём: как вы оцениваете то, что братья церковного совета – против молодёжных собраний и проведения разбора Слова Божьего? Это очень отрицательно сказывается на христианской молодёжи, и некоторые даже уходят в мир. Вторая проблема – это вопрос крещения. Многие из молодых ожидают крещения по несколько лет.

– Хорошо, братья. Я постараюсь разобраться во всём, и с Божьей помощью сделать всё возможное. Но вы должны понять и братьев: разве они желают церкви вреда? Если бы вы могли понять, в какое трудное время мы живём... Как трудно братьям отстаивать интересы церкви перед уполномоченным по делам религии. Уже много церквей закрыто. Как трудно отстоять молитвенный дом. У нас в Черкассах в настоящее время верующие могут свободно собираться. Могут также приезжать и посещать богослужения верующие из области. Есть прекрасный хор.

– А почему всегда проповедуют одни и те же три брата, тогда как многие способные проповедники сидят слушателями?

Наступила пауза. По-видимому, брат думал, как лучше ответить:

– Потому, что по-другому сейчас никак нельзя. Проповедуют члены исполнительного органа. И мы, как написано в Слове Божьем, должны за всё благодарить.

– Ну, а как с вопросом крещения?

– Братья, разве крещение спасает? Есть трудности и в этом вопросе. Но главное, сегодня устоять при трудностях и сохранить единство. Подумайте сами, если на молитвенный дом повесят замок, тогда – всё... Тогда никто не сможет принять крещение.

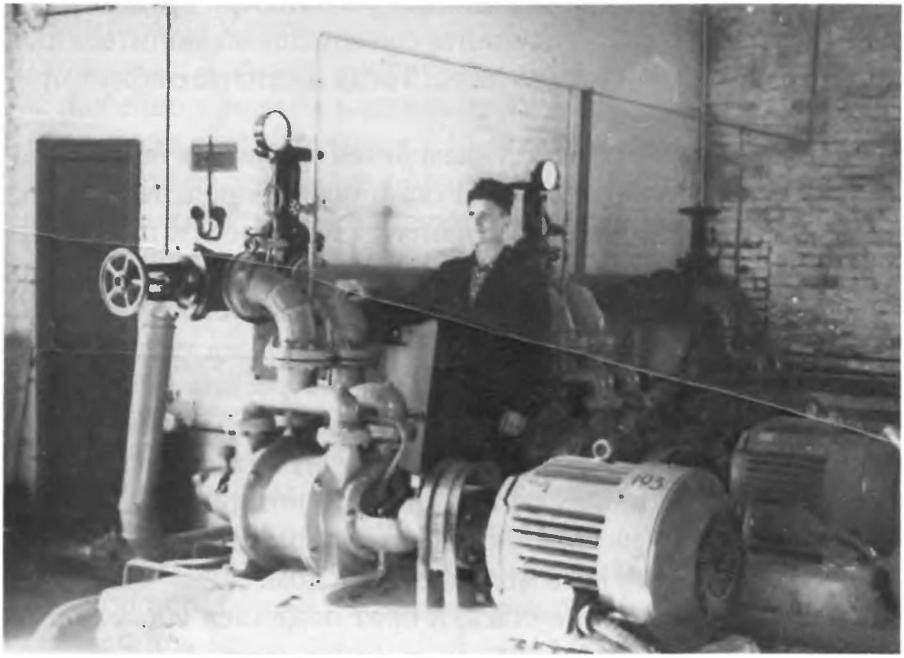
– А как быть с присутствием детей на наших богослужениях? Ведь дети практически остались за пределами церкви. А Христос говорит: «не препятствуйте детям приходить ко Мне». Это же явное нарушение воли Божьей, когда сами братья контролируют присутствие детей на богослужениях.

– Дорогие мои, давайте этот вопрос пока оставим. Родители должны их воспитывать дома в учении Христовом. Они вырастут и придут в церковь, как это сделали многие, как это сделали и вы. Хуже, если не будет куда прийти ни детям, ни молодёжи, ни старым. Давайте потерпим, сохраним единство. Пока я не советую где-то собираться, это приведёт к проблемам. У нас есть молитвенный дом.

Далее беседа не клеилась, и брат поднялся, давая знать, что время для беседы исчерпано. Когда же об этой встрече мы рассказали на молодёжном собрании, было принято решение собираться, а остальное Бог усмотрит.

Тем временем мы с братом Васей переехали на новую квартиру к сестре Клаве. Комната нас вполне устраивала. На заводе я быстро освоил профессию аппаратчика, а когда завод пустили в работу, пошли смены. Такая посменная работа для меня была не очень приятной. Ночные смены сразу же отразились на состоянии здоровья. Заговорила, давая о себе знать, язва. Появились проблемы с посещением собраний, которые проводились уже постоянно. Встал вопрос о переходе на работу в дневную смену, но решить его оказалось не так уж просто. Что же делать?

Однажды во время обеденного перерыва ко мне подсел мой сотрудник – отставной офицер, Саша. Он также работал аппаратчиком, но в зале фильтров. Мы часто с ним встречались в нашей заводской поликлинике. Его также беспокоила язва желудка.



На заводе быстро освоил профессию аппаратчика

– Ты знаешь, Николай, я решил поступать в этом году в Киевский инженерно-строительный институт, на вечерний факультет химической технологии. Его филиал открылся в Черкассах. У нас есть некоторые преимущества при поступлении: во-первых, он не так давно открылся, а во-вторых, мы работаем на химическом заводе. Уже начали принимать документы. Если желаешь – действуй быстрее. Если мы поступим, нас должны будут перевести на работу в одну смену.

– Хорошо, Саша, я подумаю, – ответил я.

Я поехал домой в село и посоветовался с матерью. Она выслушала мои «за» и «против», и дала своё согласие. Брат

Вася, узнав, каким образом может разрешиться вопрос моей работы в одну смену, а вместе с ним – и проблема с моим здоровьем, также одобрил мои действия. Больше, кроме Бога, у меня не было никого, чтобы спрашивать совета.

А в молитве я сказал Господу:

– Господи, если это Тебе угодно, то Ты устроишь всё так, что я смогу сдать экзамены и пройти по конкурсу.

За несколько дней я собрал необходимые документы и отвёз их в приёмную комиссию. Там посмотрели, проверили всё и приняли. После этого я начал готовиться к вступительным экзаменам. Несмотря на большую нагрузку и занятость, я старался не пропускать собрания.

Собираясь на первый экзамен, я, вновь помолившись, сказал Господу:

– Господи, да будет воля Твоя. Как хочешь Ты.

И сам был удивлён результатом. Это был письменный экзамен – сочинение, и я сдал его на четвёрку. Через несколько дней был письменный экзамен по математике, который я тоже сдал на четвёрку. После математики был устный экзамен по литературе – я получил пятёрку. Последний экзамен был главным, по профилю обучения – химия. И опять – пятёрка. Конкурс был не очень большим – четыре человека на одно место. Утром, когда шёл смотреть списки зачисленных на учёбу, я сказал:

– Господи, вот теперь и будет так, как угодно Тебе.

Сердце учащённо билось. В памяти почему-то всплыли слова псалма:

О, скажи, Бог мой, Сам,
Я записан ли там,
В книге вечного царства
Я записан ли там?

И вот, почти в конце списка, увидел: Шепель Н.Е. Облегчённо вздохнув, я тут же поблагодарил Господа.

Осенью, когда начались занятия, мы с Сашей, который тоже поступил, взяли справки из института и написали заявление о переводе на работу в дневную смену в связи с учёбой

в вечернее время. Проблем с переводом не было. Мы были зачислены в бригаду слесарей по ремонту оборудования.

Я решил поехать домой, чтобы навестить мать и привезти ей радостную новость: я учусь в институте по вечерам, и работаю только в первую смену.

Часть 1 Глава 9

Выход – Иисус Христос

Дни пролетали очень быстро. Каждый день с утра – работа на заводе, вечером – учёба в институте, посещение собраний. Но чувствовалась какая-то внутренняя неудовлетворённость, чего-то не хватало в жизни. Очень сильно донимала болезнь. Часто приходилось ходить на приём к врачу в нашу заводскую поликлинику, принимать различные лекарства, а также придерживаться строгой диеты.

Приезжая в село навестить мать, я замечал, как всё ветшает и валится. Обходя с мамой усадьбу, мы смотрели на всё это и составляли планы, а выполнять их было очень трудно. И опять, тихонько заплакав и вытирая кончиком платка слёзы, мать провожала меня на неделю или две в Черкассы:

– Я ожидаю тебя, сыночек, скорей приезжай. Ты видишь, я старею, слабеют силы. До тяжёлой работы руки не доходят...

Поцеловав мать на прощанье, я шагал вперёд, а потом, оглядываясь, видел, как она стояла и смотрела мне вслед, продолжая вытирать платком глаза. Удаляясь от материнского дома, я сдерживал набегавшую слезу и повторял в сердце:

– Мамочка, дорогая моя и единственная, как хорошо, что ты у меня есть, и постоянно молишься обо мне Богу. Как мне хочется тебе помочь и поддержать, но как это нелегко!

А в общине в Черкассах обстановка усложнялась. Образовалась группа так называемой «непокорной молодёжи». Несмотря на все уговоры и даже угрозы, она продолжала проводить молодёжные собрания. Так как с квартирами была проблема, то собрания проводили в лесу, в лесопосадке и других местах. Это было страшным преступлением перед сильными мира сего, нарушением законодательства о религиозных культах. Некоторые братья под строгим секретом передавали, что группой «непокорной молодёжи» начали интересоваться органы государственной безопасности.

В Доме молитвы появились проповеди, в которых осуждалось непослушание. Некоторые братья получили указание строго следить за порядком, детей на богослужения не пускать. Матери вынуждены были оставлять детей на улице, чтобы самим послушать Слово Божье. Некоторые плакали, в сердце своём не соглашаясь с этим.

Непросто было и с приветами, которые обычно передавали гости из других церквей. Когда кто-то из гостей в конце собрания вставал и говорил: «Братья и сёстры, примите сердечный привет от нашей поместной церкви», – брат пресвитер, седой старец, с короткой бородкой, умильным голосом спрашивал: «А откуда вы, дорогой брат, из какой церкви?» Потому что надо было всё чётко докладывать уполномоченному по делам религии. На приём к нему с отчётами надо было ходить часто.

В сердце также назревала проблема. Было знание о Боге с детства, было понимание вопросов служения Господу, был внутренний протест против несправедливости. Но всё это не давало ни радости, ни удовлетворённости, ни мира. Я чувствовал, как невидимая Божья рука направляла меня к чему-то неизведанному, но особо важному. Было трудно. К тому же, часто о себе напоминала и язвенная болезнь.

В тот памятный воскресный вечер, придя с собрания на квартиру, я никак не мог успокоиться. На ум приходили разные мысли, сильно донимала язва. Брат Вася уже спокойно

спал, а мне приходилось мерить и мерить комнату шагами. Не было никакой надежды уснуть.

Шагая из угла в угол, я вспоминал раннее детство, особо трудные годы: как мы с мамой на саночках возили дрова из лесу, чтобы обогреть холодную комнату, как мама водила меня на собрания, моё первое участие в служении. Дети рассказывали декламацию про Давида, Саула и Голиафа. У меня были слова Давида: «Ты на меч свой уповаешь, но в надменности не знаешь, что Господь – мой меч и щит. На Него я уповаю, с Богом льва я побеждал. Он поможет, твёрдо знаю, как Он раньше помогал». Потом – школа. Особенные искушения в десятом классе. Мечта учиться в училище. Но не все мечты сбываются... Как будто какая-то невидимая рука незаметно всё корректировала, направляла и устраивала по-другому. Вместо училища я поступил в техникум.

А сколько было пустых и глупых увлечений по молодости! Но страх Божий удерживал от падений и греховных увлечений. Когда другие позволяли себе нецензурно выражаться, сквернословить, у меня язык не поворачивался на такое. После учёбы на работе в Одесской области, и здесь, в Черкассах, Божья милость, защита и помощь были рядом.

В этих размышлениях Дух Святой просветил меня таким светом, посетил таким умилением, что, казалось, Иисус Христос – рядом, ходит по комнате и беседует со мной. Открылось и стало совершенно ясно, сколько милости Божьей было явлено мне в моей жизни, и как часто я этого не замечал, не принимал. Сколько огорчал Господа, не ценил Его любовь. Сколько раз, казалось, безнадёжно падал, поверженный грехом. А Он, как добрый самарянин, наклонялся надо мною, смазывал елеем мои греховные раны и утешал. Поднимал и ободрял идти дальше, не отчаиваясь.

Слёзы ручьём полились из моих глаз. Я никак не мог их удержать, и только растирал ладонью по лицу. Я не только понял умом, но явно ощутил себя погибшим грешником. Вся моя жизнь, стремления и усилия были направлены в никуда. Дух Святой ясно открыл мне, что конец моих усилий

– это могила. А один-единственный правильный выход из бессмысленности существования – это Иисус Христос, умерший на Голгофе за мою вину и воскресший для моего оправдания.

Внутреннее борение достигло своего апогея: слёзы и пот смешались вместе, а из сердца вырвались слова молитвы: «О, Господи! О, Иисус, помилуй меня, прости бедного грешника, неблагодарного и безнадёжного. Я каюсь и прошу у Тебя за всё прощения...» В ответ на эту молитву сразу же, как будто тихим дуновением, прошла по лицу свежесть поля, и запах колосящейся пшеницы охватил приятным прикосновением.

Всё переменилось в одно мгновение. В сердце и во всём естестве я почувствовал такую необыкновенную лёгкость, что, казалось, мог оторваться от земли и лететь, паря в воздухе. Необыкновенная радость, как волна, хлынула и переполнила всю внутренность. Всем своим существом я понял, что спасён. Непонятная до этого любовь и нежность струились из сердца. Хотелось сейчас же бежать на улицу, обнимать всех встречных и говорить им: «Я спасён, я спасён!»

Под наплывом удивительных чувств, переполнивших сердце, я не мог в молитве как должно благодарить Господа и только повторял: «Иисус, Иисус, Иисус... Ты – мой Господь... Ты – мой Спаситель... Отныне я Твой навсегда. Моя жизнь принадлежит только Тебе». Теперь уже слёзы радости и умиления текли по моему лицу. Христос, казалось, был рядом, и при желании я мог бы прикоснуться к Нему. Его нежность и теплота наполняли меня Божественным миром. Ещё не осознавая до конца, что со мной произошло, я всем своим естеством понял: отныне у меня начинается новая жизнь. Может быть, она будет нелёгкой, но самое главное, что она – с Господом. Теперь всё будет по-другому.

В доме все спали. Время перевалило за полночь. На улице тоже было тихо и спокойно. На небе сверкали звёзды, словно желая заглянуть с высоты через окно в комнату, где произошла удивительная встреча ещё одного блудного сына с Небесным Отцом. Как непрост был мой путь домой, но, слава

Богу, встреча состоялась, и память об этой ночи останется во мне навсегда. Не всё, что Господь делает, теперь понятно до конца, но после, как Иисус обещал Петру, всё уразумею. Он пробуждает к новой жизни, открывает и даёт вечную жизнь.

Вскоре после пережитого было написано моё первое стихотворение. Там были такие строки:

Я желаю отдать своё сердце Тебе,
Властелином будь вечным моим,
Чтоб я плоть победил, пусть в нелёгкой борьбе,
О Тебе возвестил чтоб другим…

Часть 1 Глава 10

Может это ангелы поют?

Тюремная жизнь однообразна. От подъёма – до отбоя, от проверки – до следующей проверки, дни составляют недели, а недели – месяцы. Прогулка по одному часу каждый день. Выходя на этот час во двор тюрьмы, стали замечать, что зима сдаёт свои права, и уже близится весна. Это ободряло и укрепляло в надежде на лучшее. Все нуждались в информации о происходящем на свободе. Готовились к судебному заседанию и тешили себя тем, что, может быть, будет небольшой срок, потом – зона, а в зоне – это уже не то, что в тюрьме. Поэтому многие уже жили надеждой: скорее бы прошёл суд, а там время будет работать на свободу.

Немаловажным был и вопрос, в какую зону попадёшь. Во время прогулок в двориках можно было найти «ксивы», то есть записки, спрятанные в щелочках между кирпичами за цементным раствором, и не найденные надзирателями при осмотре. Когда находили такую записку, то узнавали, кому какой срок дали, и в какую зону отправили. Узнавая, кто из какой камеры рядом на прогулке, перекликались через высокую стену, сверху часто затянутую колючей проволокой. Надзиратели за это строго наказывали и лишали всех прогулки.

Глядя на колючую проволоку над головой, я радовался, что для молитвы и общения с Господом это не является преградой. Шагая из одного конца дворика в другой, вдыхая ароматный воздух весны, я думал: «Господи, на что люди

способны в своём «искусстве»! Даже от неба отгородили колючей проволокой... Но для Тебя и Твоего Слова нет уз».

Зная, что где-то рядом мои друзья, мне очень хотелось что-нибудь от них услышать, но это было недоступно. Оставалась только одна возможность – молиться друг за друга. Придя с прогулки в камеру, я получил неожиданный сюрприз: открылось окошко в камеру, и сержант позвал:

– Шепель! Есть такой?

Сердце радостно забилось от внутреннего волнения:

– Есть!

– Заполняй бланк и распишись вот здесь, тебе передача.

Взяв в руки бумагу и по почерку узнав, что где-то рядом сейчас мать и сестра, я написал: «Ознакомился, всё получил и расписался». После этого открылась дверь, и большую корзину внесли в камеру. Быстро выкладывая всё из неё, я понял, что, по-видимому, скоро будет суд. На свободе легче ориентируются, и в передаче было уже предусмотрено всё необходимое для этапа и жизни в новых условиях. Когда дверь закрылась, я поблагодарил Бога за великую Его милость и заботу. Внимательно осматривая каждый пакет, каждую вещь, я искал хотя бы какую-нибудь весточку. Безусловно, я знал, что это строго запрещалось, вплоть до лишения передачи, и всё же, а вдруг... Было внутреннее побуждение искать, и после тщательной повторной проверки я нашёл маленький, мелко исписанный листик бумаги. Незаметно для сокамерников я аккуратно спрятал записку.

Передача состояла из вещей и продуктов и издавала приятный запах, дышала свободой. Кроме всего, видно было, что и хорошего одеколона не пожалели. Камера наполнилась благоуханием леса. Сокамерники ходили и поглядывали в угол, где было сложено такое богатство. Понимая ситуацию, я решил сразу же всех угостить. Люди по-разному принимали гостинцы, у некоторых не было слов, а только слёзы на глазах.

Мои же мысли были заняты другим: как найти возможность, чтоб незаметно прочитать записку. Я понимал, что

надо спокойно выдержать, сделать паузу, а позже взять газету, и под её прикрытием прочитать. Уже к вечеру так и поступил. В записке было написано, что дома всё благополучно, друзья все бодры и не унывают. Многих вызывали на допрос. В городе Смела также арестовали двоих – пресвитера церкви и активную сестру. Сердце учащённо стучало. Закрыв глаза, я тихо благодарил за всё Господа, а также племянницу Галю – за то, что умудрилась всё же передать эти важные новости. Я долго ещё размышлял над короткими строками, стараясь понять их глубину, смысл и значение.

Приближались Пасхальные праздники. По областной радиотрансляции начались передачи на атеистическую тему. Чувствовалось, что люди по-разному готовятся к празднику Господня Воскресения. Одна из таких передач неожиданно принесла мне ободрение. Ведущая программы сделала вступление о религии, объясняя, что это – опиум для народа, и что сектанты калечат детей. И вдруг зазвучали детские голоса – дети пели христианский гимн, потом рассказывали стих, и опять пели. Мне показалось, что я – где-то на собрании. Можно было распознать, что пели маленькие детки, но голоса у них были звонкие, и в них чувствовалось столько торжества, радости и дерзновения! Когда всё стихло, невозможно было не благодарить Господа за Его чудные планы, за Его Божественный промысел. Поистине «любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу».

Господь ободрил узника Павла на пути в Рим, когда, услышав о нём, тамошние братья вышли навстречу до Аппиевой площади и трёх гостиниц. Какое счастье, что наш Господь вчера и сегодня и во веки Тот же. Он поддерживает и ободряет изнемогающего и никогда не опаздывает.

На праздник Пасхи, проснувшись очень рано, я вспоминал, как мы с друзьями проводили праздничные собрания. Как «внешние», безбожники, стремились всячески помешать: нагрубить, составить акт, чтобы оштрафовать, и любыми другими путями испортить праздник. Но Господь

удивительным образом всё делал так, чтобы даже через это народ Божий больше ободрялся.

В камере было тихо, как всегда горел электрический свет, а на дворе было темно. И в этой тишине, как будто бы слышалось пение, такие знакомые и близкие сердцу слова и мелодия:

О том возрадуйтесь друзья Христовы,
Что Иисус Своими нас назвал.
Христос воскрес, и смертные оковы
Своею смертью ваши Он порвал.

Приподняв голову, я протёр глаза в недоумении: это явь или мне только кажется? Но пение звучит в камере, льётся, как поток с неба.

«Может быть, это ангелы поют?» – промелькнула мысль. Но пение вдруг усилилось, стало громче:

Грех победив, Он воскрес! Он воскрес!
Посрамивши всех врагов небес.
Он восстал, из царства мрака вызвал свет.
Царству Славы вечному предела нет.
Он воскрес! Он воскрес! Аллилуйя, Он воскрес!

Встав с нар, я подбежал к окну, и тогда мне стало ясно, что поют возле тюрьмы. Окно зарешечено, на улице темно, ничего нельзя увидеть. Вдруг всё стихло, но стал доноситься другой шум. Из некоторых окон, которые были невдалеке от нашего окна, долетало:

– Вы слышали пение?

– Да, как красиво пели...

– Очень даже красиво...

Шум был и в коридоре, забегали надзиратели, проверяя порядок в камерах.

Утром, после подъёма, многие вспоминали об этом, и какое-то оживление произошло в зачерствевших душах – как заключённых, так и надзирателей. Ведь Он жив! Он жив! Собой Он смерть попрал! Он пробуждает всех к новой жизни...

Часть 1 Глава 11

Духовное очищение

...После этой памятной ночи, когда состоялась моя настоящая встреча с Богом, жизнь заметно изменилась и, несмотря на трудности и проблемы, наполнилась другим смыслом. Очень сильно обострилась внутренняя борьба. Малейшее искушение отражалось болью в сердце. Часто, ложась спать, я в изнеможении падал на подушку и оплакивал свои плохие мысли и побуждения, которые появлялись в течение дня, и с которыми я вёл ожесточённую войну, до изнеможения.

– Господи, прости меня! Как я сегодня много огорчал Тебя. У меня были нечистые мысли, а Ты Сам сказал, что, кто только смотрит на женщину с вожделением, тот уже грешит в сердце своём. Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя. Я не хочу грешить, но я не могу жить свято.

Через определённое время Господь ответил на мою молитву. Однажды мне в руки попала небольшая брошюра под заглавием «Сердце». Когда я начал её читать, то понял, что это – Божий ответ на мою нужду. Дух Святой осторожно и нежно наводил порядок в моём сердце. Мне стало ясно, что искушение – это ещё не согрешение, а только предложение противника, чтобы человек согласился сделать грех, что-то противное Богу. Страницу за страницей я читал драгоценные Божественные истины, впитывая их, как губка впитыва-

ет воду. В конце было сказано: «Не смотри на свою немощь, но взирай на могущество Его, не углубляйся в мысли о своей скудости, но думай о безмерном Его богатстве. Не смотри на свою наклонность ко греху, но всегда помни Его способность сохранить от него – тогда Господь сохранит тебя».

Как бы ко мне лично обращался автор этой брошюры: «Дорогой брат, как бы хотелось мне знать, какое впечатление произвело на тебя всё мною высказанное? Согласен ли ты? Понял ли ты? Может быть, и понял, и согласился со всем, но этого недостаточно. Мало разумом понять необходимость очищения, надо сердечною верою принять от Бога этот дар.

Преклони колени...

Преклони колени вот сейчас, в эту минуту. Открой сердце своё и прими из рук милосердого нашего Отца этот святой Его дар – духовное очищение».

Когда я поступил так, в моём сердце многое прояснилось, и после слов благодарности Господу в нём воцарился мир. Борьба стихла и, что характерно, искушения прекратились. Дьявол ушёл со своей позиции.

Было жаль, но по сложившимся обстоятельствам пришлось менять квартиру. Нас принял в свою времянку брат по вере Алексей. Мы с Васей поблагодарили Господа за Его милость к нам: мы вновь имели кров над головой. Было и преимущество: времянка давала относительную независимость от хозяев, разрешались и другие проблемы. Время было очень сложное. Среди молодёжи пошли слухи о том, что братьям из церковного совета вручено какое-то «Братское послание». Привёз его из Харькова брат по имени Борис – инвалид, без кисти одной руки. Послание это приняли, и брату пришлось срочно уезжать, чтобы, как говорилось у нас, «не увезли».

Всех интересовало, что же было написано в этом послании, но всё скрывалось от простых членов церкви. Молодёжные собрания после этих событий проводить стало очень сложно – началась открытая слежка. Когда передали, что следующее собрание будет в лесу в Сосновке, целый вечер

в том районе ездил автомобиль ГАЗ-69. Было заметно, что слежка ведётся за некоторыми индивидуально. Место общения приходилось постоянно менять.

Тогда следующее собрание было назначено в другом районе города, в лесопосадке, в субботу днём. Были приняты все меры предосторожности, выставлены наблюдательные посты. На собрание приехала молодёжь из соседних церквей. Вначале разбирали тему «Очищение верующих и их служение». То, что услышали, стало ярким свидетельством о том, что Бог нас зовёт к святой жизни, к послушанию и полной отдаче Ему. Для меня, после недавно пережитого в духовном опыте, это было дальнейшим светом истины, чудным Божьим руководством и ответом на мои молитвы.

У молодёжи было много вопросов, высказываний, рассуждений. Было видно, как каждый проверял себя. Все единодушно согласились продолжить эту тему на следующем общении.

В конце собрания стало известно, что у одной сестры есть «Братское послание», только оно – под строгим запретом, и с ним надо быть очень аккуратным. Тогда решили назначить следующее собрание не в Черкассах, а в пригороде, в частном доме, из которого молодёжь приехала на общение. Также обращалось внимание на трудности, которые сложились в вопросах служения в связи со слежкой.

После заключительной молитвы, когда все начали расходиться, вдруг подошла сестра, и с растерянным видом рассказала, что чуть не наступила на человека, который, притворившись пьяным, лежал в траве. Выслушав её, братья пошли проверить, но никого уже не нашли. Тогда стало понятно, что за «пьяный» появился далеко за городом в лесопосадке.

Часть 1 Глава 12

Знакомство с «уголовным делом»

За чуть ли не четырёхмесячное пребывание в следственном изоляторе меня почти не вызывали на допрос по делу, и сокамерники начали высказывать предположения, что меня скоро должны выпустить на свободу.

– Слушай, да ведь у нас в стране за веру не судят. Конституция провозглашает свободу любой веры, а также и неверия, – говорили они.

– Да, вы правы, свобода неверия у нас не только разрешена по Конституции, но и насаждается всеми возможными и невозможными допустимыми методами. А вот что касается вопроса живой веры и верности Богу, то эту «свободу» мне приходится испытывать на себе, находясь вместе с вами.

Следователь Борисенко, как потом выяснилось, был неравнодушен к спиртным напиткам. Он часто напивался до такой степени, что забывал свою фамилию. Этот человек понял, что сказанное ему мной в самом начале знакомства, подтверждается практикой: ни одной бумажки, ни одного свидетельства я не подписал. Вначале он буянил, злился, приглашал свидетелей на подпись, но потом смирился и перестал добиваться своего. А может быть, ему кто-то из более опытных подсказал, что с этими верующими надо быть поаккуратней, потому что некоторые уже поплатились за свою ретивость. Поэтому вызовы были краткими и формальными – для отчёта.

Последний раз, пригласив меня на допрос, он, злорадно улыбаясь, сказал:

– Ну, что, Николай, скоро будем знакомиться с делом, но ничего утешительного у тебя нет... Ты защитника будешь брать?

– Утешение для меня – мой Господь и Спаситель, и я Его знаю, а вы не знаете. Он же – и мой самый лучший Защитник. Его защиту я испытываю постоянно.

Он с ухмылкой ответил:

– Ну, что ж, посмотрим. Время покажет. Только бы ты не пожалел.

– У меня и сомнения в этом нет. Я знаю, в Кого уверовал, и твёрдо могу сказать, что мы с вами скоро встретимся, правда, в других условиях, – спокойно ответил я.

Смеясь и потирая руки, он ходил по следственной комнате, считая мои слова детским самохвальством:

– Да ты что? Неужели? Ну ладно, как говорится, поживём – увидим.

Лёжа на нарах, я часто вспоминал об этом разговоре и молился Господу, чтобы постыдил нечестивых. Когда однажды утром прозвучала уже знакомая команда «Шепель, на выход!», я понял, что это и есть то, что называется «знакомство с делом».

Оказавшись в кабинете следователя, я безмерно обрадовался, когда через несколько минут после меня его порог переступил брат Вася, как всегда, улыбающийся. Не обращая внимания на следователя и конвой, мы по-братски крепко обнялись, и тут же в краткой молитве поблагодарили Господа за то, что Он хранил нас эти четыре месяца. Следователь, посадив нас за отдельные столики, положил перед каждым по большому тому и сказал:

– Ну, что же, знакомьтесь с вашим «Делом», а потом вот здесь распишитесь, что я не нарушил закон, и дал вам его на ознакомление. Вам придётся всё внимательно прочесть, так что не теряйте времени.

Молчаливо переглянувшись с братом, мы начали знакомство с трудом человека, которому было приказано составить уголовное дело, используя для этого любые средства.

– Если можно, пожалуйста, нам бы бумагу и карандаш для того, чтобы делать заметки, – попросили мы.

– Учитывая то, что вы отказались от защиты – можно.

Читая страницы «Уголовного дела», я понял, как у нас в Советском Союзе не судят за веру. Да, в Уголовном Кодексе ещё не было прямых статей, чтобы осудить верующих, поэтому нам выставили статью 200 пункт 8, где сказано о развращении малолетних. Это было вопиющее беззаконие, и по закону справедливости надо было судить тех, кто задумал это грязное дело. Но что было делать? Терпеливо нести свой крест. Так обвинили нашего Спасителя, так обвиняли Его последователей, так обвинили и нас, причислив к насильникам. Обвинение было построено всего на нескольких пунктах, а остальное были фотографии и свидетельства людей, как верующих, так и неверующих.

Первым обвинением было то, что Шепель, Чосенко и Жученко в городе Черкассы организовали нелегальную религиозную группу Евангельских христиан-баптистов, деятельность которой была направлена на провоцирование верующих, чтобы они отказались от участия в общественной жизни и своих гражданских обязанностей. На молитвенных собраниях верующих присутствовали несовершеннолетние. Некоторые из молодёжи вышли из профсоюза, а подростки отказались носить пионерские галстуки и не участвовали в общественной жизни школы.

Следующим обвинением было то, что обвиняемые распространяли литературу антиобщественного характера, которую получали от руководства оргкомитета верующих по созыву съезда Евангельских христиан-баптистов.

Интересно было читать мужественные свидетельства друзей, которые говорили, что знают арестованных, как примерных граждан, трудолюбивых людей, и если они заслуживают, чтобы их судили, то также согласны быть су-

димыми. Печально было читать свидетельства тех, кто был переполнен страхом и перед Богом, и перед людьми. Их вынуждали давать предательские свидетельства, а они, не имея мужества, выкручивались любыми путями.

Были и явно предательские свидетельства. Их было немного. Жаль было тех, кто их написал. Наша задача заключалась в том, чтобы, проверяя себя перед Господом, простить их, чтобы даже и тени обиды не осталось в сердце. Иисус Христос показал нам пример, чтобы нам идти по Его стопам. И Его молитва: «Прости им, Отче, ибо не знают, что делают», – находила отзвук в моём сердце.

Интересно было посмотреть фотографию нашего лесного молодёжного собрания. На первом плане я узнал себя с открытой Библией в руках, а рядом – дети, среди которых увидел и своих племянников. А дальше – много знакомых лиц. Кто-то удачно сфотографировал, а кто-то предательски передал, а может быть, фото было конфисковано при обыске.

Переворачивая лист за листом, я нашёл свидетельство и своей матери. Слёзы выступили у меня на глазах, когда я читал, как она выражала свою благодарность Богу, что её сын – верующий. Ей жаль, что его несправедливо обвиняют, ибо он был примерным, послушным во всём. Но она рада, что он пострадал за Христа.

Материалов было очень много. Время неумолимо бежало. Я заметил, как брат Вася что-то сосредоточенно выписывает, и подумал: «Он готовит своё заключительное слово».

– Будем делать перерыв, или потерпим до конца? – спросил следователь.

Подумав, решили закончить всё за один день. Дочитав до конца «Дело», мы увидели подготовленное предложение подписать признание своей вины, полностью или частично.

Тогда я заявил:

– Познакомившись с «Уголовным делом», я могу подписать только заявление о том, что нашёл здесь очень много

неправды, а потому, понимая, что меня судят как христианина, за верность Христу, виновным себя не признаю.

Следователю такое заявление не понравилось, и его напускное благорасположение сразу исчезло. Он начал кричать, угрожать, но, по опыту зная, что это бесполезно, пригласил из коридора свидетелей, которые безоговорочно поставили свои подписи, подтверждая, что мы отказались подписывать ознакомление с «Уголовным делом» сознательно, по религиозным убеждениям.

Мы с Васей пожали на прощание друг другу руки, предполагая, что следующая наша встреча состоится в зале суда. В камере, просматривая заметки, сделанные при ознакомлении с «Уголовным делом», я молитвенно предоставил всё Господу, надеясь на Его помощь и защиту.

Часть 1 Глава 13

Беседы об очищении

На воскресном утреннем богослужении присутствовала почти вся активная группа молодёжи. Дом молитвы был переполнен, и молодые заняли места в проходе. Очень красиво пел хор. Многие приезжали к нам, чтобы послушать прекрасное хоровое пение христианских гимнов и посмотреть на искусство регента, управляющего хором. Да, это действительно был талант, и трудно было понять, что больше привлекало слушателей: пение хора или дирижёрские способности регента, или и то, и другое.

В конце собрания проповедовал старший пресвитер по Черкасской области. Как всегда, говорил на украинском языке. Читал текст из книги Псалтирь – псалом 73. Особенно подчёркивал, как враги разрушают Слово Божье: «Рыкают враги Твои среди собраний Твоих». Ударение было сделано на слово «враги», и всем дано было понять, кто они – эти враги. «Показывали себя, подобными поднимающему вверх секиру на сплетшиеся ветви дерева». А теперь надо было посмотреть, что они наделали. «И ныне все резьбы в нём в один раз разрушили секирами и бердышами. Предали огню святилище Твоё... Сказали в сердце своём: «Разрушим их совсем».

Проповедь эта была явно направлена против тех, кто стоял в проходе, и все это хорошо понимали. После собрания все как-то старались обойти молодёжь, стоящую во дворе

под стеной Дома молитвы, чтобы не подать руки и не осквернить.ся. Видя это, кто-то из молодых произнёс:

– Ну, что ж, друзья, надо уходить. Мы здесь явно не нужны.

– Да, не будем раздражать старших и тех, кто боится подать свой голос за истину. Одна из сестёр добавила:

– Так им же внешние пообещали повесить замок на эти двери, если позволят что-то сказать.

Все тихо вышли и, по пути сообщив друг другу о том, где будет следующее собрание, разошлись. Отзвук проповеди ещё долго оставался в моём сознании. Бог же делал Своё дело в моём сердце, хотя было ещё так много непонятного.

Однажды, проснувшись очень рано, как бы сквозь сон я услышал голос, который чётко прозвучал на всю комнату:

– Прочитай место Писания: ...книга, глава, стих.

Со мною случилось точно, как с Самуилом: вначале я не знал, что это такое, и куда мне бежать. Помолившись, я стал рассуждать о том, что бы это могло быть, и как теперь надо поступить. Я долго никому ничего не говорил об этом случае. Прочитав и внимательно исследовав этот текст, я понял, что Бог меня призывает оставить мёртвые занятия и идти на труд, благовествуя Его истину: «Оставь мёртвым погребать мертвецов... не прикасайся к мёртвому». У меня как раз решался вопрос дальнейшей учёбы в институте. Я благодарил Бога за то, что Он удивительным образом меня вразумлял. Мне стало ясно, что воля Божья была в том, чтобы я всё оставил и не жалел об этом.

Ученики Иисуса Христа также оставили всё: и сети, и лодки, кто-то – даже отца, кто-то – службу и деньги. Тогда я сказал в сердце своём: «Господи, да будет воля Твоя! Я не знаю, как у меня сложится дальнейшая жизнь, но Ты знаешь всё. Жизнь моя полностью принадлежит Тебе».

После этого в моём сердце наступил мир. Последний раз я посмотрел свою зачётку, сложил тетради, и решил всё отвезти домой к матери. В молитве же я обратился к Господу:

«Я не знаю, дорогой мой Господь, как меня поймут дома мои родные, но я знаю волю Твою».

В среду вечером мы собрались на собрание в пригороде Черкасс. Горница была приготовлена, собралось много друзей. Опять приехали братья и сёстры из окружающих мест, подтверждая, что Бог расширяет Своё дело. После молитвы и пения было продолжение беседы на тему «Очищение верующих и их служение». Все внимательно слушали, делая для себя заметки.

Готовы ли вы пойти по одинокому пути веры, когда другие скажут: «Не стоит, из всего этого ничего не выйдет». Хочешь ли ты, брат мой, сестра моя, верить, ожидать и молиться? Ты по опыту узнаешь: кто стучится, тому открывают, и вера получит ответ. Будем участвовать в общей духовной работе, чтобы Бог наделил мир новыми благословениями, чтобы за всё была слава премудрому и любвеобильному Отцу и Сыну и Святому Духу.

Примерно таким было содержание беседы, которую мы прослушали на молодёжном собрании. После неё все горячо молились и просили Божьей милости на нашу жизнь и наше служение. Господь был так близко к нашим сердцам! Он призывал нас к пробуждению, к обновлению жизни. Все понимали, что Бог ведёт нас к чистоте и святости в жизни. Он открывает нам путь, которым надо идти, невзирая ни на какие преграды и препятствия – как со стороны мира и сатаны, так и со стороны близких.

После этого мы перешли ко второму вопросу – чтению «Братского послания». Оно произвело ошеломляющее впечатление, открывая, в каком положении находится народ Божий. Там было сказано, что «Инструктивное письмо», принятое ранее старшими братьями Союза ЕХБ, а также «Новое Положение» стали двумя рельсами, ведущими народ Божий в рабство греха, в страшное отступление от истин Господних, в погибель.

Обращалось внимание и на то, что уже долгое время в братстве Союза не проводились съезды, на которых можно

было бы рассмотреть проблемные вопросы и решить их по Слову Божьему через представителей церквей. Поэтому был призыв к подготовке и проведению братского съезда.

Молодёжь задавала вопросы:

– Где можно взять «Инструктивное Письмо» для ознакомления?

– Кто его писал? Кто автор, и почему церковь не поставлена об этом в известность?

– Что собой представляет «Новое Положение»? Каково его содержание?

Но ответы на эти вопросы получить было нелегко. Обстановка складывалась очень сложная. Ясно было одно – народ Божий должен знать об этом страшном отступлении и о замысле дьявола покончить с Церковью в нашей стране.

Что мы практически могли сделать для предотвращения надвигающейся беды? Размножить это послание и поставить в известность о происходящем поместные церкви в нашей области? Но отсутствие печатной машинки затрудняло, вернее, делало невозможным выполнение этой задачи.

Тогда кто-то предложил простой выход из создавшегося затруднения: у нас у всех есть руки и письменные принадлежности, мы все умеем писать. Было решено переписывать письмо вручную. Сразу же нашлись добровольцы на этот труд.

Собрание закончилось поздно. Все расходились ободрённые и окрылённые надеждой на лучшее. Местные друзья с радостью согласились предоставить ночлег тем, кому далеко было добираться домой. Остальные расходились небольшими группами.

Пробуждение росло и набирало силы.

Часть 1 Глава 14

Суд над молодыми христианами

Весна вступала в свои права. Всё вокруг пробуждалось к жизни. Трели птичьих голосов, аромат первых цветов, проникающие через тщательно зарешеченные окна тюрьмы, приносили в камеру ободрение и надежду изнемогшим узникам.

С некоторыми из подследственных уже пришлось распрощаться: их сначала вызвали на суд, а после суда перевели в другие камеры, уже для осуждённых. Так, настало время и Виктору, одному из них, покинуть камеру под номером 16, которая наложила на него свой отпечаток от долгого пребывания в ней. Мы часто с ним беседовали. Когда открылась дверь камеры и прозвучала его фамилия, а также всем знакомая команда: «С вещами!», он всё понял. Взяв сумку со своими пожитками и обведя взором камеру, он сказал, обращаясь ко всем:

– До свидания!

Потом подошёл ко мне, по-братски обнял, поцеловал и сказал:

– Николай, спасибо тебе за всё!

Слёзы появились на глазах у этого молодого, изувеченного жизнью преступника, и, вытирая их ладонью, он направился к дверям, которые сразу же с грохотом затворились.

Сердцем я ощутил, что теперь приближается и моя очередь: одному из старожилов шестнадцатой камеры нужно будет уходить в дальнейший путь, усмотренный свыше. Когда

же наступила ночная тишина, и можно было сосредоточиться в рассуждениях, перед моим сердечным взором открылся суд над нашим Господом Иисусом Христом. Насмешки, унижение, клевета лжесвидетелей, побои и глумления, неистовые крики и требования обезумевшей толпы: «Распни Его, распни!» А вопрос: «За что?» – оставался безответным, как бы зависшим в воздухе. Ибо люди не знали, что делали. Священник же и старейшины говорили: «Он развращает народ». О, как понятен этот путь истинным последователям Иисуса Христа, ибо так сказал Он Сам: «Гнали Меня – будут гнать и вас; ненавидели Меня – будут и вас ненавидеть». Но как слушали Его, так и нас будут слушать. Так было, так есть и так будет до Его второго пришествия. И, когда утром прозвучала команда: «Шепель! На выход с вещами!» – я внутренне уже был готов дать отчёт в своём уповании.

«Воронок» подъехал к тыльной стороне здания суда. Машину постарались подогнать как можно ближе к дверям, по всей вероятности, чтобы не дать мне возможности кого-либо увидеть.

Но практически сделать это было почти невозможно из-за скопления

Незадолго до первого осуждения за веру. Слева – Нина Жученко

людей вокруг здания суда. Собралось очень много верующих, несмотря на все ухищрения с проведением «открытого» судебного заседания.

Вначале нас с братом поместили в разные комнаты. Потом, где-то через полчаса, привели в очень маленький зал суда, который уже был заполнен активистами и специально подготовленными людьми, чтобы кричать: «Распни!»

Увидеть кого-либо из родных или друзей было невозможно, а возле дверей слышался постоянный шум, свидетельствующий о том, что верующих в зал судебного заседания впускать не желают. Для работников милиции и переодетых работников КГБ хлопот было много. В такой обстановке пришлось впервые услышать команду:

– Встать, суд идёт!

Шум не прекращался, так как каждый желал как-то втиснуться в зал, а блюстители порядка оказались бессильными его навести, выполняя указания людей в штатском.

Судебная коллегия состояла из судьи Перекопского, прокурора Зелёного, двух заседателей, общественных обвинителей и трёх защитников. Сначала слово было предоставлено обвиняемым – относительно их доверия суду в проведении судебного разбирательства. И сразу же брат сказал:

– Мы – верующие, христиане. Нас обвиняют за наши убеждения, и потому наш вопрос объективно может решать лишь судья-христианин, или судья, свободный от материалистических взглядов.

Когда был задан вопрос о положенной государственной защите, я решительно заявил:

– Я, Николай Шепель, отказываюсь от защитника, так как я – христианин, и моим защитником является Иисус Христос. Защищать меня по уголовному делу не может юрист-атеист.

Вася и Нина также открыто сказали о своём отказе от защиты. Суд не принял требований обвиняемых, засвидетельствовав, что в нашей стране с самой прогрессивной коммунистической идеологией суд всегда действует объективно,

соответственно Конституции советского государства и уголовного кодекса. А также было, сказано, что верующих юристов у них нет.

Тогда обвиняемые выразили протест:

– Мы не будем отвечать на вопросы, пока нашим родным, а также братьям и сёстрам по вере не будет предоставлено место в зале судебного заседания. Или же слушание должно быть перенесено в другой, более вместительный зал.

Суд попытался игнорировать и это заявление, но после, посоветовавшись, закрыл на этом первый день слушания уголовного дела. Опять – «воронок» и камера №16. Сокамерники расспрашивали, как и что было на суде, но от перенапряжения болела голова, хотелось побыть наедине с самим собой. Вечер и часть ночи прошли в размышлении о прошедшем дне. В памяти всплывали лица родных, друзей. Проверяя себя, анализируя слова и мысли, я стремился к тому, чтобы всё подчинять воле Божьей и не допускать промахов и ошибок, заранее учитывая, что власти организуют судебный процесс как громкое дело, чтобы опорочить верующих и обесславить Бога. Понимал я и то, что многие дети Божьи этот вечер и эту ночь проводят в горячих молитвах и просят помощи и защиты Божьей.

После вечерней молитвы в моём сердце наступил блаженный мир и покой, радость переполнила сердце. Понять это может тот, кто испытал в своей жизни, что значит не только веровать, но и страдать за Христа.

Утром всё началось, как и вчера:

– Шепель, собраться с вещами!

Господь укрепил и физически, и духовно. «Воронок», грубый конвой, тщательная проверка. У нас были отобраны все записи, которые мы делали при ознакомлении с делом. На попытку опротестовать такой произвол никто не обращал никакого внимания. Видно было, как работала хорошо отлаженная служба госбезопасности. В машине нас с братом посадили на расстоянии друг от друга. Запретили даже приветствоваться.

«Воронок» крутился по городу, и трудно было понять, куда везут, но вот, наконец, приехали. Опять машину подогнали близко к дверям. Грозный приказ:

– По одному выходить, не оглядываться, и быстро – вперёд!

Конвой шёл по коридору – спереди и сзади. Дверь была открыта справа. Завели в отдельные комнаты. Да, обстановка новая и пока непонятная. Видно только одно – это не зал вчерашнего судебного заседания.

В комнату зашёл молоденький лейтенант милиции. Подошёл и начал расспрашивать:

– Откуда родом, и за что судят?

Узнав, что из Билозирья, улыбнувшись, сказал:

– Значит, земляк! Так за что же это тебя?

– За веру и верность Богу.

После этих слов он сразу изменился в лице, начал кричать, возмущаться, поносить Бога и меня. Видно было, как злой дух терзает его. Выхватил пистолет, чуть ли не приставил к моей голове, и заскрежетал зубами:

– Если бы мне сейчас дали команду, я бы тебя застрелил...

Пена летела из его рта, лицо исказила страшная гримаса. Поняв, что это такое, я кратко воззвал в молитве к Богу и тихо сказал:

– Да запретит тебе Господь!

Он сразу сник, спрятал пистолет и вышел из помещения. А в моём сердце был полный мир и покой, и какая-то незнакомая чудесная мелодия нежно зазвучала и заполнила всё моё естество.

Конвой, наблюдавший за происходившим, был в немом удивлении. Но вот зашёл офицер и дал команду ввести подсудимых. Только тогда, когда мы переступили порог и из коридора вошли в зал, стало ясно, что судебное заседание будет проходить в зале кинотеатра сахарного завода. Он вмещал около восьмисот человек и был заполнен до отказа. Было много верующих. По проходу мы под конвоем прошли

вперёд к сцене, где стояли столы и стулья для судебного заседания. Были также установлены микрофоны.

Зал гудел, как улей. Все встали. У многих руки были подняты к небу. Каждый верующий хотел сказать ободряющее слово. Но при общем шуме трудно было что-либо понять. Нас усадили на скамейке в первом ряду. Тщательно оградили от присутствующих в зале родных и близких. Вокруг разместился конвой.

Родные были рядом! Я увидел свою мать, сестёр, но подходить к нам им строго запретили, и мы могли только издали обменяться взглядами. И ещё поднять над головой крепко сжатые руки, ободряя друзей и родных. Вдруг шум стих, и раздалась команда:

– Встать! Суд идёт!

В зале начали подниматься, а в это время судья, заседатели, прокурор с общественными обвинителями и защитники, от которых мы отказались, занимали свои места.

Судья Перекопский объявил судебное заседание по уголовному делу открытым. Он представил участников судебного заседания: народных заседателей Филимонову и Кавицкого, секретаря Гаревина, прокурора Зелёного, общественных обвинителей Малюгину, Кольцову и Некраса. Было подчёркнуто, что, несмотря на отказ подсудимых от защитников, они будут присутствовать, так как по советским законам человека без защиты осудить никто не имеет права.

Зачитали статьи и мотивы обвинения, собранные следователем городской прокуратуры Борисенко по статье Уголовного Кодекса 209, часть первая: «Об организации незаконной группы ЕХБ и вовлечение в неё несовершеннолетних». Обвинение гласило: «На протяжении трёх лет (с 1961 по 1963 гг.) обвиняемые Шепель, Чосенко и Жученко организовали и систематически проводили запрещённые собрания верующих ЕХБ, отклонившись от духовного центра в Москве. Не подчиняясь советским законам, отрывая единоверцев от участия в общественной жизни, они проводили свои собрания и проповеди в частных домах, в лесу и лесопосадках. На

этих собраниях присутствовали несовершеннолетние. Под влиянием обвиняемых некоторые несовершеннолетние перестали носить пионерские галстуки и принимать участие в общественной жизни школы. А группа молодёжи вышла из профсоюза, выразив мнение, что это – школа коммунизма».

После прочитанного обвинения перешли к допросу обвиняемых. Дальше привожу протокол судебного заседания.

Судья обратился к Николаю Шепелю:

– Расскажите о своей деятельности.

Подсудимый:

– Меня обвиняют в том, что в пределах города Черкассы я организовал нелегальную группу, направленную на отрыв граждан от общественной деятельности. Смею заявить, что я верующий и организацией каких-либо антиобщественных группировок не занимался, так как это противоречит Писанию. Вместе с другими верующими я посещал зарегистрированную общину, но в последнее время, в связи с внедрением в жизнь церкви антиевангельских документов, подписанных руководством ВСЕХБ, у меня, как и у многих других верующих, возник вопрос, как сохранить верность Господу. Пользуясь законами, как граждане страны, в частности, декретом об отделении Церкви от государства, верующие начали проявлять инициативу и ходатайствовать о разрешении на проведение общественного съезда.

Судья перебивает:

– Вас обвиняют не в ходатайстве о съезде, а в создании на месте группы, направленной против общественной деятельности.

Подсудимый:

– Как не обвиняют? В обвинении прямо сказано о связи с оргкомитетом. Поэтому я и хочу рассказать о нём.

Судья:

– Где находится оргкомитет?

Подсудимый:

– Вы, пожалуйста, не перебивайте. Это – представители Церкви, и конкретного местонахождения у него нет. Но про-

блема в том, что на просьбу верующих, и просьбу законную – нет ответа. Церковь не могла больше оставаться под «вдохновляющим» руководством «Нового положения» и «Инструктивного письма». Отвергая эти греховные документы, она отвергла и инициаторов, внедряющих их.

Вот что я могу сказать относительно оргкомитета. Здесь нет ничего противозаконного, да и не может быть, ибо, по повелению Христа, надо отдавать «кесарево – кесарю, а Божье – Богу». Да, я действительно получал письма и обращения. Меня обвиняют в том, что я писал обращение «Ко всем братьям и сёстрам» и обращение оргкомитета в правительство. Но в этих обращениях затронуты сугубо внутрицерковные вопросы, и никаких призывов к отказу от участия в общественной деятельности нет. Меня обвиняют в том, что я был организатором сборищ. Никаких сборищ не было, ибо верующие, как и неверующие, имеют право на отдых в лесу, только разница в том, как кто его проводит: кто-то – с бутылкой, а кто-то – с Библией в руках.

Меня также обвиняют в том, что якобы из-за моей деятельности некоторые вышли из профсоюза. Это неправда! Профсоюз – это добровольная организация. Я вышел из неё, потому что эту рабочую организацию используют в антирелигиозных целях, назвав «Школой коммунизма» или же «Школой атеизма». Это несовместимо с моими убеждениями.

Относительно «обращений» к верующим, которые были написаны моей рукой – то это вопрос самих верующих, а они, как и другие граждане, по закону имеют право принимать и распространять свою информацию, тем более что она – вне всякой политики. У меня при обыске была изъята записка под названием «Детский вопрос». Да, действительно, детский вопрос меня интересовал, ибо в Евангелии написано о том, чтобы не препятствовать детям приходить ко Христу, «...ибо таковых есть Царство Небесное». Некоторые верующие из-за страха перед безбожниками нарушают повеление Христа. Лицемеры проявляют человекоугодничество, запрещая детям присутствовать на богослужениях и прослав-

лять Христа. Но Христос Сам сказал: «Если они умолкнут, то камни возопиют».

Прокурор перебивает:

– Поскольку мы здесь не ведём дискуссию на эту тему, то прошу суд обратить на это внимание.

Судья:

– Если будете уклоняться от поставленных вопросов и говорить не по существу, мы лишим вас права говорить.

Подсудимый:

– Мне предъявляют обвинение относительно детей, и поэтому я так говорю.

Судья:

– Вы считаете, что дети должны быть одурманены?

Подсудимый:

– Я видел, как некоторые верующие не допускают детей на богослужение, а родители плачут. Кто же одурманен, если мать присутствует на собрании, а дети должны без надзора быть на улице? Это противоречит не только Конституции, где сказано, что родители имеют право воспитывать своих детей в религиозном духе, но и здравому смыслу. Да, этот вопрос меня очень беспокоил.

Судья, с иронией:

– Значит, вы думаете, что на это есть разрешение Президиума Верховного Совета?

Прокурор:

– Скажите, вы подтверждаете свои показания, данные 19 декабря 1963 года, помните?

Подсудимый:

– Да, хорошо помню.

Прокурор:

– Вы подтверждаете?

Подсудимый:

– Да, я подтверждаю, что никаких показаний я не подписал, потому что всё извращено.

Прокурор:

– Я не спрашиваю об этом.

Подсудимый:

– А я отвечаю, что я не подписал того, с чем не согласен.

Прокурор:

– Вы поступали в институт?

Подсудимый:

– Да.

Прокурор:

– Со второго курса вы решили оставить его – это в связи с чем?

Подсудимый:

– В связи со сложившимися трудностями и обстоятельствами.

Прокурор:

– С какими трудностями?

Подсудимый:

– Я узнал, да и читал в журнале «Факты», что верующих исключали из институтов, если они не отрекались от своих религиозных убеждений, и потому ушёл сам.

Прокурор:

– Скажите, ваши родители принадлежат к общине ЕХБ?

Подсудимый:

– Отца у меня нет, он умер, когда мне было полтора года. А мать – верующая, может о себе сама рассказать.

Прокурор:

– Являетесь ли вы членом зарегистрированной общины?

Подсудимый:

– У нас, в СССР, одна треть общин зарегистрированных...

Судья перебивает:

– Отвечайте по существу вопроса.

Подсудимый:

– Отвечаю: я являюсь членом Церкви Христовой.

Прокурор:

– Ответ не получен. А это правда, что вы сожгли комсомольский билет?

Подсудимый:

– Да.

Прокурор:

– Почему вы не отдали его назад?

Подсудимый:

– Мне не предлагали, а я не нашёл это нужным сделать.

Прокурор:

– А профсоюзный билет не сожгли?

Подсудимый:

– Нет, он остался на работе.

Прокурор:

– По чьей инициативе вы собирались в лесу?

Подсудимый:

– Это инициатива всех, кто нуждался в общении верующих.

Прокурор:

– А кто назначал время и место?

Подсудимый:

– У верующих этот вопрос решается просто: любой может предложить, и это будет приемлемо. Руководит верующими Иисус Христос.

Прокурор:

– Вы видели в лесу несовершеннолетних?

Подсудимый:

– Да, видел. В частности, Люба Жук вам сама об этом сказала.

Прокурор:

– Сколько их было?

Подсудимый:

– Я не знал, что вам нужны будут конкретные данные, и поэтому не считал.

Прокурор:

– Вы знаете, что закон запрещает привлекать детей к религии? В «Постановлении» написано, что каждое религиозное общество должно быть зарегистрировано. Вам это известно, и вы согласны с этим пунктом?

Подсудимый:

– Согласно Евангелия и учения Иисуса Христа считаю его несправедливым.

Прокурор:

– Пункт 59 законодательства о религиозных культах гласит (зачитывает): «Религиозные процессии и церемонии под открытым небом допускаются только с особым на то разрешением». А так запрещено. Знаете ли вы это?

Подсудимый:

– Да.

Прокурор:

– А он справедлив?

Подсудимый:

– Я знаю одни справедливые законы – это заповеди Христа.

Прокурор:

– А для нас, прежде всего – это наш закон... Было ли так, что на предварительном следствии вы себя на фото узнали, а об остальных сказали «не знаю»?

Подсудимый:

– Нет.

Прокурор:

– А кто же остальные?

Подсудимый:

– Друзья, верующие. И ещё в Евангелии написано: «Каждый даст отчёт за себя».

Прокурор:

– Среди верующих на фотографии есть мальчик лет девяти, кто он?

Подсудимый:

– Я уже вам отвечал, что не записывал фамилии присутствующих, чтобы потом доложить вам.

Судья:

– Так и запишите. (Продолжает) Вы распространяли обращение к верующим с вопросом о выходе из профсоюза?

Подсудимый:

– Я – христианин, а не политический деятель, и поэтому такими вопросами не занимался.

Судья:

– Скажите, на магнитофон записывали?

Подсудимый:

– Я никакого отношения к магнитофонным записям не имею.

Судья:

– А чей это был магнитофон?

Подсудимый:

– У меня магнитофона не было.

Судья:

– Вы лично писали Хрущёву письмо?

Подсудимый:

– Письмо Хрущёву от верующих я переписывал.

Судья:

– Почему же оно оказалось в ящиках верующих?

Подсудимый:

– Потому что оно и было написано от имени верующих. Обращение от верующих на имя Хрущёва, как руководителя государства, гражданами которого мы являемся.

Судья:

– Зарегистрированные верующие говорят, что они не писали. Так кто же составляет Церковь?

Подсудимый:

– Церковь Христова – это те, кто последовал за Христом, приняв Его своим Спасителем, и кто остаётся верным Ему, невзирая ни на какие трудности, а не те, которые просто называют себя христианами.

Судья:

– Значит, зарегистрированные – не есть Церковь?

Подсудимый:

– Безусловно, Церковь – это не зарегистрированное здание, это – верные Христу души.

Судья:

– Значит, верующие есть и неверные? ... Вы вели борьбу с профсоюзом?

Подсудимый:

– Я – христианин, а не политический деятель. Воевать с профсоюзом – не моё призвание.

Судья:

– Но вы же – за то, чтобы было больше искренних верующих, или чтобы только вы были искренним?

Подсудимый:

– Я желаю, чтобы все приняли Христа и были искренними верующими, пребывающими в Его истине и Его свободе.

Судья:

– Значит, если бы все делали как вы, то не было бы профсоюзов? Кто такой Крючков?

Подсудимый:

– Христианин.

Судья:

– А Шалашов?

Подсудимый:

– Христианин.

Судья:

– Где живёт Крючков, и чем занимается?

Подсудимый:

– Каждый христианин живёт и трудится на том месте, где Бог ему определил.

Судья:

– Нас это не интересует. Государство отделено от Церкви, но кто такой Крючков?

Подсудимый:

– Христианин.

Судья:

– Где он живёт?

Подсудимый:

– Где определил Христос.

Судья:

– Откуда вы знаете, что Крючков и Прокофьев – не самозванцы? Вы знаете, что Прокофьев был дважды судим?

Подсудимый:

– На кресте Христос помиловал раскаявшегося разбойника.

Судья:

– И он сразу стал святым? ВСЕХБ состоит из коммунистов или из верующих?

Подсудимый:

– Христос сказал: «Каждое дерево познаётся по плодам, но горе тому, кто предаёт Сына Человеческого», а также Его дело.

Судья:

– Вы являетесь верующим христианином и считаете правильным вовлекать в веру несовершеннолетних? Почему вы отказываетесь называть фамилии детей?

Подсудимый:

– Я стою не только перед вами, но и перед Богом, и за всё сказанное и сделанное мне придётся отвечать перед Ним.

Суд обращается к Чосенко Василию Авраамовичу.

Судья:

– Скажите, вы понимаете, за что вас обвиняют? Вас обвиняют не за то, что вы верующий.

Подсудимый:

– В обвинительном заключении следователь называл собрание верующих – сборищем, и что мы, якобы, посягаем на права граждан. Посягательств мы никаких не делали. А в произведениях Ленина написано, что граждане имеют право на сходки. Зачем нас, верующих, лишать этого права? Поэтому мы и говорим, что это и есть посягательство на наши права.

Судья:

– Вы говорите не по существу. Вас в этом не обвиняют.

Подсудимый:

– У меня в обвинительном заключении сказано, что я изготовлял и распространял обращения. Это ложь, никем не доказанная. Нас обвиняют в том, что мы посягали на права граждан. Разве это посягательство, если мы вышли из профсоюза, не посещали кино, лекции и прочее. Известно, что всё это – дело добровольное, и преследовать за это – несправедливо.

Судья:

– Вы организовали другую общину?

Подсудимый:

– Нет.

Судья:

– А кто же?

Подсудимый:

– Если Христос не организует, то никто это не сделает, а если Христос организует – никто не разрушит.

Судья:

– Вы сказали, что на фотографии были вы и друзья. Значит, это была группа. Кто же собрал эту группу, назначил время, место?

Подсудимый:

– Никто.

Судья:

– А как же вы попали туда?

Подсудимый:

– Я желал узнать – и узнал.

Прокурор:

– Скажите, принимали ли вы участие в изготовлении обращений? Читали их?

Подсудимый:

– Да.

Прокурор:

– Вы давали кому-нибудь эти обращения?

Подсудимый:

– На такие вопросы я ответов не даю.

Судья:

– Обращались ли верующие к вам с вопросом о выходе из профсоюза?

Подсудимый:

– С политикой не связан и на политические вопросы отвечать не буду.

Судья:

– Вы давали показания, что не согласны с ВСЕХБ.

Подсудимый:

– Да, я не согласен.

Судья:

– А с оргкомитетом согласны?

Подсудимый:

– Да, согласен, по вопросу созыва съезда верующих.

Судья:

– Вы согласны с тем, что говорил Шепель, чтобы дети были верующими?

Подсудимый:

– Согласен, ибо так учил Христос.

Судья:

– Кто отец и мать мальчика на фотографии?

Подсудимый:

– Не знаю.

Судья:

– Почему вы отказываетесь назвать фамилии?

Подсудимый:

– Это моё право.

Судья:

– В одной из изъятых в вашей квартире брошюр речь идёт о сатане. О ком это речь – о нас, неверующих?

Подсудимый:

– Нет.

Судья:

– А кто же такой сатана?

Подсудимый:

– Сатана – это дух, действующий в людях.

Судья:

– Что вы делали в лесу?

Подсудимый:

– Мы, как верующие, читали Библию, так как это – наша духовная пища.

Заседатель:

– А мальчик что делал? Поглощайте сами эту пищу, а детей с собой не берите.

Судья:

– Кто родители этого мальчика и трёх девочек на фотографии?

Подсудимый:

– (Молчание)

Судья:

– Кто был с фотоаппаратом?

Подсудимый:

– Отвечать не буду.

Суд обращается к подсудимой Жученко Нине Павловне.

Подсудимая:

– Здесь много раз упоминалось о том, что нас судят не за веру, но если бы я была неверующая, то я бы здесь не сидела.

Судья:

– Не за веру, а за то, что вы под предлогом религиозного учения занимались антиобщественной деятельностью, распространяли призывы, обращения.

Подсудимая:

– Под каким предлогом? Хотела бы, чтобы эти призывы были зачитаны.

Судья:

– Мы пришли сюда не для того, чтобы заниматься богословскими спорами.

Подсудимая:

– Меня обвиняют в том, что мы собирались в лесу. Это было первого мая, и мы имели право на это, как и другие. Мы же, как верующие, занимались чтением Библии и молились.

Судья:

– Вы снимали копии посланий?

Подсудимая:

– (Молчание)

Судья:

– Вы распространяли духовную литературу?

Подсудимая:

– (Молчание)

Судья:

– Вы на фотографии есть?

Подсудимая:

– Да.

Судья:

– А что это за бумажка у вас в руках?

Подсудимая:

– Просто бумажка.

Судья:

– Да, мы видим, что бумажка, а что там написано?

Подсудимая:

– (Молчание)

Судья:

– А кто эти дети на фото с вами?

Подсудимая:

– (Молчание)

Судья:

– Как вы попали в лес?

Подсудимая:

– «Кто ищет, тот всегда найдёт».

Судья:

– Вот мы и нашли вас. Искали, кто это искалечил душу Люси.

Подсудимая:

– У Люси есть родители, не вам проявлять о ней заботу.

Судья:

– А кто родители этого мальчика?

Подсудимая:

– (Молчание)

Судья:

– И это не лицемерие и не грех?

Подсудимая:

– Я вам неправды не сказала.

Судья:

– (Зачитывает выражение из статьи) «Не будьте трупом среди живых. Каждый дом должен стать домом молитвы, каждая семья – церковью, каждый порог – кафедрой». Вы

сожгли и комсомольский билет, и профсоюзный, а Евангелие вы не сожгли?

Подсудимая:

– Нет, никогда такого не будет.

Судья:

– Почему?

Подсудимая:

– Потому, что там на каждой странице написано о Боге.

Заседатель:

– А вы уважаете Ленина?

Подсудимая:

– Да, как человека.

Судья:

– Почему?

Подсудимая:

– Потому, что при Ленине верующих ещё не судили.

Прокурор:

– Так зачем же вы сожгли комсомольский билет, там же портрет Ленина?

Подсудимая:

– Но ведь это только портрет.

Показания дают свидетели.

Сначала это были учителя девочек Лымарь Люси и Жук Любы. Обвинение в плохом влиянии на девочек со стороны подсудимых они не подтвердили. Потом пригласили свидетеля – пресвитера Черкасской зарегистрированной общины ЕХБ.

Судья:

– Вы знаете подсудимых?

Свидетель:

– Немного знаю.

Судья:

– Что вы знаете по делу?

Свидетель:

– (Молчит, ожидает вопросов)

Прокурор:

– Скажите, какое собрание вы посещаете?

Свидетель:

– Собрание Евангельских христиан-баптистов.

Прокурор:

– А они?

Свидетель:

– Посещали.

Прокурор:

– Все трое?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– До этого вы их не знали?

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– Вы пресвитер?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Вы были допрошены 18 декабря, и сказали, что ваша община имеет 218 членов, имеет молитвенный дом и вы – пресвитер. Потом вы говорили о какой-то отдельной группе.

Свидетель:

– Последние два года эти люди не являются членами общины, хотя и посещали собрания. В церкви начала отделяться группа, не соглашаясь с настоящим положением, и отстаивая право свободно собираться везде.

Прокурор:

– Значит, собираться без регистрации?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Почему вы думаете, что они тоже такие?

Свидетель:

– Это было видно по их письмам.

Прокурор:

– Откуда вы знаете, что они писали эти письма?

Свидетель:

– Я так думаю, потому что они беседовали об этом с некоторыми членами общины.

Прокурор:

– Вы – член профсоюза?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Вам вера не мешает быть членом профсоюза?

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– У вас есть литература? Интересно, требуют ли ваши взгляды сжигать документы с изображением руководителей правительства?

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– Вы читали протокол вашего допроса?

Свидетель:

– Частично.

Прокурор:

– А почему подписали?

Свидетель:

– А как же не доверять?

Прокурор:

– (Зачитывает показания свидетеля) «Эта группа людей была недовольна тем, что на собрания не допускают детей». Вы так говорили?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Откуда такое заключение, что именно они так говорили?

Свидетель:

– Они об этом открыто заявляли.

Прокурор:

– Кто конкретно из подсудимых требовал, чтобы на собрание брали детей?

Свидетель:

– Каждый из тех, кто здесь сидит.

Прокурор:

– Откуда вам известно, что эти люди поддерживают инициативную группу?

Свидетель:

– Это само по себе видно.

Прокурор:

– Вы сами думаете, что не плохо было бы, чтобы дети посещали собрания?

Свидетель:

– Да, но если запрещено, то закон не нарушаем.

Прокурор:

– Кто же инициатор этой группы?

Свидетель:

– В Черкассах группа верующих была создана по инициативе Сотниковой. Она приехала и начала.

Судья:

– (Зачитывает показания свидетеля из предварительных опросов) «Я знаю, что члены этой группы стали заниматься распространением посланий, разъезжали по районам Черкасской области и проводили собрания».

Свидетель:

– Я не говорил, что разъезжали.

Прокурор:

– Содержания отдельных посланий были антисоветского характера, и в них была клевета на советскую действительность, в частности, говорилось, что верующих судят за веру.

Свидетель:

– О том, что антисоветское – я не мог говорить. Неправильно записано.

Прокурор:

– Эти слова последние, почему же вы подписали протокол?

Свидетель:

– Я не читал.

Прокурор:

– Вы читали послания?

Свидетель:

– Читал.

Прокурор:

– Что там было написано?

Свидетель:

– Это воззвание к людям, верующим в Бога.

Прокурор:

– А там было написано, что в СССР судят за веру в Бога?

Свидетель:

– Нет, не было.

Прокурор:

– Как эти послания попали к вам?

Свидетель:

– По почте.

Прокурор:

– Кто прислал?

Свидетель:

– Не знаю. Обратного адреса не было.

Прокурор:

– Значит, это было жульничество? Кто же прислал? Не Совет же Министров?

Свидетель:

– Не знаю, я не видел, кто.

Прокурор:

– А верующие не приносили к вам послания?

Свидетель:

– Да, приносили – по распоряжению уполномоченного по делам религиозных культов.

Прокурор:

– А они откуда брали?

Свидетель:

– Из почтовых ящиков.

Прокурор:

– Назовите, кто приносил обращения?

Свидетель:

– Упырь, Ткаченко и другие, более десяти человек.

Прокурор:

– Значить, десять человек получили обращения. Кому они адресованы?

Свидетель:

– Верующим.

Прокурор:

– Кто писал обращения?

Свидетель:

– Не знаю, кто писал, а подписал Крючков, Шалашов и другие.

Общественный обвинитель:

– Скажите, вы как думаете, в СССР за религию судят?

Свидетель:

– Нет.

Судья:

– Скажите, вы пенсию получаете?

Свидетель:

– Да.

Судья:

– За пресвитерство вас пенсии не лишают?

Свидетель:

– Нет.

Судья:

– Есть ли преследования?

Свидетель:

– Преследований по закону нет.

Судья:

– А в обращении идёт речь о преследовании верующих?

Свидетель:

– Было обращение к правительству, и там сказано об этом.

Вопросы свидетелю задают подсудимые.

Шепель:

– Скажите, вам известно, что в Черкассах организована группа верующих, ведущая антиобщественную деятельность, и я якобы являюсь её организатором?

Свидетель:

– Нет.

Шепель:

– А вы можете сказать – кто?

Свидетель:

– Сотникова Валентина.

Жученко:

– Вы можете сказать, что мы собирались для проведения религиозных собраний?

Свидетель:

– Нет, я не знаю.

Суд обращается к свидетелю.

Судья:

– Вы читали разъяснения оргкомитета по Уставу?

Свидетель:

– Нет.

Судья (читает из Устава)

– О чем здесь говорится?

Свидетель:

– Если бы я читал, я бы ответил.

Судья:

– Но вам же читали? (к Шепелю) – Вы распространяли этот документ?

Шепель:

– Я такого не говорил.

Судья к свидетелю:

– Вы раньше сказали, что такая группа есть, а теперь говорите, что её нет. Где же истина? Уточните, такая группа есть?

Свидетель:

– Я не желаю уточнять.

Судья приглашает свидетеля Сагайдак, члена зарегистрированной общины, 1913 года рождения.

– Какие отношения у вас с подсудимым?

Свидетель:

– Никаких.

Судья:

– Вы с ним не ссорились?

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– На предварительном следствии вы говорили, что в вашей общине появились люди, которые говорили, что верующим можно собираться, где им захочется, и они могут брать с собою детей.

Свидетель:

– Я этого не говорил.

Прокурор:

– А фотографии вам показывали?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Что же вы сказали?

Свидетель:

– Тех людей, которых я знал по имени, я назвал, а фамилий их я не знал.

Прокурор:

– Были ли такие разговоры, чтобы собираться отдельно?

Свидетель:

– Нет.

Прокурор, обращаясь к судье:

– Напомните ему предварительные показания.

Судья читает:

– «Дело, 67-68 стр. До 1962 года наше собрание посещали верующие: Орлова Валентина, Сотникова Валентина, Жученко Нина и парень Василий». Давали такие показания?

Свидетель:

– Давал.

Судья:

– Что потом с ними случилось?

Свидетель:

– Они не стали посещать.

Судья:

– Почему? В комсомол ушли?

Свидетель:

– Не знаю. Мне не известно.

Судья:

– Скажите, у вас в ящике были послания?

Свидетель:

– Были.

Судья:

– Вы их читали?

Свидетель:

– Читал.

Судья:

– Что же там было написано?

Свидетель:

– Не помню, там много было написано.

Судья:

– Ну, а всё-таки?

Свидетель:

– Там было написано, что зарегистрированная церковь неправильно действует, соединилась с государством.

Судья:

– Значит, попала под влияние сатаны? Что вы сделали с посланием?

Свидетель:

– Я отнёс пресвитеру Кучеренко.

Судья зачитывает:

– «Судя по тому, что лица на фотографии №1 и №2, сфотографированные в лесу, читали какие-то книги, полагаю, что они сфотографированы в момент богослужения». Давали вы такие показания?

Свидетель:

– Давал.

Судья:

– Как вы думаете, можно ли собираться в лесу?

Свидетель:

– Мы имеем молитвенный дом, и нам не разрешают собираться за его пределами.

Судья:

– Значит, они нелегальные?

Свидетель:

– Само дело показывает.

Судья:

– Скажите, вам в собрании разрешают проводить разбор Слова Божьего?

Свидетель:

– Да.

Судья:

– А в послании сказано, что не разрешается.

Свидетель:

– Это неверно.

Вопросы свидетелю задают подсудимые.

Шепель:

– Можете ли вы подтвердить существование в Черкассах группы верующих, занимающихся антиобщественной деятельностью?

Свидетель:

– Мне это неизвестно.

Шепель:

– Но вы говорили о какой-то группе?

Свидетель:

– Я говорил о крючковцах.

Шепель:

– И вы их видели в Черкассах?

Свидетель:

– Нет.

Судья:

– А где же эта группа есть?

Свидетель:

– Не знаю.

Шепель:

– Вы сможете доказать, что молодёжь сфотографирована во время богослужения?

Свидетель:

– Сама фотография говорит об этом.

Жученко:

– Вы, говорили, что послания содержат клевету на нашу действительность?

Прокурор:

– Вам следователь читал протокол?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Говорили ли вы, что в посланиях клевета есть на нашу действительность?

Свидетель:

– Я не говорил так. Я говорил, что они против наших руководителей в Москве.

Прокурор:

– А если там написано, что у нас судят за веру, это как?

Свидетель:

– Нет, не судят.

Жученко:

– Подтверждаете ли вы, что в посланиях есть клевета на нашу действительность?

Судья:

– Мы уже выяснили, что есть. У нас не судят за веру, а вы написали, что судят.

Жученко:

– Скажите, пожалуйста, есть ли определённые дни, в которые вы можете собираться?

Свидетель:

– Да, четверг и воскресенье.

Жученко:

– В ваших предварительных показаниях записано по-другому...

Судья:

– Не извращайте вопрос.

Жученко:

– Я не извращаю. Зачитайте: «Собираться в молитвенном доме, кроме четверга, субботы и воскресенья, запрещено, и Слово Божье разбирать – тоже».

Прокурор перебивает:

– Она хочет зачитывать и перекручивать всё. Хочет завести богословский спор. Суд это примет во внимание.

Чосенко:

– Вот вышел новый Устав, и к Уставу разъяснение: можно три раза собираться.

Свидетель:

– Нет, два раза.

Судья:

– Так что, Чосенко, значит, более демократичен? А зачем же вы выступаете против него?

Судья просит пригласить свидетеля по делу Гусятина, 1906 года рождения, члена зарегистрированной общины.

Судья:

– Вы знаете подсудимых?

Свидетель:

– Немножко знаю Шепеля и Чосенко.

Судья:

– Не ссорились?

Свидетель:

– Нет.

– Что вам известно но делу?

Свидетель:

– Я никакого дела с ними не имел.

Судья:

– А письма читали?

Свидетель:

– Сам не читал, слышал.

Прокурор:

– Вы член церкви ЕХБ?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– А эти? (указывает на подсудимых)

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– Были ли они в молитвенном доме?

Свидетель:

– Были.

Прокурор:

– Проявляли ли они там своё недовольство?

Свидетель:

– Нет, там не проявляли.

Прокурор:

– А где же?

Свидетель:

– В других местах я с ними дела не имел.

Прокурор:

– А с другими они говорили?

Свидетель:

– Да, из писем известно, что они проявляли недовольство в отношении ВСЕХБ.

Прокурор:

– Было ли там недовольство относительно детей: что их не пускают в собрание?

Свидетель:

– Не помню этого.

Прокурор:

– А как называется то письмо, которое вы получили?

Свидетель:

– Послание.

Прокурор:

– Там всё – правда?

Свидетель:

– Есть и неправда.

Прокурор:

– Какая? Что они требовали?

Свидетель:

– Закон запрещает брать детей, а они требовали...

Прокурор:

– А что еще?

Свидетель:

– Вообще, проявляли недовольство по отношению к власти и ВСЕХБ.

Прокурор:

– Вы работаете?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Вы член профсоюза?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Вам это ваша вера разрешает?

Свидетель:

– Да.

Судья зачитывает выдержку из ответа на статью «Не будьте трупом среди живых»: «Если бы на столе стояла водка, а вместо Библии – стакан, то нас не тронули бы».

– Вы подтверждаете эти слова?

Свидетель:

– Я всегда читаю, и меня никто не трогает.

Прокурор:

– Значит это – клевета? Можете ли вы читать Библию группой в три-четыре человека?

Свидетель:

– Можем, и в пять, и в десять.

Шепель:

– Что можете вы сказать о, якобы, существующей в Черкассах группе с деятельностью, направленной против власти?

Свидетель:

– Нет, я группы не знаю.

Судья:

– Вы фото видели?

Свидетель:

– Видел.

Судья:

– А кого вы узнали?

Свидетель:

– Чосенко.

Судья:

– В молитвенном доме, или в лесу?

Свидетель:

– В лесу или саду.

Судья:

– Он один там, или с группой?

Свидетель:

– Там несколько людей.

Судья:

– А это разрешается?

Свидетель:

– Нет.

Судья:

– А они, видите ли, требуют, чтобы им разрешили.

Прокурор:

– Если бы вы один пошли и читали Библию в лесу, вам бы запретили?

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– А если собирается группа и это делает, разрешено это?

Свидетель:

– Нет.

Приглашается следующий свидетель, Алексей, член зарегистрированной общины, 1910 года рождения.

Судья:

– Что вам известно по делу?

Свидетель:

– Шепель и Чосенко жили у меня.

Прокурор:

– С какого времени и по какое?

Свидетель:

– С 1961 по 1962 год.

Прокурор:

– А потом уехали?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Вы – член церкви ЕХБ?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– В Черкассах?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– А они? (указывает на подсудимых)

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– Почему?

Свидетель:

– Они не приняли крещения, потому что испытательный срок по законодательству три года, а они не захотели ждать.

Прокурор:

– Письма получали?

Свидетель:

– Получал, два.

Прокурор:

– Как они называются, и кто их подписывал?

Свидетель:

– Названия не помню, а подписывал Крючков.

Прокурор:

– Кто он?

Свидетель:

– Не знаю.

Прокурор:

– А где вы их взяли?

Свидетель:

– В почтовом ящике.

Прокурор:

– Вы – член профсоюза?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Вам платили по больничному?

Свидетель:

– Я не болел.

Прокурор:

– Слава Богу.

Заседатель:

– Вы знакомы с ответом на статью «Не будьте трупом среди живых»?

Свидетель:

– Нет.

Заседатель читает: «Почему нам, верующим, запрещено приходить в гости, петь, молиться, и на день рождения запрещено приглашать своих друзей?»

– Вот вы – верующий. Запрещено ли вам собираться на именины?

Свидетель:

– Нет.

Заседатель:

– Значит, эти строчки – клевета?

Ответа не последовало.

Свидетель Н., 1905 года рождения, член зарегистрированной общины.

Судья:

– Знаете ли вы подсудимых?

Свидетель:

– Частично знаю.

Судья:

– Что вы знаете?

Свидетель:

– Чтобы что-то рассказать – надо быть очевидцем. Что касается посланий – получал. Получал три послания. Первое – не помню. Второе было обращено к верующим, а третье – Хрущёву.

Судья:

– Куда вы их дели?

Свидетель:

– Передал уполномоченному по делам религии.

Судья:

– А вы согласны с ними?

Свидетель:

– Нет.

Судья:

– Почему?

Свидетель:

– Там клевета на наше братство. Сказано, что репрессируют верующих. Кто ведёт себя как христианин, того не судят. Если и были суды за веру, то это при Сталине, но не теперь.

Прокурор:

– Почему вы думаете, что послания прислали подсудимые?

Свидетель:

– Не знаю. Я не сказал этого. Но если они это поддерживают, то они – от них.

Прокурор:

– Вы Крючкова знаете?

Свидетель:

– Не знаю, в гостях он у меня не был.

Прокурор:

– Он присылал послания?

Свидетель:

– Нет, присылали те, кто поддерживает его.

Прокурор:

– А кто его поддерживает?

Свидетель:

– А вот они. (Показывает рукой на подсудимых)

Вопросы задают подсудимые.

Шепель:

– Если всё так, то вы знаете группу, которая занималась антиобщественной деятельностью?

Свидетель:

– Группы не знаю.

Шепель:

– Тогда откуда же вам известно, что собрания проводились в лесу?

Свидетель:

– Это видно по фотографии. Когда меня спросили, что они там делали – я ответил: «Проводили служение».

Судья:

– Вы собирались в лесу с верующими?

Свидетель:

– Были.

Прокурор:

– Что вы там делали?

Судья:

– Библию читали? Как вы думаете, можно читать Библию?

Свидетель:

– Если собрались отдохнуть, то можно, а если другая цель – то преследуется законом.

Чосенко:

– Вы считаете, что мы являемся той группой, у которой другая цель?

Свидетель:

– Да.

Жученко:

– Вы сказали вначале, что будете говорить только то, что видели?

Свидетель:

– А что, вы не собирались?

Жученко:

– А вы были там?

Свидетель:

– Не интересуюсь. Это нелегальное собрание, и я там не был.

Свидетель Вера Яковлевна, 1935 года рождения, член зарегистрированной общины.

Судья:

– Вы знаете подсудимых?

Свидетель:

– Знаю. Знаю, как хороших, честных людей.

Судья:

– Больше ничего?

Свидетель:

– Ничего.

Прокурор:

– Вы – член церкви ЕХБ?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Вы получали письма?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Кто передал?

Свидетель:

– Брат принёс из почтового ящика.

Прокурор:

– Как называется это письмо?

Свидетель:

– Не помню.

Прокурор:

– А что там написано?

Свидетель:

– Чтобы молиться о закрытых общинах, и чтобы была шире открыта дверь для проповеди Евангелия.

Прокурор:

– Об этом письме вас кто-либо спрашивал из верующих?

Свидетель:

– Никто, а когда мне было сказано отдать, я отдала пресвитеру.

Прокурор:

– Ну а ваше мнение спрашивали?

Свидетель:

– Когда спрашивали – я сказала: моё письмо – это Евангелие.

Прокурор:

– А Шепель спрашивал?

Свидетель:

– Ничего не спрашивал.

Прокурор:

– А протокол вы подписывали на предварительном следствии? Там – правда?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– А там были слова, что Шепель спрашивал ваше мнение?

Свидетель:

– Я сказала, что если бы Шепель спрашивал или вы спрашивали бы, я бы ответила то же самое.

Прокурор:

– Нет, там было без «если бы». Может, «слугам сатаны» не надо говорить правду?

Свидетель:

– Я сказала правду.

Прокурор:

– Когда, сейчас или тогда?

Свидетель:

– Я сказала, что если бы и вы и Шепель...

Прокурор:

– Спрашивал Шепель?

Свидетель:

– Я сказала.

Судья:

– Вы с ним разговаривали?

Свидетель:

– Когда ходили вместе в собрание, то говорили.

Судья:

– Ну что же вы говорили по поводу письма?

Свидетель:

– Ничего.

Судья:

– В протоколе записано, что приходилось говорить с Шепелем.

Свидетель:

– Приходилось говорить, и я сказала, что желаю исполнить всё, что написано в Евангелии. А с Чосенко ни на какие темы не разговаривала.

Судья:

– Значит, правильно здесь записано.

Свидетель:

– Да.

Общественный обвинитель:

– Вы сказали, что это хорошие люди. Вы работали с ними или жили?

Свидетель:

– Вместе бывали в собрании.

Общественный обвинитель:

– Часто они ходили?

Свидетель:

– По воскресным дням, когда было возможно.

Общественный обвинитель:

– С какой стороны они хорошие?

Свидетель:

– Как друзья.

Заседатель:

– Вы в лесу не были с ними?

Свидетель:

– Нет.

Шепель:

– Если не сложно, скажите, где я говорил с вами относительно письма?

Прокурор (грубо):

– Это было в собрании.

Свидетель:

– Нет, возле собрания.

Шепель:

– Разговор был вообще о жизни верующих, или конкретно о письме?

Прокурор:

– Я прошу снять этот вопрос. Она уже ответила.

Шепель:

– И я говорил о письме, в котором речь шла против государства?

Свидетель (сквозь слёзы):

– Нет, чтобы молиться о закрытых общинах.

Свидетель Орлова Валентина, 1943 года рождения, верующая незарегистрированной общины.

Судья:

– Вы знаете подсудимых?

Свидетель:

– Знаю, как хороших друзей.

Судья:

– Что вам известно по делу?

Свидетель:

– Спрашивайте.

Прокурор:

– Вы являетесь верующей ЕХБ?

Свидетель:

—Я член Церкви Христовой.

Прокурор:

– Вам предъявляли фотографии?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Вы там есть?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– А кроме вас, были еще люди?

Свидетель:

– Вы сами видите.

Прокурор:

– А может, и не видел. Кроме себя, вы видели других?

Свидетель:

– Отвечаю только за себя, а не за других.

Прокурор:

– Те люди, которые стояли возле вас – ваши друзья?

Свидетель:

– Я готова говорить только за себя.

Судья зачитывает статью 179 об отказе давать показания на суде.

Прокурор:

– Вы – член профсоюза?

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– Были раньше?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Когда и почему вышли из профсоюза?

Свидетель:

– В 1962 году, потому что я христианка.

Прокурор:

– А разве христианам запрещено быть в профсоюзе?

Свидетель:

– В Уставе есть пункт, который призывает бороться с религией. А я не желаю вести борьбу с собой.

Прокурор:

– Профсоюз нанимал лекторов, которые говорили против вас?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– В других общественных организациях вы состоите?

Свидетель:

– Это не касается судебного дела.

Судья снова напоминает статью 179. Но на вопрос относительно членства в ДОСААФ, Красном Кресте, посещений кино, лекций – ответа не последовало.

Прокурор:

– Почему отказались подписывать протокол?

Свидетель:

– Я не пожелала действовать против совести.

Судья:

– Дети на фотографии были, кто они?

Свидетель:

– Я отвечаю за себя.

Судья:

– За братьев не надо, а детки?

Свидетель:

– Отвечать не буду.

Судья:

– Вот эти две девочки… Вы приняли Божий вид и читаете Евангелие… Правильно ли вы делаете, что втягиваете в эти сети детей?

Свидетель:

– Отвечать отказываюсь.

На вопросы о признании законов советской власти и обязанности их выполнять для каждого гражданина ответа тоже не последовало.

Свидетель:

– Моё свидетельство – добровольное свидетельство моей совести.

Судья:

– Добровольно вы можете быть в молитвенном доме, а на суде надо отвечать на поставленные вопросы.

Но на вопросы судьи: была ли в лесу, знает ли имена девочек, читала ли обращение оргкомитета – ответа не последовало.

Шепель:

– Скажите, какое отрицательное воздействие с моей стороны было проявлено?

Свидетель:

– Никакого.

Судья:

– Смотри, как охотно отвечает брату.

Прокурор:

– Квартиру получили от «слуг сатаны» и временную нетрудоспособность оплачивали «слуги сатаны»?

Свидетель:

– (Молчание).

Судья:

– Садитесь, так называемый свидетель Орлова.

Свидетель Оляницкий, 1924 года рождения, член зарегистрированной общины. Его показания ничем не отличались от показаний других членов Черкасской зарегистрированной церкви.

Свидетель, сын пресвитера зарегистрированной общины.

Судья:

– Вы знаете подсудимых?

Свидетель:

– Очень мало. Они посещали собрания несколько лет и изъявили желание принять крещение. Им сказали, что надо подождать три года, они этим были обижены и ушли. Что касается того, что они разъезжали, то я этого не говорил и не знаю.

Прокурор:

– Вы говорили, что вам известно, что отделилась группа людей и собиралась на квартире у Шепеля, и что вам известно о посланиях. Расскажите.

Свидетель:

– Послания я получал.

Прокурор:

– А почему вы говорили, что эта группа собиралась у Шепеля?

Свидетель:

– Я слышал, что молодёжь собирается, но считаю, что преступных действий там не совершалось, а читали и молились.

Судья зачитывает его показания: «В 1962-1963 годах появились люди, высказывающие своё недовольство. В их число входили: Жученко, Сотникова, Шепель, Чосенко, Лымарь и другие».

Судья:

– Давали вы такие показания?

Свидетель:

– Давал.

Судья читает: «В основу их требований входило: крещение без испытательного срока в три года, проповедование без ограничений на усмотрение верующих, право собираться, разъезжать по городам с целью посещения».

Судья:

– Вы говорили это?

Свидетель:

– Говорил, но о том, что они разъезжали – не говорил.

Общественный обвинитель:

– Вы получали письмо, которое начинается словами: «Дорогие в Господе друзья»?

Свидетель:

– Не помню.

Общественный обвинитель:

– Я зачитаю: «С распространением атеизма сатана замыслил истребить Божий народ». Кто у нас распространяет атеизм?

Свидетель:

– Политика партии.

Общественный обвинитель:

– Так кто сатана?

Молчание…

Прокурор:

– Вы газеты читаете?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Кто провозгласил непримиримость двух идеологий – Ленин?

Свидетель:

– Да, а на XXII съезде партии об этом говорил Ильичёв.

Прокурор:

– Там в письме написано, что служители сатаны объявили непримиримость двух идеологий. Как вам это нравится? Кто эти служители?

Свидетель:

– Я считаю, что всякая власть – от Бога, и мы обязаны подчиняться ей, никого не оскорблять. А кто написал, тот уж пусть и ответит.

Прокурор:

– Для вас приемлемо не разграничивать две идеологии?

Свидетель:

– Это политический вопрос, а мы не разбираем эти вопросы. Мы довольны тем, что нам дано право верить.

Свидетель Ткаченко, 1902 года рождения, член зарегистрированной общины. Он давал показания подобно другим. Прокурор объявил, что в зале присутствуют несовершеннолетние.

К столу судьи подвели Лымарь Люсю.

Судья:

– Вот к чему привела их работа (указывает на подсудимых).

На вопросы судьи Люся ответила молчанием.

Судья:

– Выведите её.

Прокурор:

– Прошу внести в протокол, что на все вопросы девочка молчала.

Свидетель Бондарь, член зарегистрированной общины.

Свидетель:

– Подсудимых знал. Ничего общего с ними не имел. Об их деятельности мне ничего не известно. Письма получал. В них – одна клевета. Такие письма могут распространять только крючковцы.

Шепель:

– А что значит – крючковцы?

Свидетель:

– Кто соглашается с их взглядами.

Судья:

– А кто конкретно?

Свидетель:

– Этот, который задаёт вопросы.

Шепель:

– Ведь вы меня не знаете!

Свидетель:

– А за что же вас судят?

Свидетель Богун, член зарегистрированной общины, проповедник.

Судья:

– Вы знаете подсудимых?

Свидетель:

– Чосенко знаю, а остальных встречал.

Судья:

– Что вам известно по делу?

Свидетель:

– Если сказать о Чосенко, так он работал в моём подчинении. Затем у него оказался умственный недостаток, и его перевели в истопники, а затем он был уволен.

Прокурор:

– Вы член ЕХБ?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Что они говорили в отношении своих религиозных обрядов?

Свидетель:

– Не помню.

Прокурор:

– А послания получали?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Там правда была написана?

Свидетель:

– Там было выражено недовольство нашими братьями ВСЕХБ, и тем, что детей не допускают присутствовать на богослужениях. По их мнению – это неправильно.

Прокурор:

– Было ли написано в послании, что в нашей стране судят за веру?

Свидетель:

– Да.

Общественный обвинитель:

– А как вы смотрите на вопрос детей?

Свидетель:

– Нет никакого смысла брать их на собрания.

Судья:

– А вот только что здесь была девочка. Она нам ничего не сказала. Не есть ли это работа этих людей?

Молчание.

Прокурор:

– А ваши дети – верующие?

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– А ваши родители были верующие?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– А учили они вас не отвечать представителям власти?

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– А требует ли ваша вера, чтобы дети не принимали участие в общественной жизни?

Свидетель:

– Я считаю, что каждый гражданин должен выполнять всё.

Свидетелем в зал приглашается член зарегистрированной общины Буценко, 1931 года рождения.

Судья:

– Вы знаете подсудимых?

Свидетель:

– Видел.

Прокурор:

– Получали письма?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– В них правда или неправда?

Свидетель:

– Есть и неправда. Там сказано про наших товарищей в Москве, что они отступили от истины, а это – неправда.

Прокурор:

– А про детей?

Свидетель:

– Сказано, чтобы их приводить в собрание.

Прокурор:

– А вы согласны?

Свидетель:

– Если запрещено, то не надо.

Прокурор:

– А у вас дети верующие?

Свидетель:

– Девочка в первом классе.

Заседатель:

– А если будет в 5-7 классе?

Свидетель:

– Как выучат в школе – так и будет.

В зал суда свидетелем приглашается член незарегистрированной общины Лымарь Ф.П., 1927 года рождения.

Судья:

– Какая у вас семья?

Свидетель:

– Жена и трое детей.

Судья:

– А какого возраста дети?

Свидетель:

– Старшей – 14 лет, второй – 10, и самая младшая – дошкольница.

Судья:

– Вы подсудимых знаете?

Свидетель:

– Что касается Шепеля и Чосенко, то до их ареста я знал их, как честных и правдивых молодых людей. Они не были пьяницами или хулиганами. Может, за время ареста с ними что-то случилось? Я не знаю, за что их судят.

Прокурор:

– Вы член зарегистрированной общины?

Свидетель:

– Я член Церкви.

Прокурор:

– Какой? Живой, Христовой? А зарегистрирована она?

Свидетель:

– Это сугубо церковный вопрос.

Прокурор (показывает на подсудимых):

– Вместе с ними вы были на собрании?

Свидетель:

– Согласно законодательству нашей страны, я, как её гражданин, имею право исповедовать религию и быть, где хочу.

Прокурор:

– А где вы были?

Свидетель:

– Бывал там, где считал нужным.

Прокурор:

– Фотографии вам предлагали?

Свидетель:

– Да, но я на них не смотрел.

Прокурор:

– Дочь ваша верующая?

Свидетель:

– Да. За руку не тащил, но как отец, я должен ей говорить о Боге. (Шум в зале).

Прокурор:

– А в лес брали?

Свидетель:

– Не брал. Можете спросить её саму.

Прокурор:

– Да вы её так воспитали, что она ничего не отвечает. Скажите, как она оказалась в зале суда?

Свидетель:

– Она взяла книги и пошла в школу. Так как было ещё рано – она зашла сюда.

Прокурор:

– А вы ей говорили, чтобы она не шла?

Свидетель:

– Предлагал, чтобы не шла.

Прокурор:

– А откуда она узнала о суде?

Свидетель:

– Она видела мои повестки.

Прокурор:

– Она слушается вас?

Свидетель:

– Да.

Прокурор:

– Почему вы не подписали протокол?

Свидетель:

– Это дело моё.

Прокурор:

– Законы наши уважаете?

Свидетель:

– Уважаю и выполняю.

Судья:

– Как же вы выполняете и не отвечаете на вопросы?

Свидетель:

– Я и так ответил на очень многие.

Прокурор:

– Вы бьёте своих детей?

Свидетель:

– Это семейный вопрос. А вы, как отец, бьёте своих детей?

Прокурор:

– Я не свидетель.

Свидетель:

– Я не бью.

Судья читает выдержку из письма дочери Люси: «Мир Божий да пребудет с тобою, в твоём молодом сердце, дорогой брат во Христе Даня» ... и заканчивает словами: «Бог с тобой, доколе свидимся».

Судья:

– Вы диктовали ей это?

Свидетель:

– Нет. Но я рад, что вы зачитали выдержки из письма. Глупого в нём ничего нет. (В зале – крик: «Забрать у них детей!»)

Судья:

– Она настоящую дружбу заменила Божественным призывом. Что с ней дальше будет?

Свидетель:

– Когда она вырастет, то будет настоящей христианкой. Переписываться я ей не запрещаю.

Судья:

– Вот она пишет записку своей соученице: «Оля, покайся, пока есть время... Бог есть любовь». Тринадцатилетняя девочка, и так вот убеждена, что и других убеждает?

Свидетель:

– Это обязанность не только моей верующей дочери, но всех нас, христиан – свидетельствовать о Господе Иисусе Христе.

В зале крик: «Забрать детей!»

Судья:

– Вот видите, как народ реагирует?

Прокурор:

– Кто научил её писать: «Мир Божий да пребудет...»?

Свидетель:

– Читаем Библию, а там написано в каждом послании Апостола Павла: «Мир Божий да пребудет со всеми вами». У нас в доме Библия лежит на столе и доступна всем. Дочь моя читает Библию. Я её так воспитываю.

Прокурор (с иронией):

– Спасибо вам.

Общественный обвинитель:

– Забрать детей!

В зале – аплодисменты.

Шепель:

– Вы знаете о какой-то антизаконной группе, созданной в Черкассах?

Свидетель:

– Я не знаю и не состою ни в какой группе.

Судья:

– А в лес ходили?

Свидетель:

– В лес пока никому не запрещено ходить.

Судья:

– Вы член общины?

Свидетель:

– Да, я член Христовой Церкви.

Судья:

– Где же она, ваша Церковь, зарегистрирована?

Свидетель:

– Живая Церковь Христа регистрируется у Господа.

Жученко:

– Меня обвиняют в том, что через меня Люся уверовала в Господа и не носит галстук.

Свидетель:

– Нет, она уверовала через меня. Быть пионером или нет – это дело личное.

Свидетель Шумейко Александра, 1939 года рождения, член незарегистрированной церкви.

Судья:

– Знаете подсудимых?

Свидетель:

– Знаю, как хороших людей.

Судья:

– Что же хорошего вы о них знаете?

Свидетель:

– Я недавно уверовал, и хочу вам рассказать, как это произошло.

Судья:

– Расскажите.

Свидетель:

– Я воспитывалась в неверующей семье, но очень желала знать о Боге. Начала читать Евангелие, и уверовала. Как видите, всё так просто.

Судья:

– Когда вы окончили школу?

Свидетель:

– Сейчас точно не помню.

Судья:

– Что же вы всё забыли? Библия закрыла глаза?

Свидетель:

– Что вы, нет! Она открыла глаза. Ибо Христос призывает: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас».

Судья:

– Вы – член общины?

Свидетель:

– Да, я член Церкви.

Судья:

– А где она? Кто руководит ею?

Свидетель:

– Христос. Ибо Он сказал: «Где двое или трое собраны во имя Моё, там и Я посреди вас».

Прокурор:

– Были ли вы на собрании в поле или в лесу, и с кем?

Свидетель:

– Я там бываю, где мне разрешает Библия.

Прокурор:

– А кто вам сообщил – где и когда надо собраться? Назовите фамилию.

Свидетель:

– Нет.

Прокурор:

– Почему?

Свидетель:

– Чтобы увеличить число сирот?

Прокурор:

– А эти люди были с вами?

Свидетель:

– Я отвечаю только за себя.

Прокурор:

– Были ли вы на собрании с подсудимыми?

Свидетель:

– Я разделяю общение с теми, кто любит Бога и ищет Его.

Прокурор:

– А дети были там?

Свидетель:

– За детей отвечают их родители.

Свидетель Устенко И.М., 1942 года рождения, член незарегистрированной церкви.

Судья:

– Вы член профсоюза?

Свидетель:

– Да.

Судья:

– Подсудимых знаете, и кого?

Свидетель:

– Знаю всех.

Судья:

– Что же вам известно о подсудимых?

Свидетель:

– О подсудимых могу сказать, как о честных и хороших тружениках. Меня удивляет, что они здесь находятся.

Судья:

– А кого же посадить на их места?

Возгласы в зале:

– Его!

Общественный обвинитель:

– Вы говорите, что знаете их, как хороших людей. Откуда вы их знаете и на протяжении какого времени?

Свидетель:

– Знаю, а остальное не имеет значения.

Судья:

– Вы собирались с ними на разбор Слова Божьего?

Свидетель:

– Я присутствую там, где верующие собираются.

Судья:

– А на собрания собирались?

Свидетель:

– Я ответил, что имею право присутствовать, где захочу.

Судья:

– Почему Устенко не желает отвечать суду на вопросы?

Свидетель:

– Потому, что не имеет на это внутреннего побуждения.

Судья зачитывает 179 статью Уголовного Кодекса об ответственности за отказ от дачи показаний.

Судья:

– Вы на квартире у Шепеля и Чосенко бывали?

Свидетель:

– Когда меня приглашают, я могу быть везде.

Судья:

– А откуда вы их знаете? Где познакомились и встречались, если сами живёте в Хуторах, а они в Черкассах?

Свидетель:

– Я их знаю, потому что они верующие. Вам это трудно понять. Написано: «Если ходим во свете, как Христос во свете, то имеем общение друг с другом».

В зале смех…

Свидетель Буша Павел, 1945 года рождения, член незарегистрированной общины.

Судья:

– Подсудимых знаете?

Свидетель:

– Да.

Судья:

– Как знаете? Как друзей?

Свидетель:

– Знаю, как хороших граждан.

Судья:

– Может, как строителей коммунизма?

В зале – смех...

Свидетель:

– Нет.

Судья:

– Что же вы знаете по делу?

Свидетель:

– Я их знаю, как хороших братьев.

Судья:

– А её?

Свидетель:

– Как сестру.

Судья:

– А ещё, что?

Молчание...

Судья:

– Вы член профсоюза?

Свидетель:

– Быть или не быть членом профсоюза – дело личное, и законом не преследуется.

Прокурор:

– Спасибо, что напомнили. Так умно отвечает уже несколько человек. Инструкция хорошая.

Судья:

– С какого года вы член нелегальной группы?

Свидетель:

– Я в нелегальных группах не состою.

Судья:

– Но вы – брат его? (Указывает на Шепеля) А он возглавляет её. С какого года вы являетесь членом живой Церкви?

Свидетель:

– Недавно.

Судья:

– Но точнее?

Свидетель:

– Считаю, вопрос не по существу.

Возмущение в зале...

Свидетель Лизогуб Галя, 1938 года рождения, член незарегистрированной общины. Вошла, поприветствовала подсудимых с поклоном, на что судья обратил внимание и сказал, чтобы этот эпизод ввели в протокол судебного заседания.

Судья:

– Вы знаете подсудимых?

Свидетель:

– Да.

Судья:

– Не ссорились?

Свидетель:

– И не думали.

Судья:

– Что вы знаете о них?

Свидетель:

– Знаю, как верующих, хороших друзей.

Судья:

– А ещё, что?

Свидетель:

– Знаю, что Христос пролил Свою невинную Кровь и за них.

Шум в зале ...

Судья:

– А ещё что?

Свидетель:

– Знаю, что они не должны сидеть на скамье подсудимых.

В зале крики:

– Её посадить на скамью подсудимых!

Судья:

– Вы Крючкова знаете?

Свидетель:

– Считаю, вопрос не по существу.

Судья:

– Можете ли вы себя узнать на фотографии?

Свидетель:

– Покажите ... На первой меня нет, а на второй – есть.

Судья:

– Что вы делаете?

Свидетель:

– Стою.

Судья:

– А кто рядом с вами?

Свидетель:

– Если вы узнали меня, можете узнать, кто они.

Судья:

– Кто же был руководителем с лесу, и в каком квартале вы собирались?

Свидетель:

– Квартала никакого не знаю, а руководителем у нас Христос.

Судья:

– Кто же тогда сказал вам, где и когда надо собираться?

Свидетель:

– Это было на 1 Мая, много людей отдыхало в лесу. Я была там по собственному желанию.

Прокурор:

– Чувствуете ли вы себя свободно, не состоя членом профсоюза и работая в бригаде коммунистического труда?

Свидетель:

– Как христианка, я чувствую себя свободной.

После этих свидетелей было ещё несколько человек из числа неверующих. Затем выступили три общественных обвинителя. Они со злобой и яростью обвиняли подсудимых, требуя самой строгой меры наказания. Многие присутствующие, которые были людьми, специально приглашёнными из религиозных организаций, под воздействием таких речей были не менее озлоблены.

Во время перерыва друзья, как только могли, старались ободрить сидящих на скамье подсудимых. Они понимали,

что на месте этих молодых друзей мог оказаться любой христианин, верный Господу.

Близко подходить, что-либо передавать или что-то говорить начальник конвоя строго запретил, угрожая удалить из зала. За присутствующими в зале наблюдали люди в штатском. Особенного внимания удостаивались те, кто во время судебного заседания делали записи. Оценив, что к чему, люди «в штатском» начали вылавливать их. Испытывая большие трудности, друзья делали всё возможное, чтобы записи не попали в их руки.

Из всего происходившего было видно, что судебный процесс проходит по заранее спланированному сценарию. Пресекалось буквально всё, что не входило в планы обвинителей. После выступления навязанных нам защитников мы ещё больше утвердились в том, что защитник наш – только Господь.

Опять был объявлен небольшой перерыв. Слово было предоставлено государственному обвинителю, прокурору города Зелёному. Говорил он долго, действовал на эмоции присутствующих в зале, вызывал чувство патриотизма, любви к земному, а не к небесному, «заоблачному» блаженству. По тону его обвинения можно было сделать заключение, что подсудимым с их верой на советской земле места нет. Оказалось, что они, подсудимые, воспитывались в самой передовой советской школе, ели советский хлеб, ходили по нашей советской земле, но проповедовали чуждые нашему народу идеи, отвлекали людей от трудовой деятельности, от участия в общественной жизни.

Особенно опасно их воздействие на детей, которых советская школа воспитывает, как достойных строителей нового коммунистического общества, которому противна буржуазная религиозная идеология. Поэтому подсудимые достойны уголовного наказания по всей строгости нашего, самого гуманного в мире, закона.

Прокурор просил суд определить наказание по статье 209-й, глава 1-я – Шепель Николаю и Чосенко Василию – по

пять лет лагерей, а Жученко Нине – четыре года, с отбыванием в лагерях общего режима содержания.

Пользуясь правом защитной речи, подсудимые подчеркнули, что, исходя из показаний свидетелей, предъявленное обвинение о существовании в городе Черкассах нелегальной группы, деятельность которой была направлена против общественной жизни, не подтверждается. Относительно посланий, то это были письма к верующим, где и предлагалось решать вопросы самих верующих, не касаясь политики государства и, тем более, не возводя клевету на государство. Собраться в лесу на майские праздники не считается преступлением, потому что и закона такого нет, чтобы считать их преступлением. Читать Библию в лесу также не является преступлением, равно как неверующим пить увеселительные напитки. Обвинять за то, что мы расстались с профсоюзом и комсомолом, тоже противозаконно, так как это – добровольные общественные организации.

На эти и другие доводы суд не обратил никакого внимания. Более того, по закону подсудимым положено было предоставить последнее слово, но судья лишил их такого права, мотивируя тем, что это – проповедь.

Мне очень хотелось для всех, хотя бы кратко, что-то сказать на прощание. И, обращаясь к суду и заседателям, я попросил:

– Дайте мне использовать моё право по закону, чтобы сказать несколько слов.

– Вы лишены последнего слова, потому что говорите не по существу...

Судья о чём-то посовещался с заседателями, и те, по-видимому, убедили его дать нам несколько минут, после чего он объявил:

– Шепелю Николаю Емельяновичу даётся право сказать кратко слово по существу.

Я подошёл к микрофону и, понимая, что говорить много не дадут, сказал:

– Уважаемые граждане судьи, все, присутствующие в зале, родные, друзья! Я понимаю, что мне зачитают приговор за мои убеждения. Не знаю, каков он будет по строгости, но то, что твёрдо знаю, хочу вам сказать: «Для меня жизнь – Христос, а смерть – приобретение».

Тогда судья закричал:

– Выключить микрофон, нам не надо этой агитации! Вы лишены права говорить!

На этом третий день судебного заседания закончили, и вынесение приговора, на удивление всем, было перенесено на следующий день. Мы надеялись, что людей на следующий день будет немного, но, увы, зал опять был полным. Начало судебного заседания всячески затягивали. Когда зашёл судья с заседателями, всех попросили встать. После краткого объяснения, судья зачитал приговор, который приказали выслушать стоя:

– Приговор народного суда города Черкассы от 20 марта 1964 года. Народным судом Шепель Николай Емельянович, 1938 года рождения, образование среднее, рабочий завода искусственного волокна, не судимый; Чосенко Василий Авраамович, 1940 года рождения, образование семь классов, слесарь СУ-609, не судимый; Жученко Нина Павловна, 1940 года рождения, образование среднее, работница роддома, не судимая, признаны виновными в том, что они в городе Черкассы организовали нелегальную религиозную группу Евангельских христиан-баптистов, деятельность которой была направлена на подстрекательство верующих к отказу от участия в гражданской жизни и невыполнению своего гражданского долга. Шепель, Чосенко и Жученко систематически проводили молитвенные собрания верующих, где присутствовали несовершеннолетние.

В результате антиобщественной деятельности Шепеля, Чосенко и Жученко, такие верующие, как Шумейко, Лизогуб, Орлова вышли из членов профсоюза, а несовершеннолетние – Лымарь, Жук – отказались носить пионерские галстуки и принимать участие в общественной жизни школы. Шепель,

Чосенко и Жученко признаны также виновными в распространении литературы антиобщественного характера, получая её от руководства «Оргкомитета» верующих по созыву Всесоюзного съезда Евангельских христиан-баптистов.

Шепель Николай Емельянович осуждён по статье 209, часть первая, УК УССР, к пяти годам лишения свободы – первые три года содержания в тюремных условиях, а остальные два года – в исправительно-трудовом лагере усиленного режима, с последующей ссылкой сроком на пять лет, с конфискацией личного имущества.

Чосенко Василий Авраамович, осуждён по статье 209, часть первая, УК УССР, к пяти годам лишения свободы с отбыванием меры наказания: первые два года – в условиях тюремного заключения, а остальные три года – в исправительно-трудовом лагере усиленного режима, с последующей ссылкой сроком на пять лет, с конфискацией личного имущества.

Жученко Нина Павловна, осуждена по статье 209, часть первая УК УССР – к пяти годам лишения свободы, с отбыванием меры наказания в исправительно-трудовом лагере общего режима, с конфискацией личного имущества.

Приговор суда был настолько жестоким, что присутствующие просто ахнули. Зал зашумел. Родные плакали – им трудно было сдержать слёзы.

До вынесения приговора сестра Нина по подписке могла ходить домой, а теперь её тоже взяли под стражу. Она последний раз поцеловала родных и друзей. Меня с Васей вооружённый конвой начал спешно выводить из зала. Перемена в отношении к нам была явной. Друзья же махали руками, платочками. Кто-то бросал цветы. Нас ободряли, обещали молиться.

В следственном изоляторе меня уже не подняли на второй этаж в хорошо знакомую мне камеру №16, а вместе с братом Васей спустили в подвал, где содержались особо опасные преступники, приговорённые к высшей мере. Нас с Васей разместили в разные камеры. Здесь, в подвале, на-

ходился и карцер, куда сажали заключённых за нарушение тюремного режима.

Человек, который две недели сидел со мной вместе в камере, рассказывал мне о том, что происходит в этом «тёмном царстве». Когда вечером раздавались душераздирающие крики – это означало, что кому-то надевают наручники или смирительную рубашку. Если же после полночи приходит конвой, и кого-то уводят – это на расстрел.

Дни потекли монотонно, как в могиле. Когда – день, а когда – ночь, можно было определить по тому, что выводили в туалет, приносили поесть или выводили на прогулку. Слышно было также, как меняются дежурные.

Как-то открылась дверь, и дежурный, подозвав меня, сказал:

– Тебе родные передали лекарство от язвы, и врач приказал принимать его в двенадцать часов ночи. Будешь подходить с ложкой.

– Хорошо, спасибо, – ответил я.

– А откуда ты родом, и за что тебя посадили?

– Родом я из села Белозирье, это в двадцати километрах отсюда. Посадили меня за верность Богу. Я – человек верующий, и стараюсь быть таковым не только на словах, но и в жизни, – сказал я.

– Да? Я тоже из Белозерья. А на какой ты сотне жил?

– На 22-ой, там живут моя мать и две сестры.

Стало слышно, как кто-то сходит по ступенькам в подземелье, и дверь в камеру сразу же захлопнулась. Я был рад этому разговору и благодарен Богу за то, что Он заботится о моём здоровье через родных и друзей. Вечером, когда всё стихло, вновь открылась дверь, и уже знакомый мне надзиратель приказал выйти и подмести коридор.

Когда я выполнял его поручение, тщательно подметая пол, он расспрашивал меня о Боге, о вере. Мне приятно было свидетельствовать ему, а он был на удивление спокойным слушателем. Когда работа была закончена, он, перед тем, как закрыть меня в камере, предложил угощение. Так в его

дежурство было несколько раз. Я думал о милости Божьей и понимал, что человек, делая это добро, рискует своим благополучием, своей работой.

Время как бы замерло. Внешне была почти полная бездеятельность, зато, как никогда, открылась возможность для внутренней деятельности: анализа прожитой жизни, её смысла и содержания. Я часто размышлял о жизни Иосифа и сравнивал её со своей жизнью. Братья из зависти продали его в Египет, и он оказался в рабстве. Имея страх Божий и убегая от греха, он оказался в темнице. Казалось, солнце померкло для Иосифа навсегда, и не было надежды на проблески света в ближайшем будущем.

Естественно, что всё его существо тянулось на свободу, и поэтому, объясняя сон виночерпию, он рассказал ему о себе и попросил, чтобы он вспомнил о нём, Иосифе, когда ему будет хорошо. Но люди всегда есть люди. В горе много обещают, сочувствуют, а когда горе позади – про все обещания, как правило, забывают. Так случилось и с виночерпием. Но не так бывает у Бога. Написано: «но Бог всегда был с ним». Удивительно, но факт: Бог был с Иосифом и в темнице. Он знал его трудности, переживания. Око Господне видело все обстоятельства жизни Иосифа. У него была надежда, он не был оставлен.

Как я был рад, что и я не забыт и не оставлен моим Господом. Ведь Он Сам сказал: «Се, Я с вами во все дни до скончания века», «Я никогда не покину вас». Это утешало и давало мне надежду. Я смотрел в будущее и вспоминал прошлое.

Часть 1 Глава 15

Тайное крещение

Следующее молодёжное общение было назначено в тридцати километрах от Черкасс у сестры-старушки, которую мы называли Кущенчиха. Она жила в районе станции Шевченко. Эта старушка, несмотря на преклонный возраст, с радостью и без страха принимала у себя в доме молодёжь для изучения Слова Божьего. Из Черкасс мы ехали пригородным поездом, или как его ещё называют – «дизелем», в разных вагонах небольшими группами. На вокзале нас встречали местные друзья, и в потёмках провожали к месту встречи.

Домик у сестры был небольшой, старенький, но выделенная для нас комната была вместительной, уютной и чистой. Разбор Слова Божьего вели по очереди. Назначенный ведущий выбирал и предлагал псалом, говорил проповедь перед общей молитвой. Каждый открывал свои Библии или Евангелия, и все по очереди читали разбираемую главу, выбирали золотой стих, чтобы выучить его наизусть. Потом рассуждали над каждым стихом, высказывались, кто как понимает его, искали параллельные места, приводили примеры. Беседы были очень оживлённые, время проходило быстро и незаметно.

Многих среди молодёжи беспокоил вопрос крещения. Кто, как и когда сможет помочь его разрешить? До нас доходили слухи об арестах и судах над особенно активными братьями служителями, которые, повинуясь Господу, нарушали законодательство о религиозных культах.

– Давайте будем молиться об этой нужде Господу! – предложила одна из сестёр.

Брат Вася, посмотрев на сестру, потом на друзей, сказал:

– Есть братья Филиппы, которые, несмотря на трудности, могут преподать крещение. Но предложение сестры правильное, давайте об этой нужде конкретно молиться.

Перед тем, как разойтись, назначили место и время следующего собрания. Было обращено особое внимание на важность дальнейшего проведения начатых духовных бесед. После молитвы начали группами расходиться. Первыми уходили те, кому далеко было добираться домой.

По дороге на станцию и в вагоне мы продолжали рассуждать о поднятом на общении вопросе о крещении:

– Ты знаешь, один из братьев Черкасской церкви высказал такую мысль, что крещение не спасает. И разбойник, покаявшийся на кресте, был спасён, а он ведь крещение не принимал!

– Это так, но Сам Иисус повелел ученикам идти по всему миру и проповедовать Евангелие всей твари, и кто будет веровать и креститься – спасён будет.

– Да, я приводил ему этот пример из Евангелия от Марка, а он мне сказал, чтобы я дальше посмотрел, там, мол, написано, кто не будет веровать – осуждён будет. О крещении уже не упоминается...

– Верно, таких учителей сегодня можно встретить, но он-то сам хоть крещён?

– Ну а как же, брат-проповедник.

– Значит, член исполнительного органа.

– А что это значит?

– Как раз то, что по «Инструктивному письму», то есть указанию сверху, в каждой поместной церкви проповедовать имеет право только пресвитер и три брата – члены исполнительного органа. Остальные, если проповедуют – нарушители закона.

Колёса вагона равномерно отстукивали, приближая нас к нашему конечному пункту. Все молча раздумывали над услышанным.

– Как бы там ни было, а крещение будем готовиться принимать.

– Но разве у нас может появиться Филипп?

– То, что невозможно человекам, Богу возможно.

Домой пришли поздно. Всё было тихо и спокойно. Было самое время, помолившись, ложиться спать, чтоб утром не проспать на работу.

После активной работы по сохранению единства, которую провели руководящие братья Черкасской церкви, образовалась небольшая группа верующих, в основном молодёжь, которым дали прозвище «отделённые» или «раскольники». Тех из группы, кто ещё не принял крещение, просто удалили из общины, а тех, кто являлся членами церкви – отлучили за непослушание, неповиновение братству и духовному центру ВСЕХБ.

После этого собрания молитвенный дом посещать было очень сложно, потому что на «раскольников» смотрели с подозрением, как на разрушителей дела Божьего. Некоторые из членов церкви открыто заявляли:

– Они выступили против власти, а в Слове Божьем сказано, что кто не повинуется власти, тот не повинуется Божьему установлению, ибо написано: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро...» 1Петр. 2:13-14.

– Да, в Писании сказано, что всякая власть – от Бога. Вот и навлекают на себя гнев Божий за своё неповиновение, а потом говорят, что они гонимы...

Собрания в этих условиях начали проводить самостоятельно по квартирам в разное время поздним вечером. Наблюдения со стороны службы КГБ усилились. Однажды поздно вечером группа сестёр шла на собрание, которое проходило в пригородном посёлке Хуторы. Их догнала машина ГАЗ-69 и резко затормозила.

– Девочки, вы в Черкассы? Садитесь, пожалуйста, подвезём.

Водитель услужливо открыл дверцу машины. Одна из сестёр заглянула в салон машины и заметила на заднем сидении ещё одного мужчину. Он был в затемнённых очках.

– Нет, спасибо, мы пойдём пешком, – ответили сёстры.

– Садитесь, садитесь, уже поздно, а идти не так близко, – суетился, приглашая, водитель.

– Нет, езжайте. Мы решили идти пешком.

Дверь машины закрылась, и она резко тронула с места. Когда «благодетели» уехали, сестра сказала:

– Этот человек на заднем сидении явно подозрительный, его друзья часто видели.

– А вы обратили внимание на номер машины?

– Нет, а что особенного в номере?

– На первый взгляд, кажется, ничего. Но братья говорили, что последнее время работники госбезопасности, наблюдающие за верующими, ездят на автомобилях, номера которых начинаются с двух нулей. А у этой – 0053.

Несмотря на слежку, мы продолжали собираться. О назначенных собраниях сообщали друг другу лично. Мы были благодарны Богу и друзьям из небольшой церкви в пригороде, которые принимали нас в своих домах, за их доброе расположение.

Так и на этот раз нам передали, что в следующую субботу состоится собрание. Будем продолжать начатую раньше беседу и советоваться по наболевшему вопросу крещения. Некоторые братья, ещё не будучи крещёнными по вере, уже проповедовали, так как в этом была большая нужда.

Неделя пролетела быстро. Старший по возрасту брат совершил молитву в начале собрания, призывая Божье благословение на всех. Потом дружно спели псалом: «Будем радоваться, братья, прочь уныние и страх». Я попросил разрешения прочитать стихотворение под названием «Проснись!» Все с радостью согласились. Оно было отражением духовного состояния верующих того времени. Приведу два четверостишия.

Проснись! Открой глаза скорее!
Христос к тебе сейчас стучит.
Иди к Нему, иди смелее,
Чтоб очищенье получить.
Ведь Он призвал тебя трудиться
Здесь на земле, среди скорбей,
Чтоб смог в Него преобразиться
Ты жизнью праведной своей...

Все дружно сказали «Аминь!» и благодарили Бога за то, что Он и через стихи пробуждает и призывает к святой жизни. Потом перешли к беседе об очищении, краткое содержание которой сводилось к следующему.

Наше сердце должно целиком принадлежать Христу. Но если мы даём место хотя бы маленькому греху, то сатана имеет право говорить, что не только Христос, но и он является хозяином этого сердца. Чтобы получить освобождение от грехов, недостаточно их не любить, даже недостаточно их ненавидеть, их надо ненавидеть так, как ненавидит их Господь.

Пока у нас не будет ненависти к маленьким грехам, равно как и к большим, в той же мере, в какой их ненавидит Бог, до тех пор Господь не сможет освободить нас от них. А поэтому, объявим войну всем нашим «хананеям»; не только поступкам и словам, но и мыслям, взглядам и чувствам сердца. Никакой пощады греху, никаких извинений! Когда мы скажем Господу, что ненавидим грех и не желаем его присутствия в сердце даже на короткое время, тогда Он освободит нас от него. А без нашего согласия это невозможно.

Всякий грех – это зло для Господа, для того, кто грешит, а также и для тех, среди кого совершился грех. Как же быть, если грех находит место и проявляется в жизни? Что надлежит делать, чтобы грех не принёс смерть, и чтобы быть незапятнанным грехом?

Заканчивая беседу, все в глубоком смирении, склонившись, горячо молились Господу. Слово Божье, как обоюдоострый меч, проникало до глубины души и духа, приводя к осознанию греховности и виновности пред Господом. Дух

Святой тихим веяньем действовал в сердцах, умиляя и сокрушая, побуждая к сознательному исповеданию в молитвах. Никто из присутствующих не стыдился назвать грех по имени, и никто за это не осуждал, а наоборот, радовались, вместе плакали, молились друг за друга. Всем хотелось высказать Господу свою нужду. Всех коснулась пробуждающая сила Святого Духа. Неописуемая радость, внутренняя свобода и необычная лёгкость наполнили сердце.

После окончания молитвы на глазах у всех были слёзы, но это были слёзы радости от прощения и примирения с Господом. Для этих душ вопрос крещения был насущным и реальным. И когда был прямо поставлен вопрос:

– Друзья, кто готов заключить завет с Господом через святое водное крещение? – один за другим начали вставать молодые братья и сёстры. Они свидетельствовали пред небом и друзьями о своём решении, несмотря ни на какие запреты, влиться в число спасённых, в живую Церковь Иисуса Христа. Все присутствующие радовались, глядя на серьёзные и решительные лица тех, кто отозвался на призыв Божий. Кто-то из братьев предложил:

– Давайте помолимся и предадим вопрос крещения наших друзей в руки Господа.

И опять горячие молитвы вознеслись к небу.

После общения ещё долго звучала в сознании мелодия псалма, который пели в заключение:

В жизненном мире с волнами бороться,
Боже, я тяжко, смертельно устал!
То грозный вал мне навстречу несется,
То на подводный я камень попал.
Будь победителем! Брат, не сдавайся!
Скоро ты сможешь свободно вздохнуть.
Чёлн твой у цели! Мужайся ж, мужайся!
Вот, вот, немного – и кончен твой путь.

Однажды среди недели нам передали, что в субботу после работы, подготовив нужную одежду, мы должны при-

ехать в село за городом Смела – Балаклею. Так наступал особо важный момент в нашей жизни.

Ехали на автобусе с пересадкой в Смеле. Нас, группу из десяти человек, проводили в дом. К вечеру ещё начали собираться верующие. Дом наполнился. Провели богослужение. Все горячо молились и благодарили Господа за Его милость и любовь. Потом началась индивидуальная беседа с каждым крещаемым.

Время летело быстро. Потом, после краткого чтения Слова и молитвы, около полуночи, мы вышли из дома и направились за село к пруду, где уже заранее было определено место крещения. Шли молча, друг за другом, размышляя о том, что предстоит впереди. И вдруг – тихая команда:

– Стоп!

Мы остановились. Было тихо и темно, и только звёзды ярко мерцали на небе, как бы наблюдая за тем, что происходило в тот момент не только на земле, но и в сердцах молодых людей, которые пришли на этот берег, чтобы сказать Иисусу: «Господи, это обещание – навсегда»!

Воздух был переполнен приятным запахом трав. Чувствовалась близость воды, и под звонкий хор цикад, после краткой молитвы, мы разошлись, чтобы переодеться в соответствующую одежду: братья – в одну сторону, сёстры – в другую. Когда, переодевшись, подошли, брат креститель, по имени Яков, сказал:

– Будем заходить в воду по одному, по очереди.

Первыми пошли братья, а за ними – сёстры. Стоявшие на берегу слышали тихие вопросы и чёткие ответы на них:

– Веришь ли, что Иисус Христос есть Сын Божий?

– Да, верю!

– Веришь, что Бог через Иисуса Христа простил все твои грехи?

– Да!

– Даёшь ли обещание Богу доброй совести?

– Даю!

Тихое эхо разносило над водой и поднимало к небу, к Богу, слова:

– Свидетели этому – небо, вода и Церковь на берегу. Крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь!

Стоявшие на берегу дружно подтвердили: «Аминь!» – воистину так. А потом – всплеск воды во время погружения. Одни выходили на берег и шли переодеваться, другие заходили в воду. Последним вышел брат креститель. Когда все собрались, поблагодарили в молитве Бога, после чего возвратились в знакомый уже дом.

Собрание продолжалось после полуночи. Вначале была краткая проповедь Слова и объяснение значения молитвы с возложением рук. Все, принявшие крещение, стали рядом и, преклонив колени, поочерёдно молились, после чего брат креститель совершал молитву с возложением рук за каждого. Потом опять слушали Слово Божье о страданиях Господа Иисуса Христа и Его заповеди о преломлении хлеба.

После горячих молитв спели псалом: «Господь, когда ученикам Ты смерть Свою явил», и крещённые впервые участвовали в трапезе Господней. Когда собрание заканчивалось, за окном уже был рассвет. Горячо поприветствовав друг друга, небольшими группами начали расходиться. Узнав расписание пригородных поездов, мы направились к станции. Несмотря на физическую усталость, сердце ликовало, и я мысленно твердил:

– Слава Господу, теперь я уже член Церкви, Тела Христова, и могу всем об этом засвидетельствовать. И как всё просто... Не надо писать заявление на крещение, ждать разрешения уполномоченного по делам религии...

По дороге мы много беседовали, лица у всех сияли от радости. Чувствовалось, что пережили особенное Божье благословение. Радость переполняла нас, и всем хотелось рассказать о своих переживаниях. Мы делились планами дальнейшего служения с посвящением, с полной отдачей себя в руки Господа. Хотя знали наперёд, что будет нелегко, и может, кому-то придётся и пострадать за Христа. Но на всё Его воля.

Часть 1 Глава 16

Этап

После сурового приговора и перевода в подвал, в камеру для особо опасных преступников, жизнь, казалось, застыла в однообразии. Стёрлась разница между днём и ночью. Сердце часто сжималось от боли и обиды на суровость закона и беззаконие людей. Перед глазами мысленно проходили картины судебного процесса, родные лица близких и друзей. Вспоминалось и анализировалось высказанное: там – правильно, а там – неправильно, там – удачно, а там – неудачно, там – к месту, а там – не к месту. Этот наплыв чувств отступал тогда, когда я начинал молиться, пребывая в близком общении с Господом.

Тогда мрачная камера как бы исчезала, и аромат горнего, небесного вливался в душу, наполняя радостью и счастьем. Из уст и сердца лились слова благодарности, любви и нежности:

– Господи! Господи! Благодарю Тебя за то, что Ты любишь меня. Благодарю Тебя, с Тобою так хорошо...

Не только умом, но и сердцем я понимал, что всё в моей жизни – под контролем моего Спасителя. Сердце от этого наполнялось блаженным миром. Тогда я ещё не знал, что значит оказаться в подземных лабиринтах тюрьмы. Да и ещё много чего я не знал, но мой Господь знал всё. Знал Он и то, что место это – для смертников и особо опасных преступников. Доверяя Богу и успокаиваясь, я радовался близкому об-

щению с Ним. На память приходили слова Писания: «Только в Господе успокаивается душа моя... не поколеблюсь». Внутренне я готовился к тем переменам, которые должны были вскоре произойти. И вот, в один из дней, после обеда, привычно щёлкнул замок, дверь открылась, и раздалась громкая команда, эхом отозвавшаяся в моей душе:

– Шепель, на выход с вещами!

Быстро сложив свои скромные пожитки в сумку, которую заботливо приготовила и передала в тюрьму мама, я надел фуфайку и кратко помолился:

– Господи, в руки Твои предаю путь мой, пойди Ты со мною...

Сразу же за дверями меня ожидал сержант с бумагами в руках:

– Шепель Николай Емельянович, 1938 года рождения, статья 209. Проходи на выход.

Поднимаясь вверх по ступенькам, я понял, что оставляю подвальную камеру, в которой провёл около месяца. Когда вышли на улицу, был приятно удивлён солнечным светом, зеленью и порханьем птиц, а от чистого свежего воздуха закружилась голова.

– Господи, какая красота, – невольно вырвалось из груди.

Но радоваться и восхищаться красотой Божьего творения пришлось недолго, потому что вновь одна за другой прозвучали команды: направо, налево. Вновь щёлкнул замок: сначала – двери коридора, потом – камеры. Окинув её взглядом, я сразу же отметил, что она была достаточно большая, а в глубине, под стеной, располагались трехъярусные нары из досок, отшлифованных не рубанком, а одеждой заключённых. Посреди камеры был вмурован стол и скамейки с обеих сторон. В голове промелькнула мысль: «Слава Богу, это – уже не подземелье».

Вдруг опять щёлкнул замок и, о радость! я увидел Васю, моего брата и дорогого сердцу друга. Мы без слов обнялись и долго не могли ослабить объятия. Потом со слезами на гла-

зах благодарили Господа. Поделившись пережитым за последние месяцы, мы больше беспокоились о друзьях, которые остались на свободе, нежели о себе. Свой дальнейший жизненный путь мы доверили Господу. Вся обстановка свидетельствовала о том, что предстоит этап. Когда и куда нас повезут – было неизвестно, но этап – это всегда сложно. Тем более, если повезут куда-то на север, как нам обещали, к белым медведям, чтобы мы им проповедовали.

Часто после этих обещаний я мысленно представлял себе снежную пустыню, никаких признаков жилья, только медведи – белые-белые, как снег, – ходят вокруг меня и как будто бы понимают меня и сочувствуют, что я оказался в их краях, страдая за Христа.

Мы с Васей, прижавшись друг ко другу, долго беседовали, вспоминая прошлое. Спать не хотелось, хотя часы неустанно отстукивали время. Где-то за полночь открылась дверь и прозвучала команда:

– Собраться с вещами на выход!

В голове невольно промелькнуло: «До свиданья, Черкассы, до встречи, дорогие сердцу друзья! Благослови и храни вас Господь!».

Погрузили нас в спецмашину «воронок» с тщательной проверкой личных вещей и всего, что только можно было проверить. Наконец мотор взревел, и мы поехали по неровным городским улицам. Учитывая массу поворотов и ухабов, можно было догадаться, что нас везут по задворкам Черкасс. Когда машина остановилась, то, хотя мы ничего не могли видеть, но по звукам извне было понятно, что мы находимся где-то в районе вокзала.

Погрузка в вагон для заключённых была организована по всем правилам предосторожности. «Воронок» подъехал вплотную к вагону, по обе стороны стояли коридором солдаты с автоматами. Заключённые под окрики: «Быстрей, быстрей!» – поспешно перебегали из машины в вагон. Их было настолько много, что удивляло, как они могли поместиться в одном вагоне.

Когда подошла наша очередь, мы с братом Васей оказались на привокзальном перроне с тускло мерцающими фонарями. И вдруг услышали тихую мелодию знакомого нам христианского гимна: «Жить для Иисуса, с Ним умирать». Это было неожиданно и чудесно: мелодия доносилась как бы с неба. Можно было подумать, что поют ангелы.

Не только мы были удивлены, но и охраняющий нас военный конвой, который в оцепенении не знал, что предпринять. После небольшой паузы они, наконец, очнулись и буквально внесли нас в вагон. Быстро миновали коридор и втолкнули в третье купе на нижний ярус. Решётчатые двери закрыли на замок. Придя в себя после услышанного и увиденного, мы поняли, что находимся в купе вдвоём, тогда как рядом людей набивали, словно животных, до отказа. Из-за страшного шума в вагоне пения с улицы почти не было слышно. Но зато мы услышали стук в стенку вагона и женский голос:

– Коля, братик, мы здесь!

Я узнал голос моей сестры Меланьи. Потом прозвучали голоса друзей:

– Крепитесь, дорогие братья! Вы не забыты! Мы – с вами!

Застучали колёса, и голоса стали затихать... Поезд набирал скорость. Я не видел своего лица, но, глядя на брата Васю, я даже в темноте разглядел, что он сиял от радости. Мы возблагодарили Бога за ободрение, за наших друзей, которые, каким-то неизвестным нам образом, узнали о нашем этапе. И, рискуя своим благополучием и даже свободой, устроили такие замечательные проводы – на вокзале, прямо под самым носом у работников КГБ.

Поезд продолжал свой маршрут на север. Дежурному конвою пришлось пережить много неприятностей, так как спецвагон для заключенных был сильно переполнен. Вызывали то в одно, то в другое купе с различными просьбами:

– Начальник, подойди сюда, принеси воды, задыхаюсь.

– Начальник, выведи по нужде...

Вначале мы были удивлены, почему такая милость к нам, но потом догадались, что это из-за нашей статьи и приговора: «Тюремное заключение. Особо опасные преступники».

Мы приготовились к длинному путешествию на север. Но под утро, к нашему удивлению, нам приказали приготовиться к выходу, и мы увидели, как начальник конвоя отложил наши документы. Когда состав остановился, и мы вышли из вагона, нас уже ожидал новый конвой. Перепрыгивая через рельсы, добрались до перрона, где стоял «воронок». Конвой был строгий, нас предупредили:

– Шаг вправо, шаг влево, прыжок вверх – будем стрелять без предупреждения.

Приближаясь к перрону, я только и успел разглядеть название станции: «Конотоп».

Вскоре мы оказались за воротами Конотопской тюрьмы, а дальше была обычная процедура для этапированных: мыться, бриться и – в камеру. Эта тюрьма была построена ещё при царице Екатерине, и порядки в ней были не такие, как в Черкасской. Нас поместили в общую этапную камеру. В ней уже было больше десятка таких же этапников, как мы.

Насколько это было возможно – познакомились. И каждый, зная, что через день-два, неделю все разъедутся, делился своим горем, рассказывая различные истории из пережитого. После услышанного невольно создалось впечатление, что все в тюрьме сидят несправедливо, виновен кто угодно, только не они. Поэтому наше свидетельство о Боге, Спасителе Иисусе Христе, Его любви и страданиях за грешников, Его милости к тем, кто признаёт свою вину, а не обвиняет других, вызвало живой интерес и создало в камере совершенно другую атмосферу. Посыпалось много самых разных вопросов:

– Что Библия говорит об этом?

– Как правильно поступать в таком вот случае?

– Как можно простить обидчиков?

Мы видели, что наше присутствие в Конотопской тюрьме не напрасно. С некоторыми из сидевших начали уста-

навливаться более близкие и доверительные отношения. Так, беседуя с одним молодым пареньком, я прочитал ему написанное мной стихотворение, посвящённое братьям и сёстрам, и он обещал передать его на свободу. Я знал, что это – большой риск, но, помолившись Господу, получил внутреннее согласие. И только впоследствии мы узнали, что письмо и стихотворение друзья получили, и Г.П. Винс, присутствуя на молодёжном общении в лесу, прочитал его. Оно заканчивалось так:

Примите привет наш, друзья дорогие,
Он нежной любовью Христовой согрет.
Пусть в сердце не гаснут стремленья святые,
Пусть ярче сияет немеркнущий свет!

Каждый день мы кого-то провожали из камеры, пустые места занимали другие. Так двигался конвейер тюремной жизни. Когда пришло время выйти на свободу пареньку, который обещал передать моё письмо, я на прощанье сказал, что буду молиться за него. Так уж вышло, что мы с братом Васей оказались старожилами в камере, и это давало нам возможность больше влиять на пополняющуюся этапную публику. Поэтому в камере сохранялись относительный мир и дружелюбие. Некоторые удивлялись, что им даже на свободе не приходилось жить в такой духовной атмосфере. Мы знали, что это – результат присутствия с нами нашего Господа и ответ на горячие молитвы наших друзей.

Но вот прозвучала команда и для нас: «С вещами – на выход!» Помолившись, на прощание пожелали оставшимся в камере скорой встречи с родными и близкими на свободе. После знакомой нам процедуры «шмона» мы прибыли на вокзал. Безо всякой спешки нас погрузили в вагон для заключённых, только состав отправился не на север, а на восток.

Наше этапное путешествие закончилось во второй половине следующего дня в Харькове. Нас привезли в знаменитую тюрьму на Холодной горе. Филиалом этой большой пересылочной тюрьмы была крытая тюрьма или сокращённо – «крытка», где отбывали срок до пяти лет тюремного со-

держания. Двор тюрьмы, очень маленький, был огорожен высоким каменным забором, за которым виднелись крыши жилых многоэтажных домов.

Возле ворот находилось небольшое трехэтажное административное здание. Между ним и мрачным на вид трёхэтажным жилым корпусом для заключённых располагалось много одноэтажных помещений-мастерских, где заключённые выполняли работу, находясь под замком.

Когда мы переступили порог тюрьмы и оказались в длинном коридоре первого этажа, у меня внутри всё содрогнулось, а когда открылась боковая дверь камеры-изолятора, у меня невольно вырвалось из груди:

– Господи, неужели здесь можно жить?

Действительно, картина была ошеломляющая: всё вокруг – бетон и железо. Такого я не видел ни в Черкассах, ни в Конотопе. Стараясь спокойно осмотреть камеру, я отметил, что у стены с двумя большими окнами без рам и стёкол, но с решётками из толстой арматуры, стояли сплошные двухъярусные нары, сваренные из уголка и покрытые необструганными досками. Увидел также, что бетонные стены очень толстые. В окованной железом двери – окошко для надзирателя и маленькая откидная дверка-кормушка.

Незаметно наступил вечер, и по движению в коридоре стало понятно, что раздают пищу. Звякнул замок, дверка кормушки открылась, и показалась голова заключенного из пищеблока:

– Сколько вас тут в камере? Двое?

Он подал металлические тарелки с овсяной кашей, металлические кружки с кипятком и ложки. Каша издавала какой-то специфический запах, по-видимому, она была заправлена комбижиром. Когда мы помолились и стали есть, то обнаружили, что овёс был наполовину в шелухе.

Медленно отделяя шелуху от зёрен, я набрал целую горсть. В наших вещмешках было немного пищи из старых запасов. Запив еду кипятком, я подумал:

– Господи, неужели здесь можно выжить?

Беседовали мы с братом Васей недолго, потому что были очень уставшими. Поблагодарив за всё Господа, мы начали решать, где нам лучше лечь спать, и после недолгого раздумья, забрав вещи, полезли на верхние нары. Вверху, над нарами, тускло горела лампочка. Постели никакой не было, поэтому, свернувшись калачиком, мы скоро уснули.

После полуночи нас разбудил страшный шум в камере. Протерев глаза, мы спросонья не могли понять, в чём дело, где мы и что происходит. На пороге камеры стоял крупного телосложения старшина и что-то громко доказывал дежурному, держа в руках наши сумки. Увидев, что мы проснулись, он спросил:

– Вы с этапа к нам сюда прибыли?

– Да, – ответили мы в один голос.

– А это ваши сумки?

– Да.

– Ну, тогда забирайте их и посмотрите, что там ещё осталось. У вас их украли через окно. Дежурный на вышке сообщил, что заметил, как из вашего окна кто-то тянет сумки длинными жердями с набитыми на конце гвоздями.

Сон сразу пропал. Мы были ошарашены таким приёмом в крытой тюрьме, и, поблагодарив бдительного старшину, проверили наши почти пустые сумки. И с сожалением повздыхали, сказав:

– Господи, да будет воля Твоя.

Утром нас перевели в другую камеру, но она была похожа на первую. Кроме нас, там было ещё два человека, что открыло нам возможность для беседы. Узнав, что мы верующие и сидим за наши убеждения, один из них, по имени Саша, очень расположился к нам. Много рассказывал и о многом расспрашивал. Другой был замкнут, сидел отдельно, молчал и думал о чём-то своём.

Саша рассказал, что он из Донецка, из шахтёрского посёлка. Что народ там живёт в постоянной пьянке, спорах, драках, доходило даже до смертельных случаев. Так и ему приписали убийство. Следователи решили поскорей изба-

виться от неприятного дела, поспешно «состряпали» его, и вот Саша сидит, не зная уже, куда писать и к кому обращаться. Он не оправдывал себя, сознавая, что пьянство до потери рассудка приводит к страшным последствиям.

Мы много говорили ему о Боге и Его любви, милости и прощении. Рассказали, что Иисус Христос умер за нашу вину на кресте, что только Он всё знает, и только Он может решить наши проблемы и помочь нам, если мы полностью доверим Ему нашу жизнь.

Было воскресенье, и нас никто не тревожил вызовами. Мы тихо и мирно беседовали, вспоминали пережитое. Но вечером мы были потрясены следующим событием. Вдруг в камере, где мы так спокойно беседовали, раздался душераздирающий крик, и человек, молчаливо сидевший на нижних нарах, упал на бетонный пол. Его стало в припадке бить о пол, глаза выкатывались из орбит. Он скрежетал зубами и пускал пену. От неожиданности мы растерялись и не знали, что делать и как ему помочь. Но ведь мы только что свидетельствовали о силе нашего Господа! И мы начали молиться о милости Божьей и защите.

Вдруг всё стихло, и через короткое время человек пришёл в сознание. Он сказал, что не помнит, что с ним произошло. Саша предположил, что это мог быть эпилептический припадок. Слышно было, как за дверью наблюдают за происходящим в камере, но относятся к этому спокойно, по-видимому, – предупреждены.

Часть 1 Глава 17

Дело Божие расширяется

После того, как группа молодёжи из Черкасс приняла крещение, ещё больше назрел вопрос дальнейшего служения Господу, и требовалось практическое его разрешение. Группа более двадцати человек в основном была молодёжной, хотя в неё уже входило три семьи. Был и брат, на которого возлагалась надежда, что он станет служителем. Проблема заключалась в том, что было сложно проводить воскресные богослужения. Два дома, где могли собираться, были под постоянным наблюдением. Мы щадили наших братьев, хозяев этих домов, потому что знали, что как только власти составят с десяток актов о проведении нелегальных собраний, их посадят за решётку.

С одной стороны, власти утверждали, что молитвенный дом ЕХБ в Черкассах есть и все верующие должны ходить на богослужение туда, и только туда, а всё остальное – нелегальщина и преследуется законом. С другой стороны, члены церкви, посещающие собрания в молитвенном доме, в союзе с явно отступившим от Господних истин духовным центром ВСЕХБ, отчислили из своих рядов всех, кто не подчинялся инструкциям этого духовного центра.

Несмотря на все эти проблемы, мы видели, что Господь отвечает на наши молитвы и Сам берёт нас под Свою опеку и защиту. По городам и сёлам Черкасской области также начали определяться небольшие группы и церкви, которые

выразили недоверие отступившему духовному центру. Они также были вынуждены проводить собрания отдельно, чтобы сохранять мир Божий и спокойствие.

Так, в пригороде Черкасс, в посёлке Хуторы, образовалась группа из более, чем двадцати человек – семейные и молодёжь, которая ночами проводила собрания по домам. Возможностей для проведения воскресных богослужений в этой группе было намного больше, чем у нас. И так как мы и раньше встречались и имели общение, то возник вопрос, не объединить ли нам эти две группы верующих, чтобы функционировала одна поместная церковь. Когда мы с этим предложением обратились к друзьям в посёлке Хуторы, они очень обрадовались и попросили, чтобы в связи с тем, что у них есть старушки и старички, воскресные собрания проходили у них. Они же, несмотря на все трудности и угрозы, готовы с радостью предоставлять свои дома для собрания.

Мы явно видели в этом руку Божью, ответы на нашу молитву. Более того, у нас вырисовалась перспектива рукоположения брата на пресвитерское служение. В этом была очень большая нужда, так как для совершения духовных нужд мы приглашали служителей из других мест.

Дело Божье расширялось, и нас начали приглашать на братские общения, которые проходили в Киеве, Виннице, Кировограде, Харькове. На этих общениях мы больше узнавали о положении верующих в других областях. В народе Божьем наступало пробуждение. У многих открывались духовные глаза. Открывались на грех, на страшное отступление от истины, на зависимость от мира, в частности, от «сильных» мира сего. Церкви возревновали о верности Господу в жизни и служении, об очищении и освящении. Дух Святой умилял и сокрушал сердца. Начались открытые покаяния, исповедание грехов.

Поднималось много различных вопросов о том, как правильно поступать в практической жизни. Требовались духовные наставники. Господь даровал нам чудесные беседы

по вечерам. Видя нужду в таких беседах и в других церквах, мы задумались, как же их сделать достоянием и для них.

Надо было организовать свою печать. Но как? С одной стороны – это очень опасно, с другой – очень сложно. На одном из братских общений в Харькове мы услышали о самой простой форме печатания – стеклограф. Эта идея очень захватила группу способной и ревностной молодёжи Черкасс. Начали изучать технологию печатания, покупать необходимые материалы и составлять план работы. Старались сохранить всё в строгой секретности, но у нас было слишком мало опыта, поэтому вся надежда и упование были на охрану и защиту Божью.

Часть 1 Глава 18

Жизнь в крытой тюрьме

После распределения по камерам, мы вновь разлучились с братом Васей. Расставание было печальным и тягостным, хотя мы понимали, что иначе не будет. Одно сознавали: Господь – с нами, мы – где-то рядом, и это нас радовало и ободряло.

В камере, куда я попал, было шестнадцать человек. Половина – молодёжь, а другая половина – люди уже пожилые. После моего краткого свидетельства о том, почему я оказался в этой тюрьме, люди как-то потянулись ко мне. Каждому хотелось поделиться пережитым и надеждами на не очень определённое будущее. Надеялись на какие-то перемены, ожидали чего-то лучшего.

Один из заключённых был знаком мне с того времени, когда я учился в школе. Он работал инспектором районного отдела образования. Звали его Полодий Гаврилович. В школе и ученики, и учителя его уважали и даже как-то побаивались. Внешне он был очень похож на всем известного вождя революции, бездетного, но очень любящего детей – Владимира Ильича. Вот так складывалась жизнь: такая встреча, да ещё в таком нежеланном месте. Мне пришлось признаться, что я знаю его. Несмотря на большую разницу в возрасте и положении в прошлом – ученика и учителя, несмотря на его угрюмую замкнутость, он расположился ко мне. Мы много беседовали. По сроку заключения было понятно, что дотя-

нуть ему до свободы будет очень сложно, разве что через Божье вмешательство. Для него наши беседы были всё равно, что светлый луч в тёмном царстве.

По статье я догадывался о трагедии, произошедшей в его жизни. Ему нелегко было рассказывать о своём прошлом, а я старался ему не докучать вопросами. Свет Евангелия сам плавил его сердце. Настал вечер, когда он пригласил меня к себе на нары и в тихой, доверительной беседе открыл причину своего бедствия. А причиной было убийство жены. Семейная драма с каждым годом всё больше разрасталась. Через грех похоти и легкомыслия, а также ревности дьявол раскручивал своё тёмное дело. Закончилось тем, что при очередном скандале он утюгом ударил жену по голове. Смерть наступила мгновенно. Изменить что-то, вернуть назад было невозможно. Кроме следствия и судебного процесса, началось осуждение совести. Душа страдала, и никто не мог помочь. Судебный процесс закончился тем, что высшую меру заменили сроком – пятнадцать лет строгого режима. Первые пять лет – в тюремном заключении. После исповеди и краткой молитвы Господь даровал ему внутреннее утешение и успокоение.

Я и не думал, что окажусь в камере, где будет столько людей, приговорённых к высшей мере. Мне рассказали о группе евреев, занимавших высокое положение в обществе, и за денежные махинации и хищения в особо крупных размерах получивших такой приговор с последующей его заменой на пятнадцать или пять лет.

Нас начали выводить всей камерой на работу. После построения во дворе тюрьмы через сто метров заводили в другую камеру, рабочую, тоже под замком. Увидеть белый свет и подышать чистым воздухом, хотя бы десять-пятнадцать минут было очень ценно. Все страдали не только от недоедания, но и от нехватки кислорода. Правила тюремного содержания были жёсткими. Однажды нас вывели из камеры на работу. Вдруг – строгая команда:

– Всем быстро повернуться лицом к стене, руки – на стену, голову не поворачивать!

Оказывается, по коридору вели ещё одну группу заключённых.

Когда же во дворе все были построены по двое, чтобы идти на работу, неподалёку оказался ящик с сахарной свеклой. Некоторые заключённые не устояли перед соблазном и бросились добывать дармовой корм. Для них это кончилось не просто криками и угрозами, но хорошей «обработкой» резиновыми дубинками. Но свеклу не отобрали.

Тягостными были обыски (шмоны). Всех выводили в коридор, и группа «спецов» переворачивала в камере всё вверх дном. Искали всё запретное, что могли занести из рабочей зоны, а также самодельные игральные карты. Вторая группа не спеша раздевала всех по очереди почти донага и тщательно прощупывала каждый рубчик в одежде. Особенно неприятно было проходить эту процедуру в зимнее время.

Много неприятностей приносили кровопийцы-клопы. Против этой армии заключённые были практически беззащитными. У них был свой график охоты. Днём, когда мы работали, их не было видно, они отдыхали в различных щелях, а ночью, когда мы ложились спать, они выходили целыми полчищами на работу. Несмотря на то, что всю ночь свет в камере не выключался, они знали своё время – до утра. Защиты от этих кровопийц не было никакой. Часто, просыпаясь от укусов, я видел, как они разбегаются в разные стороны. На нижних нарах жгли бумагу, но это не помогало. Издавна отработанными методами эта армия действовала чётко: клопы забирались по стенам на потолок, а потом оттуда падали на свои жертвы.

Когда у меня ночью неожиданно поднялась высокая температура, и я утром не смог идти на работу, меня предупредили, что вызовут в санчасть. А там принимает женщина-медик в чине подполковника, но лучше к ней не попадать.

– Почему? – удивился я.

– Потому, что есть заключённые, которые не желают работать и делают «мастырки», чтобы поднялась высокая температура, и тогда спасение от работы – больница. Но после приёма у этой женщины получается, что вместо больницы направляют в карцер.

Я помолился моему Господу и попросил, чтобы Он всё устроил. Когда конвоир вывел меня из камеры и привёл в кабинет к врачу, я увидел женщину, строгую на вид, с проницательными глазами и светлыми, перекрашенными волосами.

– Что произошло, на что жалуетесь, осуждённый Шепель?

Я просто и доверчиво рассказал ей о себе, о моих убеждениях и о моей болезни. Подводя итог объяснению, я прямо посмотрел ей в глаза:

– Я – верующий человек, за веру в Бога нахожусь в этой тюрьме. По моей вере я не могу наносить себе какие бы то ни было телесные повреждения – это противоречит моим убеждениям. Я говорю вам правду перед Богом.

Глаза её потеплели, лицо смягчилось. Она выписала мне направление на лечение. Когда я вышел из кабинета, то сразу же поблагодарил Бога за Его помощь, и в тот же день оказался в зэковской больнице республиканского значения на «Холодной горе». Когда меня провели через спецприёмник, помыли и переодели, а потом направили в палату и положили на койку с мягкой сеткой и белыми простынями, а через окна проливался нежный дневной свет, я закрыл глаза и подумал:

– Может быть, я уже на небе?..

Контраст был настолько разительным, что этого нельзя передать. Тогда я и не предполагал, что мне придётся пробыть здесь около месяца, но потом понял, что это была Божья милость ко мне. Лечебный процесс в тюремной больнице практически ничем не отличался от обычного: анализы, определение диагноза заболевания. Разница только разве в том, что все палаты – под замком. Да и

корпуса больницы находились за тюремным ограждением под охраной.

У меня оказалось обычное простудное заболевание, правда, с осложнением: на лице появились ранки. Эти ранки долго не заживали, а Бог положил врачам на сердце лечить меня до полного выздоровления. Находясь в сравнительно спокойной обстановке, я много размышлял о пережитом, много молился и проверял своё полное посвящение Господу. Господь даровал особенную близость с Ним. Очень удручало то, что я не мог иметь при себе Новый Завет. Пришлось по памяти вспоминать стихи из Слова Божия и размышлять над ними.

Большим ободрением для меня стало то, что при больнице была неплохая библиотека. Пересмотрев книги, я выбрал двухтомный дневник дореволюционного профессора Никитенко. В этом дневнике было приведено очень много мест Священного Писания, а также переданы мысли глубокой человеческой мудрости в жизненных вопросах. Пользуясь возможностью, я делал для себя некоторые выписки, заготавливал духовную пищу на худшие времена. В мыслях и в сердце рождались новые стихи.

Друзья, будем солью и светом Христовым
Без пятен порока и с чистой душой.
И будем готовы к гонениям новым –
В небесных обителях вечный покой...

Контингент больных в палате менялся часто. Невольно пришлось прислушиваться и присматриваться к вновь прибывшим. Большим авторитетом пользовались заключённые с большим сроком и с большой отсидкой в заключении. Однажды вечером в камеру занесли человека в возрасте по фамилии Зимин. Через время стало известно, что он не выдержал пересылки. В сталинское время он получил двадцать пять лет, и двадцать четыре года уже отсидел. Теперь его то и дело возили из тюрьмы в тюрьму. Возле него сразу же собралась группа зевак – послушать богатые истории из блатной жизни. А жизнь была полностью исковеркана грехом и

пороками, и видно было, что угасала. Трудно было сказать, сможет ли он дотянуть последний год.

Тюремная жизнь характерна тем, что затрудняет молитвенное общение с Господом «за закрытой дверью». От камерного шума, раздоров, грязных выражений невозможно никуда скрыться. Эта печальная повседневная обстановка часто приводила меня в удручающее состояние. Но Господь научил мысленно переключаться с неё на внутреннюю близость с Ним. В тюремной больничной палате было намного больше возможности для молитвы и размышлений над божественными истинами, а также для воспоминаний и анализа прошлой жизни. Рождались новые стихи...

За стенами тюремной больницы расцветало лето. Через открытое окно ветер доносил запах душистых трав и цветов. Для меня было неописуемым счастьем по вечерам стоять у открытого окна, вспоминать прошлые пережитые милости Божьи, явленные в жизни, ответы Божьи на молитвы матери. Только через годы становится понятным то, что делал Господь, как Он вёл, охранял, вразумлял, оберегал от юношеской легкомысленности.

Вспомнился случай из студенческой жизни. Тогда я учился на втором курсе сельскохозяйственного техникума. После двух-трёх пар теоретических занятий нас отправляли группами на так называемую практику – сельхоз работы. Было такое же лето, всё благоухало после прошедшего дождика. Мы, группа ребят, шли, о чём-то бойко рассуждая, и ничего не замечали вокруг себя. Полевая дорожка шла рядом с железнодорожными путями. Когда кто-то скомандовал перейти через железную дорогу, ребята, с которыми я шёл, побежали. Я был в нерешительности: бежать или пропустить приближающийся состав... За поворотом его не было видно. Но в последнюю минуту я надумал догонять тех, кто уже перебежал. И здесь случилось непредвиденное: перепрыгнув одну колею, я споткнулся и упал на второй, по которой из-за поворота быстро приближался электровоз. Сознание сработало мгновенно, и я, не поднимаясь на ноги, кубарем ска-

тился под откос. Вставая, услышал стук колёс над головой и протяжный гудок машиниста. Руки и ноги дрожали. Я понял, что был на один шаг от смерти, но чья-то сильная рука сохранила мне жизнь. Я много раз после того случая благодарил Бога за Его милость ко мне...

Лечение моё продвигалось медленно, и здесь я тоже видел промысел Божий. Мне давали мазь для ран, кололи витамины и три раза в день давали пить какие-то таблетки. Температура упала после уколов пенициллина. Я опять благодарил Бога.

У меня родилась мысль написать поэму в стихах о страданиях первых последователей Христа и сравнить их со страданиями христиан последнего времени. Юношеского задора и энергии было так много, что, казалось, они переливались через край. Я не мог ничего не делать для моего Господа, ведь у меня было столько свободного времени. Сразу же принявшись за работу, писал карандашом, а листочки прятал в книге «Дневник профессора Никитенко». Но полностью мечту осуществить не получилось. Просто не хватило времени. Название поэмы появилось само собой: «Последователи Христа – христиане»...

Курс лечения подошёл к концу, я чувствовал себя бодрым, окрепшим. Ожидал команды на возвращение в тюремную камеру и на прежнюю работу напильником: обтачивать детали из карболита для предохранителей. Это был каторжный ручной труд. У меня без привычки руки были в кровяных мозолях от напильника. Пальцы на руках сводило так, что они не хотели сами разжиматься. Тех, кто не выполнял норму, лишали отоварки: буханки хлеба и пачки маргарина в месяц. Кто ударно работал, и целый месяц выполнял норму, того отоваривали на две буханки хлеба и две пачки маргарина. Это было хорошим стимулом для заключённых, остро ощущающих упадок сил от недоедания.

Голод доводил некоторых молодых ребят до безрассудства. Получив буханку хлеба с маргарином, они перерезали хлеб вдоль пополам и, намазав маргарином, целой пачкой,

сразу съедали. Потом эти бедняги сидели у дверей и со слезами просили дежурного: «Начальник, начальник, пожалуйста, выпусти в туалет...»

Но их выпускали не сразу. Дежурные имели опыт и знали, в чём дело.

Я поступал по-другому: брал буханку хлеба, резал на тоненькие ломтики, и сушил сухарики. Потом, когда голод очень беспокоил, как конфетку клал сухарик в рот и сосал, пока от него ничего не оставалось.

Вспоминая в больнице пережитое, я молился и просил Того, в Чьих руках была моя жизнь, чтобы Он всё усмотрел и устроил и в настоящем, и в будущем.

Часть 1 Глава 19

Духовный труд для Господа

Несмотря на все трудности, Господь созидал поместную церковь. Правда, не каждый, кто ревностно начинал стоять за истину – устоял. Часть наших друзей из молодёжи, а также и в возрасте – как в Черкассах, так и в посёлке Хуторы – не смогли выдержать обрушившегося на них давления – как извне, так и изнутри. Сначала они редко посещали собрания, извиняясь, что, мол, так складываются обстоятельства, а потом возвращались в зарегистрированную общину, где их с радостью принимали, как заблудших овец. Некоторых же сотрудники госбезопасности страхом загоняли назад, угрожая лишениями и судами.

В таких условиях строилась поместная церковь – из тех, кто полностью доверял Господу и не страшился никаких угроз. Большой радостью и ободрением для церкви были новые души, которые заключали завет с Господом через водное крещение. Так, к осени в церкви было уже около сорока человек.

Частью нашего служения стала поддержка вновь образовавшихся церквей вокруг Черкасс: в Смеле, Балаклее, Журавке, Комаровке, Худяках, Сагуновке. Мы часто проводили совместные собрания то в Балаклее, то в Смеле, то в Белозирье. Особенным благословением пользовались совместные собрания при встрече Нового года.

Большим авторитетом среди братьев пользовался брат Яков из села Балаклея. У него была большая семья. Брат был искренний, жертвенный служитель, правильно понимающий сложную обстановку, знающий Священное Писание. К нему многие приезжали за советом. Он был хорошим наставником молодёжи.

Среди сестёр выделялась скромностью и мудростью сестра Люся из Смелы – вдова, воспитывающая троих маленьких детей. В селе Худяки особой ревностью отличалась сестра Мария – бывшая учительница, вдова, бесстрашная женщина, готовая в любую минуту любому засвидетельствовать о Христе.

Сильно ощущалось отсутствие в нашей поместной церкви рукоположенного служителя. Приходилось ожидать заезжих братьев. Особенно проблемно было со служением воспоминания смерти Господней. Решили в этом вопросе поступить по Слову Божьему – избрать из своей среды служителя. Ревностные и жертвенные братья были, но все – молодые, и поэтому выбор пал на брата Филиппа. У него – семья, трое деток-девочек. Брат способный, знающий Писание. Когда его кандидатура была предложена на членском собрании, они с женой долго не давали согласия. Дать согласие на рукоположение – означало поставить себя под удар от внешних, которые действовали по принципу: «поражу пастыря – рассеются овцы».

Но после беседы с братьями-служителями рукоположение состоялось, чему вся церковь была очень рада и благодарна Господу. Мы, молодые братья, старались помогать брату-служителю, но трудности были очень большие.

Нам с братом Васей вновь пришлось менять квартиру. На этот раз нам оказал милость брат Упырь из Черкасской зарегистрированной общины. Он нас хорошо знал, потому что братья в общине доверили ему ответственную должность придверника.

В это время Господь являл мне особенную милость через близость общения и через откровения. Однажды утром я проснулся рано, но в комнате было уже светло. Не успел

я подняться с постели, молитвенно размышляя о Слове Божьем, как вдруг очень ясно услышал голос:

– Прочитай место из Писания: Матфея, 8 глава, 22 стих.

Я, как юный Самуил в храме, не знал, куда бежать и что делать. Целый день я был под впечатлением услышанного голоса. Потом начал рассуждать о написанном: «Но Иисус сказал ему: иди за Мною и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов». Я понял главное: Господь предлагает следовать за Ним и не связываться с тем, что мёртво для Господа. У меня тогда остро стоял вопрос об учёбе в институте: оставить её или же продолжать учиться? Господь ясно указал, чтобы ради Него я оставил то, чем очень дорожил.

Пришлось полностью перестроить свою жизнь на духовный труд для Господа: проповедь Евангелия Царствия Божия и печать на стеклографе духовной литературы.

Теперь после работы я уже не бежал в институт на занятия, а всю неделю писал, готовил материал для печати в субботу. Только потом я понял, насколько ценным для меня был этот труд. Когда я писал духовные статьи, объяснения, толкования Священного Писания, я впитывал в себя истину Слова Божия. Писала не только моя рука, но всё чётко записывала моя память. С другой стороны, эти святые истины стали достоянием многих жаждущих сердец.

Небольшой группой молодёжи труд свершался дружно и слаженно. Все понимали большую ответственность, и знали, чем всё это может закончиться. Но о последствиях никто не думал. Мысли были о том, чтобы как можно больше сделать для Господа. Мы с братом Васей поделили труд на две части: я отвечал за подборку материала и подготовку его к печати, он – за печать и переплёт книг.

Мы уже давно ожидали областного братского совещания. После воскресного собрания наш пресвитер, брат Филипп, подозвал нас:

– Братья, на следующую субботу на десять вечера намечено представительное братское общение. Подготовьте необходимую литературу.

– Очень хорошо, слава Богу! – лицо брата Васи просияло от радости.

– А где будет проходить общение?

– У нас в Черкассах, в моём доме. Только, сами понимаете, это не для широкого круга.

– Будьте спокойны, брат, мы всё хорошо понимаем.

И мы с братом Васей начали старательно готовиться к предстоящему братскому общению.

В субботу, когда уже полностью стемнело, друзья, представители церквей из области, начали собираться, но с большой осторожностью. Усадьба брата была на окраине города, что облегчало конспирацию. Главное, чтобы соседи не донесли властям – тогда общение не состоится. Поэтому друзья заходили во двор по одному или вдвоём, без лишнего шума. Когда мы с братом Васей зашли в дом, то в комнате было уже много людей. Все в ожидании, небольшими группами, тихо беседовали. Окна в комнате были плотно зашторены, чтобы наружу не пробивался свет, ведь общение должно было идти всю ночь. Мы сразу же начали помогать хозяину, сооружали скамейки в комнате. Для этого надо было ставить табуретки, класть на них доски и накрывать покрывалами.

А друзья всё подходили и подходили. Проводниками были сёстры. Ровно в десять вечера всем было предложено занять места. От некоторых церквей представителями были сёстры. Общение вёл брат Яков. А рядом с ним были братья-служители: Павел из Сагуновки, Николай из Смелы, Владимир из Журавки, Степан из Бузовки, и Филипп – хозяин дома в Черкассах. Обращаясь к присутствующим, брат Яков призвал всех ко вниманию:

– Итак, друзья, успокоимся, будем начинать наше братское совещание. Мы рады, что смогли собраться в доме нашего брата, который вместе со своей женой сегодня, в это позднее время, в нашем лице принял нашего Спасителя Иисуса Христа. Наше совещание мы начнём с молитвы и попросим брата, хозяина дома, помолиться и попросить Божьего благословения на наше общение.

После молитвы вполголоса пропели гимн «Дорогие минуты нам Бог даровал». Брат Николай из Смелы прочитал Слово Божье, и все склонились в горячей молитве. Благодарили Бога за дарованную милость в трудные часы испытания – собраться вместе, чтобы разделить и радость и горе.

После молитвы брат Яков зачитал вопросы, которые предлагались на обсуждение. Первым был вопрос об общем положении народа Божьего. Всем очень хотелось знать о положении, сложившемся в братстве. Вторым вопросом были сообщения с мест. Далее братья предлагали утвердить областной пресвитерский совет для координации духовной работы. Был также предложен вопрос о проведении разъяснительной работы в поместных церквах братства, в связи с отступлением от истины духовного центра ВСЕХБ. Последним был вопрос о нуждах на местах. Пока зачитывали вопросы, я написал и передал записку: «Брат Яша, у нас много духовной литературы. Скажите, когда надо будет раздавать?»

Доклад по первому вопросу делал брат Яков. Он, знающий создавшееся в братстве положение, разъяснил, как внедрялось законодательство о религиозных культах, «Новое положение», а также «Инструктивное письмо» для служителей поместных церквей братства. Рассказал о проникновении духа мира в церковь, о малодушии руководящих братьев Союза, и о явном предательстве дела Божия. Он зачитывал выдержки из «Инструктивного письма» и делал разъяснения. Перед нашим взором открывалась картина страшного отступления от заветов Христа. Сердце сжималось болью от такого предательства и от пренебрежения истиной.

После доклада было много вопросов. Это были вопросы дальнейшей практической жизни и служения Господу. Потом друзья по очереди рассказывали, какая обстановка складывалась на местах. Отступление породило в поместных церквах много раздоров. Ссоры приводили к разделениям, открытой вражде и поношениям. Каждый, кто имел страх Божий и искал выход из создавшегося положения, понимал,

что поместные церкви надо призывать к посту и молитве за пробуждение, освящение, очищение от грехов и пороков.

Когда мне было предоставлено слово, я сказал, обращаясь к собранию:

– Дорогие в Господе братья и сёстры! Видя насущную нужду в исправлении нашей жизни, жизни народа Божьего пред нашим Господом, хотел предложить нам, а потом – поместным церквам, проработать подготовленный нами материал под названием «Духовное очищение». Верю, Господь будет достигать Своей цели в сердцах детей Своих, если мы предоставим возможность действовать Духу Святому.

Ознакомившись с отпечатанным на стеклографе материалом по очищению, друзья поддержали предложение и решили, что нам надо начинать с себя. Поэтому остальные вопросы разрешились быстро, а потом перешли к главному.

Часть 1 Глава 20

Свидетельство в тюрьме

Вот и закончилось, по милости Божьей, моё лечение в тюремной больнице, и вновь я – в тюремной камере, теперь уже на втором этаже. Всё начинается с азов: знакомство с людьми, с порядками: писаными и неписаными. Крытая тюрьма (крытка) была особой, самой строгой формой заключения. Это было выражено во всём: в условиях содержания, в питании, переписке с родными, свиданиях и других нормативах.

Так, например, из двадцати четырёх часов содержания под замком положен был только один час прогулки на свежем воздухе. Очень удручающе воздействовал электрический свет – и днём, и ночью. Ужасной борьбой за выживание была борьба с насекомыми, особенно – с клопами. Днём – изнурительная работа, а ночью – война со страшной армией кровопийц. И постоянные проверки, проверки – и днём, и ночью. Большой проблемой в камере была нехватка чистого воздуха, ибо все заключённые курили. Чтобы люди не задохнулись, на втором этаже в камере было два зарешеченных окна без стекол. Через окно дым, как через дымоходную трубу, выходил наружу, что спасало заключённым жизнь, но зато в зимнее время приходилось испытывать ужасный холод.

Поэтому крытая тюрьма наводила ужас на заключённых, и провинившихся в зонах направляли туда для исправления. Некоторые так и говорили: это тюрьма в тюрьме. Основная

задача администрации тюрьмы состояла в том, чтобы всех заключённых, в том числе слабых и инвалидов, приобщить к трудовой деятельности. Больные отправлялись в санчасть. Я был удивлён, увидев в камере, куда меня поместили после лечения, Лёшу – молодого человека из Донецкой области, весёлого парня, но без обеих ног. Передвигался он на маленькой тележке на подшипниках, скрип которых был далеко слышен, когда Лёша «ехал» по коридору тюрьмы. Он подвергался трудовому перевоспитанию наравне с остальными. Это была коммунистическая логика: труд облагораживает человека. Чтобы человек из преступника стал благородным, его надо привлечь к каторжному труду. Чем больше из него выбить и выжать, тем быстрее он облагородится.

От сокамерников я услышал, что в крытой тюрьме сидят два родных брата по фамилии Чуприны. Они – из Крымской области, верующие, и страдают за свои убеждения. Но характерным для их веры было то, что они заявили: на коммунистов работать – грех, и паспорта с их сатанинским серпом и молотом иметь – тоже грех. Оказавшись в тюрьме, они строго придерживались своих убеждений, и из пониженного заключения, то есть из тюрьмы в тюрьме, не выходили месяцами, практически обрекая себя на смерть. Ибо пищу на таком режиме дают через день. В голодный день дают кипяток. Одежды, кроме нижнего белья, тоже не дают.

Меня эти люди с их убеждениями очень заинтересовали. Я начал молиться и просить Господа, чтобы, если Его воле угодно, Он дал нам встречу. Прошло около двух недель. И вдруг, кажущееся невозможным, стало возможным – я получил ответ на молитву. Возвращаясь с работы в камеру, мы увидели человека, сидящего на верхних нарах. Спросили, кто он и откуда.

– Я – Григорий Чуприн из Крымской области.

– За что же тебя оформили в это место?

– За веру в Бога.

Я сразу понял, что Бог ответил на мою молитву. Но что это? Верующий в Бога человек сидит в камере на верхних

нарах и профессионально дымит самокруткой. Я подсел к нему, подал руку и сказал:

– Меня зовут Николай Шепель, я тоже осуждён за убеждения. Скажи мне откровенно, Григорий, ты на самом деле веришь в Бога?

Он посмотрел на меня с удивлением и сказал:

– Да, я верю в Бога.

– Так зачем же ты куришь? Ведь это же – грех перед Богом.

Он долго молчал, потом наклонил голову, загасил дымящуюся самокрутку и тихо сказал:

– Если бы всего-то и греха...

Я понял, что у этого человека проблема не только с атеистическим режимом, но и более сложная – с режимом обмана самим дьяволом. Поэтому надо быть очень аккуратным в беседе, чтобы расположить его к слышанию истины, дорожа временем, понимая, что он долго в этой камере не пробудет.

– Григорий, если ты не против, давай вечером после ужина побеседуем?

Он подумал и кивнул головой в знак согласия. Я был рад, ибо видел в этом волю Божью.

Около семи часов вечера в коридоре стал слышен шум, а также звон посуды. Голодный народ собрался у дверной кормушки за порцией каши. В этот вечер была овсянка. Заключённые называли её пищей для лошадей. Так как запаренный и едва проваренный овёс был наполовину с шелухой, то надо было умело есть такую кашу, отделяя шелуху. Добавки не было, каши выдавали только по одному черпаку.

После ужина я, помолившись, пошёл к Григорию на нары для беседы. Дух Святой расположил сердце вначале рассказать ему о себе, чтобы тем самым вызвать у него взаимную откровенность.

– Григорий, я хочу поделиться с тобой тем, как я пришёл к вере в Бога и почему оказался за этими стенами. Всё это – из-за верности Господу.

Тихая, спокойная беседа возымела своё действие и дала результат. Григорий понемногу сбивчиво начал рассказывать о себе и о своих убеждениях:

– Мои родители живут в Крыму, и я с братом Василием воспитывался в православной вере. Когда мы подросли, то поняли, что православное священство изменило вере и стало сотрудничать с коммунистическим режимом. Мы стали искать правды и познакомились с людьми, которые назвали себя истинно верными Богу, готовыми страдать и умирать за веру. Это истинно православные верующие, странствующие.

У меня было немало вопросов к Григорию, но я старался не перебивать его, а только сочувственно кивал головой.

– Мы отказались от паспортов, так как на них сатанинские знаки – серп и молот, а также отказались работать на государственных предприятиях на коммунистов, на сатану.

– Григорий, а как же и за счёт чего вы живёте?

– Мы, христиане странствующие, работаем у людей по найму – кто что даст. У нас нет постоянного места жительства. Мы достигаем святости через страдания. Вот я – ещё не совершенный, а мой брат Василий – он не курит и не сквернословит, очень терпеливый.

– А много у вас единоверцев, и поддерживаете ли вы между собою братские связи?

– Нас немного, но мы поддерживаем друг друга, и верим, но это под строгим секретом, – Григорий с опаской оглянулся по сторонам, – что скоро должен разрушиться коммунистический режим, и вновь придёт к власти царь, Николай Второй. Тогда будет утверждено Царство Божие на земле. А сейчас нам приходится много страдать.

Чем больше он рассказывал, тем больше я убеждался в страшном заблуждении этих людей. Как и чем можно им помочь? Я сознавал, что это нелегко. Такой глубокий религиозный фанатизм разбить сложно. Мне было жаль огорчать Григория, ведь он был так уверен, что страдает за Бога, и я предложил:

– Григорий, давай помолимся, а завтра продолжим беседу на тему: «Христос спасает по вере».

Молитва у Григория не получилась, он несколько раз осенил себя крестным знамением и сказал: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь». Мою молитву к Богу он внимательно выслушал и вместе со мной сказал «Аминь».

Утром Григорий на работу не пошёл. Целый день я размышлял над его пониманием вопросов веры и жизни по вере. Я надеялся, что Господь даст мне возможность засвидетельствовать ему о спасении по вере, и Господь ответил на мои молитвы. Несколько вечеров мы до отбоя беседовали с Григорием, сидя на его нарах. Делились коркой хлеба на сон грядущий. Он уже привык к беседам и ожидал меня с работы, но тюрьма – не дом родной, а режим строгого содержания усматривал не наши планы, а планы администрации, и однажды, придя с работы, я не застал его на месте.

Работа у меня была очень тяжёлая, и я понял, что если Господь не вмешается в эту проблему, то мне скоро опять придётся лечиться в тюремной больнице. Большой радостью и ободрением было получать письма от родных и друзей. Бывало, приходишь с работы и сразу смотришь на матрас: если там лежат письма, значит, вечер пройдёт в общении. Хотелось каждое письмо перечитывать по несколько раз, вдумываясь в каждое слово и предложение. Писать разрешалось только два письма в месяц. Из писем узнавал, что народ Божий молится за узников.

Однажды на работе гражданский мастер, бывший лётчик, офицер-отставник, подошёл ко мне и спросил:

– Шепель, какое у тебя образование?

– Незаконченное высшее.

– А ты чертежи мог бы делать?

– Да, конечно, черчение было моим любимым предметом.

– А как ты смотришь на наколки на теле, которые делают твои сокамерники?

– Очень отрицательно. По моему убеждению – это грех пред Богом. Я стараюсь убеждать людей, чтобы они этого не делали.

– Тогда я хотел бы предложить тебе работу чертёжника, если ты дашь обещание никому и ни при каких обстоятельствах не выносить и не продавать тушь. Если ты дашь такое обещание, я буду ходатайствовать о твоём переводе на работу чертёжником.

Я сразу понял, что это – ответ на наши молитвы, и поэтому спокойно, но убедительно сказал:

– Гражданин начальник, я кривить душой не могу: всё, что идёт вразрез с моими убеждениями – грех пред Богом, а Ему изменять я не могу. Это вопрос моей жизни и смерти.

– Хорошо, я знакомился с твоим делом и доверяю тебе. Надеюсь, не подведёшь. Будем ожидать разрешения от начальника по режиму.

Прошло время в ожидании и усиленных молитвах к Господу. В субботу ко мне подошёл нарядчик и объявил, что с понедельника меня переводят на другую работу. В молитве я сказал Господу:

– Господи! Дивны и чудны дела Твои. Ты всё видишь и знаешь, Ты отвечаешь на молитвы и просьбы. То, что невозможно человекам, Тебе, Богу – возможно.

На новом рабочем месте я познакомился с евреем, который должен был работать со мной по оформлению класса для обучения заключённых специальности электрика. Мы с ним быстро обговорили все вопросы, и дело пошло. Я делал чертежи и наглядные пособия для стендов. Он стенды электрифицировал. Наш мастер был доволен работой.

Однажды он наедине тихо сказал мне:

– Можешь к празднику подписать открыточку для родных, и дай адрес, я отошлю.

– Большое спасибо, да благословит вас Бог! – сказал я ему, а он улыбнулся.

С большим внутренним трепетом я решил воспользоваться предложенной возможностью и передать друзьям на свободу коротенькое письмо, в котором писал:

«Дорогие мои, спешу к вам с самым сердечным приветом и массой наилучших пожеланий. Пусть мир и любовь Его наполнит и преисполнит ваши сердца, чтобы радость постоянно сопровождала вас в повседневном вашем жизненном пути к желаемой цели. Дорогие, желая посетить вас весточкой, я написал бы так много того, чем переполнено моё сердце, но сложившиеся условия до некоторой степени ограничивают нас, а поэтому, думаю, что вы поймёте меня и всё, что желаю передать вам. Посылаю вам коротенькое стихотворение, в котором открываю моё сердце, мою любовь и мои переживания...

По милости Его, я жив и здоров, чувствую себя хорошо под рукою Всевышнего. Исполнен горячим желанием трудиться в Его винограднике теми дарами, которыми Он одарил меня, прилагая к сему всё старание. Очень скучаю за всеми вами, так хочется видеть ваши лица, быть в кругу вас. Но необходимо пройти эту школу – большую школу, которая старательным ученикам даёт так много.

Работаю чертёжником. Работа не тяжёлая, но обстановка трудная – полная изоляция, и не только от внешнего мира, природы, но и от самих заключённых. Всего один час – на воздухе, а всё остальное время – в закрытом помещении под строгим контролем. С Васей вижусь редко, хотя живём рядом, через стенку. Он бодр, не унывает, поддерживает молитвами.

Часто вспоминаю нашу христианскую семью. Анализирую то, что было в нашей жизни. Понял: много было упущено и на многое было напрасно затрачено драгоценное время. Поэтому будем внимательны к себе, постоянно анализируя свою жизнь, чтобы не терять драгоценные минуты, которые никак уже не возвратить.

Данные условия очень ограничивают нас. Думаю, вы меня хорошо понимаете. Будем просить Его, чтобы эти ограничения были разорваны».

Я приложил к письму стихотворение, которое назвал «Призыв к церкви», чтобы ободрить друзей.

Мужайтесь, родные, и в Нём пребывайте,
Боритесь с неправдой, сражайтесь со злом.
А штрафов и тюрем вы не избегайте,
За имя Иисуса сей крест мы несём...

Когда в тюрьму или зону приезжала комиссия по надзору, то местное начальство старалось от души, переворачивая всё вверх дном, наводя порядки. Заключённые уже привыкли к такой штурмовке и спокойно определяли:

– Приехало начальство. Надо готовиться к генеральному шмону.

Гости из верхов приезжали обычно перед известными праздниками: Первомаем, Днём Победы, Днём Конституции – самой демократичной и справедливой в мире. У нас таким посещениям предшествовала ударная война с насекомыми: прожарка одежды и, самое главное, уничтожение клопов. Когда гроза проходила и комиссия уезжала, всё опять становилось на свои места.

В этот день, как и раньше, я утром в молитве предал жизнь Господу. На работу выходил со всей камерой. Только их вели в электроцех, а я шёл к себе на третий этаж. Работал я с интересом: надо было начертить токарный станок крупным форматом. В помещении я был один, и никто не мешал моему внутреннему общению с Господом. Вдруг дверь резко открылась, и вошли двое. Один – в гражданском, а другой – майор, заместитель начальника тюрьмы по политической части. Проходя по длинному помещению, они о чём-то разговаривали. Я понял, что майор рассказывал о том, какие у них планы по поводу оборудования класса и предстоящей учёбы заключённых.

Они медленно подходили ко мне, рассматривая стенды и плакаты, установленные на стенах класса. По уставу режима содержания, я должен был представиться, что и сделал, когда они остановились возле меня. Положив линейку и ручку и, как полагается, заложив руки за спину, я кротко доложил:

– Гражданин начальник, осуждённый Шепель Николай Емельянович, 1938 года рождения, по статье 209, части третьей, приговорённый к пяти годам заключения, три года содержания в тюрьме и пять лет ссылки, с конфискацией личного имущества, выполняет порученную работу.

Человек в гражданском сказал:

– Здравствуйте! – и внимательно измерил меня взглядом с ног до головы. – Скажите, осуждённый Шепель, за какое нарушение закона вы осуждены на такой большой срок?

– Я осуждён за веру и верность Богу.

– Ты – такой молодой, и веришь в Бога? А какое у тебя образование?

– Незаконченное высшее.

– Да... Но у нас, насколько мне известно, за веру не судят. Ты сделал какое-то преступление, выдавая себя за верующего?

– Вся моя вина в том, что я, почитая Господом моего Спасителя, Иисуса Христа, старался жить и быть Ему верным.

– А всё же, конкретно, за что тебя посадили за решётку?

– Один из пунктов моего обвинения, что проводили собрания, отколовшись от духовного центра в Москве. Другой пункт, что на собрании присутствовали дети. Но Христос сказал, что Бог ищет Себе истинных поклонников, которые будут поклоняться Ему на всяком месте в духе и истине. А дальше Он сказал, чтобы мы не препятствовали детям приходить к Нему, ибо таковых есть Царствие Божие. Более того, Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины.

– Так что, Бог хочет, чтобы и я был спасён?

– Да, это большое счастье – получить прощение и свободу от тяжести грехов.

– И ты сейчас счастлив?

– Да, я хотел бы, чтобы и вы были счастливы, как я, только без этих уз.

В это время в дверях показался молодой капитан и быстро стал приближаться к нам. Не доходя до нас метров десять, он начал чеканить шаг, потом резко остановился, взял под козырёк и чётко доложил;

– Товарищ генерал, капитан такой-то прибыл по вашему приказанию.

Наша беседа была прервана, и они быстро ушли. У меня ещё долго звучало в ушах: «товарищ генерал... товарищ генерал...» Я не думал, что свидетельствую генералу о спасении по вере в Иисуса Христа. Потом, тихо поблагодарив Господа, я продолжил работу.

На следующий день на работу пришёл гражданский мастер и спросил меня:

– Что здесь вчера произошло?

Я посмотрел на него внимательно, но он, улыбаясь, сказал:

– Генерал, уезжая, спросил, что это у нас за верующий отбывает срок заключения? Чуть ли не убедил его стать христианином...

Радуясь в сердце услышанному, и благодаря Бога за Его милость, я спокойно сказал:

– Да, у нас вчера здесь была короткая беседа, но я не знал, что говорю с генералом.

– Ну, ничего, всё хорошо. Генерал всем увиденным и услышанным остался доволен.

Время шло, и я видел, как окружающие люди, особенно начальство, меняло своё отношение к нам, верующим. У некоторых проявлялся живой ко всему, что было связано с Богом, но они очень боялись показать это перед другими. Когда, например, во время перерыва я спускался на первый этаж, чтобы немного подышать свежим воздухом, меня там уже поджидал прапорщик. Он был на пенсии, но подрабатывал. Оглядываясь по сторонам, он задавал мне различные вопросы о Боге, об Иисусе Христе, о вере в Бога.

Я, понимая его положение, внимательно оглядываясь вокруг, давал ему краткие пояснения. Он настолько расположился ко мне как к сыну, что начал рассказывать о своей жизни.

Он служил в войсках МВД на севере, в различных лагерях.

– Я там встречал таких, как ты, верующих. Что сказать? Это хорошие люди.

С работы в свою камеру я возвращался без конвоя, и это также была милость Божья. Однажды, идя по длинному коридору, я встретился с женщиной-сержантом, которая выдавала заключённым положенные раз в полгода передачи. Увидев меня и убедившись, что никого рядом нет, она тихо сказала:

– Там возле забора часто ходят ваши. Они просили меня, когда будет возможность, передать вам от них привет.

– Большое спасибо вам! – сказал я и попросил передать привет и от меня.

Она ушла дальше, а я, ободрённый доброй весточкой, как на крыльях летел, размышляя, кто же это мог сделать. Я ещё раз понял: мы здесь не забыты, друзья посещают тюрьму, ищут пути, чтобы увидеть нас, или хотя бы ободрить.

Так, в тюремных житейских буднях прошло полгода, а это значило, что положено свидание на два часа и продовольственная передача, если не было нарушения режима содержания. Так как вся моя жизнь до доли секунды и каждого биения сердца была доверена Господу, то я постоянно молился, чтобы Он всё усмотрел, и чтобы было так, как Ему угодно.

Домой же, родным, я написал, что есть возможность иметь свидание и передать передачу. Утром, уходя на работу, я, как всегда, предал свою жизнь в руки Господа. Около десяти часов ко мне подошла уже знакомая женщина-сержант и сказала, что надо идти за ней. Я был в недоумении от такой команды, но смутно догадывался о её причине. Дорогой она тихо сказала:

– У вас сегодня праздник – к вам приехали на свидание.

– Да? Спасибо.

У меня от волнения перехватило дух. Я не знал, как проходят краткие свидания в крытой тюрьме, и был в большом напряжении. Меня привели в комнату и сказали, что надо ждать. Сердце учащённо билось – где-то рядом были мои

родные, друзья. В сознании постоянно звучал один и тот же вопрос:

– А с кем разрешат встречу? Кто смог приехать?

Роящиеся в голове мысли были резко прерваны приглашением пройти в комнату свиданий. Молодой человек в чине младшего сержанта спросил меня:

– У вас в карманах нет ничего запрещённого?

– Нет, – сказал я и предоставил ему возможность обыскать меня.

Но он этого не сделал, а пропустил меня вперёд и открыл дверь. Когда я переступил порог комнаты, то увидел за столом мать, сестру и Богдана, который уверовал год тому назад в Черкасском следственном изоляторе.

Это было сверх ожидаемого. Здесь же сидела женщина-сержант. Я понял, что она уже рассказала моим родным, как надо вести себя во время встречи и свидания. Но когда я поздоровался, то всё было нарушено. Мать сразу же подбежала ко мне и, крепко обняв, в слезах всё время повторяла:

– Слава Богу, слава Богу... Я так соскучилась по тебе, сынок... Наконец-то мы увиделись...

Женщина-сержант стояла в растерянности и не знала, что предпринять. Потом подбежала сестра Меланья, также крепко обняла и, взяв меня за руку, что-то вложила в ладонь, надеясь, что сделала это незаметно. Потом я крепко обнялся с Богданом, и мы уселись за столом. На несмелые вопросы звучали сбивчивые ответы с обеих сторон. Когда напряжение улеглось, я рассказал, естественно, в рамках дозволенного, о моей жизни в тюрьме, о работе. Потом – о здоровье и, конечно, о Васе Чосенко: живём рядом, но мало видимся, потому что таков режим содержания.

Меня интересовало, как там дома, как в большой семье-церкви? Какие произошли изменения за прошедший год? Я понимал, что весь наш разговор могут записывать и потом анализировать с пользой для работников КГБ, потому и сам был аккуратным в разговоре, и рад был за родных, что они также это понимали.

Дополняя друг друга, они старались утешить меня и успокоить: всё, мол, нормально. Дело Божье совершается, несмотря на трудные обстоятельства. Богдан рассказал о себе, как сложилась его жизнь после нашей разлуки.

Через несколько месяцев после нашей встречи он уже был на свободе. Предварительно, через письма, познакомился с некоторыми членами нашей поместной церкви. После освобождения его встретили друзья и оказали духовную и материальную поддержку. А через время Богдан с группой молодёжи принял крещение. Когда узнал, что моим родным дают свидание, то начал просить Господа, чтобы и ему иметь встречу. Бог ответил на его молитву.

Время пролетело так быстро, что я даже не успел опомниться, как последовала команда:

– Время свидания закончилось, прощайтесь.

И, как всегда, прощаться было тяжело, опять были слёзы, но уже не радости, а надежды. Мы старались ободрять друг друга, как могли. Видимое было печальным, а невидимое, по вере – радостным и надёжным. Мы крепко обнялись и распрощались, после чего я вновь оказался в помещении, в котором был до свидания. Прошло немного времени, и меня позвала женщина-сержант. Она сказала:

– Пойдём и заберём передачу.

Когда мы вошли в комнату, где через окно принимают передачу, она тихо сказала:

– Действительно, Бог есть! Видите, сколько набросали? Собирай! Бросают и бросают, а я ничего не могу сказать, горло перехватило, молчу, только смотрю.

И только я начал складывать в сумку продукты, как она неожиданно остановила меня и сказала:

– Это не позволено, но, пожалуйста, ведите себя спокойно…

Затем быстро открыла окно, через которое принимала передачу. Я ахнул от неожиданности – это действительно был подарок для меня: за окном в два ряда стояли друзья, которые приехали из Черкасс в надежде хотя бы издали

увидеть меня. И теперь – такое чудо! Мы видим друг друга, рукой подать. Эмоции переливались через край, но женщина-сержант показывала знаком, что надо молчать, потому что всем будет плохо. Поэтому рассудок взял верх над эмоциями: я только смог сжать руки и поднять их над головой, тихо приветствуя моих дорогих друзей, посмотреть в их светящиеся радостью глаза и увидеть в них маленький отблеск свободы.

Потом окно закрылось, и щёлкнул замок, давая этим понять, что общение со свободой закончилось. Посмотрев мне прямо в лицо, женщина вновь повторила:

– Наверное, Бог есть ... Я по-другому поступить не могла. Собирай всё быстренько, только не знаю, как мы всё донесём. Я считаю, в камеру всё нести не целесообразно...

– Думаю, занесём ко мне на третий этаж на работу... – сказал я, и она согласилась.

Когда уже всё было упаковано в три сумки, она спросила меня:

– А что тебе сестра передала во время свидания, наверное, деньги?

От неожиданности я покраснел и не знал, как себя вести, и что ответить, поэтому ответ получился каким-то нечётким и невнятным:

– Не знаю, но думаю, ничего плохого она мне передать не могла...

– Ну ладно, сейчас пойду просить младшего сержанта, чтобы помог тебе донести передачу на третий этаж.

Я посмотрел ей прямо в глаза и, увидев в них сочувствие, а также обеспокоенность, тихо сказал:

– Спасибо вам за всё.

Часть 1 Глава 21

Семья Петра Григорьевича Евтушенко

Гонения на Церковь Христову от самого начала её существования никогда не были чем-то необычным или странным. Апостол Пётр писал: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1Петр. 4:12,13).

На Украине, ещё при царской России, то в одном, то в другом селении, где пробуждались ростки новой жизни во Христе, со стороны православия, как государственной религии, шли жестокие гонения на так называемую «штунду». Не обошли такие репрессии и Черкасщину. Так, в селе Журавка, в ста километрах от Черкасс, благодаря живой проповеди Слова Божьего, образовалась небольшая община рождённых свыше детей Божьих. Вначале были насмешки, потом – угрозы, но истина Божья утверждалась и расширялась, и число спасённых увеличивалось. Потом пошли доносы на братьев-проповедников в вышестоящие инстанции. Однажды знойным летним днём в село приехало начальство: урядник и священник. Людей начали собирать на сельскую сходку. Под строгим принуждением пришли и братья. Священник много говорил об опасности «ереси», которая появилась на Украине:

– Это – не наша вера, а чужая, из-за границы, она приносит много вреда людям. Вот и в вашем селе Журавка есть последователи этой ереси. С этим злом надо вести решительную борьбу.

Урядник со своим помощником поставили двух братьев перед священником, и тот, обращаясь к ним, сказал:

– У вас есть возможность одуматься, принародно отречься от распространяемой вами ереси и жить спокойно с вашими семьями. В знак вашего отречения вам надо сказать: «отрекаюсь», перекреститься и поцеловать вот этот крест.

Наступило гробовое молчание. Все ожидали, что будет дальше. Но к священнику никто не подошёл и креста не поцеловал. Тогда он сказал:

– В таком случае дело передаётся уряднику.

Братьев тут же, на площади, под плач жён и детей, заковали в кандалы и отправили в губернию, а потом, как стало известно, в Сибирь на каторжные работы. Домой они не вернулись.

Проходили годы, менялись государственные системы, волна революции крушила всё на своём пути, но гонения на верных делу Христа оставались прежними. Село Сагуновка располагалось в тридцати километрах от Черкасс, над самым Днепром. Богатые чернозёмом земли, фруктовые сады и чудесные уголки природы были не только украшением этого села, но и хорошим средством для жизни его обитателей. Слово Божье, как добрый посев, упало в сердца жителей этого села и дало прекрасный плод: создалась поместная церковь.

Среди ревностных приверженцев Евангельской истине была и семья Евтушенко, по-уличному, Маджугов. Эта простая крестьянская семья была одарена понятливостью, крепким здоровьем и физической силой. Старшим был Прокоп. Славился он среди сельчан тем, что свободно мог взять зубами мешок с зерном и перенести с места на место. За ним – Олекса, потом – Петро – один в один, как молодые крепкие дубки. Их сёстры Ольга и Марфа были под стать братьям

– низкорослые, крепкие. Самым меньшим в семье был Григорий. О себе он скромно говорил, что не отличается таким здоровьем и силой, как его старшие братья.

Когда семья была ещё неверующей, то славилась различными проделками – не только в родном селе, но и во всей округе. Только и слышно было:

– Маджуги пришли... Вы видели, Маджуги здесь?..

И все ожидали приключений. Но когда семья уверовала, её жизнь в корне изменилась. Вскоре все женились, и поместная церковь начала очень быстро расти. Старший из братьев, Прокоп, принял пресвитерское служение, и долгие трудные годы был прекрасным, заботливым пастором. Бог дал ему дар разумения Слова Божьего и простого и доступного изложения его. Все любили слушать его проповеди. Когда он стоял за кафедрой в Доме молитвы – крупный мужчина с длинной пышной бородой – то напоминал патриарха древности.

А хор, бывало, так пел, особенно басы, что даже лампы керосиновые гасли, пел прекрасно и стройно. Когда время было благоприятное и гонений больших не испытывали, церковь быстро росла количественно и насчитывала уже не десятки членов, а сотни. Для сельской местности – это особое Божье благословение.

Но вскоре грянула война. Оккупация, послевоенная голодовка – всё это нанесло большой удар делу Божьему, но стало хорошим экзаменом на верность Господу. Григорий Иванович, самый младший в семье, отличался очень большим терпением и скромностью, был немногословным, но мудрым и рассудительным. Жена его, Анна Кузьминична, была из зажиточного сословия и, напротив, женщина твёрдого и решительного нрава. Бог послал им восемь детей, но в живых осталось только четверо. Остальные умерли в раннем детстве. Старший сын – Семён, потом – Анна, Пётр и самый меньший – Фёдор.

Война наложила свой отпечаток и на эту семью. Семён не вернулся с фронта домой. Пётр за верность Господу и не-

согласие брать оружие был осуждён на пятнадцать лет. Бог сохранил от худшего – тогда за такое преступление давали двадцать пять. Фёдор был сильно травмирован психически: всю жизнь прожил с родителями, и не смог иметь свою семью.

Анна была копией своего отца, Григория Ивановича – скромная, рассудительная, очень жертвенная для Господа, но, как говорили о ней люди, в жизни неудачница. После войны вышла она замуж за Якова Цаподоя, но не прожила с мужем и года – похоронила. Умер он от осложнившихся ранений, полученных на войне, и надорванного тяжёлой работой слабого здоровья. Он не увидел рождения своей дочери, но дал ей имя – Катя.

Ей не раз делали предложения, но Анна больше замуж не вышла. Однажды она выразила своё понимание этого вопроса так:

– Если бы Богу угодно было, чтобы я жила с мужем, то Он бы не прервал его жизнь. А если Бог решил его забрать, чтобы оставить меня с дочкой, то на это была Его воля и Его планы. Зачем в эти Божьи планы вносить что-то своё, человеческое?

Свои материнские чувства и всю свою нерастраченную любовь она вкладывала в дочь Катю и в служение своему Господу.

Последние годы были очень трудными: разруха, голод, тяжёлая работа. Чтобы выжить, семья решила переехать на Кировоградщину. Там прожили шесть лет. Что запомнилось маленькой Кате, так это бескрайние просторы украинской степи, собрания верующих, на которые дедушка носил её на своих плечах в соседнее село.

Пётр продолжал отбывать срок заключения, а когда возвратился домой на Кировоградщину, то даже родной отец не узнал его. Дом, где жили родители, был на краю села, и прохожие часто заходили попить воды и узнать дальнейший путь. Увидев отца, Пётр спросил:

– Скажите, у вас можно попить воды?

– Да, конечно же, можно, а вы издалека идёте?

– Издалека... вот ищу своих родных.

Наступила длинная пауза в разговоре. Григорий Иванович ожидал, что прохожий будет спрашивать, как пройти дальше, а он молчал. Потом, присмотревшись, узнал что-то родное.

– Что, не узнаёте? – спросил сын.

– Петя, это ты? Неужто?

Они крепко обнялись, и отец побежал на огород звать мать:

– Иди скорей, к нам гости!

– Какие ещё там гости, – отвечала она, продолжая не спеша полоть огород.

– Да Петя вернулся!

Мать с огорода как ветром сдуло

На Кировоградщине долго не задержались – опять потянуло в родные места. Но переехали уже не в Сагуновку, а в Хуторы, рядом с Черкассами. Пётр Григорьевич устроился в городе на работу и вскоре женился на Валентине Вениаминовне, которая недавно вернулась из Германии, с принудительных работ. Сняли квартиру в городе, Пётр устроился бухгалтером в одной из строительных организаций. Потом стал главным бухгалтером. Бог послал им восемь детей. Пётр ходил в Центральную Черкасскую церковь ЕХБ, был проповедником.

Он постоянно посещал своих родителей и был примерным сыном во многих вопросах жизни. Родители построили небольшой домик, а позже достроили к нему ещё столько же, и получился дом на две половины. Вся тяжёлая работа легла на плечи Анны Григорьевны.

Катя пошла в школу в селе Хуторы и проявила большую способность в учёбе: с первого по седьмой класс была круглой отличницей. Каждый год она получала похвальные грамоты. Но шестидесятые годы были особенными. Гонения на верующих усилились. Был задействован хрущёвский план: через десять лет показать по телевизору последнего верующего. Тактика уничтожения церкви была научно рассчитана

и продумана до мелочей: детей в церковь, под строгим запретом, не пускать, крещение молодёжи максимально ограничить, проповедников взять под контроль, а служителей поголовно завербовать для строгого выполнения атеистических установок, как надо служить Богу. Началось массовое отступление.

Община в селе Хуторы была небольшая, всё происходило у всех на глазах. Проповедников было немного, некого было ограничивать. Пресвитером был брат в возрасте, инвалид, у него были ампутированы обе ноги, но заменить его было некем, поэтому в служении ему помогал сын. Когда в общине остро встал вопрос о детях, Катя это сразу же ощутила на себе. В том, что она и её ровесники ходили на собрание, не было радости. Постоянно была какая-то напряжённость. Однажды пресвитер откровенно сказал:

– Друзья мои, давайте будем благоразумно понимать обстановку. Я не хочу из-за детей садиться в тюрьму. Вы видите, как к нам из сельсовета приходят люди... Ведь это – проверка, насколько в общине выполняется законодательство о религиозных культах.

Тогда кто-то из братьев спросил:

– Брат, а как же «Инструктивное письмо»?

– Рассудительность заставляет нас поступать мудро. «Инструктивное письмо» мы положили вот сюда, под скатерть. Пусть себе там лежит. Там написано одно, а мы поступаем, исходя из нашего положения, по-другому.

– Но это же письмо от братьев из духовного центра, из Москвы...

– Друзья, братьев из Москвы надо понимать, ведь они тоже люди, и им очень нелегко отстаивать дело Божье.

Присутствующие удивлённо слушали объяснение служителя, но внутренне были явно не согласны с таким положением дела Божьего на месте.

– Хочу дополнить к сказанному, братья и сёстры, что ездить на посещение в другие поместные церкви без разрешения пресвитера также запрещается. И должен вам сказать,

что это отчасти правильно. Очень часто мы стали ездить в городскую церковь, особенно молодёжь, а наша – полупустая, некому даже петь.

В доме Григория Ивановича часто собирались братья и до поздней ночи рассуждали на насущные темы, читая тексты из Библии. Кате интересно было слушать такие рассуждения, но мама осторожно прерывала это занятие:

– Катя, иди ко мне!

– Слушаю, мама! – возвращаясь в другую половину дома, говорила дочь.

– Ты все уроки сделала?

– Да.

– Тогда давай молиться, и будешь ложиться спать, ведь завтра тебе, доченька, надо рано вставать и идти в школу…

Молитвенный дом стал малопривлекательным местом. Посторонние люди, зная обстановку, просто боялись туда заходить.

Покаяния людей из мира практически прекратились. Молодёжь и другие верующие больше были расположены общаться по домам. Дом Григория Ивановича был всегда открыт и доступен для таких встреч и бесед.

Все понимали: так долго не может продолжаться, в общине что-то должно произойти. Всем было жаль старенького пресвитера, было жаль и братьев-служителей в городской общине, было жаль и братьев в Москве, но допускать хозяйничать в Доме Божьем безбожникам – преступно. И когда в Черкассах определилась группа молодёжи, которая оказалась за пределами церкви и братства, в Хуторской общине произошло разделение. Как-то всё само собой начало определяться: одни решили, что нельзя поддерживать союз, отступивший от истины Божьей, другие считали, что разделение – против воли Божьей, и потому надо всё терпеть и сохранять единство любой ценой.

Григорий Иванович вместе с женой Анной Кузьминичной и дочерью Анной Григорьевной, несмотря на то, что было нелегко, решили твёрдо встать на сторону пробуждения и со

всеми ревнующими за чистоту и святость делить скорби и страдания. Гонения усиливались, разделение не входило в планы и программы атеистов. И верующие оказались вне их контроля и за сферой их влияния. Сверху требовали любыми путями не допустить разделения. Начали организовываться ложные съезды: власти шли на кажущиеся уступки. Кто не видел и не понимал этой тактики, те останавливались и возвращались в общины, где их принимали, как героев веры и честных, сознательных патриотов страны.

Собрания за пределами молитвенных домов считались нелегальными и жестоко преследовались. На присутствующих составляли акты, штрафовали хозяев домов и готовили материалы для суда. Круг стал замыкаться. В Черкассах практически не было места, где можно было провести воскресное собрание. В Хуторах в этой борьбе устояло несколько семей. Среди них была семья Григория Ивановича Евтушенко. Половину своего небольшого дома она предоставляла для проведения богослужений в любое время. Внезапно их семью постигло большое горе: заболела Анна Григорьевна, которая являлась главной её кормилицей. Кате пришлось оставить учёбу и устраиваться на работу. Правда, к тому времени, по указанию сверху, из круглой отличницы её превратили в посредственную ученицу.

Пётр Григорьевич был проповедником в городской общине. Он старался, чем мог, помочь своим родным, но сам был в очень затруднительном положении: везде фигурировала статья «Судим за отказ от оружия», а значит – неблагонадёжный. Порой казалось невозможным выжить. Но Бог по Своей великой милости не оставлял. Для Кати открылась возможность работать в нашей христианской печати, и она проявляла большую старательность и очень дорожила этим трудом.

Катя близко познакомилась со своей ровесницей из города, сестрой Валей. У них была очень большая дружба, они были как родные сёстры. Вместе они славили Бога, вместе

трудились для Господа, делились сокровенными девичьими мечтами, а также и всеми житейскими проблемами.

Для молодёжи самыми ценными общениями были разборы Слова Божия и тематические беседы. Такие беседы как раз часто и проходили в доме Кати. Она любила их слушать. Потом она делилась услышанным с Валей, мама которой была членом городской общины и категоричной противницей того, что её дочь стала прямо поддерживать начатое движение по освящению.

Часть 1 Глава 22

Неожиданная свобода

Тюремная жизнь характерна своей монотонностью. Утром – стук в двери дежурного надзирателя, и крик:

– Подъём!

Всё отработанно до автоматизма: туалет, уборка комнаты, завтрак, работа. Но каждая камера, тем не менее, живёт своей жизнью. Сокамерники делятся на небольшие группки единомышленников. Каждый живёт своим внутренним миром. Все отсчитывают дни и месяцы пребывания в тюрьме, и, самое главное, сколько ещё осталось до свободы.

Письма со свободы приходили не часто, а те, кто получал их, испытывал праздник. Отношение ко мне, как к христианину, стабилизировалось. Зловещих выпадов не было, однако и особого интереса я также не вызывал. С братом Васей, который жил рядом в камере, общаться было невозможно, но мы ощущали близость и молитвенную поддержку друг друга.

Письма ко мне приходили часто – как из дома от родных, так и от друзей. Бывало, получал фотографии, и это было интересно для всех. В тюремных условиях Господь даровал мне опыт близкого духовного общения с Ним. Это была для меня удивительная школа. С одной стороны – полный дискомфорт для плоти: ужасные условия содержания, ужасное окружение погрязших в грехах и пороках людей, никакой возможности к уединению, и, что самое печальное, запрет иметь с собою Библию.

Кажется, силы тьмы продумали и сделали всё для того, чтобы духовно умертвить христианина, лишить его главного – внутренней духовной жизни. Но то, что пришлось испытывать и переживать в тех обстоятельствах, оказалось для меня чудом Божьих благословений, Его милости, Его удивительной близости. Прежде всего, Господь научил внутренне отключаться от греховного окружения, мысленно сосредотачиваться на общении с Ним в Духе Святом. И это не какой-то экстаз или исступление – это естественная реальность близости с Господом, когда ходишь и выполняешь работу.

Да, окружение может отвлекать, но не лишать того, что даёт Господь. Дело в том, что мы оказываемся под подавляющим влиянием одной из двух сил: или Бога, или Его противника – сатаны. Внутреннее наше состояние содействует либо одному, либо другому влиянию. Когда обстоятельства нашей жизни благополучные, мы даже не замечаем, сколько возникает внутренних проблем, мешающих близкому общению с Господом. Мы сами препятствуем этому из-за внутренней неразберихи, занимая позицию, затрудняющую действие Духа Святого в нас.

Этот контраст я испытал, когда оказался на свободе. Однажды братья пригласили меня на разбор одного проблемного дела. Я сидел в стороне и прислушивался к их разговору. Одни настаивали на одном, другие – на другом. Все старались обосновать свои утверждения Словом Божьим. Они листали и читали Библию, подчёркивая, что вот так написано. Они втянулись в спор и не могли себе представить, что действуют без Духа Святого, по плоти. После пережитого в тюрьме мне это ясно было видно, а они ничего не замечали, и понятно, почему: потому, что никогда не имели такого духовного опыта. Когда они замолчали, видя, что убедить друг друга невозможно, один из братьев, посмотрев на меня, сказал:

– Брат, может, ты что-нибудь скажешь по этому поводу, ведь ты только возвратился из уз?

Все затихли и смотрели на меня в ожидании. Я вздохнул и после паузы сказал:

– Братья, не обидьтесь, я говорю истину: я хотел бы лучше возвратиться в тюрьму, нежели оказаться в таком духовном состоянии. Мне до слёз жалко, что вы этого не замечаете.

Они были растеряны и не знали, что сказать.

Когда всё земное умирает в нас и для нас, тогда открывается удивительная картина духовного. Апостол Павел об этом пишет: «Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью. На сие самое и создал нас Бог и дал нам залог Духа» (2Кор. 5:4,5). Проходя через такую школу, я тогда ещё до конца не сознавал, насколько это важно. Бывало и так, что Господь вразумлял и наставлял через сон. Да, именно тогда я начал понимать, что такое сон как сон, и что такое – сон от Господа. Мне не надо было прилагать усилия, чтобы разгадывать сон, как это обычно бывает. При размышлении об увиденном во сне, Дух Святой давал мне полное понимание и разумение воли Божьей в моей жизни.

Однажды я видел сон, над которым долго размышлял с внутренним трепетом. Мне снилось, что я иду с братом Васей по территории тюрьмы в сторону здания администрации. Сразу за зданием администрации – высокий кирпичный забор, а по верху забора, около метра высотой, колючая проволока. Смотрю я на эту проволоку и вижу, написано: «8 АПРЕЛЯ». Мы подходим вплотную к высокому забору, и вдруг я внутренним зрением вижу, что за пределами его. Вижу: две верующих сестры – они стоят рядом и о чём-то спокойно рассуждают. Одну из них я узнал: это была Вера Дёмина из города Змиёва, что недалеко от Харькова. Мы с ней и её мамой были хорошо знакомы до ареста, и я знал, где они живут, был у них в доме и на собрании. Около двух месяцев я размышлял над этим сном. Я не имел привычки просить у Господа ясности, зная, что то, что необходимо, Он Сам откроет в нужное время.

А на дворе весна вступала в свои права. Начало пригревать солнышко, снег быстро таял. Потом появилась нежная травка, воздух наполнился весенними ароматами. Прилетели весело щебечущие птички. После грозы воздух был особо

ароматным, и так и хотелось свободно дышать полной грудью. Свобода привлекала и манила к себе. Но я только мысленно мог представлять себя в знакомом лесу, пробираться через заросли, смотреть на высокие сосны или бродить возле реки, наблюдая за жителями подводного мира.

Сердцем ожидал чего-то особенного, несмотря на то, что реальность была неутешительной: ещё полтора года тюремного заключения, потом – два года лагеря усиленного режима и пять лет ссылки на далёкий Север. Однажды, в первой половине дня, прозвучала команда:

– Шепель! Оставить работу – и на выход.

Знакомая команда, но что-то внутри «йокнуло». Выхожу во двор тюрьмы и вижу – меня ожидает брат Вася с сияющей улыбкой. Мы поприветствовали друг друга и, полные недоумения, по команде «Вперёд», двинулись к административному зданию. Первое, что заметили – это негрубое отношение к нам конвоя и доброжелательные взгляды работников администрации. Мы поднялись на второй этаж, где нам было сказано, чтобы мы подождали в коридоре, возле двери начальника тюрьмы. Тихо разговаривая с братом Васей, мы размышляли, что бы это могло быть? Через время нас позвали в кабинет начальника. Он предложил сесть и спросил:

– Какие у вас есть жалобы на администрацию данного учреждения?

– Нет у нас никаких жалоб, кроме одной, – сказал я, – прошу, чтобы мне вернули тетрадь с записями, незаконно изъятую при обыске.

К нашему удивлению начальник нажал кнопку на столе, и в кабинет вошёл дежурный офицер.

– Срочно найти тетрадь с записями, изъятую у гражданина Шепеля. Она подписана? – спросил он у меня.

– Да, – ответил я.

Офицер, взяв под козырёк, быстро ушёл на поиски тетради. После небольшой паузы, начальник выложил перед нами бумаги и предложил ознакомиться с их содержанием. Мы читали и не верили своим глазам: неужели это возмож-

но? Неужели – свобода? Слышно было, как сердце учащённо бьется в груди. Я был не в состоянии говорить, и только мысленно благодарил Господа.

– Итак, вы реабилитированы. Распишитесь здесь, – сказал начальник. – Идите, собирайте ваши вещи, и к пяти часам вечера вас не должно быть на территории нашего учреждения. А сейчас вас поведут в спецчасть, там вы получите необходимые документы и деньги на дорогу. Желаю вам успеха, и чтобы больше не попадали в такое заведение.

Офицер к тому времени нашёл мою тетрадь и положил её передо мною. Я его поблагодарил. Когда нас отвели в спецчасть, там собралось много сотрудников – всем хотелось посмотреть на баптистов, которые сидели в тюрьме несправедливо, и теперь, по протесту Генерального прокурора СССР, реабилитированы. Это был редчайший случай в тоталитарной системе, а мы понимали, что это было Божье чудо, ответ на молитвы народа Божьего.

После оформления необходимых документов нас опять отвели на территорию тюрьмы. Мы забрали свои пожитки, и когда шли на выход, я вспомнил сон. Произошло это 8 апреля. Мы помахали рукой тем, кто силился увидеть нас через решётку. Потом нас подвели к небольшой двери в толстой тюремной стене, и мы, переступив её порог, услышали, как за нашей спиной щёлкнул замок. Мы с Васей стояли возле закрытой двери тюрьмы – в стеганых фуфайках, с брезентовыми котомками в руках, и смотрели друг на друга с невыразимой радостью. А сердце пело:

– Свобода, свобода!

Рядом с нами шагали люди, был слышен перестук трамвайных колёс, а мы от неожиданности не знали, что нам делать, куда идти. Тогда я предложил Васе поехать в Змиёв, к сестре Вере, а потом сообщить друзьям, что мы на свободе, разделить нашу радость с родными и церковью. Брат Вася согласился, и мы зашагали на электричку.

Сидя в вагоне электропоезда, мы смотрели вокруг себя с большим интересом, не думая о том, как на нас смотрят люди, и что они могут думать о нас. А вид у нас был ориги-

нальный: какие-то пришельцы. И не только вид, но и запах: наша одежда была насквозь прокурена.

А вокруг благоухала весна. Подъехав к нужной остановке, мы вышли на перрон, и, недолго рассуждая, пошли в зеленеющий неподалёку лесной массив. Нас очень тянуло в уединение, и, оказавшись в глубине леса, мы бросили на землю свои котомки, и, как пилигримы, упав на колени, молились. Мы так горячо благодарили Господа за Его чудо, что не заметили, сколько прошло времени. Потом проверили наши котомки, выбросили всё ненужное, и когда день уже склонился к вечеру, направились искать знакомый адрес.

Мы быстро нашли скромное жильё наших друзей. Открыв калитку и подойдя к двери дома, мы постучали. В ответ услышали знакомый голос сестры Веры:

– Кто там? Входите!

Мы переступили порог дома и увидели двух сестёр, которые о чём-то рассуждали. Одна из них – Вера Дёмина. Я сразу же вспомнил свой сон. Слава Господу, всё было так, как Он предусмотрел наперёд. Увидев нас, сёстры от неожиданности не знали, что говорить и что делать.

Тогда брат Вася, сделав шаг вперёд, сказал:

– Сёстры, приветствуем вас!

Они, избавившись от оцепенения, бросились нас приветствовать. А Вера всё повторяла:

– Братья, дорогие, как же это неожиданно. Слава Богу! А мы о вас только что говорили с сестрой...

Я предложил помолиться и поблагодарить Господа. Мы преклонили колени и горячо молились, благодаря Его за чудесное наше освобождение. После молитвы мы коротко рассказали о том, как оно произошло, и решили согласовать вопрос наших дальнейших действий.

– Сейчас оповестим друзей, и вечером проведём служение, – сказала Вера, – но сначала надо помыться и поесть.

Мы с Васей пошли во двор, где была колонка, чтобы помыться, насколько это было возможно, а сёстры начали готовить еду.

Вечером у нас было небольшое радостное общение. Друзья вместе с нами горячо благодарили Бога за чудесный ответ на молитвы народа Божьего. Нас попросили рассказать о пережитом в застенках тюрьмы. Мы делились, как могли, но ощущали большую усталость. После собрания друзья сказали нам, что завтра у нас будет отдых, а на послезавтра назначено собрание в Харькове. Мы согласились с этим и попросили дать телеграмму нашим родным и друзьям и сообщить, что мы на свободе, и скоро будем дома. Отдыха почти не получилось, потому что друзья один за другим приходили, чтобы увидеться, поговорить, поделиться с нами своими переживаниями различных проблем.

Через день мы ехали на электричке на собрание в одну из харьковских церквей. После тюремной жизни всё казалось удивительным – даже поездка на автобусе и на трамвае. Сестры провели нас в помещение, где Харьковская центральная церковь проводила собрания. Когда мы зашли, Дом молитвы был почти заполнен. К нам подошли братья и, поприветствовав, провели вперёд, где сидели проповедники. Некоторые лица были знакомы, а многих мы видели впервые, но все были радостные. Для хора было отделено место, вместо кафедры стоял небольшой стол.

Наша внешность сильно выделяла нас среди других друзей. Мы были сильно истощены, да и одежда на нас была тюремная. После молитвы спели гимн «Господь, пребудь Ты с нами». Пение было стройным, воодушевлённым, поднимало дух, умиляло и располагало к духовному общению с Богом. После общего пения пел хор. Среди хористов было много знакомых лиц. Слёзы радости набегали на глаза. Во всём этом – после недавно пережитого нами – ощущалось, что-то неземное. Ведущий наклонился ко мне и тихо сказал:

– Брат Николай, поучаствуешь в проповеди Слова? Будешь говорить третьим.

Я кивнул в знак согласия и попросил дать мне Библию. Внутренне я очень волновался – после длительного перерыва надо что-то сказать друзьям. Я знал, что все ожидают ус-

лышать от брата узника что-то особенное. Сердце трепетало, а руки дрожали от волнения.

Когда первый брат после краткого слова призвал всё собрание к молитве, все, кто только смог, преклонили колени. Когда друзья начали один за другим взывать к Богу и благодарить Его за чудо Его милости и ответы на молитвы детей Божьих, я сразу окунулся в атмосферу, для меня желанную. Во время молитвы я испытал знакомую мне близость с Господом, тепло Его любви, состояние мира и внутреннего покоя. После молитвы я уже знал, о чём буду говорить. Брат Вася говорил вторым. Он кратко рассказал о пережитом и об удивительном чуде нашего досрочного освобождения. Мне было приятно слушать свидетельство моего брата, потому что он говорил о своих переживаниях, а они были и моими. После пения псалма «Будем радоваться, братья, прочь уныние и страх» – наступила моя очередь.

Прочитав место Священного Писания из Евангелия от Иоанна13:7: «Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после», – я свидетельствовал о том, что произошло в горнице перед страданиями Иисуса Христа. Христос дал ученикам пример служения. Они, как и Пётр, не могли уразуметь всё до конца теперь, но после уразумеют. Богу важна наша покорность Ему. Господь не желает скрывать от нас волю Свою и планы Свои, но мы часто не можем всё сразу понять и осмыслить до конца. Если просто, по-детски, доверим всё Ему, то после уразумеем.

В моей жизни такое часто было. Разумеем ли мы? Если нет, то не будем смущаться, ибо уразумеем после. Когда меня арестовали, то в первые дни в следственном изоляторе я спрашивал: «Господи, зачем? Ты же знаешь, я так хочу трудиться для Тебя». Когда был зачитан суровый приговор: три и два, и пять, а всего – десять лет, я опять задумался: «Господи, почему?» И было нелегко соглашаться с тем, что уразумею после. Сейчас говорю: «Так, Господи. Тогда не знал, а теперь уразумел».

«Ибо любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу». А как в нашей жизни сегодня, братья и сестры? Часто мы стоим перед вопросом полного доверия Господу. Но придёт время, когда все мы всё уразумеем, и это будет там, у Него на небе. Сегодня же мы, доверяясь Ему, за всё благодарим, и за это чудо – быть вместе с вами. Горят верёвки, которыми нас связали, но не мы, если мы в Господе. Даже запаха этого горения не было слышно. Как это важно для нас, чтобы запаха этого мира, особенно того, где мы с братом находились, не было слышно. А эти рубища – тленны...

Все улыбались, глядя на наше одеяние, пропитанное табачным дымом. Общение закончилось горячими молитвами благодарности Господу за все Его милости и за чудесную встречу. Все понимали – впереди ещё нелёгкий путь в следовании за Господом, но Он всё знает, а мы – уразумеем после.

Потом были горячие приветствия, добрые пожелания. Мы с братом Васей сказали, что Харьков теперь будет для нас хорошим памятником в жизни. Собрание медленно расходилось, а оставшиеся близкие друзья решили проводить нас на автовокзал. Из Харькова в Черкассы ехать автобусом утомительно, но для нас это был приятный отдых после душной камеры.

Панорама утопающих в зелени полей сменялась простыми сельскими усадьбами, пёстрыми рекламами городов: Полтавы, Кременчуга, Пирятина, Драбова. И, как заключительный аккорд, – дамба, широкий Днепр, и, наконец, наши Черкассы. Теперь мы дома...

Слава Господу за благополучный путь, путь жизни, посвященной Ему. Мне припомнились слова 125 Псалма: «Когда возвращал Господь плен Сиона, мы были как бы видящие во сне. Тогда уста наши были полны веселия и язык наш – пения. Тогда между народами говорили: «Великое сотворил Господь с нами!» ... Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои».

Часть 1 Глава 23

Тайная борьба с верующими

Судебные процессы, вихрем пронесшиеся по Черкасской области, были маленькой составной частью общего плана гонений по Советскому Союзу. Как бы ни скрывали своё истинное лицо работники КГБ, видно было – это их тактика борьбы с инакомыслящими. Опыт тридцатых годов имел своё продолжение в шестидесятых. На службе в шестом отделе у комитетчиков всегда были люди – мастера своего дела. Из своих рядов они формировали отдел по религиозным культам, держащий под строгим контролем все христианские общины и их служителей.

Особенной грубостью и жестокостью отличался Кольцов, работник старого дивизиона. Он имел привычку вызывать братьев служителей в отдел для отчётности и очередного «вливания». Выстроит в шеренгу в кабинете, подаёт команду: «Смирно!» – и делает паузу, наблюдая, чтобы не было ни малейшего движения. Для острастки положит пистолет на стол. Рывком поднимаясь из-за стола, подходит к каждому, смотрит прямо в глаза, а потом как крикнет:

– Что, в Сибирь захотели? Сгною всех до одного!

А если кого-то вызывал для личной беседы – это была настоящая пытка. Он называл это профилактикой. Кричал, стучал пистолетом по столу, угрожал:

– Посажу! Будешь знать, как честно соблюдать законы нашей страны.

В конце таких «бесед» приказывал не разглашать государственной тайны – даже жене, чтобы не было хуже.

Время шло, тактика борьбы с верующими менялась, менялись и личности. Вместо Кольцова на службу пришёл Сидоренко – человек хитрый и лукавый. Он мог приехать в сельскую церковь как брат, и там, где его не знали лично, за руку приветствовался с братьями. В некоторых церквах ему даже предлагали сказать слово:

– Брат гость у нас. Скажешь слово в заключение собрания?

– Нет, братья, спасибо. Я сегодня – только слушатель.

Проходит собрание, он всё записывает, потом оставляет церковный совет и, представившись, начинает делать внушение. После такой «процедуры» братья брались за головы:

– Надо же такому случиться...

Безусловно, это были исполнители... Руководители, как всегда, держались в тени. Они разрабатывали тактику и планы борьбы. Они посылали отчёты о проведённой работе в вышестоящие органы, стараясь не отстать от других. Столько-то оштрафовали, на таких-то возбуждено уголовное дело, таких-то посадили. Одним из таких руководителей в Черкасской области был Фесоненко. Он очень старался... Вербовал себе нужных людей среди верующих.

Один брат впоследствии рассказывал в кругу служителей, что случилось с ним. Он был ревностным проповедником в небольшой сельской общине. Работал в колхозе. Однажды его вызвали в сельсовет через посыльного:

– Петро, иди в сельсовет. Там приехали из военкомата, тебя приглашают.

Ничего не подозревая, брат постучал и вошёл в кабинет. Увидев там человека в гражданском костюме, брат представился. После формального знакомства разговор быстро перешёл далеко не на армейскую тему:

– Я знаю, что ты – человек верующий, и ходишь в церковь.

– Да, это так, – ответил брат.

– Это хорошо. Ходи, молись Богу. Я знаю, что люди верующие – это примерные работники: не курят, не пьют, не буянят, как другие. Нам такие люди тоже нужны. Наше государство сейчас испытывает большие трудности. Очень много появилось врагов народа. Я верю, что среди верующих таких быть не может, но империалисты и их спецслужбы под видом верующих засылают к нам врагов нашего строя. Поэтому наша цель – всегда стоять на страже и предотвращать такие вредные действия. Ты, как примерный христианин, мог бы нам в этом помогать.

– Чем же я могу быть вам полезным?

– Всё очень просто: наши люди время от времени будут с тобой встречаться для беседы. Если в церкви появятся какие-то чужие, странные люди – надо будет нам об этом сказать. Вот и всё.

Брат оказался настолько подавленным, что не смог сразу резко отказаться. Решил действовать осторожно и тактично:

– Я подумаю о нашем разговоре.

– Хорошо, подумай. Только никому ничего не говори. Знаешь, что о тебе могут подумать?

Конечно, он знал: совесть мучила, не давала покоя ни днём, ни ночью. Дьявол добивал мыслями: «Ты – предатель, ты – Иуда, тебе уже нет прощения». Стараясь избавиться от таких страшных мыслей, брат успокаивал себя: «Я же ещё никого не предал. Может быть, на этом всё и закончится. Ведь я сказал, что буду думать».

Но на раздумья времени было не так уж много. Неожиданно брата встречает другой человек, передаёт привет от старого знакомого, и даёт чёткие инструкции. Первое. Для секретности у него будет кличка. Второе. Он должен фиксировать посещаемость собрания: бывают ли дети, посещают ли церковь гости, кто проповедует, о чём говорят проповедники. Третье. Ему будет оказана помощь на работе, его поставят в колхозе учётчиком. Не успел брат опомниться, чтобы что-то возразить, как новый знакомый крепко пожал ему руку и, пожелав успехов, быстро ушёл.

Оставшись один, он не знал, куда деваться, как правильно поступить в такой ситуации. И только повторял: «Вот так попался, вот так попался...» Он не допускал мысли кому-нибудь рассказать о происшедшем: что о нём могут подумать? Но как же дальше жить, куда деваться? Кажется, небо закрылось, и Бог не слышит молитвы. Наконец, он принимает решение: «Предателем не буду! Чтобы никто не узнал, уеду на Донбасс работать на шахте». Там без проблем принимали молодёжь из сельской местности. Попросил мать, чтобы она никому не говорила и не очень переживала – мол, когда устроюсь, дам о себе знать.

На работу в шахту приняли без проблем. Вначале – учеником, а потом – рубай уголь и подавай наверх. При любых условиях план надо выполнять. Брат уже было успокоился, благодарил Бога, что дал мудрости избавиться от такой неприятности. Но однажды к нему в забое подошёл человек, похлопал по плечу и сказал:

– Я привёз тебе привет от твоего знакомого. Как ты себя здесь чувствуешь? Нам надо встретиться там, наверху, и как положено, всё обсудить.

После того, как брат услышал свою кличку и фамилию знакомого – у него перехватило дыхание, он не знал, что сказать. Потом сел, опустил голову на руки, и чуть было не расплакался.

– Ну, ничего, успокойся. Ты поступил плохо, но можно всё исправить. Я подойду к тебе в общежитие, и мы всё обсудим. Там, дома, за тобою все соскучились, переживают, особенно мать.

После этой встречи брат понял, что ему надо делать. Скоро он уже был дома. Искренне покаялся перед Богом за своё малодушие и, встретившись с братьями-служителями области, всё рассказал. Братья, видя его искренность и раскаяние перед Богом, поддержали его, и вскоре он уже был свободен от своих «доброжелателей». Они же, пригрозив ему, оставили его в покое.

Но не у всех получалось, как у него – страх делал многих послушными рабами. Они выполняли поручения, давали данные о братьях, о церкви, считая, что поступают мудро, и знают, что можно сказать, а о чём надо и промолчать.

О некоторых из них служители знали, что они работают на КГБ, но, будучи связаны общесоюзной зависимостью, боялись поднимать открыто вопрос о наказании «Иуды» в церкви. Те, кто безбоязненно встали в проломе за чистоту и святость в жизни церкви, подвергались всяческому преследованию и гонению. Так было принято решение нанести удар по церквам: посадить в Черкассах группу молодёжи, а в Смеле – брата служителя Николая Максимовича Шоху и очень ревностную сестру Люсю Агличеву.

Фесоненко со своими сотрудниками с ног сбился, стараясь обнаружить, где работает примитивная христианская печать. Задействованы были предатели и внутренние, но, несмотря на аресты, ничего так и не нашли. Более того, когда друзья уже находились под следствием, вышло отпечатанное «Срочное сообщение», в котором было написано об арестах в Черкасской области.

В проломе за дело Божье встала бесстрашная молодёжь из Смелянской церкви: Борис Демиденко, Галя Лизогуб, Коля Иващенко, Митя Дуженко. А также Катя и Валя из Черкасской церкви. Несмотря на усиливающиеся преследования, новые и новые души подключались к этому служению.

Галя Лизогуб часть материалов взяла на свою квартиру. Коля Иващенко основную часть своего времени посвятил печати. Митя Дуженко полностью взял на себя переплётное дело.

За некоторыми домами было установлено круглосуточное наблюдение. Друзья видели, как сыщики постоянно ходят, как говорится, «по пятам», но рука Божья удивительно охраняла проводимую работу. С внешними сыщиками было сравнительно нетрудно разобраться, кто есть кто, а вот с внутренними дело обстояло сложнее. Так, из Умани приехала в Черкассы молодая сестра, очень ревностная и активная.

Быстро познакомилась с молодёжью, узнала, где проходят собрания.

На собрании она открыто выразила поддержку гонимым и страдающим братьям. Пела новые христианские песни, которые наша молодёжь не знала. Особенно всем запомнился псалом «Глубже всех морей и океанов». Она начала искать работу и жильё. Но странность в поведении можно было сразу заметить: приходила в гости без приглашения и интересовалась всем, что было в доме. Навещала она неоднократно и Катю. Как раз в этом доме и в доме брата Буши Якова и проходили собрания верующих, и это очень интересовало внешних.

С утра Катя работала на производстве, а по вечерам, когда не было собрания, допоздна, завесив окна, готовила к печати «Сборник детских песен». На работе ей часто приходилось свидетельствовать о Боге. Она работала с командированными, люди в бригаде часто менялись, и вопросы задавали самые различные:

– Почему вы не креститесь? Кто такие – штунды? Есть ли у вас попы?

Однажды вечером она шла домой уставшая и озабоченная – ей надо было быстрее закончить материал для печати. Из тех, кто писал, она осталась одна. Катя и не подозревала, что уже несколько часов подряд в доме брата Буши делают обыск. Кроме собраний, здесь, бывало, делали обрезку переплетённых книг и брошюр. При обыске забирали всё, что им казалось подозрительным. Перевернув всё в доме, они полезли на чердак. Там нашли примитивный деревянный пресс для стяжки книг при обрезке. Ножа как раз не было, его забрали в другое место. Но что интересно, следователь повертел в руках этот пресс и отбросил в сторону, так и не поняв, что это такое и как его можно использовать.

Завершив работу и имея не очень большой «улов», они уехали на квартиру к Кате. Бабушка и дедушка уже были предупреждены верующей сестрой, что идёт обыск, и что могут приехать и к ним. Нужно было всё, что связано с ра-

ботой Кати, унести из дому, а также Библии и сборники песен, но... Старые люди настолько растерялись, что бегали по дому, не зная, за что взяться.

На автобусной остановке Катю предупредили, что у неё делают обыск. Она шла домой медленно, ноги стали тяжёлыми, в висках стучало, но когда подошла к дому – успокоилась и предала всё в руки Господа. Зайдя в свою половину, она увидела следователя, участкового и понятых. На столе уже лежала куча различных книг, брошюр.

– Что это у меня за гости? Что, без меня решили наводить в доме порядок?

– Пожалуйста, посмотрите, вот санкция на обыск, подписанная областным прокурором.

Катя посмотрела на документ, потом, пройдя по комнате, глянула на закрытый шкаф и поняла, что весь её труд ещё лежит на месте. Тем временем следователь потребовал ключ от шкафа. Пришлось открывать его, а там, на верхней полке, всё лежало, как и было аккуратно положено с вечера: чернила, рейсфедер, которым писала, и незаконченный «Сборник детских песен». Всё забрали и предложили подписать акт изъятия.

– Я подписывать ничего не буду, – спокойно заявила Катя.

Они написали, что от подписи отказалась, и предупредили:

– Повесткой вызовем в прокуратуру.

Уехали... В доме стало тихо-тихо. Катя сидела на стуле и думала: что теперь будет? Надо оповестить друзей и готовиться к худшему. Бабушке и дедушке говорить ничего не хотелось, они были страшно перепуганы происшедшим. Катя вспомнила, что на вечер намечено общение. Будет беседа «О талантах», там она всё и расскажет друзьям. Есть ничего не хотелось, начала собираться на общение.

Беседа проходила, как всегда, благословенно. Была возможность каждому поразмышлять над своей жизнью, над своим трудом и служением.

О произведённом в доме Кати обыске друзья уже знали, расспрашивали, что изъяли и как теперь быть дальше? Обещали молиться и всячески поддерживать. Через три дня Кате пришла повестка домой и на работу: явиться в областную прокуратуру. На работе начальство переполошилось:

– Что ты наделала, что аж в областную прокуратуру вызывают? – спросил мастер.

– Никакого преступления я не сделала, а вызывают, по-видимому, по религиозным вопросам, – спокойно ответила Катя.

Переодевшись, она взяла повестку и поехала на автобусе в центр города. К прокуратуре шла медленно, по пути встретилась с сестрой Валей, которая обещала поддержать её. Тихонько беседуя, подошли к зданию прокуратуры Черкасской области. Кратко помолившись у кабинета, указанного в повестке, решили: Катя заходит, а Валя будет дежурить снаружи, и друзья будут знать, чем закончится этот вызов. Когда Катя переступила порог, в сердце наступил полный покой. Всё теперь – в руках Господа.

За столом сидел незнакомый человек и что-то писал. Тихо поздоровавшись, Катя положила повестку на стол:

– Вызывали?

– Да, можно садиться. Сейчас мы с тобой поговорим. Я – следователь, и мне поручено заниматься твоим делом. Я буду писать протокол, и поэтому начнём с простой формальности: фамилия, имя, отчество, где родилась и проживаешь, где и кем работаешь?

– Должна вам сразу сказать, что я буду говорить только о себе. О других говорить не буду, о церковных вопросах тоже говорить не буду, и подписывать протокол также не буду!

– Вот это да, вот так знакомство. За такое поведение существует статья в уголовном кодексе, и тебя можно сразу же сажать в тюрьму. Ты этого желаешь?

– Будет так, как усмотрит Господь, а не как я желаю, или вы думаете.

У следователя очень быстро закончилось терпение, и он начал нервничать, повышать голос, обзывать. Потом выбежал из-за стола, приказал никуда не выходить, и ушёл. Через короткое время пришли уже вдвоём. По их поведению было видно, что они не ожидали такого поворота дела.

Второй представился прокурором области и сказал, что дело может кончиться очень плохо, если Катя будет себя так вести.

– Ведь ты же молодая, только начинаешь жить, и твоя вера может испортить тебе жизнь навсегда. Следователя интересует всего лишь несколько вопросов: кто тебе давал эти материалы, бумагу, чернила, и кому ты отдавала написанное? Вот и всё. Будь благоразумна, и всё, надеемся, будет хорошо.

Прокурор побыл ещё короткое время – пожурил, покритиковал, погрозил – и ушёл. Катя молчала, а следователь писал и писал, составляя протокол допроса. Потом поднялся из-за стола, подал бумагу и сказал:

– Читай и подпиши.

Катя посмотрела на исписанные листки бумаги, потом – на следователя:

– Я остаюсь при своём понимании и ничего подписывать не буду.

Переполненный негодованием и злобой, он выбежал в коридор, и через некоторое время возвратился с перепуганной женщиной:

– Вот видите, эта особа не хочет подписывать протокол допроса и нарушает наш закон. Вы, как свидетель, поставьте вот здесь подпись. Видите, написано: «По религиозным мотивам от подписи отказалась».

Женщина дрожащей рукой поставила свою подпись. После этого, немного утихомирившись, следователь отметил повестку, подал и сказал:

– Можешь идти. Мы тебя ещё вызовем.

Катя спокойно вышла из кабинета в коридор, где к ней сразу же подбежала Валя:

– Ну что там? Я так напереживалась за тебя, столько шума и беготни…

– Ничего, Валечка, всё хорошо. Слава Господу, пока могу идти домой и на работу, а дальше будет так, как усмотрит Бог.

Сёстры шли по тротуару и тихо разговаривали, и только один Господь знал, что их ожидает впереди.

Часть 1 Глава 24

Возвращение в Черкассы

Подъезжая к Черкассам, мы с братом Васей знали, что нас ожидают радостные встречи, общения с друзьями, но нам хотелось, прежде всего, побывать дома, увидеться с родными. Родители у брата Васи были старенькие: папа – неверующий, и потому мама переживала очень много различный нареканий.

Брату Васе надо было ехать из Черкасс в село Телепено, Каменского района. Мне же – в Белозирье, а это намного ближе. Решили первым долгом побывать дома, а потом встретиться в Черкассах и решать, как дальше устраивать нашу жизнь и служение Богу.

Холостым людям проще: они не связаны семьёй. А с другой стороны – сложнее. Как в народе говорят: ни кола, ни двора. У нас, кроме зэковских сумок, ничего не было.

На автовокзале мы определились, каким маршрутом и в какое время быстрее добраться домой. И вот вновь я иду знакомой дорогой, размышляя о пережитом прошлом и о грядущем непростом будущем. Вокруг – дорогие сердцу знакомые места. Цветёт и благоухает апрель... Вот кладбище без ограды, вдоль дороги заросло дерезой. Где-то там, в глубине, покоится мой старший брат Вася, которого я помню очень смутно.

Люди заняты своими делами, и потому вокруг безлюдно. У меня вдруг появилось желание повернуть по улочке и дальше идти через луг. Спустя короткое время, я окунулся в приятный запах трав, весенних цветов и звонкое щебетанье птиц. Сердце переполнилось благоговейной благодарностью моему Господу за то, что Его рука сохранила меня в тех страшных тюремных условиях, и теперь я могу свободно дышать чистым весенним воздухом, ощущать смешанный аромат трав и цветов, наблюдать за полётом мотыльков, слушать жужжание перелетающих с цветка на цветок пчёл. Да, всё дышащее славит Господа!

Я подошёл к дому с заднего двора через огород, и здесь неожиданно и просто произошла моя встреча с родными. День уже склонился к вечеру, и после простого угощения мне сказали, что вечером в доме соберутся близкие и друзья.

– Сынок, тебя трудно узнать, ты очень похудел, – сказала мне мама.

Обнимая её и склонившись к её уху, я, тихонько смеясь, ответил:

– Мама, я помню, как ты говорила: были бы кости, а мясо нарастёт.

Вечером в кругу друзей мы благодарили Господа за освобождение, за ответ на наши молитвы. Было приятно слышать знакомые мелодии христианских песен. Мне задавали много разных вопросов. Общение продлилось до полуночи, и никто не желал расходиться. Тогда мама сказала:

– Друзья, пожалейте, пожалуйста, моего сына, он с дороги, и ему надо отдохнуть.

Один за другим, нехотя, стали расходиться. Каждый хотел пожать руку и пожелать спокойной ночи. Скоро я остался в кругу своей семьи. Трудно осознать реальность, но это факт: я дома! После молитвы я засыпал, ощущая полный мир и покой. Моё сознание не покидала восторженная мысль: я дома, да, я дома, наконец-то, я дома...

Родные знали, что долго я у них не задержусь, а поэтому потихоньку готовили меня в дорогу, стараясь собрать всё са-

мое необходимое. Каждый вечер проходили собрания, и не только в нашем доме, но и в домах друзей.

С братом Васей мы встретились в Черкассах. Посетили братьев Николая и Филиппа, много беседовали, размышляли о дальнейшем служении. Касались и нашего квартирного вопроса, который для меня решился гораздо проще, чем для Васи. Меня пригласили к себе друзья, Галя и Коля. У них был частный дом и, несмотря на то, что были маленькие дети, они выделили мне одну комнатку на время. На следующий день мы запланировали с Васей: он пойдёт искать квартиру в районе посёлка Химиков, а я отправлюсь узнавать насчёт работы. Нас, реабилитированных, по закону должны были восстановить на прежнюю работу и выплатить компенсацию.

Я решил вначале поехать в областную прокуратуру и встретиться со следователем Борисенко, которому на последней нашей встрече перед судебным процессом я обещал, что мы с ним скоро увидимся, что я имею такую веру. Он тогда, насмехаясь, надменно улыбался. Теперь же, когда я вошёл в здание прокуратуры и направился к знакомой двери, она открылась, и знакомая личность, мельком глянув на меня, быстро устремилась на второй этаж.

Сориентировавшись в ситуации и веря, что Господь отвечает на мою молитву, я устремился за прокурором. Он без оглядки бежал по ступенькам и, сообразив, что за ним также бегут, быстро скрылся в одном из кабинетов. Я решил подождать, когда он выйдет, а он, по-видимому, решил ждать, пока я уйду. Время тянулось мучительно долго, но просто так уйти я не мог, не имел права. Я должен был выполнить обещание и засвидетельствовать этому человеку, что Бог, в Которого я верю, и о Котором я ему свидетельствовал, действительно Всемогущий Бог, и для Него нет ничего невозможного. Поглядывая на часы, я ходил возле кабинета и молился. Уже прошло больше часа, как вдруг дверь открылась, и я встретился лицом к лицу с тем, кого ожидал. Он определённо не желал со мной видеться, и поэтому пытался обойти меня. Но я пристально посмотрел ему в глаза и тихо сказал:

– Здравствуйте, следователь Борисенко. Вот мы и встретились. Надеюсь, вы не забыли моё обещание?

Он не выдержал взгляда и наклонил голову, не зная, что сказать. Я понял, в каком тупике он находился: он не знал, что ему делать – кричать, приказывать, вызывать охрану или молча уйти. После вынужденной паузы, он сквозь зубы сказал:

– Да, помню, ну и что?

И развернувшись, поспешно спустился на первый этаж. Я понял, что разговора дальше не получится. Мысленно поблагодарив Бога, я спокойно вышел из здания прокуратуры. На свежем воздухе, когда сердце перестало взволнованно стучать, меня озарила мысль: а что, если заодно посетить и судью Перекопского?

Понимая, что это побуждение пришло от Господа, я не стал колебаться и направился в здание народного суда. Сердце вновь стало учащённо биться, когда я стоял у двери с табличкой «Н.С. Перекопский». Постучав, я заглянул в небольшой кабинет, где за столом сидел щупленький, лысоватый человек, который не так давно зачитывал нам приговор именем Союза Советских Социалистических Республик. Спросив, можно ли войти, я подошёл к столу и остановился. Он, мельком глянув на меня, опустил голову и продолжал что-то писать.

– Добрый день, – сказал я. – Вы меня узнаёте?

– Да, прошу прощения, произошла ошибка.

Когда я начал рассказывать, во что обошлась для нас его ошибка, стало ясно, что он теряет самообладание. И действительно, через минуту он уже начал повышать голос, и вскоре перешёл на крик:

– Вы не исправились, и всё равно скоро снова будете сидеть!

Видя создавшуюся обстановку и постороннего человека, который только что вошёл в кабинет, я понял, что на этом наш разговор должен быть окончен. Подняв руку и успокаивая разгорячившегося судью, я сказал:

– Я ухожу, а на прощание оставляю вам слова известного вам поэта Лермонтова:

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед...

Я видел, как исказилось его лицо, и, спокойно закрыв дверь кабинета, ушёл. В данный час у него не было власти надо мной, у него была только злоба, которую он не мог скрыть. Выйдя из здания суда, я понял, что борьба света со тьмой, Христа с Велиаром ещё не окончена, она продолжается. Идя по тротуару и рассуждая о происшедшем, я остановился, и, возвращаясь к реальной жизни, подумал, что теперь надо бы поехать на работу.

В заводоуправлении меня встретили спокойно. Когда увидели мои документы о реабилитации, попросили зайти в кабинет к начальнику отдела кадров. Начальником была женщина. Она взяла мои документы, пригласила присесть. Долго читала, потом куда-то звонила, что-то выясняла, и наконец, распорядилась:

– Зайдите в бухгалтерию, вам начислят компенсацию. Потом получите деньги в кассе. Мы вас по закону восстанавливаем на прежнее место работы в цех контрольно-измерительных приборов и автоматики. На проходной вам выпишут пропуск. Согласуйте в цехе, когда выходить на работу.

Поблагодарив, я ушёл. В пропускном отделе сказали, что нужно две фотографии для пропуска. Так как волосы мои были пострижены по-зэковски, под нулёвку, пришлось искать фотографии дома, из старых запасов.

На квартире сестра Галя сказала, что вечером собираемся в Хуторах. Собрание проходило в доме брата Михаила Семёновича Чабана, где было две вместительные комнаты. На нём царила атмосфера радости и благодарности Богу. Особенно радовалась молодёжь. Приехали гости и из других церквей. Нам предоставили слово для свидетельства. Первой рассказывала сестра Нина, потом – брат Вася. Я упомянул о

встречах в прокуратуре и суде. Было много разных вопросов. Мы просили друзей продолжать молиться о нас, потому что не всё так гладко получается в наших обстоятельствах, особенно сложно с работой и квартирой.

После собрания брат Вася сказал, что нашёл квартиру в Химпосёлке у сестры-старушки Луши, но она перешла к пятидесятникам и очень ревнует о даре языков. Моё мнение было, что это не лучший вариант. Он, посмотрев на меня, ответил улыбаясь:

– Знаешь, брат, будем исходить из того, что Бог нам открывает. А за меня не волнуйся. Поддерживай в молитве, может, Господь хочет и здесь меня как-то употребить.

– Да, – сказал я ему, – но это очень серьёзно.

– Доверимся Господу, брат, – ответил Вася.

Поздно вечером все нехотя расходились по домам. Погода была по-весеннему тёплая. Наступающая ночь дышала какой-то таинственностью.

Часть 1 Глава 25

Встречи с пятидесятниками

Нас восстановили на работе, дали денежную компенсацию и месячный отпуск. Итак, целый месяц мы могли посвятить посещениям и решению наших жизненных вопросов. Я продолжал беспокоиться о квартире для Васи, особенно когда узнал, что сестра Луша и ещё одна сестра, живущая рядом, отлучены и у пятидесятников. Брат Вася всё время успокаивал, свидетельствуя, что всё хорошо: ему уделяют особенное внимание, заботу и любовь. Но однажды, уже поздним вечером, он пришёл ко мне, и по его виду я понял, что есть проблемы.

– Что случилось? – спросил я.

– Мне предложили сейчас же выбраться из квартиры.

– А почему так срочно?

– Дело вот в чём, расскажу всё по порядку. К Луше всегда вечерами приходила соседка, её подруга, и они просили меня почитать Библию и вместе помолиться. Я старался читать им Слово и объяснять истину, подчёркивая, где заблуждение. Они терпели, хоть и протестовали и твердили своё: новые языки – знамение крещения Духом Святым. Сегодня вечером я прочитал Слово из Библии, и без объяснения мы склонились для молитвы. Они молились шумно, и я дал им эту возможность, а потом, когда они стихли, начал молиться я.

У меня промелькнула мысль: посредством молитвы, которую они называют молитвой духа, показать на практике

шаткость их позиции в понимании истины. Поэтому, молясь, я сознательно, по смыслу употребил два библейских выражения, которые для нашего слуха звучат, как иной язык. Первое выражение: «мене, мене, текел, упарсин». Особенно я несколько раз подчеркнул слово «текел», что значит «найден». Второе – из молитвы нашего Спасителя, умирающего на кресте: «Или, Или! лама савахфани». Когда, закончив молитву, я сказал «Аминь», в комнате поднялось шумное торжество. Меня сестры чуть ли не носили на руках, обнимали, целовали и повторяли: «Брат, ты получил крещение Духом!».

Я был вынужден охладить их пыл и успокоить. Когда они стихли, я просто объяснил им, что произошло, и перевёл слова молитвы. Тогда они исполнились такого гнева, возмущения и недовольства, что заявили мне, чтобы я немедленно убирался, они не желают меня больше видеть. Я понял, что уговоры здесь не помогут, и поспешил к тебе, чтобы вместе решить, как быть.

Выслушав брата и видя создавшуюся сложную обстановку, я предложил прежде всего помолиться и воздать славу Господу. А после молитвы пришло твёрдое решение: сейчас же идти за вещами. Войдя в дом, мы увидели сложенные Васины вещи и свёрнутый матрас.

– Ну что, брат, отряхивать прах с ног будешь или так уйдём? – спросил я Васю, чтобы вызвать у него улыбку. Но на мою шутку он не ответил, и я понял, что надо браться за вещи.

Мы нагрузились: матрас – на плечи, сумки – в руки, и ушли. Хорошо, что было темно, и шли мы через парк. Груз был не столько тяжёлым, сколько неудобным, и нам приходилось делать остановки. Отдыхая, мы тихо рассуждали о случившемся, и о том, как быть дальше. Вася не сожалел о том, что так произошло, а я высказал мысль, что так и должно было случиться. Всё, что Бог допускает – к лучшему.

– Но, ты знаешь, я не думал, что реакция будет такой бурной, – сказал Вася. – Я всего лишь хотел преподать им маленький практический урок.

– Ничего, брат, это хороший урок не только для них, но и для нас, для нашего утверждения.

Прошло немного времени, и мы убедились, что это действительно так. Как-то на разборе Слова Божьего мы рассуждали над местом Писания «Любовь у вас да будет непритворна». Я тогда думал: какая же любовь притворна? Оказывается, что люди могут только притворяться, что они имеют любовь, а на самом деле не иметь её. Ведь Божественная любовь изливается в наши сердца Духом Святым, данным нам. А языки? Даже если они истинные, то это дар, а Христос сказал: «по плодам их узнаете их», не по дарам (Мф. 7:16). Любовь – плод Духа, а языки – дар Духа. Но и языки, оказывается, бывают разные, ибо Апостолы говорили на других наречиях, и пришедшие на поклонение на праздник понимали их. А новые языки в Коринфской церкви никто не понимал – ни говорящие, ни слышавшие их.

Квартирный вопрос у нас оставался открытым, и мы просили Господа помочь нам его разрешить. Услышав, что произошло у брата Васи, как и почему его попросили ночью выбраться из квартиры, община пятидесятников заинтересовалась нами, зная, что мы пережили, и решили нам помочь. А позже мне стало известно от одной сестры, что кто-то из их пророков получил откровение, что этим братьям надо помочь, и они должны быть в их общине. Мы даже не догадывались о таких дальновидных планах, но вскоре через эту же сестру были приглашены на беседу по нашей нужде.

Из состоявшейся беседы мы поняли, что они осуждают поступок Луши, к тому же она, вместе со своей подругой, отлучена из их общины за тяжкие грехи. Они готовы были помочь нам в нашей нужде, предоставив времянку в районе Сосновки у одной сестры. У неё – большая семья и неверующий муж, который практически их оставил, в связи с чем у неё большие переживания. Мы познакомились с сестрой и посмотрели времянку. При разговоре поняли, что она нам сочувствует и готова помочь за небольшую плату. Нам осталось только согласовать вопрос со своими братьями и перевезти свои скромные пожитки.

В это время к нам в Черкассы из Ирдыня приехал молодой брат Митя. Его мама горячо молилась об обращении сына и дочери к Господу. На собрании Митя рассказал о том, как Господь вёл его к раскаянию:

– Братья и сестры, мама моя – верующая, а отца я не помню. Мы с сестрой – двойняшки, росли под опекой матери. Ей было нелегко с нами. Я ходил в школу, где ученикам прививали безбожие, насильно принимали в пионеры и комсомол. Дома мама нам говорила о Боге, в школе твердили, что Бога нет – это, мол, пережитки прошлого, фантазия старых людей. К большой печали, школа влияла на меня больше, чем мать. Учителя пытались доказать нам идею безбожия научным путём, а мама только читала Библию. С таким внутренним раздвоением я и жил до армии.

В армии воспитывали в том же духе. Через год приехал в отпуск, мама была очень рада. Я решил навестить родственников в селе Староселье. Поехал на велосипеде. Дорога была гористая, неровная. Я ехал очень быстро, петляя по узенькой лесной тропинке рядом с грунтовой дорогой, и о чём-то размышлял. При спуске с очередного уклона, не справившись с управлением на повороте, я врезался в дерево и потерял сознание. В себя пришёл в больнице. Вокруг – незнакомые лица, потом узнал мать и сестру. Мне сделали серьёзную операцию: был повреждён череп, кость заменили пластинкой. Жизнь висела на волоске, но я остался жив. Мать объявила о моём состоянии, и многие верующие молились обо мне.

Выздоравливал я медленно. Мне дали инвалидную группу и комиссовали из армии. Но благодаря этой трагедии у меня произошла внутренняя перемена: я покаялся, приняв Иисуса Христа своим Господом и Спасителем, и посвятил свою жизнь Ему. Сейчас я решил переехать в Черкассы, жить здесь и трудиться для Господа. Только теперь осталось решить вопрос с квартирой.

После собрания мы поговорили с Митей и предложили ему жить с нами во времянке, но прежде мы должны были согласовать этот вопрос с хозяйкой. Вопрос был быстро ула-

жен, и теперь мы втроём переселились в Сосновку. Летом Митя принял крещение, устроился на работу, и мы ревностно участвовали в жизни поместной церкви.

Навещая с Митей его маму в Ирдыне, мы поняли, что есть воля Божья на то, чтобы там образовалась поместная церковь. Молодёжь провела там несколько евангелизационных собраний, несмотря на запреты местных властей. После этого начали проводиться собрания по домам. Брату Васе предложили быть ответственным за образовавшуюся общину. Он по скромности своей сразу отказался, но когда мы пообещали ему поддержку брата Мити, согласился.

Прошло ещё немного времени. Тёплое лето уже подводило итог своей благодати, а на полях и огородах созревал хороший урожай. К нам обратился молодой брат Валентин, из Смелы:

– Братья, я ищу квартиру в Черкассах. Было бы хорошо, если бы у вас нашлось место для меня.

Мы хорошо знали мать Валентина, нашу сестру в Господе, Люсю, которая отбыла три года лагерей в женской колонии общего режима за веру в Бога.

– Хорошо, Валентин, мы не против, – сказал я, – но мы должны договориться с хозяйкой.

Сестра Люба, наша хозяйка, с радостью согласилась, потому что для неё, хоть и небольшая сумма, всё же была пополнением бюджета. Теперь нас, как в той сказочной рукавичке, было уже четыре молодых брата в одной времянке. Работали все на производстве и ревностно трудились для Господа.

Всё было прекрасно, но я внутренне чувствовал приближение опасности, и поэтому горячо молился Богу и о себе, и о моих молодых и неопытных братьях. Особо выраженная похвала, забота и внимание, которые были проявлены к нам, почему-то настораживали. Однажды после молитв и размышлений над всем этим, мне приснился сон, который был Божьим предостережением. Я рассказал братьям, но они не очень его поняли. А снилось мне, что я нахожусь среди вы-

сотных домов. Снаружи дома довольно привлекательные, а что внутри них – невозможно было увидеть. Вдруг на самом верхнем этаже открывается окно, и ко мне опускается верёвка. Без слов мне дано было понять, что я могу подняться наверх, ухватившись за эту верёвку. Ситуация была интригующая: мне хотят сделать добро, и отказаться будет неэтично. Небольшая пауза для размышления, и вдруг во сне у меня ярко вырисовалась мысль: а что будет, если придётся падать с такой высоты? Сразу же после этой мысли верёвка начала быстро подниматься назад. Я проснулся.

Сон был настолько ярким, что я вспомнил Апостола Петра на кровле Симона кожевника, которому через видение было открыто, как надо поступать. Я поблагодарил Бога за предупреждение об опасности на почве гордости.

На следующий вечер брат Митя сказал мне, что наша хозяйка хочет навестить своего брата, пресвитера пятидесятнической общины, и дала понять, что она нуждается в том, чтобы он её проводил, потому что она плохо себя чувствует.

– Митя, она тебе прямо сказала, чтобы ты её сопровождал? – спросил я.

– Нет, не прямо, но дала понять о своей нужде.

– Ну и что ты решил?

– Чувствую, что отказать будет неправильно. Я этого сделать не могу.

– А ты не предполагаешь, что здесь есть определённый замысел? – опять спросил я.

– Возможно, но по-другому поступить я не могу.

– Ну, смотри. Я буду молиться о тебе в этот вечер.

В тот вечер у меня было сильное побуждение молиться за Митю. Я отложил другие заботы и читал Слово Божье, рассуждал и молился. Митя пришёл около полуночи. Я ни о чём его не спрашивал, а на следующий день попросил подробно всё рассказать.

– Знаешь, брат, – начал Митя, – кажется всё ничего, но я ощущал какое-то сильное давление. Люба оставила меня наедине со своим братом, а сама пошла по своим делам.

Я понял, что была запланирована беседа со мной, но она почему-то не получалась. Он сделал несколько попыток начать разговор, но все старания приводили в тупик. Тогда он встал и ушёл. Через короткое время мы тоже ушли.

– Как ты думаешь, у нашей хозяйки действительно была крайняя необходимость идти к родным поздним вечером?

– Думаю, не было...

– Тогда делай правильный вывод, и будем благодарить нашего Господа за ответ на молитву и скорую помощь.

Через некоторое время наша хозяйка сообщила нам, что в её доме будет собрание по случаю её дня рождения, и она очень просила, особенно меня с Васей, побыть на этом собрании.

Я понял, что ситуация складывается так, что отказаться будет некрасиво. Ведь сколько добра сделано нам этой женщиной! Мы сказали, что постараемся быть. У пятидесятников собрания также проходили по домам, при ещё большей конспирации, чем у нас. Они меняли не только место, но и время собрания. Утром я просил Божьего водительства, мудрости и защиты на предстоящий день. Из окон нашей времянки мы видели, как в доме нашей хозяйки по двое, по трое начали собираться люди. К назначенному времени мы также подошли к двери, и нас любезно пригласили в переполненный дом. Я начал смотреть, в каком уголке пристроиться, но увы, нас пригласили, как почётных гостей, вперёд. Протестовать было бесполезно, и мы с Васей прошли к указанному нам месту. Руководящий брат предложил нам поучаствовать в проповеди Слова, но мы категорически отказались:

– Братья, мы первый раз у вас на собрании, и будем только слушателями.

Молитву о благословении собрания совершали громко, но коротко, учитывая, по-видимому, наше присутствие. После пения псалма пресвитер поместной церкви говорил проповедь. Он читал место Писания из 1Кор. 6:17: «А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом».

Говорил очень эмоционально, возбуждая эмоции в присутствующих. Я старался наблюдать и слушать спокойно. Вдруг проповедник начал взвинчивать темп речи и силу голоса, часто повторяя: «Слава Господу!» На что зал реагировал возгласом: «Аллилуйя, Аллилуйя! Хвала Господу!» Видно было, что эмоции доходят до апогея, и чем-то это должно выразиться. И оно выразилось тем, что проповедник начал говорить на новом языке. Вначале начали прорываться отдельные слова, а потом – целые выражения. Видно было, что смысла слов никто не понимал, но значение придавалось особенное: возгласы «Аллилуйя! Слава Господу!» усилились. Потом всё начало стихать, и проповедник закончил проповедь, сказав: «Аминь».

Я посмотрел на брата Васю, его лицо было сосредоточенным и серьёзным. Мы в такой атмосфере ещё никогда не были. Проповедник пригласил к молитве. Кто мог, склонились на колени. Вначале молитва была очень громкой и шумной. Можно было услышать то в одном, то в другом месте слова на непонятном языке. В конце молитва была вслух, все стихли и быстро успокоились.

После молитвы все пели псалом из сборника. Было рассказано несколько стихов. В заключение собрания говорил слово епископ из-за Днепра. Он говорил не так эмоционально, как первый, но старался убедительно изложить тему проповеди.

Заключительная молитва была такой же и у епископа: раз за разом вырывались непонятные слова, и некоторые, казалось, на немецком языке.

В конце собрания хозяйку поздравляли с днём рождения, а она пригласила остаться, чтобы вместе поесть. Объявили перерыв, и все разошлись по комнатам: кто – на беседу, а кто – накрывать столы. Нас с братом Васей братья окружили и расспрашивали о пережитом в тюрьме, интересовались, как мы смотрим на их собрание. Беседа непринуждённо продолжилась за столом, куда и нас пригласили. Так как беседа

была открытой, Господь дал силы мужественно вести себя и спокойно выяснять возникшие вопросы.

– Вы извините меня, братья, – сказал я, – но кто вам дал право нарушать заповеди Господни?

– Как, где? – отозвалось сразу несколько голосов. – Мы не нарушаем Его заповедей!

– Как же не нарушаете, когда даже в проповеди говорите на незнакомых языках, а истолкователя у вас нет. Ведь об этом прямо написано.

Один из служителей с удивлением, но авторитетно заявил:

– Я не знаю, чтобы где-то было так сказано.

Тогда, прямо за столом, я попросил Библию, открыл место Писания и прочитал из 1Кор. 14:27, 29 и 37 стихи: «Если кто говорит на [незнакомом] языке, [говорите] двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй... Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу... Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни».

Прочитанные мною слова очень их удивили, и они с недоверием начали сами читать. Потом наступила пауза, после один из служителей сказал:

– Ну, что ж, брат, значит, мы ещё младенцы.

После этого собрания всё стало на свои места. Нас Господь ещё больше утвердил в истине, показал нам, какая опасность заблуждения, особенно если эта опасность рядом. Они также поняли, что переубедить нас не так-то просто, как кому-то казалось. Мы уразумели, что невидимая духовная борьба была сильной, и малейшее небодрствование или пассивность дорого бы нам обошлись. А пока наши благодетели оставили нас в покое и перестали так ревностно приглашать к себе на собрания и беседы.

Наша жизнь продолжалась под охраной и защитой нашего Господа. Окружающая обстановка порой захлёстывала суетой и различными жизненными заботами. Дух Святой побуждал нас к жизни в чистоте и святости. Когда друзья

предложили объявить всем желающим собраться и побеседовать о святости, я был очень рад этому.

Я вспомнил материал на эту тему, который я переписывал ещё до нашего ареста. Слава Богу, время бежит, обстоятельства меняются, а внутренние запросы остаются прежними – познание воли Божией, которая была и есть освящение наше. Мы молились, чтобы Господь благословил предстоящую беседу, чтение и рассуждение над Словом Божьим. В церковь пришли новые души, и мы понимали, насколько важно для них познание этой истины.

А жизнь продолжалась – этот удивительный подарок от Господа. Какое счастье было сознавать, что она – в руках Господа, что без Его воли, просто так, не бывает ничего. «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по [Его] изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Беседы, о которых я упоминаю в этой книге, все прошли через моё сердце. Они оставили глубокий след в моей жизни. Они формировали мой характер, моё понимание правды и истины Божьей. В жизни не всегда всё складывалось и давалось легко; было много различных трудностей, переживаний, но Господь вёл вперёд, являя Свою близость и славу.

Моя непрестанная молитва – о том, чтобы огонь духовного пробуждения, который Господь в своё время зажёг в наших юных сердцах, вдохновляя всё новые и новые души к святой жизни во Христе, к жертвенному служению в Его Церкви, невзирая ни на какие трудности, гонения и неустройства житейские. Наше счастье – только во Христе, в постоянном, полном пребывании в Нём, а Он сделался для нас премудростью от Бога, праведностью, освящением и искуплением (1Кор. 1:30).

Часть 2 Глава 1

Решение семейного вопроса

Так незаметно мчится время – не успел оглянуться, а уже пошёл двадцать седьмой год. Начал прислушиваться к внутреннему зову сердца, присматриваться к окружающей обстановке холостяцкой жизни. Всё свидетельствовало о том, что надо что-то предпринимать, как-то менять установившийся образ жизни.

Нас четыре молодых брата, живём мы во времянке на окраине города, и, видимо, нам скоро надо будет искать новое жильё. После всего пережитого отношения с нашей такой добродушной ранее хозяйкой осложнились.

Среди четверых я старше всех. Вижу, братья смотрят на меня, да и не только они: когда и кто? Из того, что Господь мне уже открыл, и из своего житейского опыта я понимал, что вопрос семейной жизни – очень важный и ответственный, ибо решается один раз и на всю жизнь.

По юношеской неопытности и легкомыслию сделаешь один неправильный шаг, и как дорого это скажется в дальнейшей жизни, и не только в твоей. Осознавая ответственность, которую возлагал на меня Господь в этом вопросе, я решил быть очень внимательным и строгим к себе, чтобы не давать повода тому, кто постоянно его ищет, чтобы нам навредить.

Я понимал, что молодёжь есть молодёжь, и каждый волей-неволей проявляет свою симпатию или антипатию. Хорошо, когда молодёжь в церкви поддерживает дружеские отношения и умеет свои потайные мысли держать глубоко в сердце, чтобы не выплеснуть их через чувства напоказ окружающим. Но не всегда и не у всех это получается, и тогда начинаются проблемы в церкви. Тогда надо вовремя бить тревогу и остановиться, чтобы переосмыслить всё, чтобы не зайти в дебри чувств.

Я заметил, что одна сестра из нашего круга молодёжи начала оказывать мне особое внимание и проявлять обо мне заботу. Это произошло сразу после моего освобождения из уз.

– Давай, брат, купим тебе обувь, а может быть, и костюм. У меня такая возможность есть.

Вначале я подумал, что она шутит, но это постоянно повторялось, и, кроме того, сестра, используя любую возможность, ходила ко мне для личной беседы. Я начал молиться и просить мудрости у Господа, как мне правильно отреагировать на такую «добродетель»? Потом принял решение, и, чтобы освободить сестру от излишних неконтролируемых чувств, а также и планов, сказал прямо:

– Сестра, я хочу поставить тебя в известность о том, что между нами не может быть ничего больше тех отношений, которые есть среди нашей молодёжи. Запомни: мы – братья и сёстры во Христе, и не больше. Прости меня, если я чем-то мог тебя обидеть. Надеюсь, что мы останемся друзьями.

Но без обиды не обошлось. Сестра несколько недель старалась со мной не разговаривать и избегать меня, чем я внутренне был доволен, и благодарил Бога, что она всё поняла, и всем проявлениям чувств будет положен конец.

К большому моему удивлению, я ошибся. Через время всё начало повторяться, и мне снова пришлось повторить то же, и ещё строже предупредить сестру, предостерегая её от соблазна и падения. Но и это не помогло. Она стала ещё более деловой и предприимчивой.

Сознавая, что сложившиеся обстоятельства может использовать дьявол, я решил, что пришло время вопрос моей женитьбы предоставить Господу и получить от Него ясность. Так как все дни, кроме воскресенья, у меня были рабочими, я решил воскресенье провести в посте и молитве об этой нужде. Это происходило в летнее время. Я уединился, и с утра до захода солнца молился и читал Слово Божье.

Так прошёл день. А вечером, перед заходом солнца, я преклонил колени и попросил Господа:

– Господи, я осознаю Твоё всемогущество. Ты знаешь мою нужду, с которой я стою ныне пред Тобой. У меня ещё так мало духовного опыта, и поэтому прошу Твоей милости. Снизойди к рабу Твоему и пошли мне ответ на мою нужду сейчас, через Твоё Слово, Библию.

Я открыл место Писания и внимательно прочитал, потом – ещё раз, поразмышлял. Сознание прояснилось через действие Святого Духа. Я преклонил колени и поблагодарил Господа. Теперь я имел полную ясность, как поступать. В сердце царил полный мир и покой.

А через время Господь дал мне возможность встретиться наедине с сестрой, которую Он мне открыл. Для неё наша встреча и разговор со мной были полной неожиданностью. Она, как я потом узнал, живя с бабушкой и дедушкой и будучи круглой сиротой, так молилась Господу:

– Если воле Твоей будет угодно, и Ты усмотришь для меня мужа, то я желаю, чтобы он был служителем Твоим.

Я сказал сестре о моём предложении, рассказал о моём понимании этого жизненно важного вопроса и не умолчал обо всех своих недостатках. Попросил не торопиться с ответом, молиться и стараться ни с кем не советоваться по этому вопросу и держать всё в тайне до полной ясности. Она с этим согласилась, и мы расстались. Тогда мы не подозревали, что нас ожидают большие испытания. А искушения пришли оттуда, откуда я и не ожидал.

Обиженная «отверженная» сестра, внутренне чувствуя соперничество, решила сестру, которой я сделал предложе-

ние, срочно выдать замуж за самого молодого брата, который жил с нами во времянке. Она, с присущей ей способностью воздействовать на чувства, так сумела разрисовать ему всё, что он, недолго думая, предложил её «сопернице» выйти за него замуж.

Озадаченная таким поворотом событий, та не знала, как ему правильно и безболезненно отказать. Поэтому аккуратно сказала ему, что она уже решила этот вопрос пред Богом.

Брат, у которого качнулась земля под ногами, потому что рухнула так красочно разрисованная надежда, выпил спиртного и явился к служителю церкви, который был крайне удивлён таким его состоянием. Узнав, в чём дело, он стал уговаривать брата не делать греха и поступать благоразумно. Об этом стало известно и среди молодёжи, и в церкви, потому что он у многих молодых братьев спрашивал, не обручён ли кто из них с этой сестрой.

Узнала об этом и его мать, богобоязненная сестра, прожившая почти всю жизнь без мужа, отсидевшая в тюрьме срок за верность Господу. Все дружно начали принимать меры, чтобы спасти «упавшего» брата. Начали уговаривать не только «жениха», но и «невесту», чтобы, если возможно, передумала.

Итак, уговорили их ещё раз встретиться и поговорить. Встреча состоялась, но разговор был очень коротким и простым. Говорила она:

– Брат, искренне прошу тебя, остановись и остынь от горячки. Открой глаза и разберись во всём. Тебя просто использовали, ты являешься жертвой чьих-то интересов. И ещё, подумай и рассуди здраво: могу ли я выйти за тебя замуж? Если ты до свадьбы разыграл такую неблаговидную сцену, то чего тогда можно ожидать от тебя после свадьбы? Всю жизнь мучиться и мучить других? Остановись, покайся, и будем друзьями. Вот моя тебе рука в этом добром желании. Я молюсь за тебя, твоя мама и церковь тоже молятся.

Бог услышал молитвы, и брат покаялся. Инцидент был исчерпан.

Часть 2 Глава 2

Межобластное совещание под Киевом

Бог явил милость Свою и, ответив на мою молитву, послал работу в одну смену, чтобы было больше времени и возможности в служении Господу. А внешняя обстановка всё больше и больше осложнялась. Все братья, активно участвующие в служении, были под постоянным наблюдением. Не так просто было им собраться, чтобы поделиться Словом Божьим, переживаниями и благословениями.

Особенно сложно было собраться братьям на межобластное братское общение. Неосторожное поведение хотя бы одного из них – и представители власти тут как тут. Для безопасности приходилось менять и место, и время братских совещаний.

Это было ранней весной. Мне передали, что надо ехать на межобластное братское совещание, которое будет проходить под Киевом, у брата в недостроенном доме. Ехать надо было электричкой. Полустанок, где надо было сойти, я знал. Было сказано, что будет встречать знакомый брат.

Я ушёл с работы и поехал к вокзалу с большой осторожностью. Делал всё, чтобы не привести на общение нежеланных «посетителей». В электричке встретился ещё с двумя братьями. Мы ехали и тихонько беседовали. Когда объявили наш полустанок, пошли на выход. В спешке один из братьев

забыл свой плащ. Стоянка была очень короткой, и когда он вспомнил о плаще, электричка уже поехала дальше.

Нас встречал брат. Проходя мимо, он тихо сказал, чтобы все по двое шли за ним. Мы шли полем. Вокруг всё благоухало душистым запахом трав и весенних цветов. На огородах работали люди. Разгибая на время уставшие спины, они провожали нас удивлёнными взглядами. Я подумал, что, у кого-то, наверное, в сознании мелькают мысли: «Куда идут эти люди? К кому они направляются?» У меня в душе невольно появилась тревога, но я постарался её отогнать.

Мы подошли к большому недостроенному частному дому. Двор был заполнен различными стройматериалами. Нам показали приставную лестницу на второй этаж. Я поднимался по скрипящим перекладинам и думал: «Вот это действительно конспирация. Всё продумано, так просто нас не найти».

На втором этаже всё было как на стройке. Но из досок и дверей был устроен стол человек на тридцать. В ожидании остальных братья группами тихонько делились своими переживаниями.

Обычно на такие общения привозились средства на дело Божье. Зная брата, ответственного за это служение, подходили, передавали деньги. Он записывал сумму в свой блокнот. Брат, ответственный за проведение областного общения, уже предупредил, кто скажет слово назидания после молитвы.

Итак, все дружно заняли места за столом. Брат попросил Божьего благословения и сказал:

– Сегодня петь не будем, ради безопасности. Давайте запишем вопросы, которые у нас на повестке дня.

Всё записали и согласовали. Перед тем, как предоставить слово для общего назидания, брат ещё раз напомнил:

– Все сдали средства? Никто не забыл?

После проповеди помолились и перешли к обсуждению первого вопроса: сообщениям с мест. В это время на первом

этаже послышался шум, скрип лестницы, и появились первые непрошеные гости. Прозвучала команда:

– Ни с места, руки на стол! Я – из районной прокуратуры города Киева. Нам стало известно, что здесь собрались люди без разрешения. У нас в районе идёт расследование кражи вещей на большую сумму. Поэтому мы проверим ваши документы и личные вещи. Выложите из ваших карманов всё содержимое на стол!

Всё произошло так неожиданно и быстро, что их можно было даже похвалить за оперативность. Помещение быстро наполнилось людьми в милицейской форме и в гражданской одежде. Некоторых из местных братьев они знали, началась словесная дискуссия.

– Вы занимаетесь беззаконием, – заявили мы им. – Мы ничего вам на стол класть не будем, у вас нет никакого права на обыск.

Но, несмотря на протесты, они проверили карманы и личные вещи, изъяли записи, которые посчитали подозрительными. Переписали фамилии, кто и откуда приехал. Все братья сильно переживали за только что собранные пожертвования на дело Божье. Делающие обыск, на это и рассчитывали, но по дивной милости Божией, денег они так и не нашли.

Вся эта процедура длилась несколько часов. Они всё время куда-то звонили, согласовывали, а потом объявили:

– Таких-то (назвали конкретно) мы забираем в Киев для выяснения некоторых вопросов, а остальные – освободите помещение и разъезжайтесь по домам. Там с вами будут разбираться.

На хозяина дома составили акт с угрозой штрафа за незаконное собрание.

По пути на электричку, я себя осуждал за то, что не отреагировал вовремя на внутреннее свидетельство об опасности, которое Господь давал перед этими событиями.

Часть 2 Глава 3

Положительный ответ

Работа, служение, поездки, вызовы на административную комиссию, штрафы – всё это стало хорошей школой воспитания и духовной закалки в вере. А вопрос относительно создания семьи оказался не таким простым, как я думал раньше, и как делились братья, вспоминая свою молодость.

После последних событий я уже не знал, как мне правильно поступать, чтобы не совершать ошибок. Поделиться с кем-то не решался, да и не было с кем. Продолжал молиться и просить мудрости у Господа, а Он напоминал мне то, что открыл, когда я пребывал в посте и молитве.

Идти за ответом долго не решался, оправдывал себя занятостью. Но... осознавал, дальше так быть не должно. Вечером решил идти к сестре домой.

Дорога была мне знакома. Сколько в этом доме было проведено богослужений, бесед, молодёжных собраний! Но это тогда, а теперь на сердце почему-то тревожно. После всяких разговоров, разборок и переживаний я и сам не мог разобраться, почему.

Когда зашёл во двор и постучал в дверь, то понял, что бабушка с дедушкой уже ложатся отдыхать. После простого приветствия я предложил сестре побеседовать на лавочке под грушей, возле колодца. Она согласилась и через некоторое время вышла. Мы молчали.

Ночь вступала в свои права, освобождая людей от дневных забот и суеты. Кто-то шёл по улице. Было тихо и спокойно вокруг, а на душе – тревожно. Я понимал, что молчать

долго неприлично, мне надо что-то говорить, ведь для этого я сюда и пришёл. Поэтому, глубоко вдохнув и опустив голову, я как можно тише заговорил:

– Ты, наверное, догадываешься, по какому вопросу я пришёл сегодня поговорить наедине.

После небольшой паузы я продолжил:

– Я знаю, что тебе сейчас нелегко говорить со мной после всего пережитого. Но...

Я поднял голову и взглянул ей прямо в глаза. Она смотрела спокойно и выжидающе.

– Но... – продолжал я нерешительно, а потом всё-таки смелее добавил, что хотел бы знать ответ на моё предложение.

Она ответила быстро и довольно спокойно:

– Да, это верно. Ты имеешь право на ответ, хотя мог его получить значительно раньше, если бы пожелал. Мне трудно тебе сейчас передать, что я пережила за это время, и что творилось в моём сердце. Ты был на расстоянии, и я часто думала, что тебя это всё не очень-то и волнует. О, если бы ты знал, что я передумала за это время, особенно в такие вечера...

Она на короткое время замолчала, а потом продолжала:

– Ты, наверное, не знаешь, а ко мне приходил твой друг Вася и говорил со мной так же, как ты, наедине. Он спросил, не согласна ли я выйти за него замуж. И ответ последовал сразу же: нет. Он не подал виду, что обиделся, и дальше вёл себя так, будто всё нормально. А когда я трудилась с друзьями, мы готовили посылки для семей узников, он подошёл ко мне, правую руку протянул для приветствия, а в левой держал розу жёлтого цвета. И произнёс: «Это тебе на долгую память...»

От неожиданности я ничего не мог ответить. Спокойно продолжая своё свидетельство, она сказала:

– Ответ на твое предложение я знала ещё до того, как ты мне его сделал. Мне перед этим снился сон, будто я иду с богослужения домой. Вокруг темно-темно, как сейчас. Я иду по знакомой улице, но она какая-то странная. Впереди видно

сияние, и я понимаю, что это сияние Небесного Иерусалима. Вдруг кто-то берёт меня за руку. Удивительно то, что я не знаю, чья это рука, но смело опираюсь на неё, и мне не страшно. Мы идём вместе, и вдруг у меня возникает мысль посмотреть, кто идёт рядом со мной. Я поворачиваю голову, смотрю и вижу тебя. Сон ушёл, и, проснувшись, я сказала: «Господи! Неужели это ответ на мою молитву?»

На сердце были тишина и полный покой. Я поблагодарила Господа за то, что Он любит меня и так нежно заботится обо мне. А теперь думай ты и решай.

После долгой паузы, осмысливая услышанное, я сказал:

– Давай поблагодарим Господа. Теперь всё ясно, давай будем советоваться, как поступать дальше.

Часть 2 Глава 4

«Попутчик» по дороге в Коростень

Время быстро мчится вперёд. Уже прошли весна, лето, и приближалась осень. Братья передали, что следующее межобластное собрание будет проходить в Житомирской области в городе Коростене. Записав адрес и прикинув, как проще добраться туда из Черкасс, в субботу утром я отправился в путь. Учитывая прошлое, с самого начала был предельно внимателен к нежелательным попутчикам. И, как оказалось, не напрасно.

Когда я стоял в очереди за билетом, то внутренне ощутил постороннее внимание. Я не понял, кто лично взял меня под наблюдение, но был очень осторожен. За долгие годы слежек, с Божьей помощью, вырабатывается противодействие. Безусловно, приходилось быть крайне аккуратным, чтобы не впасть в крайность ложной подозрительности, которая может закончиться и психической болезнью.

До Житомира автобус ехал через Киев, делал много остановок. Проявляя максимум бдительности, я так и не заметил ту личность, которая могла за мной следить. Начал было уже успокаиваться, что у меня ложное предчувствие. Но когда в Житомире на автовокзале надо было делать пересадку на другой автобус, и я вновь встал в длинную очередь за билетом, всё стало понятно. Мои сопровождающие допустили целый ряд ошибок, которые я не мог не заметить.

Когда мы садились на автобус Житомир-Коростень, я уже чётко знал в лицо человека, который должен был меня сопровождать. Сидя в автобусе, я молился и просил у Господа мудрости, как мне поступить, чтобы не допустить ошибки. Когда водитель делал остановки на автостанциях, он объявлял время отправления, чтобы никто не задерживался, а сам шёл в диспетчерскую. Я обратил внимание, что мой сопровождающий шёл туда же. Понаблюдав и проанализировав всё, я понял, что надо незаметно уходить. Когда мы подъехали к следующей автостанции, люди вышли из автобуса, чтобы подышать свежим воздухом, а мой сопровождающий снова побежал в диспетчерскую. Я подошёл к водителю и сказал:

– Вот мой билет, я дальше не поеду. Можете распорядиться им, как вам угодно.

Он посмотрел на меня с удивлением, но билет взял и ушёл.

Я взял свою сумку, и как можно спокойнее ушёл за автовокзал. Городка этого я не знал, и поэтому, выбрав самую узкую улицу, где невозможно было проехать автомобилем, зашагал подальше от автостанции. Я был уже на значительном расстоянии, когда объявили об отправлении моего автобуса.

Оказавшись рядом с небольшой речушкой и увидев тропинку, утопающую в зелени деревьев и кустов, я немного прошёл в направлении, противоположном тому, в котором уехал автобус. Сердце, как молот, стучало в груди, а мысли сменялись одна за другой. Сейчас мой сопровождающий поднимет шум, и будет искать пропавшего пассажира. Меня могут по приметам постараться разыскать в этом небольшом городке. Я быстро шёл и молил Господа о помощи. Тропинка вывела меня на городскую улицу, и я понял, что оказался на городской улице, по которой только что приехал на автобусе.

Пройдя по дороге метров пятьсот, я оказался в центре города. В двух кварталах позади меня, возле какого-то магазина стоял милиционер в форме, а из здания рядом вышел мужчина в гражданском. Он шёл за мной по другой стороне

улицы на расстоянии двадцати метров и явно волновался. Он не решался подойти ближе, и всё время оглядывался назад, желая дать сигнал милиционеру, а тот смотрел в другую сторону и ничего не замечал. Оставить меня и возвратиться обратно этот мужчина тоже не желал.

Так мы шли некоторое время. Я понимал: меня сейчас задержат, если Господь не поможет мне уйти, и я решил применить тактический приём – приём преследования. Этот человек шёл за мной на расстоянии двадцати метров по почти безлюдной улице. Я резко остановился и начал что-то искать в своей сумке, таким образом, он вынужден был пройти мимо меня. Я сразу же пошёл за ним. Ему это явно не понравилось, и он перешёл улицу. Я шёл за ним на расстоянии пяти-семи метров. Он ускорил шаг, я – тоже. Потом замедлил, я – так же. Получилась странная картина, и человек в гражданском, по-видимому, всё понял. Оказавшись в неловком положении, он уже не знал, как поступать и потому, не выдержав такого преследования, ещё раз перешёл на другую сторону улицы и скрылся в каком-то заведении.

Главная улица как раз делала крутой поворот. Когда я оказался за поворотом, то услышал сзади шум автомобиля. Оглянувшись, увидел, что в сторону Житомира едет машина. Я поднял руку, и водитель остановился. Возле него было свободное место. Сев в кабину, я спросил:

– До Житомира подвезёте?

– Да.

Я про себя поблагодарил Бога.

Не доезжая до Житомира, за развилкой, я попросил водителя остановиться, рассчитался, перешёл через трассу и, остановив попутную машину, уехал в Новоград-Волынский. После этого я внутренне успокоился, поняв, что Господь помог мне уйти от наблюдения, которое велось от Черкасс.

В Новоград-Волынском пошёл к знакомому брату-служителю. Когда я рассказал ему о своём путешествии, мы уже вдвоём с радостью благодарили Господа за Его дивную милость и заботу о нас. Брат сообщил мне, что он уже готов

ехать на братское совещание, и мы отправились на железнодорожный вокзал за билетами. Так как меня в этом городе меньше знали, то билеты до станции Коростень в кассе брал я.

В Коростень приехали под вечер, встретились ещё с несколькими братьями и пошли искать в район многоэтажек нужный нам дом и квартиру. Мы были очень рады, увидев многих друзей. Все были бодры и радостны. В ожидании тех, кто ещё должен был подъехать, тихонько беседовали, свидетельствовали о пережитом, разделившись на группы.

Когда началось собрание, мне предоставили слово, чтобы рассказать о моём «путешествии» на братское общение. Из услышанного братья взяли урок для себя и поблагодарили Бога за Его милости к нам. Братское общение прошло благословенно и закончилось около пяти часов утра.

Я с группой братьев шёл на автовокзал. В предрассветном небе ещё мерцали звёзды. На сердце было светло и радостно, и я сказал:

– Братья! Ведь это написано в Слове для нас: «Если будешь веровать, увидишь славу Божью».

Если бы мы не верили в нашего Господа и не знали бы Его, мы бы не испытывали такой радости и не были бы свидетелями таких чудес.

Часть 2 Глава 5

Брак Николая с Катей

Нашим с Катей первым решением было объявить моим и её родным, а также в церкви, о предстоящей свадьбе. Все эту новость приняли с радостью и помолились вместе с нами Господу, чтобы Он благословил и всё устроил. Я был очень рад и благодарен Господу, что мои родные, наконец, смирились и согласились с моим решением.

На дворе уже была осень, и мы начали готовиться к бракосочетанию. У нас было немного помощников и советчиков, но мы возложили надежду на Господа. Первым делом согласовали, что служение, сочетание и брачный пир будут в доме моей невесты Кати. Бабушка и дедушка Кати дали согласие: после уборки картофеля огород можно использовать для собрания.

Следующим вопросом было, кто же будет совершать сочетание. Местный служитель согласился на наше усмотрение. Катя предложила пригласить на такое ответственное служение брата, бывшего узника, из города Кировограда.

– У меня нет отца, – сказала она, – а он для меня – как отец.

Все были согласны с её предложением. Важно, чтобы брат согласился, и чтобы дата сочетания его устраивала. Ему передали приглашение и получили положительный ответ: «Двадцать девятого октября я буду свободным и постараюсь приехать».

Несмотря на то, что свадьбы у верующих всегда были под большим контролем наших гонителей, братья и сестры из окружающих церквей собирались дружно, даже без особых приглашений. В Одессу мы послали приглашение, чтобы приехала молодёжь с духовым оркестром. Пригласительные фотографии получились очень некачественные, но мы из-за этого не огорчились. Помочь с приготовлением угощения, кроме родных, вызвалось много близких друзей.

Приглашение на свадьбу для друзей

Регистрировать брак мы поехали на велосипедах в соседнее село за семь километров, в то время там был сельсовет. Обычно перед регистрацией брака дают время на обдумывание месяц или два. К нам же, из-за того, что мы верующие, было снисхождение.

После того, как мы поставили свои подписи, нас поздравили, и мы с Катей поехали домой. Она уже была на фами-

лии Шепель. На улице было тепло и солнечно. Мы ехали рядом через поле, разговаривали. Я спросил:

– Катя, как тебе нравится твоя фамилия?

Она спокойно, с улыбкой ответила:

– Важна не сама фамилия, а что кроется за ней.

– А тебе не страшно, – продолжал я, – ведь все твои знакомые и соседи будут говорить: «Вот это да! Вышла замуж за бывшего зэка». Ведь эту фамилию знают многие, даже в КГБ.

Катя улыбнулась и спокойно сказала:

– Коля, Коля, что мне КГБ, у нас есть Господь, а с Ним ничего не страшно.

День свадьбы приближался, и забот об устройстве её прибавилось. После работы мне приходилось много трудиться с братьями, чтобы приготовить и место для сочетания, и скамейки для присутствующих, и столы для второй части бракосочетания.

В субботу, двадцать восьмого октября, начали съезжаться родственники. Некоторых из них пришлось размещать у друзей, а многие ютились у хозяев в маленьком домике на два входа. Вечером нам передали, что брат-служитель из Кировограда приехать не сможет, но вместо него будет другой, моложе его, которого мы также очень уважали. Так как двадцать девятое октября – это уже поздняя осень, мы горячо молились и просили милости к нам нашего Господа, чтобы Он послал хорошую погоду.

Итак, долгожданный день наступил. К десяти начали собираться гости, братья и сёстры из разных церквей. Большой радостью было то, что благополучно добралась молодёжь из Одессы с духовым оркестром. Приехал и брат-служитель для сочетания.

Когда началось богослужение, заиграл оркестр и запел хор, то собралось большое количество людей. Многие стояли прямо на улице. В первой части были проповеди. Друзья радостно участвовали в служении: играли и пели, читали стихи. Основную часть собрания мы с Катей присутствовали.

Первым проповедовал молодой брат из Одессы. Он говорил на текст из книги Псалмов: «Как лань стремится к воде, так стремится к Тебе душа моя, Боже». Он говорил так вдохновенно и искренне, что многие слушатели умилялись сердцем и благодарили Бога за Его любовь и милость к нам, людям. Вторым говорил брат из Кировограда. Его проповедь была простой и очень убедительной.

После молитвы объявили вторую часть служения. Оркестр заиграл псалом, и это было нам сигналом выходить из комнаты на назначенное для жениха и невесты место. Катя была в белом платье, голову украшал скромный веночек с фатой. А я был в своём любимом стареньком костюме цвета морской волны.

По лицу моей невесты я понял, что она волнуется и переживает. На улице было ветрено и по-осеннему светило солнышко. Нас встретил пением хор, и приглашённый брат представил нас как жениха и невесту. Затем задал вопрос:

– Вы по согласию вышли сюда или по принуждению?

После нашего свидетельства о согласии он спросил, согласна ли церковь, и после утвердительного ответа совершил молитву. Прочитав текст из Слова Божия, брат рассказал о браке, святости брака и воле Божьей в браке. После этого хор спел псалом, и брат на основании Писания объяснил обязанности в браке жены и мужа.

Обращаясь к нам, он спросил:

– Вы не страшитесь таких обязанностей? Может быть, вы скажете, как сказали ученики Иисусу Христу: «Если такая обязанность мужа к жене, то лучше не жениться».

Я ответил:

– Обязанностей не страшусь, надеясь на Божью помощь. И решил, что лучше жениться.

А Катя кивнула головой в знак согласия. Тогда брат, обращаясь к нам, сказал:

– Если так, то дайте друг другу правую руку, и хор споёт псалом: «Две руки пред Богом ныне...»

Дальше брат объяснил, что мы теперь стали ближе друг к другу и нуждаемся в Божьем благословении. Но Божье благословение зависит от покорности и послушания Ему. Брат спросил меня:

– Ты желаешь быть счастливым?

– Да, – ответил я.

– Твоё счастье заключается в том, чтобы делать всё, чтобы она была счастлива. Мы сейчас совершим молитву, и будем просить Божьего сочетания и благословения на вашу совместную жизнь.

Хор запел псалом: «Боже, предстали по воле Твоей...». Мы преклонили колени пред Богом. После молитвы родителей, невесты и жениха хор продолжил пение:

«О, возложи, Боже, руки на них,
В жизни держаться путей дай Твоих.
О Боже, мы их приносим в мольбе,
Сам Ты пребудь с ними в жизни везде».

После молитвы с возложением рук, которую совершил брат, было зачитано Слово: «Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает». Мы получили ещё одно напутствие:

– Итак, разводов в Церкви Христовой нет. Теперь вы уже не жених и невеста, а муж и жена, поприветствуйте друг друга святым целованием.

Оркестр играл псалом, хор пел, друзья подходили и поздравляли. Руководящий брат объявил третью часть – брачный пир. Всем было предложено садиться за столы, которые быстро накрыли. Нас, молодых, усадили на самом почётном месте, и объявили:

– Друзья, вкушая пищу, будем прославлять нашего Господа. Также можно поздравлять и дарить подарки молодым.

Нам предложили вместе спеть псалом.

– Катя, – обратился я к жене, – какой псалом нам сейчас спеть?

Немного подумав, мы выбрали. В нём были такие слова:

Мой путь, как других, не усыпан цветами,

Душистые розы на нём не растут.
Мой путь весь усыпан одними шипами,
Терновника иглы на нём лишь растут.

Многие друзья, наверное, думали: почему они поют этот грустный псалом на своей свадьбе? Но Бог-то знал наперёд, каким жизненным путём придётся идти.

Время третьей части пролетело быстро, и гости начали понемногу разъезжаться. Одной из первых поспешила на поезд одесская молодёжь. Друзья много потрудились, и мы были искренне признательны им. Заканчивая служение, мы благодарили Бога за Его благословения и охрану.

Часть 2 Глава 6

Начало семейной жизни

После свадьбы жизнь перешла в другое, семейное русло. Я продолжал работать на старом месте. Только туда теперь приходилось ездить из посёлка, но это было даже ближе по расстоянию. У Кати работа была тяжёлой и вредной, ей надо было срочно её менять. Мы об этом молились, советовались и решили, что ей надо писать заявление об увольнении. Дома, однако, не сиделось, и Катя решила устроиться на шёлковый комбинат проборщицей. Вначале взяли ученицей, а потом перевели в рабочие.

В нашей половине дома нам вдвоём было уютно и спокойно, но проблемой было то, что кухня находилась в другой половине, а значит, под надзором Катиной бабушки. Будучи уже в преклонном возрасте, бабушка не желала уступать своего привычного поста у печки. Начались недоразумения. Она любила и жалела внучку, круглую сиротку, и говорила:

– Ты ходишь на работу, на служения, а я всегда дома, я буду и себе готовить, и вам.

А я тоже любил Катю, но жалел бабушку, и настаивал:

– У меня есть жена, и я хочу, чтобы она заботилась обо мне, и сама готовила еду.

Я не знаю, как Катя договорилась с бабушкой, но проблема была решена. Поначалу бабушка ходила в слезах, но вскоре успокоилась, а потом уже говорила:

– А вы действительно были правы.

На первом месте у нас с Катей по-прежнему оставалось служение Господу. Я проповедовал, посещал церкви по области, вместе пели в нашем небольшом церковном хоре. Как-то утром, пробудившись ото сна, я сказал Кате:

– Ты знаешь, мне этой ночью снился удивительно яркий сон. Я тебе расскажу, но пока не знаю, к чему бы он. А снилось мне, что я нахожусь в нашей небольшой, хорошо убранной комнате, а на лавке, где обычно во время собрания сидят братья, стоят картины: красочные, на голубом фоне. Мне захотелось их сосчитать, но почему-то во сне это было трудно сделать, да ещё и запомнить, сколько. И как ты думаешь, сколько я насчитал? Восемь картин. Я очень удивился и спросил, кто бы это мог их нарисовать. А ты спокойно отвечаешь: «Я».

Рассказав всё, я спросил:

– Как ты думаешь, о чём был этот сон?

Катя ничего не смогла мне ответить, да и сам я был в большом затруднении. С одной стороны, я понимал, что Бог хочет мне что-то сказать, но с другой, никак не мог понять, что именно. И лишь только через много лет я понял, что Господь мне открывал в ту памятную ночь. Катя родила восьмерых прекрасных детей: шесть мальчиков и двух девочек, и это был подарок от Господа.

Мы понимали, что один из важнейших вопросов, который нам надо будет решить – это вопрос жилищный. Дедушка Григорий ещё раньше пообещал отделить внучке участок под застройку и десять соток огорода. Решили этот вопрос прояснить через сельский совет. Дедушка написал заявление, его рассмотрели, и выделили нам землю для строительства дома.

В связи с тем, что собрания проходили по частным домам, это всегда было связано с актами и штрафами, и не у всех хватало мужества на такую жертвенность. Да и не каждый дом был способен принять всех желающих посетить богослужение. А церковь постепенно росла и умножалась. Особенно были проблемы с детьми. Если места в помеще-

нии едва хватало взрослым, то дети вынуждены были находиться где-то рядом, на улице.

Планируя строительство дома, мы первым делом решили сделать так, чтобы две комнаты были просторными и вместительными, для собрания. Все братья и сёстры, узнав о наших планах, одобрили такое решение, а мы попросили их о молитвенной поддержке. Самым сложным вопросом в деле строительства были средства и материалы. Решали мы его так: зимой вдвоём зарабатывали деньги и экономили, сколько могли. А проблему со стройматериалами разрешали через молитву.

План застройки нам выдали весной, и мы, взяв колышки и шнур, в субботу вышли с Катей на наш участок. Решили начать с молитвы, я поднял взор к небу и сказал:

– Господи Боже, будь милостив, благослови и помоги нам в строительстве этого дома, который мы посвящаем и отдаём Тебе. Господи, Ты знаешь, что у нас почти нет средств для этого строительства, и мы не имеем ни силы, ни опыта для этого дела. Но мы имеем Тебя, а у Тебя всё есть, и мы верим, что Ты нам поможешь.

– С чего же будем теперь начинать? – спросила Катя. – Какого размера будет наш дом?

– В плане указано восемь на десять. Забиваем вот здесь первый колышек, ты держи шнур, а я пойду на противоположную сторону.

Так мы забили все четыре колышка, а потом ещё долго бегали от одного к другому, пока у нас всё не совпало. Катя смотрит на меня, а я – на неё, улыбаемся. Успокаиваю и её, и себя:

– Вот так, с Божьей помощью, и начали.

– А что же дальше? – спрашивает Катя.

– Фиксируем углы крепкими и надёжными кольями, и будем копать траншею для фундамента. Мне братья подсказали, что лучше ширину фундамента делать сорок сантиметров, чтобы потом была возможность обложить саманный дом кирпичом. А теперь – за лопаты...

Летний отпуск я провёл на стройке. Друзья иногда приходили на помощь, но, в основном, всю работу приходилось делать самому. Правда, старались подсобить и дедушка Кати, несмотря на старость, и дядя.

Когда заливали фундамент, я обратил внимание на то, что начали созревать вишни. На нашем участке их было много, и родили щедро. Отдыхая от тяжёлой работы, можно было набрать горсть красных ягод и утолить жажду.

Работа продвигалась медленно, но уверенно. Когда закончили фундамент, сразу же начали делать саман на стены. Для этого надо было заготовить глину, опилки и воду. На субботу по церквам была объявлена наша нужда, а в пятницу приготовили «замес». В субботу с утра друзей собралось много, помолились, и закипела работа. Я рассчитывал на семьсот пятьдесят кирпичей. Солнце ещё стояло высоко над горизонтом, когда работа была уже закончена. Все сердечно благодарили Бога.

Глубокой осенью мы выложили стены. Перекрыть их было нечем, так они и остались под открытым небом. Зима тянулась медленно. Мы переживали, молились и часто выходили смотреть, всё ли стоит на месте. За зиму собрали денег и купили материалы на крышу. Слава Богу, помогли мама с сёстрами и друзья из села Белозирье, где она тогда проживала.

Когда закрепили стропила на крыше, наш домик уже начал приобретать надлежащий вид, но надо было срочно покрыть его, чтобы внутрь не попадал дождь. Как мы благодарили Бога за наших сестёр из села Худяки, которые, видя нашу нужду, заняли нам денег на шифер. Братья помогли накрыть дом. К моему большому удивлению, больше всех помогал брат Роман Николаевич, несмотря на инвалидность. У него не было одной ноги. Но мы с ним лазили по крыше, и он не уступал мне по ловкости. Он был большим инициатором добрых дел, имел добрый характер и никогда не унывал. Как и многие активные братья, он отсидел срок, был ревностным и жертвенным.

Имея инвалидную машину, которую брат называл «ласточкой», он часто ездил со мной на посещения по сёлам. Когда крыша дома была покрыта, я от сердца благодарил Господа, ибо это была Его рука, которая содействовала нам в таком нелёгком деле.

А седьмого августа мы с братом Романом Николаевичем привезли из роддома нашу маму Катю с первенцем. Как назвать сына, мы думали недолго, решили Павлом, ибо ещё до рождения посвятили Господу и уже видели его тружеником на ниве Божией.

Рождение сына ещё больше сблизило всю нашу родню. Бабушка Лукерья, моя мама, очень любила детей, и постоянно приглашала приезжать к ней в гости в село, на свежий воздух. Ритм нашей жизни немного изменился. Кате пришлось на время оставить работу, но это осложняло наше материальное положение.

С первенцем Павликом

Я был очень рад и благодарил Господа за то, что мы с ней были дружны и единодушны. Катя никогда не отказывалась помочь мне и поддержать в работе, а своей неутомимостью воодушевляла и меня трудиться до поздней ночи.

Не прошло и полутора лет, как мы отправились в роддом за следующим сыном. Говорю дома:

– Ну что, жёнушка, у нас уже есть Павел, как же назовём второго?

– А разве ты не знаешь? – отвечает она радостно.

– Догадываюсь, и думаю, не ошибаюсь. Назовём его Петей. Ведь Павел и Пётр были Апостолами у нашего Господа, а мы желаем, чтобы наши сыновья выросли и так же трудились для Него...

...Отделочные работы в доме продвигались медленно. Руки Кати были перегружены: то дети, то глина. Мы уже с нетерпением ждали возможности перейти в свой дом.

И вот настал долгожданный день, когда пришли братья и сестры, которые не меньше нас ждали этого часа. Мы с великой радостью совершили благодарственную молитву Господу и посвятили свой дом на служение Ему.

Часть 2 Глава 7

Принятие служения пресвитера

Поместная церковь, несмотря на все трудности и переживания, жила верой и упованием на Господа. Собрания проходили по домам и, невзирая на угрозы и штрафы, не прекращались. По действиям внешних, противников дела Божьего, было видно, как они стараются менять тактику борьбы с верующими, действуя по давно известному методу кнута и пряника. Безусловно, самому большому испытанию подверглись служители церкви. Самых активных братьев стали приглашать на личные встречи для так называемых мирных бесед. Меняли своих сотрудников, как в отделе религиозных культов, так и в пятом отделе КГБ. Одни мазали пряник хорошими обещаниями, другие угрожали тюрьмой и различного рода лишениями.

Мы очень сожалели, что такая тактика в некоторых случаях имела успех. Так, к большой печали, сломили и нашего пресвитера, импульсивного по характеру и не очень твёрдого духом. Обработка брата и его семьи длилась не один год. Собирали материалы, устраивали тайные встречи, особенно на работе, предупреждали, чтобы об этих встречах нигде не говорил. Обнадёживающим для них психологическим манёвром было то, что их «клиент», как они выражались, соглашался быть благоразумным и молчать. Что сломили нашего брата-служителя, можно было догадаться по последствиям и стандартному поведению в таких случаях: вначале

личное несогласие с принципами служения в гонимых церквах, потом – выход из церкви и переход или возвращение в союзную церковь ВСЕХБ.

Для общины это была очень большая потеря, ведь мы остались без пресвитера. Многие братья и сёстры плакали, но когда одна сестра, которая очень сожалела об его уходе, рассказала о кратком разговоре с ним при случайной встрече на автобусной остановке, все успокоились.

– Дорогой брат, – обратилась к нему сестра, – вам не жаль, что вы нас оставили, не скорбит ли ваше сердце от этого?

Ответ был коротким и жёстким:

– Вы остались не только в моём сердце, но и в моей печёнке!

Сестра была поражена таким ответом и тихонько ушла.

Через некоторое время мы узнали о том, что братство союза ВСЕХБ приняло решение возвести нашего брата в ранг старшего пресвитера области. Из опыта мы знали, что такие решения не принимались без согласия отдела религиозных культов и КГБ. Большим ободрением для нас было то, что, кроме семьи брата, никто из поместной церкви его не поддерживал. Но оставаться долгое время без пресвитера нам было сложно. Вечерю Господню и так не просто было совершить, а при таких обстоятельствах затруднения увеличились.

Братья из других поместных церквей посоветовали нам избрать брата на пресвитерское служение. В церкви были уже испытанные братья, но считалось, что они ещё слишком молоды. К тому же нести это служение было опасно – пресвитер становился явным кандидатом в узы. Когда после долгих рассуждений церковь предложила это служение мне, я сказал:

– Братья и сёстры! Я уже по милости Божией прошёл через испытания на верность, но тогда я был один, а сейчас у меня семья. Давайте будем молиться нашему Господу об общем согласии и в церкви, и в семье, и в моём сердце.

Мы продолжали усиленно молиться и просить милости у Господа, чтобы не допустить ошибки. Поздней осенью 1972

года к нам приехали три брата-служителя. У нас родился третий сын, и Катя принимала братьев в нашем доме. Братья сказали, что они приехали помочь поместной церкви разрешить вопрос пресвитерского служения и, если будет согласие, совершить рукоположение.

Братьев мы хорошо знали. Двое из них были из Черкасской области, а третий, Ефим Тимофеевич Коваленко, брат-старец, опытный и испытанный – из Киева. Они пожелали иметь личную беседу со мной и моей женой. Задавали много самых различных вопросов: и о честности в нашей молодости, и о верности в настоящее трудное время. Затем Ефим Тимофеевич спросил жену:

– Сестра Катя, ты готова посвятить своего мужа Господу на служение, учитывая внешние обстоятельства, если церковь его изберёт?

Ответ был спокойный и осознанный:

– Когда я молилась Господу и просила, чтобы Он усмотрел мне мужа, то сказала, что хочу, чтобы он был служителем. Поэтому, несмотря на все обстоятельства и трудности жизни, я остаюсь верной обещанию.

Мы помолились, и братья ушли беседовать в другие семьи. А поздно вечером мы собрались всей церковью в доме брата Михаила. Катя предупредила братьев, что из-за маленького ребёнка не сможет присутствовать на собрании. Членское собрание проходило в тихой, спокойной обстановке. Братья сказали слово, наставили церковь. После этого был сделан краткий доклад о нужде церкви в служителе и о кандидатах на это служение. Прочитав место из третьей главы послания Апостола Павла к Тимофею с первого стиха, брат сказал, что, согласно Писанию, подходит Николай Емельянович Шепель, и, если есть общее согласие церкви, мы можем сейчас же приступить к рукоположению, так как беседа с ним и с женой уже проведена. После небольшой паузы он добавил:

– Если вы согласны, подтвердите это вставанием.

Все встали, против и воздержавшихся не было. Ефим Тимофеевич дал наставление мне и церкви. Особенно подчеркнул обязанности. Никогда не забудется вопрос, заданный прямо, и состоявшийся после него диалог:

– Брат Николай, ты готов сегодня принять это служение от Господа Иисуса Христа?

– Готов.

– А осознаёшь ты до конца своё положение перед Господом и перед церковью?

– Думаю, да.

– Так я хочу тебе рассказать один пример из жизни, чтобы ты понял это до конца. Ты знаешь, как убирают комнату в доме?

– Да, сам убирал не раз.

– Так вот, вначале выметают мусор… – он сделал паузу и перевёл взгляд на братьев и сестёр, – затем берут тряпку и, хорошо её выполоскав в воде и выжав, протирают пол, стараясь не пропустить ни одного уголка. А потом опять полощут в воде, выжимают и кладут на порог, чтобы все, кто входит в дом, вытирали ноги. Как ты думаешь, брат, тряпка обижается, негодует, кричит?

Я ответил:

– Безусловно, нет.

– А теперь скажи, только истинно перед Богом, ты готов быть такой тряпкой?

Посмотрев на друзей и немного подумав, я сказал:

– Да.

– Ты обещаешь любить Господа и церковь больше своей жизни?

– Да.

– Ты даёшь обещание служить Господу и церкви?

– Да.

– Тогда встань на колени, поклонись Господу и в знак верности поцелуй место, на котором ты стоишь.

Я упал пред Господом на колени, поклонился Ему, коснувшись губами пола, и сказал: «Аминь!» Вся церковь скло-

нилась пред Господом на колени и горячо молилась. Потом помолился я, а затем – братья, возложив руки на мою голову, после чего вся церковь громко сказала: «Аминь!»

Прошли годы, мне пришлось испытать самые различные трудности и искушения, но я никогда не забывал того, что обещал Господу в ту памятную ночь, стоя на коленях.

Часть 2 Глава 8

Решение неприятных вопросов

Я принял служение в тридцать четыре года, после того как на протяжении двенадцати лет был ревностным учеником Христа. Полтора года из них я проходил проверку на верность Господу в тюремном заключении. Имел жену и троих маленьких детей. Опыта в служении у меня не было, не было и возможности приобретать его и учиться у старших братьев-служителей.

Пришлось полностью довериться в служении Господу, Его Слову и водительству Духа Святого. Долго первого испытания ждать не пришлось. Мы готовились совершать Вечерю Господню. Для меня это был настоящий экзамен. Проходя мимо нашего дома, одна сестра, увидев меня, как бы, между прочим, сказала:

– Брат, а ты знаешь, что я вчера слышала?

– Что?

– Новость-то не очень хорошая. Сестра Галя сказала мне, что очень обижена тобой и, скорее всего, участвовать в Вечере Господней не будет.

– Обижена мной? Я что-то ничего не могу припомнить, что могло бы послужить с моей стороны обидой для Гали.

– Я больше ничего не знаю, и сказать ничего не могу.

Я вошёл в дом и, помолившись, начал проверять себя, где бы я мог дать повод для обиды, но ничего не мог найти.

Сестру эту я знал давно, мы были друзьями с юности. Потом она вышла замуж, я женился, у неё и у меня были семьи. Правда, характер у сестры был своенравный, и она не очень хорошо влияла на своего мужа и близкое окружение.

Я попросил ясности у Господа, как мне правильно поступить, чтобы не допустить ошибки и не дать места лукавому, который явно хотел создать проблему. А проблема выглядела так: сестра из-за обиды не может участвовать в Вечере Господней, а ты, служитель, обидчик, как будешь совершать заповедь нашего Господа? Необходимо было разобраться, пригласить братьев, провести членское собрание и поставить сестру на место. Но на это потребуется время, а Вечерю Господню надо совершать через день.

Что же делать? Мысли, одна тревожнее другой, мелькали в голове. Надо отложить воспоминание смерти Господней на другое время. Ведь я в таком состоянии просто не могу этого сделать. К тому же, это первый раз. Что же мне делать? Как выйти из этого искушения? Преклонив колени, я начал молиться. Рассказал всё Господу, и Он послал в сердце мир. Потом дал ясность, как надо поступить.

Я пошёл к одному из братьев-проповедников и изложил ему ситуацию, после чего сказал:

– Предлагаю, брат, пойти вдвоём и всё выяснить. Ты будешь свидетелем, а Господь всё устроит.

Брат согласился, и мы вдвоём пошли на автобус. По дороге у меня появилось беспокойство, что мы не застанем сестру и брата дома. Но оно оказалось напрасным. Когда мы вошли и сказали: «Мир дому вашему!», – нас приветливо встретил брат. Пригласил в комнату и, когда мы сели, спросил:

– Вы зашли нас просто так навестить, или по какому-то вопросу?

Я попросил брата пригласить жену, и сказал, что у меня есть вопрос, который мы будем решать вместе. Когда она вошла в комнату, я спросил:

– Сестра, мне сказали, что ты на меня в обиде, и я прошу в присутствии братьев сказать, что ты имеешь против меня?

От прямого, конкретно поставленного, и к тому же неожиданного вопроса она немного смутилась, а потом, вместо того, чтобы ответить, спросила:

– А кто сказал, что я на тебя в обиде?

– Думаю, что это не столь важно, – ответил я, – если это так, то надо решать проблему, поскольку завтра нам участвовать в заповеди нашего Господа.

– А меня всё же интересует, кто тебе это донёс?

– Это не главное, главное – устранить проблему.

Муж и брат смотрели на сестру, ожидая, что же будет дальше. А она всё тянула с ответом.

– Я поняла, это, наверное, Мария. Ну и язык!

– Сестра, меня сейчас беспокоит не её язык, а то, что враг нашей души хочет нанести урон церкви. И поэтому, поступая по Слову Божьему, я ещё раз спрашиваю тебя: ты на меня обижена? Скажи прямо, детали мне не нужны.

– Ты не признался, что это она сказала, но я ей при встрече всё выскажу, чтобы меньше языком своим болтала.

Наступила пауза, все молчали. Тогда я встал, подошёл к сестре и спокойно спросил:

– Сестра, я вижу, что ты обижена на меня, это правда?

Она опустила глаза и так же спокойно ответила:

– Да... Было, что ты сказал слова, обидные для меня.

Я не стал выяснять подробностей, потому как понял, что всё это – умыслы лукавого.

– Прости меня, сестра, за эти слова, ведь я человек с недостатками и нуждаюсь в милости Божьей, – сказал я и, протянув руку, спросил:

– Прощаешь?

Дальше что-то выяснять и доказывать не имело смысла, и сестра ответила:

– Прощаю.

– Тогда давай попросим прощения у Господа, – предложил я, обращаясь уже к братьям в надежде на их поддержку.

Все согласились, и мы, преклонив колени, молились и благодарили Бога за Его милость к нам и прощение, даро-

ванное через жертву нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа.

После молитвы мы попрощались и сразу же ушли. По пути брат начал говорить о том, что надо было бы разобраться в этих непонятных обидах, чтобы не поощрять души дальше грешить.

– Знаешь, брат, – сказал я, – мы сказали об этом Господу и не дали возможности дьяволу разжигать пожар вражды и различных разбирательств. Завтра мы спокойно будем участвовать в Вечере, а остальное пусть Он усмотрит.

Позже я сам рассуждал над этим вопросом – не допускается ли здесь потакание греху. Но потом понял, что Господь через моих друзей хочет чему-то научить и меня.

Прошло немного времени, и уже другая сестра передаёт, что в обиде на меня. Муж у сестры – неверующий, с тяжёлым характером человек. Две дочери подросткового возраста посещали с мамой церковь и воскресную школу. С недавних пор они жили рядом с нами, в селе, и мы с группой иногда посещали их, чтобы провести разбор Слова Божьего.

Перед встречей с сестрой относительно её обиды, я молился и просил мудрости у Бога, зная, что она – очень ранимый человек. Я сказал:

– Сестра, мне передали, что ты на меня обиделась.

Она посмотрела на меня глазами, полными слёз и ответила:

– Брат, ты знаешь, я тебя считала... святым человеком, ангелом Божьим, а ты... меня обидел.

– Честно говоря, даже не могу понять, как такое могло случиться, – сказал я, – если можешь, расскажи, как это было.

– Мне было очень трудно дома, были проблемы с мужем, я плакала, спрашивала у тебя совета. А ты, вместо того, чтобы утешить меня, сказал: «Знаешь, сестра, “Москва слезам не верит!”» И мне стало очень больно.

Выслушав сестру, я был поражён, как это я мог сказать такое. Это же не мой лексикон! Я никогда раньше так не вы-

ражался, но... что уж теперь оправдываться. Факт на лицо: сестра обижена и плачет.

– Сестра, прости меня, – сказал я искренне, от всего сердца, – я такой же человек, как и другие, и у меня полно недостатков, но я благодарю моего Господа, что Он меня любит, исправляет и милует. Давай помолимся, чтобы Он меня простил и снял с тебя обиду.

Это были первые шаги моего духовного роста и опыта служителя.

Часть 2 Глава 9

Не всякому духу верьте

Обстановка в Черкасской области, как и вообще во всей стране, была сложной. В маленьких сельских церквах не было даже проповедников. Возникали разного рода проблемы, и было много просьб приехать помочь, посоветовать. Поэтому приходилось заботиться не только о поместной церкви в Черкассах, но и о церквах в области.

Однажды нам передали просьбу посетить село и разобраться с вопросом, связанным с духовным даром, который получила одна из сестёр. Так как действие этого дара вышло за пределы церкви, то просили срочной помощи. Пришлось приглашать ещё двух братьев-служителей и ехать в село за сто двадцать километров от Черкасс.

Приехали автобусом где-то после обеда. Нас радостно встретили друзья и пригласили в один из домов, где вечером должны были собраться члены церкви. До собрания нам коротко объяснили суть проблемы. У одной из сестёр открылось духовное дарование, и она свидетельствует неверующим, что Господь и сегодня может исцелять различные болезни, только надо верить и поступать так, как Бог скажет через неё. У одного из местных жителей ослепла дочка, и сестра сказала, будто ей открылось, что она может прозреть. Не только местные, но и мы, приезжие братья, были удивлены, слушая этот рассказ.

Вечером, когда все собрались, брат Владимир сказал слово назидания, и мы все, преклонив колени, молились Господу. После молитвы предложили сестре рассказать о своём духовном даре. Сестра рассказала о том, как она получила от Господа так называемое чудесное благословение.

– Господь желает употреблять меня для Своей славы, особенно в исцелении больных. Мне было сказано, чтобы я пошла к этим людям, у которых страдает дочка, и засвидетельствовала о том, что если они поверят, что Господь может исцелить её через пост и молитву, то я объявлю трёхдневный пост.

Услышав это, братья попросили:

– Сестра, расскажи поподробнее, как ты получаешь такие откровения.

– Я слышу голоса и различаю, когда кто говорит мне. Например, когда говорит Иисус Христос, голос самый нежный и приятный. А бывает, я слышу голос Духа Святого или ангела. Я всё понимаю. И скажу вам, братья, что установить такой контакт бывает нелегко. Приходится много молиться и поститься.

Слыша такое открытое свидетельство в присутствии братьев и сестёр, мы были поражены, как лукавому удаётся обманывать простодушных.

– Сестра, ты можешь нам рассказать, когда и как ты получила такое благословение? – спросил я.

– Было это не так давно, ночью. Я лежала на кровати, а она стоит возле окна. Была лунная ночь. Я смотрела через окно на звёздное небо и размышляла о чудных делах Божьих. Спать не хотелось. И вдруг я увидела, как одна из звёзд ярко вспыхнула и начала медленно опускаться к земле. Я успела про себя отметить, что такого явления ещё никогда не видела. А когда эта горящая звезда начала приближаться к моему окну, я просто обомлела. Не успела я ахнуть, как всё рассеялось и исчезло.

После этого я несколько дней находилась в таком состоянии, что трудно вам передать. Во мне был и страх, и трепет.

Я стала читать Библию, поститься, молиться. И тогда я услышала голоса.

– Что же эти голоса тебе говорят?

– Братья, вы знаете моё одиночество, сколько у меня бывает трудностей, переживаний. И говорит один голос, а не все сразу. По голосу я и могу различить, кто со мной говорит. Христос часто утешает и ободряет, Дух Святой даёт наставления, ангел направляет, что и как надо делать, где и как свидетельствовать.

После этого я открыл Библию и спросил:

– Сестра, а ты читала место Писания из 1 послания Иоанна, 4 глава, с первого стиха? Ты знаешь, что там сказано?

Она умолкла и ничего не смогла ответить:

– Тогда прочитаем, – сказал я. – «Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придёт и теперь уже есть в мире». Сестра, ты согласна со Священным Писанием? – спросил я.

– Да, – последовал ответ.

– А ты согласна испытать этого духа в соответствии с Писанием? Если это дух Божий, то Он не будет огорчён, потому, что мы поступаем так, как написано.

Она пожала плечами, не зная, что сказать. Потом после паузы смело заявила:

– Я признаю Иисуса Христа, пришедшего в моей плоти.

– Сестра, я должен тебя поправить, что в Слове Божьем написано так: «кто исповедует Христа, пришедшего к нам во плоти».

– Да, я исповедую Иисуса Христа, пришедшего в моей плоти.

– А ты знаешь, сестра, что это обман? – сказал я. – И все друзья, присутствующие здесь, это подтвердят.

Но сестра Мотя стояла на своём.

– Нам очень жаль, сестра, но ты попала в заблуждение, – поддержали братья, – тебе надо покаяться с отречением.

– Я с вами не согласна, и поступить так, как вы говорите, не могу.

– Сестра, тогда у нас – разный дух. Подумай, ведь сказано: «Кто Духа Христова не имеет, тот и не Его». Можешь ли ты сказать нам, кто ещё имеет такого духа?

– Я знаю одного брата в Санкт-Петербурге, и ещё одну сестру из Украины, – был ответ.

Все присутствующие были очень удивлены таким поворотом событий. Сестре было высказано много просьб и предложений, чтобы она оставила это заблуждение. Но, что удивительно, всё сказанное не вызывало у сестры ни малейшего колебания или смущения. Она спокойно реагировала на все замечания и не намеревалась менять своего убеждения. Собрание затянулось до полуночи, и пришлось с сожалением заявить:

– Сестра, вы находитесь в заблуждении, и по Слову Божьему не можете быть членом церкви – до покаяния.

– Братья, скажите, где написано, что я отступила от Бога? Ведь я верю и не отрекаюсь от Него, – сказала сестра.

Пришлось брату открыть Библию и зачитать 2 послание Иоанна 1:9: «Всякий, преступающий учение Христово и не пребывающий в нём, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет и Отца и Сына». На это она не могла ничего ответить, и только тяжело вздохнула, как глубоко обиженный человек. Перед заключительной молитвой было принято и объявлено решение об её отлучении до покаяния.

Мы остались ночевать на месте, а некоторых сестёр пригласили на ночь в другие дома. Одна из них осталась ночевать у сестры Моти. А рано утром она пришла к хозяйке дома, где мы ночевали, и спросила:

– Братья ещё не уехали?

– Нет, вот сейчас позавтракают, и будут уезжать. А что, у тебя есть какие-то вопросы к ним? – спросила сестра.

– Да, хотела рассказать, как я провела остаток ночи.

Когда мы усадили её, чтобы выслушать, она рассказала довольно странную историю:

– Когда мы пришли к сестре, то разговаривали очень мало. Она предложила мне спать в комнате, а сама ушла в спальню и быстро уснула. Я же смогла уснуть только под утро. Братья! Спать было невозможно, потому что на чердаке началась какая-то работа. Из одного конца в другой кто-то передвигался, как будто на телеге. Скрипели колёса, всё было в движении. Я вначале испугалась, думала, воры к нам через крышу лезут, но, к моему удивлению, сестра Мотя спала крепким сном и ни на что не реагировала.

Выслушав эту историю, один из братьев заметил:

– Вот – этот дух, и она не захотела от него избавиться. Приходится только сожалеть об этом.

Часть 2 Глава 10

Напряженная свадьба Миши и Лены

Мы продолжали проводить собрания по домам, и внешние нас не оставляли без внимания: приходили, составляли акты, вызывали на административную комиссию, штрафовали, запрещали собираться и проводить богослужения. Особенно активными были представители власти, когда у нас объявляли, что в такое-то воскресенье будет бракосочетание. Само собой разумеется, что мы активно готовились, ну, и они старались от нас не отставать. И когда наши молодые, брат Миша и сестра Лена, объявили, что свадьба и сочетание с брачным пиром будет в селе где-то за сто пятьдесят километров, мы подумали, что всё обойдётся мирно и спокойно, но сильно ошиблись.

Возможно, нашим блюстителям, как они выражались, «самого гуманного закона в мире» не нравилось именно то, что люди на свадьбу у нас съезжались все, кто только мог. Это был настоящий праздник, и не только для молодых. Собиралось по триста-четыреста душ, в основном молодёжь. Если была возможность, приглашали духовой оркестр. Правда, после такого многолюдного праздника не все братья-служители возвращались домой, но и к этому мы уже привыкли, и знали, что надо быть ко всему готовыми.

Особенно пристально следили за сочитывающими братьями, а также самыми авторитетными проповедниками.

На свадьбу к Мише и Лене в село, к родителям невесты, мы с группой братьев поехали в пятницу вечером, после ра-

боты, решив, что чем раньше, тем лучше. Ехали рейсовым автобусом. Летний день заканчивался, и казалось, всё было обычно и спокойно. Но когда подъезжали к селу, нас встретил брат на мотоцикле и сказал, что в селе объявлено чрезвычайное положение из-за ящура. На въезде в село установлен шлагбаум. Всех пассажиров высаживают из автобуса, местных жителей пропускают, а у приезжих проверяют документы.

Брат предложил заранее выйти из автобуса, чтобы не попасть в список подозреваемых и, когда стемнеет, зайти в село со стороны поля, где не было поста. Мы были удивлены, но совет был дельным, и мы покинули автобус, не доезжая до села. Надо отметить, что ящур – это инфекционное заболевание животных, и в данном случае оно было лишь способом оградить село от верующих, которые должны были приехать на свадьбу. Поздно вечером мы благополучно пробрались через поле к дому брата, который с радостью принял нас на ночлег.

Утром и местные, и приезжие братья и сёстры собрались в доме брата, чтобы обсудить создавшуюся обстановку. Было высказано много предложений, но, в конце концов, решили всё доверить нашему Господу в молитве.

Служение и сочетание решено было проводить во дворе невесты, на окраине села. Там была возвышенность и хороший обзор. Мы попросили местных друзей сделать всё возможное, чтобы избежать задержания гостей, особенно братьев-проповедников, которые в субботу будут съезжаться на свадьбу.

После того, как все разошлись, подошёл ко мне брат с предложением:

– В субботу вечером у местных верующих будет собрание, их власти не гонят. Если есть желание, можно будет посетить. Пресвитер, между прочим, отец моей жены.

Я и ещё несколько человек дали согласие. Пришли в молитвенный дом. Собралось около тридцати стареньких сестёр и несколько братьев. Мы, как и положено, приветство-

вали присутствующих словами: «Мир дому сему!» Нам не очень дружно, но ответили: «С миром принимаем». Мы сели на задних скамейках в ожидании начала служения.

Видно было, как братья с пресвитером совещались, но решили нас к служению не приглашать, хоть и нужда в проповеди Слова была большая. Люди пришли послушать и напитать свои души духовной пищей, а братья – вначале один старичок, потом пресвитер – скороговоркой прочитали Слово из Евангелия, и быстро закончили служение. По их поведению было видно, что они очень смущены нашим присутствием. Когда выходили из Дома молитвы, некоторые сёстры подавали нам руку для приветствия. Местный брат, сопровождавший нас, приглашал всех на бракосочетание. Сёстры кивали головами в знак благодарности и посматривали в сторону братьев, которые остались почему-то в Доме молитвы.

По пути домой к брату мы говорили о том, как можно ослепнуть духовно и оказаться на уровне фарисеев, которых обличал Христос. Ночь прошла в особом напряжении, но все, кто стремился попасть на свадьбу, благополучно миновали стражей и определились у друзей на ночлег. А утром, пока бдительные наблюдатели на основных въездах в село проверяли документы, основная группа братьев и сестёр вошла во двор, где всё уже было готово, через поле, с той стороны, откуда никто не ожидал.

Когда мы подошли к месту собрания в назначенное время, двор был уже переполнен верующими. Местные братья и сёстры очень хорошо потрудились, и рассказали нам, где установлен центр наблюдения за тем, что будет происходить на служении:

– Там, в конце долины, люди в гражданском наблюдают в бинокль за тем, что творится здесь, во дворе.

Нам с братом Володей поручили основную часть служения и само сочетание. Служение проходило с большим духовным подъёмом, было много желающих прославить Господа и засвидетельствовать о своей верности Ему. А когда

из дома вышли жених и невеста, хор запел псалом «Христа да возвеличат все», да так, что слышно было чуть ли не до края селения.

Сочетание прошло спокойно и без помех. После молитвы о благословении новой семьи было много поздравлений, много цветов. Родные пригласили всех гостей за столы, которые быстро и дружно накрыли. Когда все были заняты едой, даже близкие друзья не заметили, как незаметно, потайными путями вывели брата Володю. Поняв своё упущение, внешние сконцентрировались, чтобы не упустить хотя бы меня. Поэтому, когда большая группа гостей собралась уходить на автобус, мне, в целях безопасности, предложили спрятаться на чердаке. Но через некоторое время поняли, что это было ошибкой, так как наблюдатели со двора не двинулись и начали обыск дома.

Вовремя оценив обстановку, все дружно вернулись во двор, взяли меня под защиту в круг, и попытки сразу же вырвать меня из круга и задержать, закончились неудачей. Около пятидесяти человек стояли стеной, поэтому физическая расправа была невозможна. Но всё же оставалась опасность, что по пути или уже на автобусной остановке, когда толпа немного рассеется, они подтянут силы и арестуют меня по приметам: шляпа и синий плащ.

Спустившись с горки, мы приблизились к небольшому ручейку. Переходить надо было по доскам – по одному, максимум по два человека. Здесь была совершена первая попытка задержания, но Господь умудрил крепких сестёр стать стеной и не отступать ни на шаг. В воду в туфлях преследователи идти не решились. Итак, мы ускоренным шагом двинулись дальше. Мы видели, что скоро может наступить развязка, и задержания нельзя будет избежать.

Меня под руки поддерживали два брата, а по бокам, сзади и спереди шли несколько человек. И здесь мы увидели руку Божью. Ко мне подошёл один опытный брат и сказал:

– Николай, слушай внимательно. Сейчас сними свой синий плащ и шляпу, ибо это мишень для преследователей, и

надень вот этот пиджак. А в твою одежду мы оденем другого брата. Когда приблизимся вон к тому лесу, мы с тобой незаметно уходим влево, а там, километрах в семи, будет село, где у меня есть знакомые. Побудешь дотемна в их доме, а я потом приеду за тобой на мотоцикле и отвезу в район на автовокзал. Оттуда спокойно уедешь в Черкассы.

Это было очень мудрое предложение. В одно мгновение братья сняли с меня плащ и шляпу, и надели пиджак. Мы с братом повернули в лес, а остальные повели под руки уже другого человека. Мы быстро пробрались через лесную чащу. Надо было действовать незамедлительно, ведь мы не знали, насколько удачно у нас всё получилось.

Брат, сопровождавший меня, шёл очень быстро. Он жестом показывал мне, чтобы я не разговаривал. Колючие кустарники ранили руки, сухие ветки хрустели под ногами. Идти было нелегко, ибо мы поднимались на возвышенность. Через полчаса лес закончился, и мы пошли через поле. Это было опасней, но, благо, уже начало темнеть. Оглянувшись по сторонам, мы никого не увидели, а значит, преследования не было.

Через час пути мы уже были в селе. Прошли по безлюдной сельской улице, зашли во двор, и брат постучал в дверь. Вышел хозяин, и он тихонечко с ним переговорил, после чего мне была предоставлена возможность отдохнуть. Брат сразу же ушёл, предупредив меня, что примерно через час, когда полностью стемнеет, он приедет за мной на мотоцикле.

В комнату, где я отдыхал, вошла хозяйка дома и рассказала об их большом семейном горе – ребёнок родился инвалидом и не растёт. Несмотря на прожитые годы, он остаётся маленьким и требует серьёзного ухода. Врачи предлагали оставить его в приюте для инвалидов, но они с мужем отказались. Мы долго говорил об этом, о Слове Божьем, об утешении, которое получаем через Духа Святого, и о надежде на вечность, где уже не будет ни болезней, ни переживаний. Она внимательно слушала, вытирая слёзы и, когда мы услышали шум подъезжающего мотоцикла, поблагодарила за

слова утешения. А мы с братом в ответ поблагодарили её за гостеприимство и поехали в райцентр на автостанцию.

Когда расставались, коротко поблагодарили Бога. Подавая брату руку на прощание, с радостью на сердце и улыбкой на лице, я сказал:

– Благодарю, брат, Господа и тебя за всё.

Он спокойно пожал мне руку.

– С Господом, – сказал он тихо, – пусть Он хранит тебя дальше на жизненном пути.

Я пошёл покупать билет. Уже сидя в автобусе, думал о своей жене и друзьях и тихо молился об их благополучии. И только поздно ночью, при встрече с женой, я узнал, что было после того, как нам удалось уйти в лес.

Вначале сопровождающие ничего не заметили и спокойно шли до самой автобусной остановки. А там все увидели весьма необычную картину. Кроме милиции и людей в гражданской одежде, оказывается, вызвали целую роту солдат. Верующих оцепили и стали искать тех, кого им было приказано арестовать, но, к их большому удивлению, их там не оказалось. И они поняли, что их просто обвели вокруг пальца. Тогда один из активистов подошёл к начальнику и предложил:

– Может, с солдатами прочесать лес?

– Я тебе сейчас прочешу! – ответил тот грубо. – Прошлую ночь я не спал, целый день голодный бегал, а ты предлагаешь на ночь глядя прочёсывать лес?! Вы прошляпили, вы и будете отвечать...

Затем последовала команда взять троих братьев. Когда сёстры это увидели, то начали их что было силы защищать. Тогда начальник приказал солдатам оттеснить их. Солдаты брали сестёр за руки, отрывали от остальных и бросали в кювет. Те сразу же выбирались обратно и хватались за руки друзей. Силы были неравными, и всё-таки одного из братьев в этой потасовке удалось спасти от ареста. Троих же забрали: проповедника, его младшего брата, и ещё одного. Узнав, что

один из них несовершеннолетний, его выпустили, но он не захотел уходить.

– Я поеду со своим братом, я его одного не оставлю! – настаивал он.

Тогда его грубо оттолкнули, и машина поехала, но подросток бежал за ней, крича:

– Саша, Сашенька, я хочу с тобой!

Друзья подхватили его и стали утешать.

Через два дня мы узнали, что районный суд приговорил братьев к пятнадцати суткам ареста за нарушение общественного порядка. Их держали под замком, и каждый день выводили подметать улицу. Это дало возможность местным братьям и сёстрам узнать об их самочувствии. Весточки нам передавали ободряющие и утешающие. Несмотря на то, что братьев остригли под нулёвку и заставили убирать тротуары, они были рады, что пострадали за имя Господа, и все пятнадцать суток старались свидетельствовать людям о Христе. А когда возвратились домой, церковь встретила их как героев веры, пострадавших за дело Божье. Они много рассказывали и делились пережитым за время ареста.

Часть 2 Глава 11

Освобождение от грехов мерзости

Несмотря на постоянные гонения и житейские трудности, церковь ободрялась, духовно утверждалась и умножалась. «Господь ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2:47). Надо было бодрствовать и молиться, чтобы видеть умыслы дьявола, вовремя противостать и не дать ему места.

Идёт собрание в Хуторах

Несмотря на то, что духовного опыта в борьбе с силами тьмы было мало, Господь удивительно являл Свою силу в нашей немощи. Как-то ко мне после собрания подошла сестра и сказала:

– Брат, ко мне приехала моя родная старшая сестра. Она ещё не с Господом, но желает покаяться. Раньше она жила в Крыму, а теперь продала дом, и решила жить в Черкассах.

– Хорошо, сестра, – сказал я ей в ответ, – пусть посещает собрания, а Бог всё усмотрит.

Наши вечерние собрания проходили так же активно, как и утренние. Всегда было много молодёжи, детей и взрослых. Приходили и люди из мира, им предоставляли места на лавочках. Остальные стояли или менялись местами с сидящими. Пел хор, читались стихи, было много общего пения. Братья проповедовали Слово кратко и конкретно. В конце собрания приглашали к покаянию тех, кто ещё не имел радости спасения.

В тот воскресный вечер собрание было многолюдным. Я говорил заключительное слово и по внутреннему побуждению пригласил покаяться, призвав Имя Господа Иисуса Христа, как и написано: «Всякий, кто призовёт Имя Господне, спасётся». После небольшой паузы стоящая возле двери женщина, уже в возрасте, сделала шаг вперёд и сказала:

– Я желаю покаяться и быть в числе спасённых.

– Слава Господу за такое желание, которое может дать только Дух Святой, – сказал я. – Призовите Господа в краткой молитве, чтобы Он вас помиловал, простил и принял, а мы вас поддержим.

И тут мы встретились с такой ситуацией, которую не все смогли понять. После первых слов, с большим трудом вырвавшихся из уст женщины, горло её сдавили спазмы. Несколько попыток попросить у Господа прощения закончились только охами и вздохами. Поняв проблему, я попросил Господа помочь этой душе, оказавшейся в плену лукавого. Все присутствующие поддержали просьбу дружным «Аминь».

После собрания я подошёл к женщине, взял её за руку и сказал:

– У вас есть надежда на лучшее. Вам надо прийти на личную беседу.

Рядом стояла её родная сестра, член поместной церкви. Я попросил их прийти перед следующим вечерним служением пораньше. Они с радостью согласились.

В оставшееся до встречи время я молился и размышлял над этой духовной проблемой, ведь у меня ещё не было опыта решения таких сложных вопросов. Поэтому я просил дать мне водительство Духа Святого.

На беседу сёстры пришли без опоздания. Мы попросили благословения, и я прочитал место из Евангелия от Иоанна 8:30-36: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными... всякий, делающий грех есть раб греха... Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете». После знакомства с текстом и объяснения прочитанного я попросил сестру оставить нас одних для дальнейшей беседы, и спросил её:

– Расскажите, пожалуйста, как сложилась ваша осознанная жизнь. Обратите внимание на то, что вы могли допустить в ваших поступках, называемое в Библии грехом.

По её свидетельству было видно, что она правильно наставлена верующей сестрой. Одним из первых грехов она назвала самогоноварение и торговлю самогоном, потом ещё несколько грехов, связанных с её характером. А когда я спросил её о чародействе и знахарстве, она тяжело вздохнула и сказала:

– Разве и это надо исповедовать?

– Да, это очень важно, – ответил я, – это грехи мерзости, которые открывают дверь для дьявола и его слуг.

Испытывая большую внутреннюю борьбу, она сказала:

– Если это так важно для спасения моей души, тогда буду говорить всё, что у меня было.

И она рассказала такую историю своей жизни, которую не часто услышишь.

Будучи далёкими от Бога и Его истины, они с покойным мужем прислушивались к советам знахарей, как обезопасить себя от житейских неприятностей, как иметь материальный достаток. Правда, не всё получалось, как хотелось, но всё же в некоторых случаях они имели успех.

– Однажды муж предложил составить такой договор: кто первый умрёт, тот после похорон придёт и расскажет, как ему там, в загробной жизни. Прошло время, всё немного позабылось. Мы жили в грехах, как и все люди, не знающие Бога. Первым умер муж, в прошлом году я его похоронила. Так как детей у нас не было, я осталась одна в частном доме.

Вечером я легла спать. Кровать стояла возле окна. После двенадцати ночи в окно кто-то постучал. Проснувшись, я была удивлена, потому что так поздно ко мне никто прийти не мог. Но стук повторился, и я отодвинула занавеску. За окном стоял человек в чёрном одеянии. По его знакам поняла, что надо открыть дверь. Я так сильно испугалась, что, быстро задёрнув занавеску, упала на кровать и с головой накрылась одеялом.

Вначале я слышала только, как стучит моё сердце, а потом – как открылась входная дверь, как кто-то тихо прошёл по комнате, потом скрипнула открывающаяся дверь спальни. По шагам было слышно, как ко мне кто-то подходит. Я была с головой накрыта одеялом и, казалось, от страха перестала дышать, зато возле кровати было слышно чьё-то дыхание.

Я приоткрыла одеяло и увидела... подобие моего мужа. Он был весь в чёрном, и как-то неестественно двигался. Потом тихим голосом сказал:

– Вот я и пришёл, как мы с тобой договаривались. Надеюсь, ты помнишь о нашем договоре? Я должен тебе сказать, что место, где я нахожусь, не очень хорошее. Там сыро, много воды и слякоти.

Я снова накрылась с головой и начала, как могла, взывать к Богу, прося Его помощи.

– Ты не желаешь меня принимать, – прозвучал голос, – но я буду тебя навещать.

Всё затихло, но только под утро я смогла уснуть. Целый день была в раздумье, что бы это значило, и надеялась, что это больше не повторится. Но, увы, следующей ночью после двенадцати часов я услышала, как открывается дверь, и кто-то ходит по комнате. Я прислушивалась к каждому шороху. Вот кто-то пошёл на кухню, начала звенеть посуда. Набравшись храбрости, я встала и включила в комнате свет. Быстро возвратилась в свою спальню и накрывшись, стала прислушиваться к тому, что происходит в доме. Вскоре вновь послышались шаги, щёлкнул выключатель, и в комнате стало темно. И вновь уснуть мне удалось только под утро.

Так продолжалось почти каждую ночь. Я решила пригласить соседку переночевать у меня, и она согласилась. Мы с ней долго разговаривали, потом решили ложиться спать. Через некоторое время я услышала, как соседка, спокойно похрапывая, крепко спит. Я же не могла заставить себя уснуть. После двенадцати ночи всё повторилось, как и прежде. Я несколько раз вставала и включала свет, но через время он выключался. Соседка утром сказала, что ничего не слышала. Каждую ночь это повторялось, надо было что-то предпринимать. Я поняла, что могу сойти с ума и попасть в психиатрическую больницу.

Позвонила сестре, всё рассказала. Она предложила продать дом, переехать в Черкассы, покаяться и служить Господу. И вот я – перед вами, и всё вам рассказала.

– Слава Господу, что вы всё рассказали, – ответил я. – Теперь надо все грехи исповедать Господу и с верой положить к Его ногам. Слово Божье нам говорит о том, что «Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха», но при одном условии: «Если мы исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1Ин. 1:7-9).

Зная, как враг души не давал ей открыто помолиться и покаяться в церкви, я спросил:

– Сестра, вы верите, что Иисус Христос есть Сын Божий?

– Да, верю, – решительно ответила она.

– Верите, что Он умер на кресте и пролил Свою Кровь за грехи всего мира и за ваши грехи?

– Да, верю.

– Скажите, сестра, вы верите, что Иисусу Христу дана всякая власть на небе и на земле?

– Да!

– А вы верите, что Христос все исповеданные вами грехи смоет Своею Кровью и заберёт от вас?

– Верю, – был ответ.

– Вы согласны со мной помолиться и попросить Иисуса, чтобы Он вас простил и освободил от лукавого?

– Согласна, – сказала сестра.

– Тогда давайте склонимся перед Ним и попросим, чтобы Он вас простил, очистил от всякой скверны плоти и духа, и освободил. Доверимся Его обещанию: «Если двое из вас согласятся просить об одном, будет им от Отца Моего Небесного».

Мы преклонили перед Господом колени, и я попросил:

– Сестра, пожалуйста, молитесь и исповедуйте Господу ваши грехи, а я буду вас поддерживать.

К моей радости, сестра спокойно, без всяких помех, молилась и просила Господа о милости к ней, о прощении и освобождении. Мне пришлось только поблагодарить Его за то, что Он ответил на молитву, и мы получили просимое.

Перемена в жизни сестры была поразительной, и мы все были этому рады, но почему-то через время Господь забрал её к Себе. Все плакали и сожалели, но одному Богу было известно, почему так произошло.

Часть 2 Глава 12

Прослушивание и слежки

Шли годы, а репрессии и гонения по отношению к верующим не прекращались. Разгоны собраний, штрафы, суды, слежки, прослушивания в домах – это лишь краткий список того, что приходилось переносить тем, кто желал не только носить звание христианина, но и быть верным своему Господу. Но чем сильнее были угрозы гонений, тем больше народ Божий имел благословений, и это было удивительным даже для самих гонителей.

Когда начали печатать и издавать Библии, песенники и другую христианскую литературу, работники КГБ были в растерянности. Такая огромная государственная машина, состоящая из штатных и внештатных сотрудников, использующая прослушивания и слежки, была бессильна справиться с небольшой горсточкой, по их мнению, упорных и ограниченных христиан. А Господь давал силы и мудрость выстоять – на удивление противникам Божьим.

Однажды, узнав, что в нашем доме будет проходить собрание, гонители собрали свой актив, и в половине десятого утра автобус уже стоял возле двора. Дом взяли под наблюдение. По указанию братьев подростки и молодёжь начали предупреждать членов церкви, чтобы шли не по назначенному адресу, поскольку это опасно, а на другой конец посёлка, и проводили собрание там. Мы же тем временем отвлекали наблюдателей, чтобы не помешали.

Всё шло хорошо, как мы и рассчитывали. Возле дома, кроме хозяев и соседей, никого не было. Активисты усиленно старались, чтобы никто не проскользнул внутрь. И вдруг кто-то из них увидел на огороде мужчину, удалявшегося от дома. Сразу подняли шум, побежали за ним и под руки повели к автобусу.

Оказывается, толком не зная создавшейся обстановки, брат приехал на собрание на мотоцикле, поставил его во дворе у соседей, а сам решил пройти в дом через огород. Ему подали знак, что надо уходить, но он не успел, и его задержали. Попросили показать паспорт, но у брата его не было с собой, потому что по селу никто с паспортом не ходил. Так как он отказался назвать свою фамилию, его посадили в автобус и решили везти в отделение милиции для выяснения личности.

Сестра Катя, видя создавшуюся обстановку, обратилась к человеку в гражданском с вопросом:

– Что вы делаете и зачем позоритесь?

– А почему он убегал от наших сотрудников? – ответил тот. – Да ещё и фамилию не говорит. И вообще, ведёт себя очень подозрительно. Может, он шпион?

– Что вы сочиняете, – сказала Катя, – ну какой он шпион? Вы только опозоритесь в отделении милиции. Более того, я должна вам сказать, что он – мой родственник.

– Родственник? И это правда?

– Вы же знаете, что мы, верующие, говорить неправду не можем, ибо всякая неправда есть грех.

Сотрудник КГБ внимательно посмотрел на мою жену и спросил:

– Вы можете поручиться за него?

– Безусловно, ведь он мой родственник, – спокойно ответила Катя.

– Отпустите его, – сказал начальник, – на этот раз мы поверим Екатерине Яковлевне.

Брата отпустили, и он спокойно пошёл за своим мотоциклом. А через время, убедившись, что никого из верующих

нет, и они выполнили свою миссию, команда уехала отчитываться вышестоящему начальству. Позже нам сообщили, что воскресное собрание в другом месте прошло благополучно, и друзья спокойно разошлись по домам.

Внешние хотели знать обо всём, что происходит внутри церкви, в чём её мужество и стойкость, а также, что надо предпринимать, чтобы разрушить всё изнутри, раз это невозможно было сделать извне. Поэтому эти люди шли на всё: начиная с вербовки слабых и нестойких в вере, и заканчивая прослушиванием не только собраний, но и квартир верующих. Засылали к нам также обученных и заранее подготовленных людей.

Однажды, на братском совещании нас спросили:

– У кого из вас, братья, есть нужда сделать проверку домов на прослушивание? Господь усмотрел такую возможность через наших из друзей.

– Попрошу поставить нас на очередь, ибо действительно есть такая нужда, – сказал я.

Прошло время, к нам заехал брат и показал аппарат – небольшую блестящую коробочку с выдвижной антенной, которую можно было положить в карман. Он объяснил, как им пользоваться, и предупредил, чтобы мы были осторожны.

– Запомните, друзья, когда вы включите прибор и найдёте прослушивающее приспособление, вас тоже запеленгуют, – сказал брат, – поэтому вам надо быстро уходить. Нам не хотелось бы потерять этот прибор.

Я договорился с братом, и мы на его автомобиле поехали проверять один дом на окраине села, где жила семья верующих. Мы зашли внутрь, включили прибор, выдвинули антенну, направив её на юг, восток и запад. Ничего не было слышно, но когда я повернул антенну на север, прибор стал сильно фонить. Перевёл антенну на юг, шум стих, потом – вновь на север, и всё повторилось. Хозяева с удивлением смотрели на нас. Пришлось подать знак, чтобы меньше разговаривали. Мы выключили прибор, сели в машину и быстро уехали по следующему адресу.

Вечером братья, собравшись, проанализировали результаты проверки. На прослушивании был один дом в селе и квартира на четвёртом этаже в городе. Из всего, что было предпринято, можно было понять цели КГБ. Во-первых, узнавать из разговоров о том, что делается в церкви, контролировать все вопросы церковной жизни. Во-вторых, получить всевозможную информацию о точках, где печаталась литература.

Брат с пеленгующим прибором благополучно уехал, а через несколько дней меня пригласили в кабинет начальника цеха. Когда я вошёл, то увидел незнакомого мужчину среднего возраста в гражданской одежде. Он предложил мне сесть за стол напротив него. После этого достал удостоверение и представился:

– Вот мои документы. Я приглашаю вас к откровенному разговору.

– Я вас слушаю, – сказал я как можно спокойнее, понимая, что имею дело с майором КГБ.

Он сделал паузу, пристально посмотрел мне в глаза, а потом, стараясь придать своей речи властность, начал:

– Нам известно, что среди ваших единоверцев ходят слухи о том, что вас прослушивают, за вами наблюдают, а это – самая настоящая выдумка. Мы хотели бы, чтобы вы прекратили клеветать на органы, потому как это будет иметь плохие последствия, в частности, для вас лично.

– Ваше предупреждение я понимаю, – сказал я, глядя прямо в лицо майору, – но должен поступить так, как вы говорили в начале нашей беседы, то есть говорить откровенно. Итак, если вы считаете, что мы клевещем на органы, давайте сядем в вашу машину и поедем по адресу, который я вам укажу. Там даже виден толстый кабель, выведенный на второй этаж по наружной стене.

По лицу моего собеседника было видно, что ему не по себе, ведь он не сможет доказать свою правоту.

– Никуда мы ехать не будем, этого ещё не хватало! – сказал уже другим тоном майор.

– Тогда у меня есть предложение, – ответил я. – Вы немедленно убираете прослушивающие устройства, а мы нигде не будем об этом говорить. Если вы этого не сделаете, то не исключено, что скоро об этом инциденте заговорят на Западе.

Мой собеседник резко встал. Очевидно, что это вывело его из себя. Потом он всё-таки взял себя в руки и процедил сквозь зубы:

– Ладно, до свидания.

После такого откровенного разговора я понял, что может состояться ещё одна встреча, но уже в другом месте.

Однажды, перед обеденным перерывом, ко мне в рабочий кабинет зашёл начальник цеха. Он, еврей по национальности, не был ярым противником верующих. Пройдясь по кабинету, он остановился и сказал:

– Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно. Николай, ты должен понять, о чём я тебе говорю. Я одного не могу понять, зачем ты усложняешь с ними отношения?

Сказав это, он вышел.

Долго ждать свидания с представителями закона не пришлось. На этот раз ко мне зашёл мастер и предупредил, что меня вызывают к следователю для ознакомления с уголовным делом, открытым против меня.

– Пусть пришлёт повестку, – ответил я, стараясь оставаться спокойным.

Когда мастер и все сотрудники ушли на обед, я склонился на колени возле своего рабочего стола, и в искренней, сердечной молитве сказал Господу:

– Иисус, Ты знаешь, что я люблю Тебя. Ты знаешь, как я благодарен Тебе за то, что Ты возлюбил меня и пострадал за меня на Голгофском кресте. Ты выкупил меня из рабства греха и освободил от власти дьявола. Ты видишь все эти угрозы людей, которые находятся под властью лукавого. Да будет на всё воля Твоя. Я готов идти, куда Ты поведёшь, я готов быть Тебе послушным во всём. Об одном хочу попро-

сить Тебя, мой Иисус: позаботься, пожалуйста, о моей жене и детях. Я отдаю их в Твои любящие руки. Аминь.

То, что я пережил после молитвы, трудно передать словами. Это было похоже на то, что было при моём обращении. Неописуемый мир и внутренняя радость волной наполнили всё моё естество. Слёзы умиления потекли по щекам, и я тихо сказал: «Иисус, я благодарю Тебя».

Когда пришло время идти в прокуратуру, мастер сообщил:

– Николай, нам передали, что твой поход к следователю пока откладывается. Когда надо будет, они тебя предупредят.

Но больше меня никто не вызывал, а позже сказали, что поменялся уполномоченный по делам религиозных культов, и дело на меня закрыли. Дома жена и дети встретили эту новость с неописуемой радостью.

После троих сыновей: Павла, Петра и Ивана, у нас родилась девочка, и я предложил:

– Дети! Давайте назовём её Надей. Это будет напоминанием для нас всех о той великой надежде, которую мы возлагаем на Господа.

Прошло немного времени, и ко мне на работу пришёл новый уполномоченный по делам религии. Он пригласил меня на беседу в заводской сквер. Предложил сесть на скамейку.

– Нам надо поближе познакомиться, Николай Емельянович, – сказал он с ударением на слово «поближе».

Я промолчал и приготовился к знакомству, понимая, к чему он клонит.

– О тебе ходят разные слухи, но на работе дают хорошую характеристику. Например, мастер сказал, что если бы в цеху было побольше таких, то работать было бы легче, и проблем меньше. Взвесив все за и против, я понял, что таким людям, как ты, надо идти навстречу.

Внимательно прислушиваясь к его тону, я думал, что бы это могло значить.

– Должен сказать тебе, – продолжал уполномоченный, – мне кажется, у нас с тобой получилось бы неплохое сотрудничество. Только пойми меня правильно, – сказал он, видя, что я уже начинаю проявлять нетерпение, желая ему что-то возразить, – не спеши с выводами. Я имею в виду не то сотрудничество, которое тебе уже предлагали много раз. Моё предложение заключается вот в чём: ты способный, авторитетный служитель, тебе доверяют и стараются подражать, и это, надо признать, неплохо.

Я вот думаю, зачем вам собираться по домам, где вы не помещаетесь? Вам мешают проводить собрания, составляют акты, грозят тюрьмой. Понимаю, вы не можете найти общий язык с вашими братьями из союза, и это ваши внутренние проблемы.

Есть возможность иметь в районе Химпосёлка хороший молитвенный дом с мягкими стульями, кафедрой. А вы, Николай, будете пресвитером, мы вам в этом поможем. Подумайте, у вас прекрасная семья: жена, дети... Зачем обострять отношения с органами власти и навлекать на себя и своих близких проблемы?

Он сделал паузу, и я воспользовался этим.

– Извините, – тихо сказал я, – вы мне сейчас нарисовали такую чудесную картину, что у меня, естественно, возник справедливый вопрос: чего мне это будет стоить, и смогу ли я за всё рассчитаться? В Евангелии написано, что у Христа было двенадцать учеников. Один из них очень любил деньги. Ему была предложена сделка за небольшую сумму, и он согласился...

– Не торопись делать такие выводы, – прервал мою речь собеседник, – подумай, посоветуйся с женой.

Вставая со скамейки, он протянул мне руку и сказал:

– Я надеюсь на лучшее, а пока – до свидания.

Так мы мирно расстались. Он пошёл к проходной, а я на своё рабочее место.

Через время стало известно, что идеологический отдел подготовил целую группу профессионалов для работы с церквами и отдельными верующими. Поэтому штат уполномоченных был полностью обновлён. И действительно, мы видели различных работников этой службы. Среди них были отставные КГБисты, которые практиковали такие методы: вызывали служителей зарегистрированных церквей, выстраивали в одну шеренгу, давали команду «Смирно!» А после этого сотрудник органов доставал из ящика стола пистолет, рукояткой бил по столу и давал «наставления», как надо выполнять советское законодательство о религиозных культах. Служители, братья преклонного возраста, пережившие сталинские репрессии, знали, чем могут для них закончиться такие угрозы. Они стояли с дрожью в ногах, с трясущимися от волнения руками, не зная, что отвечать.

Таких деспотов сменяли хитрые, лукавые деятели. Они приглашали служителей по одному, умели красиво, располагающе говорить и обещать содействие при условии строгого выполнения законодательства. После этого расплывались в добродушной улыбке и, протягивая руку, говорили:

– Приветствую, брат! С Богом!

Были и просто чиновники, которые хотели своим либерализмом доказать, что они тоже могут сделать что-то для разложения церкви в атеистической стране. И с этими новоявленными профессионалами мне пришлось встретиться очень скоро.

Часть 2 Глава 13

Предатель-неудачник

Благодарение нашему Господу, ведь Он нас учил мудрости, сходящей свыше, а также бдительности, чтобы нам бодрствовать и молиться, дабы не попасть в искушение.

Однажды ко мне подошли сёстры из группы молодёжи с радостной вестью:

– Брат Николай, на вокзале мы встретились с молодым братом с Западной Украины, он приехал сюда в командировку, и ему даже предлагают остаться работать здесь постоянно. Он знает об отделённых и желает прийти к нам на собрание.

– Сёстры, вы знаете, в какое время мы живём? Вы хоть имя его узнали? Кто его родители, где работает?

– Зовут его Виталий, родители его верующие, и работает он на стройке бригадиром, а живёт в общежитии. Он, знаете, такой ревностный, смелый, и в либеральную церковь ходить не хочет.

– Если придёт, будем знакомиться, – сказал я в ответ на все заверения сестёр.

А через неделю Виталий уже сидел на утреннем воскресном собрании. Выглядел он лет на двадцать пять-двадцать семь, рослый, крупного телосложения. После служения подходил к братьям, приветствовался, вёл себя смело, без смущения. Рассказал братьям о себе то же самое, что говорили сёстры. И добавил:

– Я желаю посещать гонимую церковь, в которой принимал крещение и давал обет Богу.

Всё было просто и ясно, но внутренне я чувствовал: что-то здесь не так. Спустя некоторое время он начал делать провокационные предложения, утверждая, что молодёжь должна быть более активной и жертвенной.

– Мы не должны бояться гонений, отсиживаясь в тёплых, уютных домах, в то время как наши братья страдают.

Иной дух стал просматриваться то в одном, то в другом его предложении, и я решил поделиться с друзьями своими подозрениями:

– Братья, мне кажется, кто-то преднамеренно пытается втянуть нашу молодёжь в конфликт с внешними через этого молодого человека.

Они поддержали меня, и мы начали молиться, чтобы Господь дал ясность.

Приближались майские праздники. Для внешних это были самые беспокойные дни. Они ожидали от верующих

Праздник Жатвы в церкви

каких-то выступлений. Им очень не нравились многолюдные молодёжные общения, которые обычно проходили в лесу. После одного утреннего служения я попросил братьев задержаться и предложил:

– Братья, есть одна идея, как поставить точку в деятельности приезжего брата Виталия.

– Говори, брат. Мы готовы тебя выслушать.

– Девятого мая группа нашей молодёжи намерена в лесу, в районе Сосновки, провести общение. Предлагаю заранее объявить об этом открыто, в присутствии Виталия, с оговоркой, что будут гости, и их надо организованно встретить и проводить на место проведения собрания, и чтобы молодёжь взяла с собой продукты на обед.

– Брат, а гости действительно будут, или это для эффекта?

– Безусловно, гости из нескольких поместных церквей будут, и всё, что мы объявим, состоится, но не в таких масштабах, как будет представлять себе Виталий. Он ведь уже несколько раз говорил мне о том, что надо делать масштабные общения для молодёжи.

При общем согласии мы договорились, когда объявим об этом, и кто будет участвовать. Мы с братом решили, что на его инвалидной машине поедем пораньше на конечную остановку троллейбуса, припрячем её в лесу, а сами выберем надёжное место для наблюдения.

Как выяснилось позже, к общению в лесу готовились все: и наша молодёжь, и Виталий, и КГБ. Мы с братом за час до собрания уже были на месте. По всем приметам день должен был выдаться чудесным. Утро было безветренным, дымка тумана рассеивалась в лучах восходящего солнышка. Кругом было зелено, свежо. Трава была покрыта росой, птицы распевали свои песни, прославляя Бога.

Место мы выбрали довольно удачное. Нам хорошо была видна остановка троллейбуса и автобуса и помещение, где водители оформляли документы перед отправкой в рейс. Там был телефон, и сидела дежурная троллейбусного парка.

Между остановкой и лесом лежали неаккуратно сложенные бетонные плиты и сваи.

Мы с братом лежали в густом кустарнике, заняв удобную позицию для наблюдения, слушали пение птиц, разговаривая шёпотом. Вскоре наше внимание привлекли люди в штатском, их было человек пять. Укрывшись за бетонными плитами, они также организовали наблюдение.

Мы замерли от удивления, глядя на то, как перед нашими глазами разворачивались события, каких мы и не ожидали. Прислушавшись, мы услышали голоса, но уже не птиц, а людей, которых в гуще леса, по-видимому, собралось немало. Они давали о себе знать условными сигналами. Было ясно, что между теми, что находятся за бетонными плитами, и теми, что в лесу, существует связь. Было также видно, как один из них давал команды, а остальные послушно выполняли. Один на остановке постоянно бегал в помещение, видимо, куда-то звонил. Мы догадывались, что он узнавал ситуацию на железнодорожном вокзале, автовокзале и в аэропорту.

Когда первые группы молодёжи выходили из троллейбуса или автобуса, команда наблюдателей активизировалась, наблюдалось много жестикуляций руками, поскольку они старались себя не выдать. В одной из групп появился и наш Виталий. Он на некоторое время задержал свой взгляд на груде бетонных панелей, улыбнулся и пошёл в лес с молодёжью.

Это продолжалось недолго. Когда около семидесяти-восьмидесяти человек ушли в лес, троллейбусы и автобусы стали подъезжать и разворачиваться пустыми. Прошло ещё немного времени, и к остановке подъехала шикарная чёрная «Волга». Из неё вышел по-весеннему одетый представительный мужчина. Он медленно подошёл к тому месту, где пряталась группа наблюдения. Было видно, что они сильно переполошились, и не знали, как себя вести. Тогда старший из них быстро выбежал на тротуар и чеканным шагом пошёл навстречу приехавшему. Не доходя до него несколько шагов,

он взял под козырёк и хотел доложить, но успел только сказать:

– Товарищ генерал...

Тот его резко оборвал и, грубо обозвав, махнул на него и на его помощников рукой, медленно развернулся, сел в автомобиль и уехал. Команда наблюдателей растерянно смотрела на своего командира. Он немного постоял, подумал, потом, скомандовал:

– Отбой.

Прозвучал условный сигнал отбоя, и лес радостно загудел. Люди начали выходить из своих укрытий. Было слышно, как мужчина, который стоял недалеко от нас, сказал:

– Как хорошо, что всё уже закончено. Мы с женой и детьми сегодня планировали отдохнуть в парке.

Через время всё стихло. Мы с братом, сильно озадаченные услышанным и увиденным, отправились искать нашу молодёжь. «Ласточка» осталась нас ждать. Вскоре мы довольно легко нашли друзей, которые, ничего не подозревая, спокойно проводили лесное собрание. Стараясь не привлекать к себе внимания, мы присоединились к служению.

Молодёжи особенно понравилось время, выделенное на вопросы и ответы. Задавалось много и библейских, и житейских вопросов. По ним очень легко можно было определить, чем живёт молодёжь. Мы с братом обратили внимание и на странную картину. Неизвестные люди в спортивной одежде ходили то туда, то сюда, стараясь подойти как можно ближе. По их поведению я понял, что это внештатные сотрудники КГБ. Среди них были и пожилые. Одного из них я знал в лицо. Он числился работником нашего завода, был каким-то начальником в заводоуправлении. Я взял его на заметку, чтобы знать, кто на кого работает.

Время шло быстро, нас никто не беспокоил, и мы были этому рады. Чтобы пообедать, сёстры быстро расстелили прямо на траве белые простыни. Все выложили из своих кульков то, что принесли с собой, и получился очень богатый стол.

Я украдкой наблюдал за поведением Виталия. Он ел вместе с другими, но было заметно, что был чем-то смущён. Видимо, он думал, что всё будет по-другому. Его и руководящих братьев арестуют, скрутят руки, посадят в машины и отвезут в отделение милиции давать показания. С одной стороны, он будет выглядеть героем среди молодёжи, а с другой – героем дня среди работников КГБ. Но, увы, это не сработало. Пока он и сам не понимал, почему так получилось. Он не думал, что вместо наград и лычек получит страшный выговор, а в дальнейшем его доброжелатели просто постараются от него избавиться. Он оказался предателем-неудачником, а такие люди никому не нужны. Вечером общение закончилось, и друзья с молитвой благодарности Господу спокойно разъехались по домам.

Потом, позже, мы обсудили всё, что произошло. Поблагодарили Господа за Его дивную милость и любовь к нам, ибо нет ничего тайного, что не открылось и не стало бы явным. Но у нас возник вопрос: как же быть с нашим лжебратом Виталием? Были разные предложения, но остановились на таком: в воскресенье после вечернего собрания я предложу ему остаться на личную беседу, всё ему скажу и предложу искренне покаяться и исповедать всё Господу, как написано в 1 Послании Иоанна 1:9: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит от всякой неправды».

Братья согласились с таким планом, но опасались, как бы он меня не побил. Я их попросил:

– Вы, пожалуйста, молитесь за меня, и будем уповать на Божью защиту.

Воскресное вечернее собрание проходило в доме у брата Мити и сестры Веры. Никаких проблем с проведением служения не было. А после собрания, когда братья и сёстры собирались расходиться, я пригласил Виталия остаться для личной беседы. Видно было, как он занервничал, но остался. Мы сели за стол друг против друга.

– Виталий, надеюсь на откровенность, – спокойно сказал я, глядя прямо ему в лицо, – Господь всё знает, и нам также стало известно, с каким заданием ты приехал в нашу церковь. Поэтому, считаю лучшим вариантом, чтобы ты покаялся пред Богом и исповедал Ему всё то, что ты сделал за последние годы, несмотря на слёзы и просьбы твоих родителей. Ты же понимаешь, что после девятого мая нам всё стало ясно.

От страшного возмущения Виталий то краснел, то бледнел. Он не думал, что вопрос перед ним будет поставлен так прямо.

– Николай Емельянович, я ничего не понимаю, – наконец, запинаясь, сказал он, – какое отношение я имею к девятому мая? Я был о вас лучшего мнения...

Но, перебив, я спокойно продолжал:

– В Писании сказано, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. И поэтому, не желая тебе доказывать то, что уже доказано Господом, я и предлагаю тебе воспользоваться милостью Божьей и сердечно попросить не у меня, а у Господа прощения, потому как ты, прежде всего, виноват перед Ним.

Виталий не выдержал и сорвался, показав своё истинное лицо:

– Как вы, будучи пастырем церкви, можете со мной так говорить?! Вы знаете, что я могу... – угрожающе посмотрел он на меня.

– Успокойся, Виталий, не нервничай и не возмущайся. Я действительно пастырь церкви, и имею власть от моего Господа Иисуса Христа откровенно говорить тебе это. Я предлагаю тебе покаяться – это твой единственный шанс выпутаться из сети, в которую тебя затянули, и спасти свою бессмертную душу.

Этого Виталий уже выдержать не смог, он сорвался с места и двинулся на меня.

– Именем Иисуса, я запрещаю тебе бесчинствовать, – спокойно, но твёрдо произнёс я.

Он сделал глубокий вдох и безвольно опустился на стул. После минутной паузы встал и, направляясь к двери, произнёс:

– Ну, Николай Емельянович, запомните, вы меня ещё узнаете...

И, хлопнув дверью, вышел.

Во дворе стояли хозяева дома и мирно беседовали с оставшимися друзьями. Виталий, ничего им не сказав, быстро вышел за калитку. Подошли братья и спросили:

– Ну, как беседа?

– Считаю, что сделал всё возможное для спасения погибающей души. Как видите, он возмутился, не принял того, что послужило бы ему ко благу. Благодарю за молитвенную поддержку.

Со временем мы узнали, что хозяева, которым он служил, решили от него избавиться. Это вызвало у него страшную злобу на верующих, он начал их публично поносить и злословить. Часто мы видели его пьяным, с бутылкой в кармане. А однажды он явился на собрание в нетрезвом виде, во время служения начал бушевать и разбил стёкла на веранде друзей, которые предоставили свой дом для народа Божьего.

Часть 2 Глава 14

Штрафы и разгоны собраний

Несмотря на все ухищрения врагов дела Божьего, гонения и репрессии, Бог благословлял и охранял нас. Церковь росла и духовно и количественно. Каждый год новые души заключали завет с Господом через святое водное крещение. Несмотря на запреты проводить любую работу с детьми и ограничения участия молодёжи в служении, Бог благословил нас несколькими детскими группами воскресной школы, духовым и струнным оркестрами и церковным хором.

Гонения объединяли верующих, очищали и освобождали от всего мирского. Верующие уже привыкли к составлению актов и к штрафам. Даже на заводе работники бухгалтерии привыкли, что каждый месяц из моей зарплаты делались отчисления в пользу государства.

Среди верующих было принято очень верное решение: штрафы платили вместе. А это значило, что если кого оштрафовали, сумма сразу же возмещалась брату или сестре из церковных пожертвований. У наших гонителей оказалось больше проблем в связи с изъятием штрафов, чем у верующих – с их оплатой, особенно в сельской местности у пенсионеров.

Так, у одной очень ревностной христианки – сестры Марии, – накопилось штрафов на несколько сотен рублей. К ней домой приехал из района судебный исполнитель, взяв для помощи в сельсовете несколько человек из местного ак-

тива. Сестра Мария любезно их приняла, пригласила в дом и говорит:

– Вот перед вами всё моё богатство, и ради моего Господа я готова пожертвовать всем, ибо ещё первые христиане, которые жили около двух тысяч лет назад, «расхищение имущества принимали с радостью».

Судебный исполнитель посмотрел на окружающую обстановку, но не смог найти ничего ценного, что можно было бы конфисковать. Возвращаться ни с чем он также не хотел, поэтому решил поискать во дворе. В хлеву он увидел свинью, которую женщина откармливала для сына, тогда ещё неверующего. У него глаза загорелись от радости...

– Будем брать свинью, – сказал он властным тоном.

– Что ж, берите, ваше право и Божья власть, – сказала сестра.

Он спросил у активистов, где есть весы, чтобы определить вес конфискованного. Ему сказали, что весы есть только возле сельского клуба.

– На каком это расстоянии? – спросил начальник, беря в руки портфель.

– Где-то около километра.

– Значит, будем двигаться, – сказал он решительно.

– Двигаться, то двигаться, но нужна верёвка, чтобы свинья не убежала.

– Да, и вправду, нужна верёвка, а где её взять? – спросил он, глядя на сестру Марию.

– Сейчас поищу, – сказала она спокойно, – помогу вам решить и эту проблему.

Сестра нашла верёвку и положила перед судебным исполнителем. Он взял её, но не знал, как подступить к свинье, и что с ней делать. Тогда один из активистов набросил петлю на ногу свиньи, и процессия медленно двинулась по улице в направлении клуба. Но свинья не хотела оставлять свой хлев и добрую хозяйку. Она поворачивала назад и визжала на всю улицу. Все соседи вышли посмотреть, что происходит.

– Мария, что это творится? У вас воруют среди бела дня!

– У меня забирают свинью из-за того, что я верующая, а я готова страдать за Христа. Ведь вы же знаете, что Он пострадал за всех грешников и умер на кресте.

Соседи крестились...

– Господи, помилуй! Что же это происходит прямо на наших глазах?

– В Евангелии написано, что нам дано не только веровать, но и страдать за Христа, – старалась спокойно свидетельствовать сестра.

Когда, наконец, добрались до весовой, оказалось, что свинью невозможно поместить на весы, потому что она крупная, а весы небольшие. Начали думать, как же взвесить живой товар. Несколько раз поднимали свинью на весы, но безрезультатно. Тогда кто-то предложил положить на весы что-то такое, чтобы получилась площадка.

Начали искать по дворам. На это потребовалось некоторое время. А когда нашли старую дверь и уже готовы были высадить на неё свинью, подъехал на велосипеде неверующий сын Марии.

– Люди добрые, скажите мне, что это здесь делается? Меня грабят средь бела дня, и по какому это праву?

Он подошёл вплотную к судебному исполнителю, и на мирском языке сказал такое, что у того чуть было не выпал из рук портфель.

– Дайте сюда моего поросёнка, вы его заберёте только через мой труп!

И свинья со своим хозяином быстро побежала домой. Судебный исполнитель не знал, что сказать, активисты молчали, зная нрав сына Марии, люди улыбались и о чём-то шептались между собой. Через некоторое время все разошлись.

Жизнь церкви – это жизнь большой семьи, с радостями и переживаниями, с успехами и трудностями. Одно событие сменяется другим, и надо быть готовыми ко всему. Где в церкви много молодёжи, там не только много радости и шума, но и много забот, много различных вопросов, которые надо срочно решать. Так, у нас вновь была объявлена свадь-

ба. Брат Вася родом из села Сагуновка и сестра Галя из села Мельники решили создать новую христианскую семью. Как и положено, в церкви об этом решении объявили и совершили молитву.

Началась подготовка к сочетанию. Имея неплохой опыт прошлой свадьбы, решили, что сочетание будет в селе Сагуновка, у родителей брата. Зная о том, что подготовка идёт не только у нас, но и у тех, кто всегда противился нашему открытому служению, мы молились и просили защиты у нашего Господа.

В назначенный день во дворе родителей брата, где всё уже было подготовлено к служению, собралось много братьев и сестёр из разных групп и церквей. У нас был такой лозунг: свадьба – это радость не только для жениха и невесты, но и для всех. Особого приглашения никто не ждал, ехали и наперёд знали, что надо быть ко всему готовым, ибо обратно кому-то придётся ехать самому, а кого-то, может, и повезут, но уже в казённый дом.

Сочетание молодых в церкви с. Балаклея

Воскресное утро не предвещало ничего плохого. Небо было чистым, без туч, и синим-синим. Воздух был наполнен ароматами цветов. Брат ознакомил нас с обстановкой:

– Вот здесь – место для сборного хора, а вон там – для духового оркестра. Это – место для проповедника, а вот здесь – для жениха и невесты при сочетании. Дальше – скамейки для гостей. На вторую часть столы уже приготовлены.

– Хорошо, брат, а что слышно из сельсовета?

– Что вам сказать, братья. Запреты – на всё, надо быть ко всему готовыми. Наш ревностный уполномоченный по делам религии раньше всех приехал. Говорят, что проводит совещание с активом села.

Служение состояло из трёх частей: богослужения, сочетания и обеда с поздравлениями и пожеланиями. После второй проповеди появились «гости» на грузовом автомобиле. Они подъехали близко к забору со стороны улицы. В кузове автомашины была группа молодых людей. Через несколько минут им дали команду, и заиграл духовой оркестр, заглушая проповедника. Его слова тонули в звуках мирской маршевой мелодии. Но братья не растерялись и сказали проповеднику, чтобы он сделал паузу.

Тут заиграл наш духовой оркестр. Наши оппоненты опешили, они не ожидали такой реакции. Христианские музыканты играли намного громче и мелодичнее. Через несколько минут оркестр за забором затих, а его участники слушали нашу игру и удивлялись стройности и красивому звучанию христианской музыки. Видя это, братья-музыканты тоже прекратили играть, и проповедник продолжил проповедь. В таком необычном соревновании прошла первая часть.

Было видно, что «гости» устали и приуныли. У них ничего не получилось, и между ними начался спор. Поэтому вторую часть собрания они уже молча сидели и внимательно слушали, глядя на жениха и невесту.

Когда сочетание подошло к концу, начальство поняло, что просчиталось, и машина уехала. Мы даже не успели поблагодарить наших «гостей» за усердие. Все братья и сёстры

радовались дивной милости и защите Божьей. Но из опыта братья-служители уже знали, что на этом всё не закончится. Ведь не напрасно из областного центра приехало несколько автомобилей вместе со всем известным уполномоченным по делам религии.

Во время третьей части, когда народ Божий, принимая пищу, поздравлял молодых, в конторе продолжалось совещание. Мы конкретно не знали, что они могут предпринять, но молились, просили Бога о защите. После семи часов вечера в летнюю пору ещё светло. Мы узнали расписание автобуса, и пошли на остановку. Большой автобус ЛАЗ был забит до отказа. Братьев с трубами усадили на задних сиденьях. Когда садились в автобус, наши «попечители» только наблюдали, но не решились ничего предпринять. А план, как выяснилось потом, у них был коварный.

Перед отправкой автобуса они пригласили водителя для разговора и приказали ему, нигде не останавливаясь, везти всех в Черкассы, прямо в отделение милиции. Когда автобус отправился, мы увидели, что несколько автомобилей пристроились рядом, как эскорт-сопровождение. Мы молились и просили у Господа защиты и мудрости, как нам правильно поступить. Злоба гонителей была направлена на служителей и музыкантов оркестра, который сорвал их планы.

Когда автобус подъезжал к центру села Худяки, кто-то из пассажиров из-за страшной тесноты выдавил стекло, и придерживал его руками, чтобы не упало на землю. В связи с этим водитель был вынужден остановить автобус, и как только он открыл дверь, последовала команда:

– Все верующие – на выход.

Водитель уже ничего не мог сделать. Две автомашины, сопровождавшие автобус, тоже остановились. Команда, кто в штатском, кто в милицейской форме, бросилась к автобусу. В центре села развернулись события, подобных которым я уже давно не видел.

Начальник в штатском подбежал к автобусу, схватил меня за руку и потащил к автомобилю ГАЗ-69. Сёстры, уви-

дев это, схватили меня за другую руку, и стали тянуть к себе. Началась суматоха, и, пока возились со мной, братья с трубами разбежались в разные стороны. Милиция погналась за ними. С остановки было хорошо видно, как через огород бежал брат с трубой в руках, а за ним гнался милиционер и кричал:

– Стой, стой! Твои документы!

Но на эти крики никто не обращал внимания. Брат оказался быстроногим, и милиционер, видя, что расстояние между ними увеличивается, отстал и возвратился к своим.

Меня сёстры тоже вырвали из рук милиции, хотя сделать это было не так просто. Одна из них даже пустила в ход зубы, укусив за руку начальника, который уже едва не разорвал мой пиджак. Всем друзьям дано было указание: направляться на юг села, где росла колхозная кукуруза. Команда сопровождающих, видя, что проиграла, села в автомобили и уехала в Черкассы.

Наши друзья, которые не успели выйти из автобуса, уехали, а те, что убежали, собрались возле лесопосадки на краю кукурузного поля. Поблагодарили в молитве Господа и, посоветовавшись, решили идти через поле на трассу с Чигирина на Черкассы, остановить попутную машину или автобус и доехать до Черкасс. Мы опасались, что наши гонители могут ещё что-то предпринять, чтобы навредить нам, но после позора в селе Сагуновка, а потом и в селе Худяки они успокоились, а может, и получили выговор от вышестоящего начальства.

В воскресенье, после собрания, мы рассказали братьям и сёстрам обо всём, что пережили. С великой радостью мы принесли Богу благодарность за Его чудную милость к нам и за защиту. А брат Пётр рассказал о том, что у него произошло на работе:

– Один из сотрудников часто задавал мне такой вопрос: «Ты скажи мне, только правду, за что тебя штрафуют?» Я отказывался ему говорить, всё равно ведь не поймёт. А он, издеваясь, продолжал спрашивать. Мне надоели его под-

дёвки, и я ему сказал: «Если ты во время обеденного перерыва соберёшь на площадке перед входом всех сотрудников конторы, то я и тебе, и им скажу, за что меня штрафуют». Он обрадовался и говорит: «Только смотри, не подведи меня». И пошёл звать всех, чтобы послушали, что скажет этот баптист.

После обеда работники конторы и мои сотрудники, заинтригованные моим коллегой, собрались с ухмылками на лицах в ожидании свидетельства. Он подошёл ко мне: «Ну, давай, Петро, рассказывай». Тогда я вышел на середину площадки, преклонил колени и начал вслух молиться. Вначале все слушали, потом начался шум. Прибежали парторг, начальник, стали шуметь и поднимать меня с колен. Я громко сказал: «Аминь!», поднялся и обратился ко всем присутствующим: «Теперь вы будете знать, за что штрафуют не только меня, но и других верующих» Люди расходились по кабинетам, обсуждая увиденное, а начальство угрожало написать на меня докладную и снять с должности за устроенную провокацию, – закончил свой рассказ брат Пётр.

Мы поблагодарили Господа за проявленную братом смелость и попросили защиты Божьей для него на работе.

Часть 2 Глава 15

Арест в Грузии

Ситуация, создавшаяся в последнее время между церковью и внешними, была критической. Некоторые представители власти открыто заявляли, что дальше так продолжаться не может. Так, однажды парторг сказал:

– Наше государство достаточно сильное, чтобы с вами справиться.

Об этом говорили не только гонители, но и братья-служители из церквей, которые не были гонимы, и находились под защитой греховного законодательства о религиозных культах.

Однажды нашу семью посетил один такой доброжелательный гость и сказал:

– Ходят слухи, что на служителей поместной церкви, в том числе и на тебя, завели уголовное дело. Зачем идти прямо в тюрьму, если можно поступить мудро и избежать проблем? Ведь у тебя – семья, семеро детей.

– А как ты считаешь, брат, что значит поступить мудро в сложившейся ситуации? Пойти на их предложение и подчиниться греховному законодательству, став отступником от истины?

– Думаю, мудрость должна проявиться в другом. Не желаете подписаться под законодательством – ваше право. Мы подписались, но его не выполняем, и нас не гонят.

Я с сожалением слушал брата, бывшего уже в годах, с житейским опытом. У меня готов был вырваться протест. Как может христианин подписать антиевангельский документ, а потом вот так смело заявлять, что он его не выполняет? Это же двойная неправда! Неправда и неверность пред Богом, и неправда перед миром.

– Николай, я бы посоветовал вашей церкви поступить так, – продолжил гость, – пресвитером избрать самого старенького брата для отчёта перед внешними. Я знаю, что такого сейчас не посадят. Он будет числиться пресвитером, а практическое руководство будешь осуществлять ты.

Честно сказать, до такой, чисто человеческой, мудрости я бы сам не додумался, но брату сказал:

– Давай спросим мою жену, согласна ли она на такое предложение, ведь мой арест больше всего отразится на ней и детях.

Посещение отца в больнице. Жена Катя и шестеро детей: Павлик, Петя, Ваня, Надя, Саша и маленький Вова

Я позвал жену:

– Катя, брат предлагает нам мудрое решение проблемы, чтобы ты из-за моего ареста не осталась одна с детками.

И подробно изложил суть предложения. Она спокойно выслушала, достала платочек, вытерла набежавшие на глаза слёзы, и ответила:

– Коля, ты же знаешь, всё время, что мы прожили вместе, я никогда не была согласна идти на компромисс со грехом, и сейчас не буду торговать служением Господу. Как бы ни было тяжело в моей дальнейшей жизни, на такую сделку я не пойду.

Брату я сказал:

– Видишь, мы с женой раньше не говорили на эту тему, но у нас одно мнение – лучше оставаться верными Господу, нежели иметь «временные египетские сокровища».

Он поднялся, поблагодарил за возможность побеседовать и ушёл.

Были подобные советы и от других братьев.

– Зачем тебе сознательно идти в тюрьму, ведь ты можешь уйти из дому и потрудиться для Господа, будучи на нелегальном положении. А в тюрьму всегда успеешь. Смотри, сколько братьев сейчас так делают!

Предложение было очень заманчиво, и нелегальное положение – это не тюрьма, но сердце подсказывало, что это – не для меня. Поэтому на такие конкретные предложения я отвечал уклончиво, а внутренне, как Павел, знал, «что узы и скорби ждут меня». Случай, который вскоре произошёл, чуть было не смутил меня. После я вспоминал и анализировал все события, ибо на это у меня было много времени.

Когда пророк Агав взял ремень, связал им свои руки и сказал, что мужа, чей это ремень, так же свяжут в Иерусалиме, и он будет много страдать, Павел ответил: «Что вы делаете? Что плачете и сокрушаете сердце моё? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса». Когда же Павел пришёл в Иерусалим и встретился с братьями, они его выслушали и предложили:

«Сделай, что мы скажем тебе; есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет; взяв их, очистись с ними и возьми на себя издержки на жертву за них, чтоб остригли себе голову, и узнают все, что слышанное о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон» (Деян. 21:23-24). Павел послушал совета братьев и, по-видимому, делал всё против своей воли, и это не помогло.

Так случилось и со мною. Неоднократно даже наши старшие дети говорили о том, что нас прослушивают из спецавтомобиля не только днём, но и во время вечерних собраний.

Один из братьев как-то после вечернего служения рассказал:

– Я немного опоздал, иду с автобусной остановки. Темно, меня плохо видно, и мне тоже плохо видно. Смотрю, под забором светится голубой огонёк. Подошёл ближе, стоит «Волга», а из неё звучит проповедь брата. Я сначала удивился, а потом всё понял и быстро пошёл на собрание.

На одном из братских общений я попросил дать мне кассету с записью проповеди Геннадия Крючкова «Кесарю – кесарево, а Богу – Божье». Крючков уже долгое время был на нелегальном положении, и КГБ его никак не мог найти. Говорили даже, что за его поимку обещали вознаграждение. Однажды, после утреннего воскресного собрания я объявил:

– Братья и сёстры, кто из вас желает послушать Геннадия Крючкова, приходите в пятницу на вечернее собрание. Он будет говорить на тему: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие – Богу».

Была зима, выпало много снега. Собрание было назначено у брата, недалеко от автобусной остановки. Жена осталась дома, а я оделся, и ушёл на собрание немного раньше. Поставил на столе магнитофон с кассетой. Друзей собралось много, все комнаты дома были заполнены. Мы совершили молитву, попросили Божьего благословения, спели псалом, и я попросил одного из братьев сказать Слово, после чего сделал объявление:

– А сейчас, братья и сёстры, мы послушаем проповедь нашего брата Геннадия Крючкова.

Все внимательно слушали минут тридцать. Потом возле окон послышались чьи-то быстрые шаги, и в дом ворвалась группа захвата. Впереди всех был хорошо известный нам уполномоченный по делам религии. Прозвучала команда:

– Всем оставаться на местах и не делать никаких движений!

Я быстро остановил запись, вынул кассету, но передать никому так и не успел. Уполномоченный с командой подбежал к столу и, видя, что здесь всё не так, как он думал, начал требовать кассету. Поднялся шум, в доме были маленькие дети. Верующие начали его стыдить, говоря:

– Что же вы врываетесь в дом без разрешения, и начинаете отнимать без суда и следствия то, что не ваше!

Я не хотел отдавать кассету, передать кому-то тоже не представлялось возможным. Они в присутствии детей и подростков не хотели отбирать её силой, а потому долго просили отдать добровольно.

– Я не имею права отдать вам кассету, это грех перед Богом.

В это время мои дети побежали домой, и сообщили матери о сложившейся обстановке. Они боялись, что меня арестуют. Она их спросила:

– А уполномоченный там есть?

– Да.

– Ну, тогда не арестуют.

Когда Катя подошла к калитке дома, там стояли молодые ребята в белых тулупах, с собаками, и никого не пропускали. Двор был оцеплен спецкомандой. Катя начала требовать, чтобы её впустили, но они не хотели с ней говорить. Тогда попросила пригласить уполномоченного. Это подействовало. Когда он вышел из дома, она сказала:

– Архипович, что это такое? Скажите своим ребятам, чтобы меня впустили в дом. И вообще, что это вы собрали такую команду, как на разбойников?

– Ты скажи своему мужу, чтобы он по-доброму отдал кассету с записью.

– Ну, знаете, Архипович, это позор – собирать такую команду, чтобы изъять кассету.

Он вошёл в дом и приказал силой забрать кассету. Я не сопротивлялся, вспоминая слова Иисуса Христа в Гефсимании. Потом все ушли. Мы помолились, и друзья тоже стали расходиться. Остались братья, и мы начали рассуждать, как нам дальше поступать.

– Тебе надо хотя бы на время уехать, – твердили братья. – Они завтра оформят санкцию прокурора на твой арест.

Вначале я не соглашался, а потом сказал:

– Хорошо, братья, пусть будет по-вашему.

Около двенадцати ночи брат заехал за мной на своей инвалидной машине и отвёз на автовокзал за тридцать километров от Черкасс. Попрощавшись с ним, я взял в кассе билет на Киев. Утром я уже был на вокзале в Киеве. Было слишком рано, чтобы ехать дальше. Усевшись на скамейке в многолюдном зале ожидания, я думал, как же мне дальше жить.

Вспомнил, как жена на скорую руку собирала мне вещи в дорогу, вытирая набегавшие слёзы. Старшие дети ещё не спали, и мне удалось дать им наставления и поручения. Потом мы вместе молились, доверяясь надёжным рукам Господа.

И вот я сижу на вокзале, вокруг меня ходят люди, озабоченные житейскими проблемами. Кажется, ещё не в тюрьме, но особенной радости в сердце почему-то нет. Почему так? Может потому, что от Божьего определения далеко не уедешь? Всё произошло так быстро и неожиданно. Теперь я понимаю, почему всё так получилось. Прослушивая наши собрания, они уловили моё объявление о том, что будет говорить брат Крючков. Служба КГБ решила отличиться и поймать брата, которого давно ищут и не могут найти. Кто-то должен был получить звёзды на погоны, а тут – такой провал. И это уже не впервые вместо поощрений они получают выговор. Теперь они будут искать меня на работе. Но вместо

меня они увидят заявление на увольнение по собственному желанию, которое я передал с женой.

Ну что ж, так получилось. Теперь надо думать, как быть дальше. На вокзале долго оставаться нельзя. Я начал вспоминать киевских друзей, к которым можно поехать. Остановился на семье Кравцовых. Они и раньше приглашали меня. Живут на окраине Киева, очень добродетельная и искренняя семья, преданная делу Божьему.

Если хорошо всё вспомнить, то я могу найти их без лишних свидетелей. Обдумав всё и приняв решение, я пошёл на автобусную остановку. Через время я уже стоял возле знакомой двери частного дома. Меня радушно встретила сестра, а когда пришёл брат, я рассказал о том, что произошло у нас вчера, и о положении, в котором я оказался. Друзья всё поняли и, посоветовавшись, определили мне место на втором этаже.

– Наши дочери сейчас на работе, – сказала сестра, – когда вечером придут домой, поставим их в известность. Брат Николай, можешь в этой комнате располагаться и чувствовать себя в безопасности. Здесь у нас было много братьев, которые переживали трудные обстоятельства.

– Благодарю, сестра, – сказал я, – за вашу жертвенность и усердие.

А когда я остался один в комнате, то, преклонив колени, горячо молился Господу, благодаря Его за то, что Он так дивно устроил мои первые шаги в новых жизненных обстоятельствах. Вечером попросил сестёр рассказать в объединении о моём положении.

Время шло, у меня была возможность читать Слово Божье, молиться и размышлять о пережитом, думать о будущем. Потом мне предложили посетить некоторые братские церкви в Грузии вместе с братом Петей, который также находился на нелегальном положении. Брата Петю я знал, поэтому согласился. Друзья купили нам два билета и посадили на поезд. По пути мы старались вести себя так, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Много читали, делились пережитым, размышляли о будущем. Брат рассказал мне об

одном грузине из Тбилиси. Он познакомился с ним в лагере, много ему свидетельствовал о Христе. Он покаялся и обещал после освобождения принять крещение и служить Господу.

– Я оказался на нелегальном положении, – сказал брат, – а от него долго не было никаких вестей. Теперь вот, думаю, мы его навестим и всё узнаем.

Слушая его, я кивал головой в знак согласия, надеясь, что у него большой опыт. У меня же, не имевшего никакого опыта служения на нелегальном положении, но отсидевшего уже один срок заключения и знающего психологию заключённых, были сомнения. Но я ему этого так и не сказал.

В Тбилиси наш поезд приехал во второй половине дня. По-весеннему пригревало солнышко, всё вокруг зеленело, цвело и благоухало. После снежной зимы в Украине мы будто оказались в Эдемском саду. Контраст был просто поразительный. На вокзале нам долго задерживаться было нельзя, и мы пешком пошли искать необходимую нам улицу и дом.

Встретила нас пожилая женщина, и, усадив в прихожей частного дома, спросила:

– По какому вопросу вы сюда пришли? Мы живём в такой глуши, что найти нас не так просто.

– Я знаком с вашим сыном, и хотел бы с ним встретиться, поговорить, – сказал брат.

В глазах женщины промелькнула обеспокоенность, но она, стараясь держать себя в руках, ответила:

– Его сейчас нет. Он нашёл какую-то работу, и бывает дома только поздно вечером.

– Если вы не против, мы немного отдохнём с дороги у вас, а потом, когда он вернётся, поговорим. Собственно, нам надо ехать дальше, а к вам заехали по пути. В прошлые годы, когда нам было очень трудно, мы с вашим сыном делились последним кусочком хлеба.

– Ах, да, я понимаю, о чём вы хотите сказать. То были особенные переживания, и не только у него. Должна вам сказать, что сегодня их не меньше, и мы часто сами бываем в этом виновны.

Женщина показала, где мы можем отдохнуть, ожидая её сына, а сама пошла заниматься делами по хозяйству.

Из этой встречи и нашего разговора я понял, что обстановка здесь не очень располагающая, и было бы благоразумней поступить по-другому. Но я опять не стал воздержать брату, надеясь на его опыт.

–У тебя больше нет никакого адреса верующих, ведь Тбилиси – большой город? – спросил я его.

– Ты знаешь, брат, так получилось, что нет. Завтра, если будем живы, поедем дальше. У меня есть адреса русских верующих.

Когда уже начало темнеть, мы услышали мужской голос, и брат Петя пошёл, чтобы встретиться и поговорить со своим другом. Через время и меня пригласили пить чай. За чаем разговор как-то не клеился, меня клонило ко сну. Видя это, меня отправили спать, а они ещё долго беседовали. Рано утром мы с братом тихонько ушли на пригородный вокзал.

Путешествие по грузинской земле было интересным. Всё, что было знакомо только по книгам, теперь предстало наяву. Весна пробуждала всё живое. Полустанки, сёла с усадьбами мелькали одни за другими за окнами вагона.

Мы с братом старались обращать на себя меньше внимания. Адреса были у Пети, поэтому я полностью полагался на него в нашем путешествии. Более того, он уже раньше бывал в этих местах. Для меня же наоборот, всё было ново и незнакомо.

– Как ты думаешь, брат Петя, нас примут друзья в том месте, куда мы едем? Ведь мы им не знакомы, а время-то какое сейчас, – беспокоился я.

– Меня они должны помнить, думаю, не следует волноваться. Всё будет хорошо, ведь мы предоставили свой путь Господу.

Прошло ещё немного времени, и мы вышли на небольшом вокзале. Несмотря на незнакомую обстановку, довольно быстро нашли нужный нам адрес. К большой нашей радости, нас приняли по-братски, с пониманием.

Брат Петя главенствовал во всём, а я только старался помогать при необходимости. Так как нас встретили сёстры, Петя договорился о встрече с братом, руководящем в этом районе. Очень скоро он уже был в доме, где мы его ожидали. Узнав, кто приехал, он очень обрадовался, и мы по-братски обнимаясь, поприветствовали друг друга. Поделившись нашими планами, решили вечером собраться и провести служение.

– Вы, братья, отдыхайте с дороги, а мы с сёстрами пойдем, пригласим наших друзей.

Вечером собралась группа братьев и сестёр. Мы поделились Словом назидания, а после имели продолжительную беседу по самым различным вопросам. Друзья делились своими нуждами и переживаниями.

На следующий день при помощи друзей мы переехали в другой дом, общались в личном порядке и совместно прославляли Господа. Когда время нашего пребывания в Грузии подошло к концу, и нам надо было уезжать сначала в Тбилиси, а оттуда – в Россию, брат Петя сказал мне:

– Нам надо ещё встретиться с одним братом на железнодорожном вокзале, побеседовать и решить некоторые вопросы. Потом на центральном вокзале возьмём билеты на Россию.

Я, не вникая в детали, сказал:

– Хорошо, брат.

Рано утром мы приехали на пригородный вокзал в Тбилиси и ждали там брата. Он опаздывал, и мы начали переживать, состоится ли назначенная встреча. Но брат всё-таки пришёл, и Петя с ним поговорил. Я лишь наблюдал со стороны.

– Ну что, пойдём, – сказал брат Петя, подойдя ко мне. – Кажется, все вопросы улажены, теперь можно уезжать.

Взяв свои сумки, мы направились к выходу. А когда спускались по ступенькам, к нам подскочило несколько человек в гражданском, подхватили под руки и втолкнули в легковые автомобили, стоявшие рядом. Через некоторое время мы уже были в отделении милиции, где вывернули наши карманы, пересчитали деньги и забрали паспорта. Пыта-

лись допрашивать, почему мы приехали в Грузию, кто нас принимал и т.д. Брат Пётр сказал:

– Я ни на какие ваши вопросы отвечать не буду.

Я повторил то же самое. Тогда нам объявили:

– Вы задержаны до выяснения обстоятельств.

После этого нас отправили в разные камеры. Осмотревшись, я, прежде всего, помолился:

– Господи, да будет на всё воля Твоя. Ты так решил, и я повинуюсь Тебе. Благодарю, что Ты меня заранее приготовил к этому пути. Даруй мне внутренний мир, а также мудрость в поведении с внешними. Аминь.

Камера, в которую меня поместили, ничем не отличалась от тех, которые я видел на Украине. Разве что дверь была полностью зарешёчена, и надзиратель, проходя по коридору, мог хорошо видеть, что творится внутри.

Размышляя над событиями последних дней, взвешивая все за и против, я понял, что нас с братом кто-то предал. Но теперь это уже не имело никакого значения. Раз Господь это допустил, значит, так надо, а любить и прощать надо и врагов.

Под вечер меня вызвал следователь:

– Николай Емельянович, что же вы, убегая из дому, решили приехать в Грузию? Надо было поступать более взвешенно и разумно, и Грузия приняла бы вас радушно. Ведь вы раньше здесь не были?

– Не был, – спокойно ответил я.

– Если вы здесь никогда не были, то откуда же взялись знакомые? Вы можете назвать их фамилии?

– Должен вас поправить, что верующие мне не знакомые, а братья и сёстры. У меня их много, и не только в Грузии. Надеюсь, они скоро узнают, что меня задержали, к тому же незаконно. Ведь я никого не обидел, не обворовал и ни с кем не скандалил. А если меня арестовали среди бела дня в самом людном месте лишь за то, что я христианин, то это всё – для моего самоутверждения, ибо в Евангелии сказано: «что нам дано ради Христа не только веровать, но и страдать за Него».

– А фамилии ваших братьев и сестёр вы можете назвать?

– Мы, верующие, по фамилии друг друга не называем, ибо так сказал Сам Иисус Христос: «...все же вы – братья».

– Ну, ладно, – сказал с улыбкой следователь, – не хочешь говорить, не надо.

По его поведению было видно, что они и так хорошо поработали, и получат поощрение от вышестоящего начальства за задержание особо опасных преступников.

– Будем ждать решения с Украины. Жалобы или просьбы к нам есть?

Я жестом показал, что жалоб и просьб у меня нет, и меня отправили обратно в камеру.

Прошло трое суток, с братом Петром я так больше и не увиделся. Нас разделили, и как выяснилось потом, очень надолго. Меня опять вызвал следователь, и уже официально, другим тоном, заявил:

– Ну, что ж, Николай, судя по всему, ты «долетался». Украина дала согласие на твой арест и отправку в Черкассы. За тобой уже приехал конвой, жди.

Где-то около часа дня меня пригласили уже другие люди. Старший по званию зачитал список вещей, которые у меня отобрали при аресте.

– Это твои вещи? Претензии есть? – спросил он.

– Нет претензий.

– Ну, тогда поехали.

Конвой состоял из трёх человек, которые были уже в возрасте. Меня посадили на заднее сидение, и мы уехали из КПЗ. Автомобиль ехал быстро, за окном мелькали высотные дома, потом – дома пониже, а через время мы оказались в частном секторе. Улицы утопали в зелени, люди спешили по своим делам. Вот так неожиданно приходится расставаться с тобой, Грузия, и с воспетым в песнях городом Тбилиси. Скоро мы остановились в аэропорту, и, когда была объявлена посадка на рейс Тбилиси-Киев, автомобиль подъехал к самолёту.

Старший среди конвоиров был человеком разговорчивым, уже в возрасте, немного грузным. Обращаясь ко мне с улыбкой, он сказал:

– Ну, что ж, пойдём на посадку. Дальше будем лететь.

Мы поднялись по трапу и сели на задние сидения в самолёте. Я оказался между двумя конвоирами. Шла погрузка багажа, люди готовились к предстоящему перелёту. Я тоже начал готовиться – склонив голову, помолился. Молился тихо, про себя. Мои конвоиры также были озабочены, и о чём-то говорили между собой. Когда самолёт развернули на площадку для взлёта, один их них достал из сумки наручники и сказал:

– По инструкции на время полёта мы должны надеть тебе наручники.

– Это лишнее, – спокойно сказал я. – Я христианин, и для меня страдать за Христа – честь. После моего уверования Христос постоянно учил и сейчас учит меня. Он сказал в своё время тем, кто Его слушал: «Придите ко Мне... и научитесь от Меня». Когда Его арестовали в Гефсиманском саду из-за предательства Иуды, Он не противился. Ему связали руки верёвкой, и повели на суд. Он мог бы сказать одно слово, и двенадцать легионов ангелов мгновенно явились бы защищать Его, но не сделал этого. Он добровольно принял и осуждение, и оплевание от людей, крестные муки и смерть, и всё это для того, чтобы грешный мир был спасён. И если меня арестовывают, надевают наручники и влекут на суд за свидетельство об этой безграничной милости Божьей, явленной нам в Иисусе Христе, то как я должен вести себя? Как я должен поступать перед вами?

Они задумчиво молчали. Особенно интересно было смотреть на старшину, который сидел слева от меня, возле прохода. Потом он наклонился и, как можно тише, сказал мне:

– Можно было бы и не надевать наручники, в данном случае это явно излишне, но инструкция... попробуй её не выполнить. Хорошо, я постараюсь их ослабить так, чтобы они не резали руки. А если руки сложить спереди и спрятать в рукава, то наручники не будут видны.

Самолёт, набрав нужную высоту, взял курс на запад. Пассажиры успокоились и занялись своими делами. Кто дремал,

кто читал газету, некоторые тихонько разговаривали между собой. Видя, что мои конвоиры расположены слушать, я решил им свидетельствовать.

– Расскажу вам об одном христианине по имени Иван Онищенко, который жил на Херсонщине. Уверовал он ещё задолго до революции, при царской власти. После уверования он стал ревностным свидетелем Евангелия. Его свидетельство и проповедь не понравились тогдашней религиозно-светской власти, потому что люди должны были верить в Бога так, как было указано царём-батюшкой.

Ивана Онищенко взяли на учёт спецслужбы, установили за ним наблюдение и искали повода, чтобы завести уголовное дело. По профессии Онищенко был сапожником. В то время это была очень престижная специальность. Он ходил по сёлам со своим ящиком с инструментами, останавливался в домах простых крестьян, и люди со всего села несли ему обувь на ремонт.

Так он зарабатывал себе на хлеб и рассказывал людям о Христе. Он говорил о том, что нужно сделать каждому человеку, чтобы получить спасение через Божье помилование и прощение через жертву, принесённую за грешников Иисусом Христом.

Одни слушали, принимали свидетельство, плакали, каялись. Другие докладывали уряднику, что Иван агитирует верить в Бога «не по-нашему». Так появился указ прокурора об аресте Ивана Онищенко за антигосударственную агитацию. После ареста его отправили по этапу в губернскую тюрьму. А делали это тогда не так, как сегодня. Ноги заковывали в кандалы и вели пешком из одной деревни в другую. Если кто-то из сострадательных крестьян выносил кусок хлеба или стакан воды, это было милостыней ради Христа изнемогшему в пути узнику.

Мои конвоиры внимательно слушали, а я продолжал:

– Так Иван Онищенко оказался в губернской тюрьме. Условия содержания были ужасными. Камеры были переполнены бедными крестьянами, которые в лохмотьях коротали

время в душных камерах, по нескольку месяцев ожидали суда. Питание было кошмарным. Евангельская весть стала лучом света в тёмном царстве. Измученные людские сердца с жадностью впитывали благую весть о страданиях, перенесённых Иисусом Христом за грешников.

Так мучительно долго тянулись недели, месяцы. Наконец, суд, ссылка в Сибирь. Онищенко принял это решение суда спокойно, засвидетельствовав о том, что нам, верным христианам, дано ради Христа не только веровать, но и страдать. И заключённые, и охрана, и даже суд были расположены к нему, видя его доброту, простоту и сердечность.

Когда встал вопрос о том, как его этапировать в Сибирь, он написал ходатайство, что обязуется самостоятельно, без конвоя, прибыть на место ссылки. К большому удивлению многих, ходатайство было удовлетворено. Онищенко с большими трудностями долгие месяцы добирался до места ссылки. У него и в мыслях не было убегать и где-то скрываться. Он считал это большим грехом, преступлением перед Богом.

Когда мы приземлились в Киевском аэропорту, нас уже ожидала вызванная из Черкасс машина. Мои конвоиры за время перелёта расположились ко мне настолько, что, глядя со стороны, никто бы и не подумал, что они сопровождают арестанта. Они угощали меня то одним, то другим, будто мы были давно знакомы.

На улице быстро стемнело. Машина стремительно направилась в сторону Черкасс. За окном мелькали знакомые города и сёла. Мой конвой начал убеждать меня в том, что, по-видимому, произошло какое-то недоразумение и меня на месте сразу же отпустят. Как-никак дома ждут жена и семеро детей.

Когда автомобиль остановился возле городского отделения милиции, на часах уже было начало двенадцатого. В помещении почему-то было много людей. Мои сопровождающие попросили меня подождать их в зале, а сами пошли узнать, что делать дальше. Я стоял и диву давался: меня никто не охраняет, несколько шагов, и я – на свободе. Ночь, темно,

найти меня будет практически невозможно. Но внутренний голос твердил: «Ты христианин, тебе убегать и подставлять людей нельзя – это бесславие для твоего Учителя и Господа. Подумай, ты только что рассказывал им о верном служителе и страдальце Иване Онищенко».

Я быстро подавил в себе набежавшие мысли о свободе, и решил, что лучше быть узником за Христа и свободным во Христе. После такого решения в сердце восстановился мир, и оно наполнилось уже хорошо знакомой мне радостью, которая исходит от близости Святого Духа.

Через время ко мне подошли мои сопровождающие и с видимым сожалением передали меня дежурному офицеру. Я спокойно попрощался с ними кивком головы и последовал за ним. Он начал писать, оформлять бумаги, и я понял, что теперь мой путь точно – не только веровать, но и страдать. Через полчаса я уже находился в камере предварительного заключения. Когда за мной закрылась дверь, при слабом освещении я разглядел, как прямо на деревянном полу спал одетый мужчина. Я преклонил колени и воздал славу Господу. Поблагодарил за благополучный перелёт, за возможность свидетельствовать, и отдал все вопросы дальнейшего пути в руки Его. После этого крепко уснул.

Утром я познакомился с сокамерником. Мы много беседовали о Боге, о вере, о том, что многим христианам, которые оставались верными Богу, и раньше приходилось, и сегодня приходится страдать. Для него это было непонятно. Он убеждал меня, что за веру в нашей стране не судят, и я скоро буду дома. Через время его вызвали, и я с ним больше не виделся.

А через два дня мне зачитали постановление об открытии уголовного дела и перевезли в следственный изолятор. Я надеялся, что, может быть, снова попаду в уже близкую мне шестнадцатую камеру, но оказался в другом, совсем незнакомом мне корпусе. А так всё было по-старому: вызовы, допросы и прочее, только люди новые да новое начальство.

Часть 2 Глава 16

В следственном изоляторе

По прошествии нескольких недель, церковь и родные забеспокоились, ведь вестей о братьях, уехавших в Грузию, не было никаких. Начали молиться и просить у Бога ясности.

Однажды, после воскресного собрания, к Кате подошла приезжая сестра и показала записку.

– Это почерк вашего мужа? – спросила она.

– Да, – ответила Катя, – это действительно его почерк.

– Тогда вам надо искать его в следственном изоляторе. Видимо, его арестовали...

Идя домой после собрания, Катя думала: как это могло произойти, что говорить детям, как правильно поступить? Кто может научить, кто может подсказать и наставить? Преклонившись в уединении пред Господом, она начала изливать Ему свою нужду. Ответ последовал незамедлительно. Она должна поехать с одним из братьев в следственный изолятор, и попросить разрешения передать передачу.

Оказать помощь предложил им брат Анатолий. Он и не подозревал, что пройдёт немного времени, и он сам окажется в этом же изоляторе.

Когда подошли к окошку, за которым сидела дежурная, Катя спросила:

– Можно передать передачу Шепелю Николаю Емельяновичу?

– Сейчас посмотрим.

После долгой паузы прозвучал ответ:

– Можно.

Для Кати это «можно» было как гром среди ясного неба. Она начала искать место, где бы присесть, потому что боялась упасть. Тогда подошёл брат и сказал:

– Ну, что ж, здесь мы уже ничего не высидим. Надо ехать на базар. Спроси, что можно передать.

Когда продукты были закуплены, Катя решила написать короткую записку мелкими-мелкими буквами и положить в пачку с печеньем в надежде, что, может быть, не обнаружат. Передачу дежурная приняла, всё обошлось. В церкви объявили об аресте. Дома все дети плакали.

У народа Божьего добавилось волнений. Некоторые ободрились, а некоторые приуныли. Все понимали, что предстоят ещё большие испытания, чем те, что были до сих пор. Началось следствие, вызовы на допросы, поиски возможности одним ударом разрушить поместную церковь, которая была камнем преткновения для внешних.

На допросы вызывали не только членов церкви, но и представителей местной власти. Искали слабые места, советовались, чтобы не просчитаться в нанесении решающего удара. Пришлось сменить следователя, поскольку он заявил:

– У меня большой опыт борьбы с уголовниками, а это дело – не моё.

Тогда служба КГБ предложила следователя из Драбовского района Черкасской области, славящегося своими атеистическими взглядами. Представители местной власти нашли также женщину, которая ради продвижения по служебной лестнице без зазрения совести выполнила бы любые указания представителей госбезопасности. Поэтому последовало ещё два ареста. Арестовали Павленко Александра, рукоположенного на благовестника, и Иващенко Анатолия, регента церковного хора.

Следствие затянулось на три месяца. Основное обвинение сводилось к неповиновению законодательству о религи-

озных культах, принятому ещё в сталинское время, в 1929 году.

Ниже приведены некоторые выдержки из этого законодательства:

Релігійним об'єднанням заборонено:

• Організовувати та проводити спеціальні дитячі та юнацькі збори, а також трудові, літературні та інші гуртки.

• Організовувати та систематично проводити заняття по навчанню неповнолітніх релігії з встановлених законом правил.

• Вчиняти обманні дії з метою збудження релігійних марновірств у масах населення.

• Створювати каси взаємодопомоги та займатися благодійною діяльністю шляхом використання коштів і майна для надання допомоги іншим віруючим та іншим релігійним об'єднанням.

• Видавати та розповсюджувати релігійну літературу.

Выдержки из «Инструктивного письма»

Оно было принято Всесоюзным Советом ЕХБ на основании законодательства о религиозных культах и разослано в церкви для строгого выполнения.

1.3. Старший пресвитер должен твёрдо знать и понимать, что главной задачей богослужений в настоящее время есть не привлечение новых членов.

2.4. Обязанностью старших пресвитеров становится сдерживание нездоровых миссионерских проявлений.

2.6. Старшим пресвитерам необходимо очень внимательно наблюдать за принятием новых членов и за строгим выполнением установленного «Положением ВСЕХБ» испытательного срока не менее 2-3 лет, дабы изжить в наших общинах нездоровую практику погони за количеством членов.

3.5. Меньше проповедей и выполнения духовных нужд, но больше внимания и наблюдения за деятельностью пресвитеров и проповедников, за соблюдением порядка и точ-

ным выполнением требований при приёме новых членов, их испытания, предусмотренных положением.

Всё это сделает вашу работу действительно полезной для нашего братства... Пресвитер общины ЕХБ должен быть тактичным и внимательным служителем церкви, ведущим свою паству согласно «Положения ВСЕХБ», строго соблюдая советское законодательство о религиозных культах.

4.1. Каждый пресвитер является служителем только своей общины, и не должен вести работу за её пределами, а также не должен допускать подобной деятельности со стороны других членов общины.

4.4. Пресвитер не должен уклоняться в богослужении в сторону призывов к поспешному вовлечению новых членов.

5.6. Исполнительный орган церкви наблюдает за порядком богослужений своей общины, не допуская никаких нарушений «Положения ВСЕХБ» и советского законодательства о религиозных культах.

6.3. Среди верующих должны решительно изжиться встречающиеся ещё узкие взгляды на искусство, литературу, кино, радио и телевидение.

7.3. С погоней за количеством верующих в наших общинах должно быть решительно покончено. Необходимо свести к минимуму крещение молодёжи в возрасте от 18 до 30 лет.

9.6. Дети дошкольного и школьного возраста, как правило, на богослужебные собрания допускаться не должны. В прошлом, при недостаточном учёте советского законодательства о культах, в некоторых наших общинах происходили нарушения его; были случаи крещения лиц моложе 18 лет, оказывалась финансовая поддержка, устраивались библейские и другие специального характера собрания, допускались декламации стихотворений, были экскурсии верующей молодёжи. Создавались нелегальные кассы взаимопомощи, устраивались собрания для проповедников и для обучения регентов хоров, пресвитеры обслуживали другие общины,

допускались до проповеди проповедники из других общин и были другие нарушения советского законодательства.

Всё это необходимо теперь изжить в наших общинах, а деятельность нашу провести в согласии с действующим законодательством нашей страны о культах, в чём должны нам помочь эти два документа: «Положение ВСЕХБ» и «Инструктивное письмо».

С братским приветом ВС ЕХБ. Москва, 1960 год.

Церковь, сразу лишившись троих братьев, испытывала большие затруднения. Службой безопасности было предпринято всё, чтобы сломить не поддающуюся на уговоры общину. Главной их целью было достичь регистрации. Но практика кнута и пряника не давала результата. У них была информация о том, что в некоторых церквах это срабатывало, а тут – никак.

Ускоренный метод вербовки кого-то из влиятельных братьев не прошёл. Начали засылать своих со стороны, через переезд из другой местности, переход из зарегистрированной общины – не получается. Ведь надо добраться до руководства, а это не так просто. Надо завоевать авторитет у членов церкви, а он завоёвывался не столько через красноречие с кафедры, которой, кстати, у гонимых не было, сколько через стойкость в перенесении различных репрессий. Было даже неприятно слушать тех проповедников, которые только вчера оставили зарегистрированную общину, и тут же через проповедь порочили её, как могли.

Пресвитер зарегистрированной общины, который раньше также был репрессирован и отсидел срок, как-то в личной беседе сказал мне:

– Эти люди, перешедшие к вам, очень неблагонадёжные. Они были таковыми и у нас. У вас они надолго не задержатся. Сегодня они льют грязь на нас, а завтра пойдут порочить вас.

И он был прав – через короткое время некоторые из них возвратились, а другие вообще ушли в мир.

К обыскам все уже привыкли. Всё, что можно было забрать, уже забрали. Верующие научились прятать то, что можно спрятать, ведь «от терпения – опытность».

Все были в ожидании. Одни ожидали вызова на допрос, другие – ареста, третьи – суда. По ходу следствия и по времени было видно, что суд вот-вот должен состояться. Только оставался вопрос: где и когда? Для людей заинтересованных – это очень важное и ответственное мероприятие. Общественность тоже надо уметь обмануть. Поэтому мы догадывались, что суд будет открытым и хорошо афишированным.

Что оставалось делать церкви? Только прилежно молиться Богу.

Часть 2 Глава 17

Судебный процесс

Май 1984 года был месяцем, когда всё уже ожило, расцвело, зазеленело. Зима с её метелями и морозами – уже в прошлом. И так всегда бывает в нашей жизни, которая отдана в руки Господа.

Утром объявили:

– Шепель, приготовься на выход с вещами!

Я сказал в сердце своём: «Ну, вот, до свидания, девятая камера. Ты была вынужденным пристанищем для меня несколько месяцев, преисполненных серыми буднями томительных ожиданий».

Оказавшись в «воронке», испытал первую радость – это радость видеть своих братьев. Ободряя друг друга, мы делились пережитым, и тем, что нас ожидает в будущем. Нас везли на суд, но мы не знали, где он должен был состояться. Определить это из-за частых поворотов было сложно.

Наконец, остановка. Двери открылись, прозвучала команда: «На выход!» Нас быстро завели в помещение и закрыли. Приглядываясь к обстановке, я понял, что мы находимся в хорошо знакомом мне месте, и всё стало ясно. Суд решили проводить на территории завода «Химволокно» – там, где я проработал больше двадцати лет.

Замысел организаторов судебного процесса был прост: прежде всего, опорочить верующих перед многочисленным рабочим коллективом. Через проходную пропускали только

тех, кто им был угоден, перекрыв доступ для верующих. Но они просчитались, ибо всегда было так: у людей – свои планы, а у Бога – Свои. Когда нас ввели в зал суда, то мы увидели там много знакомых лиц. Люди в основном стояли, ибо сидячих мест было немного. Друзья старались ободрить нас, как могли.

Судебный процесс вела судебная коллегия по уголовным делам Черкасского областного суда в составе: председателя Колодницкого, народных заседателей Кисленко, Ярового, при секретаре Король, с участием прокурора Христенко, общественного обвинителя Васкевича, адвокатов Пустовойтова, Соловьян и Дудыман.

Сначала были зачитаны краткие анкетные данные на каждого обвиняемого:

Шепель Н.Е., 1938 года рождения, уроженец с. Белозирье, Черкасского района, Черкасской области. Украинец, беспартийный, женат, на иждивении семеро несовершеннолетних детей, образование среднее. Житель с. Хуторы, ул. Калинина, 63. Работает электрослесарем Черкасского ПО «Химволокно», ранее не судимый (реабилитирован). Обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ст. 187, ч. 3, УК УССР.

Иващенко А.Я., 1959 года рождения, уроженец с. Балаклея, Смелянского района, Черкасской области. Беспартийный, украинец, женат, на иждивении четверо несовершеннолетних детей, образование среднее. Житель с. Хуторы, ул. Калинина, 48а. Работает контролёром вневедомственной охраны Приднепровского РСВД г. Черкассы, ранее не судимый. Обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ст. 187, ч. 3, УК УССР.

Павленко А.И., 1952 года рождения, уроженец г. Пирятин, Полтавской области. Беспартийный, украинец, женат, на иждивении трое несовершеннолетних детей, образование 9 классов средней школы. Житель с. Хуторы, ул. Щорса, 126а. Работает слесарем в объединении Черкасстройиндустрия,

ранее не судимый. Обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ст. 187, ч. 3, УК УССР.

Потом собравшихся ознакомили с обвинением, которое было установлено в результате предварительного следствия:

«Шепель Н.Е., Иващенко А.Я., Павленко А.И. являются активными членами секты баптистов-раскольников в селе Хуторы, Черкасского района, Черкасской области и сторонниками нелегально существующего в СССР «Совета Церквей ЕХБ». С целью посягательства на авторитет органов советской власти и нормальную деятельность органов управления, в течение нескольких лет умышленно нарушали советское законодательство о религиозных культах, в частности, «Положение о религиозных объединениях в Украинской ССР», утверждённое Указом Президиума Верховного Совета УССР от 1-го ноября 1976 года.

Несмотря на неоднократные разъяснения органов власти законодательства о религиозных культах, предупреждения, принятые меры общественного и административного воздействия, они систематически организовывали как у себя в доме, так и в жилых домах других верующих, сторонников СЦ ЕХБ нелегальные собрания, религиозные обряды и церемонии для уклоняющихся от регистрации баптистов-раскольников. Лично сами принимали активное участие в этих групповых действиях верующих, сопряжённых с явным неповиновением законным требованиям представителей власти в лице председателя и секретаря исполкома Хуторского сельского совета народных депутатов, участковых инспекторов Черкасского районного отдела внутренних дел, а также депутатов сельского совета.

Так, умышленно не подчиняясь законным требованиям представителей власти о прекращении нелегальных собраний верующих в жилых домах, Шепель Н.Е., Иващенко А.Я., Павленко А.И. организовали регулярные собрания верующих, уклоняющихся от регистрации в органах власти, и активно участвовали в этих групповых действиях в составе верующих: Тимошенко В.П., Буша Я.А., Кочережко И.М.,

Савчук Р.М., Кутергин А.В., Шкуратского А.Я., и других в селе Хуторы, Черкасского района. Соответственно:

Шепель Н.Е. – 23 июня, 25 июня, 26 июня 1982 года в доме Иващенко А.Я по улице Калинина, 48а; 26 сентября 1982 года в своём доме, по улице Калинина, 63; 3 марта 1983 года в доме Кочережко И.М. по улице Ленина, 41; 13 марта и 15 сентября 1983 года в доме Буши Я.А. по улице Щорса, 118; 13 ноября 1983 года в доме Балацкой Р.Н. по улице 1-я Пригородная, 41; 15 декабря в доме Слюсар П.П. по улице Калинина, 109; 19 января 1984 года в доме Буши Я.А.

Иващенко А.Я. – 13 июня 1982 года в доме Пилипенко-Слюсар С.Г. по улице Калинина, 109; 23 июня, 25 июня, 26 июня 1982 года в доме Буши Я.А. по улице Щорса, 118; 27 июля, 26 октября 1982 года в доме Балацкой Р.Н. по улице 1-я Пригородная, 41; 8 января 1983 года в доме Тимошенко В.П. по улице Щорса, 33а; 13 марта 1983 года в доме Буши Я.А. по улице Щорса, 118; 27 марта 1983 года в доме Буши П.Я. по улице Щорса, 120; 18 декабря 1983 года в доме Слюсар П.П. по улице Калинина, 109; 19 января 1984 года в доме Буши П.Я. по улице Щорса, 120; 25 января 1984 года в своём доме по улице Калинина, 48а.

Павленко А.И. – 13 июня 1982 года в доме Пилипенко-Слюсар С.Г. по улице Калинина, 109; 23, 25, 26 сентября 1982 года в доме Иващенко А.Я по улице Калинина, 48а; 28 сентября 1982 года в доме Буши Я.А. по улице Щорса, 118; 26 декабря 1982 года в доме Балацкой Р.Н. по улице 1-я Пригородная, 41; 3 марта 1983 года в доме Кочережко И.М. по улице Ленина, 41; 13 марта и 15 сентября 1983 года, 10 января 1984 года в доме Буш П.Я. по улице Щорса, 120.

Они не только организовывали, но и сами принимали активное участие в этих групповых действиях. Руководили молитвенными собраниями баптистов-раскольников, чем посягали на авторитет Советской власти и нормальную деятельность органов управления».

После этого заявления судья задал подсудимым вопрос:

– Признаёте ли вы себя виновными?

На что прозвучал решительный и твёрдый ответ:

– Нет.

– Почему ваша община не желает регистрироваться в органах власти?

На что вновь последовал ответ:

– Потому, что нам отказывают в регистрации в связи с тем, что мы заявили, что законодательство о религиозных культах явно противоречит Библии. Мы не против регистрации, но идти сознательно на нарушение Божьего установления – это грех.

После этого судья зачитал свидетельство уполномоченного по делам религии в Черкасской области:

«Шепель, Павленко, Иващенко являются одними из организаторов и руководителей незарегистрированной в органах власти и неофициально действующей в с. Хуторы группы верующих, сторонников «Совета Церквей ЕХБ», которая не признаёт советского законодательства о религиозных культах, а также «Положения о религиозных объединениях в Украинской ССР», утверждённого Указом Президиума Верховного Совета УССР от 1 ноября 1976 года, согласно которого религиозное общество или группа верующих может приступить к своей деятельности лишь после принятия решения об их регистрации советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР; контроль деятельности религиозных объединений осуществляют исполнительные комитеты местных советов народных депутатов.

Поэтому представителями власти составлены акты. Председатель и секретарь сельского совета, народные депутаты и представители власти в лице сотрудников РОВД свидетельствуют о проведении незаконных собраний в частных домах, где присутствовали несовершеннолетние дети. Этими собраниями руководили Шепель Н.Е., Иващенко А.Я. и Павленко А.И.».

После этого судебное заседание первого дня было закрыто. Второй день начался с допроса свидетелей. Вначале были приглашены те, которые заведомо свидетельствовали про-

тив подсудимых. Это: Кононенко М.А. – председатель сельсовета, Маглёваный М.И. – парторг, Мусиенко И.А. – бывший глава сельского совета.

Они говорили о том, что лично посещали нелегальные собрания верующих как представители власти, и утверждали, что они были организованы подсудимыми и проводились в домах верующих. Говорили также, что подсудимые являются сторонниками Совета Церквей ЕХБ, не регистрируют секту, не подчиняются требованиям прекратить незаконные собрания, ведут пропаганду религии среди несовершеннолетних детей.

После этого пригласили подобных свидетелей: Хабло П.А, Смеляк М.И., Скочак А.И., Якименко А.Я., Степура А.М., Тищенко, Левченко И.Я. Они тоже говорили о фактах умышленного неповиновения представителям власти подсудимыми Шепель, Павленко, Иващенко, а также о том, что они организовывали собрания в домах, которые не являются молитвенными.

Затем давали показания члены церкви и родные подсудимых: Павленко А.И. – родной брат, Харенко В.К. – проповедник, Буша П.Я. – проповедник, и другие. Несмотря на то, что они свидетельствовали о полной невиновности подсудимых, их самих обвинили в том, что они вместе с Шепелем, Павленко и Иващенко принимали участие в молитвенных собраниях – как в их домах, так и в домах других верующих, а также в том, что их секта не зарегистрирована, и они не признают законодательства о религиозных культах.

После того, как зачитали, какую литературу изъяли у подсудимых при обыске: журнал «Вестник истины», книги религиозного содержания, сборники духовных песен, дали последнее слово подсудимым.

Братья очень кратко засвидетельствовали о том, что на основании Библии, где изложен закон Божий, а также и Конституции нашей страны – основного закона государства, каждый гражданин имеет право исповедовать любую рели-

гию самостоятельно или сообща, а может и не исповедовать никакой.

– Остальные вопросы, которые всё время здесь рассматривали – это вопросы самих верующих, внутрицерковные вопросы, и неверующие не имеют права вмешиваться в них и указывать, кого крестить, кого ставить на какое служение, какое объединение избирать, где молиться. Христос сказал, что «отныне Бог ищет Себе поклонников, которые будут Ему поклоняться на всяком месте...» Поэтому мы не считаем себя виновными ни перед Богом, ни перед государством, а такие действия являются репрессивными, подавляющими свободу совести граждан. Вы можете нас осудить, сделав сиротами четырнадцать детей, но это будет на вашей совести, и она будет судить вас до конца вашей земной жизни.

Зал был переполнен. Все слушали, затаив дыхание, родные вытирали слёзы. Прокурор с обвинителями старались всё извратить, но у них ничего не получалось. Они говорили стандартные, заранее заготовленные слова.

Приговор судебной коллегии был обычным: для исправления подсудимых они должны быть изолированы от общества с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима.

– На основании изложенного, руководствуясь ст. 323 и 324 УПК УССР, судебная коллегия приговорила: Шепеля Николая Емельяновича по ст. 187, ч. 3 УК УССР – к трём годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима; Иващенко Анатолия Яковлевича по ст. 187, ч. 3 УК УССР – к двум годам и шести месяцам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима; Павленко Александра Ивановича по ст. 187, ч. 3 УК УССР – к двум годам и шести месяцам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Срок отбывания наказания считать: Шепелю Н.Е. – с 26 января 1984 года, то есть со дня его задержания, Иващенко А.Я. и Павленко А.И. – с 21 марта 1984 года, то есть со дня их задержания.

Мерой пресечения осуждённым Шепелю, Иващенко и Павленко оставить содержание под стражей. Литературу, изъятую при обыске и перечисленную в протоколах, как вещественные доказательства, уничтожить.

Приговор может быть обжалован в Верховном суде УССР в течение семи суток.

После оглашения приговора, видя, что конвой будет уводить нас из зала, в знак прощального приветствия мы подняли над головой крепко сжатые руки. И в это время одна из сестёр поднялась на скамейку и громко крикнула: «Мужайтесь, любимые братья!» В сторону осуждённых, окружённых солдатами охраны, полетел букет цветов. От неожиданности солдаты пришли в оцепенение. Командир охраны полез под стол за букетом. В это время букеты посыпались один за другим. Начальник и солдаты, наконец, оправившись от неожиданности, начали отбирать букеты у братьев и торопиться на выход. Такого они за всю свою службу ещё не видели.

Судья с заседателями быстро скрылись за дверью. Есть свидетельство, что впоследствии он сказал своим друзьям:

– Сегодня я осудил невиновных...

Часть 2 Глава 18

Первый год в зоне

Перед тем, как нас развели по разным камерам следственного изолятора, мы крепко обнялись, пожелав друг другу стойкости в вере и верности Господу, зная, что встретимся уже не скоро. Оставшись наедине с Господом, я долго анализировал то, что произошло за последние дни. Находил и слабости, и ошибки, искренне просил прощения и благодарил Господа за то, что Он вновь удостоил меня не только веровать, но и страдать за Него.

Через две недели я снова услышал команду: «С вещами – на выход!» За это время я получил передачу: после суда жене разрешили принести немного продуктов на дорогу и тёплую одежду. Оказавшись в спецвагоне с другими заключёнными, я приготовился к длительному путешествию. Ехали ночью, а наутро вдруг прозвучало: «На выход!»

Нас высадили на простом полустанке и начали быстро загружать в спецмашины. Заключённых было много, и тех, кто не помещался, подталкивали ногами, несмотря на крики и стоны. Я молился, чтобы Господь уберёг меня от повреждений в этом переезде, ибо не знал, сколько времени придётся так путешествовать.

Светало... Нас выгрузили из машин и построили перед огромными металлическими воротами. Я подумал:

– Господи! Так когда-то будут стоять непрощённые грешники перед воротами вечного осуждения...

Вышли офицеры с бумагами, нас завели в зону. Несколько раз проверили по списку, и повели в баню. Там помыли, постригли, переодели и отправили в изолятор.

За несколько дней пребывания в изоляторе я лишился не только продуктов, но и вещмешка. Ночью хозяевами здесь были не надзиратели, а крысы. Они хозяйничали открыто, никого не боясь. Но то, что даровал Господь через Свою близость, нельзя сравнить ни с потерями, ни с переживаниями.

Днём нас вывели во дворик на прогулку подышать свежим воздухом. Только что прошёл тёплый весенний дождик, оросивший землю. Слышно было удаляющиеся раскаты грома. Где-то недалеко начала свою песню кукушка. Под впечатлением всего такого родного и близкого у меня родилось первое коротенькое стихотворение, которое сложно было записать.

Большой радостью для меня было и то, что в зоне оказались верующие люди – такие же, как и я. Я начал молиться, чтобы Господь усмотрел встречу. Когда закончилось время карантина, нас стали вызывать к начальнику лагеря на распределение. Кабинет был забит офицерами, которые ждали себе пополнения.

Перед дверью ко мне быстро подошёл заключённый и спросил:

– Тебя зовут Николай, ты христианин?

– Да, – ответил я с радостной улыбкой.

– Я – тоже верующий, меня зовут Иван Мефодиевич. Смело заходи к начальнику и ничего не бойся. Он очень зол на верующих, но с нами Господь.

Я пожал руку брату и вошёл в кабинет. То, что мне пришлось услышать, просто невозможно передать. Это и насмешки, и угрозы, и ругательства. Но Бог дал сердцу полное спокойствие, и слова пролетели как бы мимо меня. Я только отвечал на вопросы, а всё остальное время молчал. Наконец, меня определили в самый плохой отряд, на опасную работу штамповщика. Там многие заключённые были травмированы, некоторые остались без пальцев на руках.

Через короткое время я уже был во дворике второго отряда. Трёхэтажные корпуса зданий располагались рядом. Первый корпус, за ним – второй, а между ними – дворики с ограничением, для прогулки заключённых. Оставив свой матрас и постель в корпусе, я уже мог ходить во дворике. Между отрядами общение заключенных запрещалось.

Второй отряд, куда меня определили, был переполнен. Во дворике было много народа, каждый был занят своим делом. Ходили по одному, по двое, группами, общаясь и решая свои вопросы. У меня ещё не было ни знакомых, ни друзей, и я ходил в одиночку, мысленно рассуждая о своём положении.

Вдруг, к большому моему удивлению, меня позвали:

– Николай! Подойди к стене первого корпуса, тебе хотят кое-что подогнать.

Подойдя, я увидел, как с третьего этажа первого корпуса на тоненькой верёвочке спускается то, что называется подгоном. Это были продукты и записка. Я быстро отвязал передачу, забрал записку, и верёвочка поднялась и исчезла в окошке.

Для меня это было большой неожиданностью и самым настоящим чудом. Я забрал продукты, спрятал записку и хотел поблагодарить моих благодетелей, но никого не было видно, ибо окна закрывались специальной деревянной решёткой.

Прочитав записку, я понял, кто позаботился обо мне. Это был Иван Мефодиевич Тягун. Я узнал, что теперь в лагере три брата-баптиста, один пятидесятник и несколько молодых ребят – свидетелей Иеговы, которые отбывают срок за отказ служить в армии. Два брата, которые были мне хорошо знакомы, недавно освободились. Это Костя Сысоев из Кировограда и Пётр Машницкий из Винницы. Они, как христиане, оставили хорошее впечатление у заключённых. В записке также сообщалось, чтобы я выходил в рабочую зону. С моим бригадиром, он – из заключённых, уже переговорили, чтобы он меня не ставил на опасную работу штамповщика.

Во всём этом я видел заботливую руку Божью и ответ на молитвы многих детей Божьих. Заключённые работали в

три смены. Я был очень рад, когда встретился с братом Иваном Мефодиевичем. Мы познакомились, многим поделились из пережитого, быстро подружились. Брат был очень смелым, имел знание и обладал большим опытом выживания в системе, в которой мы находились. Он наставлял меня, как первоклассника.

В 1985 году зона была переполнена заключёнными, наш отряд – особенно. Нары были трёхъярусными. На нижних спаренных нарах спали по три человека. Появились вши. Я такого в своей жизни ещё не испытывал: тело горело огнём. Когда осмотрел нижнюю рубашку, меня охватил ужас! Паразитов было настолько много, что самостоятельно справиться с ними было невозможно. Тогда организовали прожарку для всего барака, и это помогло.

Наша христианская жизнь и свидетельства не остались безрезультатными. Образовалась небольшая группа желающих слушать Слово Божье. Но самым печальным для нас было то, что мы не могли иметь Евангелие. Запрет был строгий, и наблюдение – основательным. Но мы начали молиться, чтобы Господь невозможное сделал возможным. И чудо произошло: через гражданских в рабочую зону нам передали Евангелие! Но проблема была в том, как его сохранить.

Наши приближённые друзья придумали поместить Евангелие в целлофановый пакет, чтобы не промокло, примотать к нему резинкой круглый магнит, и прикрепить ко дну тяжёлой металлической ёмкости с деталями. Детали из ёмкости время от времени выгружали, загружали новые, но сама она оставалась на месте, а под ней – и наше Евангелие. Уборщики из-под неё выметали, прапорщики под неё заглядывали, но додуматься провести снизу рукой никто так и не смог.

Помнится, был у нас надзиратель, маленький такой, но дотошный. Он всем заключённым изрядно надоел. Кроме маленького роста, у него был ещё один недостаток – проблемы с речью. Бывало, идёт он по рабочей зоне, а навстречу ему – заключённый. Если остановил, значит, будут проблемы.

– Заключённый! Позалуйста, подойдите ко мне, я долзен вас «просманать»!

И перещупает все уголки одежды в поисках чего-то запретного. Если ничего не находит, говорит:

– Заль... Но теперь мозете идти.

Однажды ему в голову пришло проверить большой вентилятор. Своего напарника он поставил возле кнопки «пуск», а сам залез внутрь, где во время работы вращались лопасти. Как так получилось, трудно сказать, но вентилятор вдруг включился. Ещё мгновение, и страшной беды было не миновать. И тогда изнутри послышался возглас:

– Выключяй! Выключяй!

Ему помогли выбраться. Он был бледным, перепуганным, а напарник с юмором спросил:

– Ну, как? Ничего запретного не видал?

В ответ последовало молчание.

Обстановка в зоне была очень тяжёлая. Некоторые заключённые, не выдерживая душевных перегрузок, шли на крайние меры. Их приходилось извлекать из колодцев мёртвыми. У нас же был Господь, была цель, молитвенная поддержка, и мы имели радость при всех скорбях.

Так, было решено проводить в рабочей зоне во время обеденного перерыва разбор Слова Божьего. У нас уже была группа, состоящая примерно из десяти человек, было Евангелие. Чтобы не «засекли» и не отобрали Евангелие, выставляли наблюдателей, и по очереди читали его. Мне приходилось объяснять прочитанное и отвечать на вопросы. Если всё было благополучно, то около часа мы имели общение.

Но спустя некоторое время начальство узнало, что у нас есть Евангелие. Были предприняты все меры, чтобы его найти. Однажды меня вызвали к начальнику оперативной части. В присутствии нескольких человек он сказал:

– Нам известно, что у вас есть Святое Письмо. Ты, как верующий, должен говорить только правду. Мы не можем его найти, и нам очень интересно узнать, где вы его прячете. Поэтому ответь на наши вопросы, говори только правду,

и тебе за это ничего не будет. Действительно ли у тебя есть Евангелие?

– Есть, – ответил я прямо.

Все заулыбались, а начальник уже потирал руки в надежде на успех.

– А где оно у тебя спрятано?

– В моём сердце, – прозвучал ответ. – Вот здесь, – показал я на свою грудь.

– Как так? – спросил он с разочарованием.

– А очень просто. Так написано: «В сердце своём я скрыл Слово Твоё, чтобы не грешить».

Тогда он рассвирепел, начал ругаться и выгнал меня из кабинета. При встрече с братьями я рассказал им об этом разговоре, и они радовались и благодарили Бога.

Через некоторое время Господь подарил нам ещё одно Евангелие, в разобранном виде. Мы хотели, чтобы оно стало доступным для чтения, особенно приближённым. Однажды Иван Мефодиевич с улыбкой протянул мне журнал:

– На, посмотри, что придумали ребята.

Я взял журнал. На обложке крупным шрифтом было напечатано: «Радянська жінка». Я просмотрел начальные страницы, и вдруг увидел вклейки из Евангелия. Увидев моё удивление, брат сказал:

– Это конспирация. Теперь можно залезть на верхние нары, взять журнал «Радянська жінка» и внимательно читать Слово Божье. Для окружающих и надзирателей – это только журнал, а таких журналов на зоне много.

Незаметно пролетело лето, а впереди были осень и зима. В зоне это не очень благоприятное время, особенно когда начинаются холода. Когда я рассуждал о предстоящих испытаниях, у меня родился стих:

Вот и первые осенние морозы,
И прощанье с летом и теплом.
Сбросив листья, белые берёзы
Сиротливо плачут под дождём.

Скрылся лес за серой пеленою,
В мглистом небе слышно журавля.
Ты тоскуешь, сердце, что с тобою?
Манят тебя тёплые края?
Не грусти, о сердце, не печалься,
Осень, сырость будут не всегда.
Потерпи, пободрствуй и мужайся,
И взойдёт прекрасная заря.

Первая зима в моей трёхлетней лагерной жизни запомнилась особенно. Прежде всего, потому что она была морозной, снежной и, можно сказать, лютой. Вначале в нашем жилом бараке перемёрзло отопление. Трубы разорвало. Там, где стекала вода, висели сосульки. Заключённые обогревались, кто как мог, но разница температуры внутри и снаружи была небольшой. Потом выпало много снега, и кровля нашего «жилища» не выдержала. Хорошо, что не треснул потолок, и снега в бараке не было. Но на потолке и стенах появился иней, холод был такой, что не передать.

Днём спасала рабочая зона, там было относительно тепло. Но ночь была настоящей пыткой. Никто не раздевался и не разувался, набрасывали на себя всё, что можно было, но это мало помогало. Надо было двигаться, чтобы хоть как-то согреться. Поэтому ходили взад-вперёд, пока не засыпали стоя, или не падали на холодные нары. Я боялся отморозить ноги, молился и просил, чтобы Господь меня сохранил. Это продолжалось не одну неделю.

Все ждали потепления. А когда оно началось, стало легче, мы ожили, и начались ремонтные работы. Хорошо, что весна была ранняя. Резко пригрело солнышко, снег быстро растаял, и... развалилась стена зоны. Это также стало проблемой, но уже для начальства и охраны, которые боялись, чтобы заключённые не разбежались.

Часть 2 Глава 19

Испытания в лагере

Близилась годовщина моего пребывания в зоне. За это время пришлось многое пережить: и хорошее, и плохое. Одним из счастливых моментов было общее свидание, на которое приехали и жена, и дети, и даже мама, несмотря на старость и слабое здоровье. Тогда я и не предполагал, что это – моя последняя встреча с мамой, которая немало выстрадала, чтобы я вырос и пришёл к Господу. Ей было очень тяжело дышать, так как она болела астмой и, видимо, чувствовала, что её переход в вечность приближается. Сквозь набежавшие слёзы она могла только сказать:

– Сынок, как бы мне хотелось ещё встретиться с тобой на свободе! Скорее возвращайся домой...

Я продолжал молиться, чтобы Господь поменял мне отряд и работу. За истекший год многое в зоне поменялось. Некоторые освободились, некоторые были направлены на стройки народного хозяйства, на «химию». Пришлось ближе познакомиться с гражданским начальством по работе, в частности, по электроцеху. Эта работа была близка к моей основной специальности. Начальником цеха был Лазаренко – человек, с которым начальство зоны считалось. У него были проблемы с кадрами: мало было людей, которым он мог бы доверять и на которых мог бы положиться. Узнав, что я верующий, а также, за какое «преступление» получил три года заключения,

он решил «пробить» мне инженерную должность. Трудно сказать, как и где он решал этот вопрос, но для меня это был ответ на молитву. Таким образом, меня перевели в девятый отряд и определили на должность инженера.

Вначале я и не подозревал, насколько это ответственно и опасно. Ведь всё электрохозяйство зоны с его устаревшей, допотопной техникой легло на мои плечи. Сплошные вызовы и днём, и ночью: там станок вышел из строя, там предохранители сгорели из-за перегрузок, там заключённые что-то устроили, чтобы не работать, что чаще бывало в ночную смену. Опасность для жизни была очень большая. Это я понял после одного случая.

Меня вызвали в конце второй смены. Все рабочие строем ушли в жилой барак. Цех был пуст, надо было всё проверить, отключить электричество и оставить освещение только в рабочей зоне. Выключив рубильник в щитовой, я по металлическим ступеням быстро спустился вниз. И вдруг у меня за спиной раздался взрыв страшной силы. Я оглянулся, и увидел клубок огня и дыма, вырвавшийся из щитовой. Кругом погас свет, всё стихло. Я некоторое время стоял в оцепенении, а потом, после короткой благодарственной молитвы, начал искать выход из положения.

Утром собралось начальство, стали проверять, не диверсия ли это. Но было нетрудно убедиться, что закоротило и сгорело старое, выжившее все сроки оборудование.

Я понимал, что моё пребывание в лагере, прежде всего, находится под наблюдением моего Господа, Которому я служу. Но меня контролировало не только зоновское начальство, но и те, кто меня туда определили – сотрудники КГБ. Поэтому меня регулярно приглашали в кабинет начальника лагеря, где уже присутствовали два человека, которые говорили, что они из областного общества «Знание». Но по вопросам, которые они задавали, и по их поведению нетрудно было определить, откуда на самом деле эти люди.

Их интересовало моё здоровье, моя работа, отношение ко мне начальства лагеря и заключённых. На все их вопросы

у меня был один ответ: «Я за всё благодарю Бога, ибо так написано в Библии: «...За всё благодарите...» А вас я понимаю, и догадываюсь, где вы служите, и что вас больше всего интересует». Это не входило в план их беседы. Они начинали отнекиваться, показывать мне свои удостоверения, утверждая, что ничего общего с органами не имеют.

Тогда я им сказал напрямую:

– Передайте своим начальникам, что насчёт регистрации я не передумал, потому, что она была и есть греховной перед Богом. А в Библии написано: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни».

Услышав это, один из них заявил:

– Да, действительно, когда речь заходит о венце жизни, разговаривать дальше не о чем.

И меня отпустили. Идя в рабочую зону и размышляя о прошедшей встрече, я понял, что надо готовиться к более серьёзным испытаниям.

Через некоторое время меня опять вызвали в тот же кабинет. Там были два человека, которые предъявили мне удостоверения сотрудников КГБ. По тому, как они повели себя вначале, было видно, что разговор будет прямой и без лукавых «подъездов». Господь сразу открыл мне их тактику: один говорит, а другой смотрит мне в глаза, пытаясь уловить то, что стоит за моими словами.

Разговор был примерно такой:

– Мы приехали сообщить тебе о том, что дела твои складываются очень плохо.

– Я в этом и не сомневался, – был мой краткий ответ.

– Дело в том, – продолжал начавший разговор, – что есть решение открыть на твою жену уголовное дело по очень серьёзному обвинению – это клевета на советские органы. После суда детей отберут и отправят в интернат.

– Если можно, попрошу вас уточнить, что подразумевается под выражением «клевета на советские органы», – попросил я.

– Дело в том, что твоя жена распространила далеко идущие слухи о том, что её мужа обвинили и осудили за то, что он работал как шпион, на Америку.

Они ожидали, что меня это шокирует. Но после небольшой паузы я спокойно ответил им:

– Скажу так, жена моя имела на это основание, и никакой неправды не сказала.

После такого заявления они уже сами были шокированы.

– Я сейчас объясню вам, как всё было. И если желаете, везите меня сейчас на очную ставку, чтобы убедиться. А происходило всё так. Вызывают меня в кабинет начальника цеха и приглашают сесть. Я сел, а напротив меня за столом сел уполномоченный по делам религии Доскоч Николай Архипович. Слева сидел начальник цеха, а справа – мой мастер, непосредственный начальник. Обращаясь к ним, уполномоченный говорит: «Вы знаете, кто перед вами сидит? Это человек, который работает на Америку!» – Возможности объяснить всё он мне не дал, а, продолжая свои обвинения в мой адрес, он такого наговорил, что меня надо было бы сразу брать и сажать в каталажку. Вот так и стал Николай Шепель американским шпионом. А на ваши решения, – продолжил я, – арестовать жену и забрать детей в интернат, я вам скажу следующее, и это слова Иисуса Христа: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более Меня, недостоин Меня. И кто не берёт креста своего и следует за Мною, недостоин Меня. Сберегающий душу свою, потеряет её, а потерявший душу свою ради Меня, сбережёт её» (Мф. 10:37-39).

– И это – твоё решение относительно семьи? – спросили меня.

– Да, и другим оно не может быть.

– Тогда нам дальше не о чем говорить, – сказал один из них.

– Мне можно идти? – спросил я.

– Да.

Я встал и вышел из кабинета, понимая, что этим дело не закончится. По отношению ко мне будут применяться самые жестокие меры. Я для них – неисправимый.

Прошедшие два года Господь благословлял меня, несмотря на все их замыслы. Было трудно, было опасно, но во всём я видел руку Божью. Особенной радостью для меня были два свидания с женой и детьми, которые мне давали на одни сутки, тогда как другим – на трое суток. Но сколько радости было на этих коротких встречах! Особенно, когда я видел всех семерых детей. Старшие сыновья подросли, ростом догнали папу. А самое главное, на первом свидании Петя встал и заявил:

– Папа, а я уже принял крещение.

А ему было всего четырнадцать лет. Он – второй ребёнок в семье.

– Ну что ж, сынок, – сказал я ему, – давай теперь поприветствуем друг друга, как члены Тела Христова.

Ровно через год Господь вновь даровал встречу. На этот раз Павел – старший сын – заявил:

– Папа, я заключил завет с Господом через водное крещение.

От радости я прослезился и сказал:

– Слава Господу! Даже только за это можно было согласиться идти в тюрьму.

Я видел и особую радость в глазах жены, которая сидела рядом со мной и смотрела на своих сыновей. Я понимал, как дорого ей всё это стоило...

...А теперь враги дела Божьего угрожают разрушить нашу семью. Этого никогда не будет! Господь не допустит. Но, что бы там ни было, моё упование покоится на обетовании Божьем: «Любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу».

Мои предчувствия сбылись очень скоро. Приближалась дата третьего личного свидания. Жена собрала сумки, взяла деток. А я просил Господа, чтобы всё было благополучно. Но получилось совсем не так, как мы ожидали. Утром, когда

жена решала вопрос свидания, в нашем жилом бараке начался повальный обыск.

В секторе, где были моя кровать и тумбочка, обыск делал старший лейтенант, а ассистентами были два прапорщика и бригадир. Я не ожидал такого подвоха, и на время, кажется, даже потерял дар речи, когда понял, что произошло. Для отвода глаз они проверили сначала две койки, а когда лейтенант стал обыскивать мою, то из наволочки вытащил купюру в 25 рублей. Нетрудно было разгадать эту глупую афёру. Когда он проверял мою подушку, у него в руке уже была заранее заготовленная купюра. Фиксируя находку, они составили акт с подписями и отправили начальнику лагеря, у которого теперь оказалось две бумаги: одна – заявление на разрешение очередного свидания, другая – протокол о нарушении режима содержания.

Начальник принял решение, и, естественно, вместо свидания выписал десять суток карцера. До моего сознания всё это доходило очень медленно. Я видел вопиющую ложь, но доказывать что-то было бесполезно. Тогда я спокойно сказал:

– Господи, Ты всё видел и знаешь, да будет воля Твоя!

Вскоре пришёл прапорщик и, выполняя решение начальника лагеря, повёл меня вместо ожидаемого свидания в карцер, как грубого нарушителя режима лагерного содержания.

Идя за прапорщиком, я представлял, как моя жена с сумками и семью детьми возвращается домой, и как они переживают после случившегося. Меня переодели в спецодежду для тех, кто должен содержаться в карцере, и посадили в камеру, где уже было пять молодых парней, отъявленных нарушителей. Некоторые их них начали ко мне нагло приставать, угрожая насилием. Я рассказал им о Содоме и Гоморре, объяснил, что являюсь человеком Божьим, а Бог не позволит глумиться над тем, кто принадлежит Ему. И чем это грозит им, я не могу даже описать.

Это их остановило, и у нас началась удивительно мирная беседа. Они задавали много различных вопросов, а Господь

давал мне мудрости интересно отвечать им. Так незаметно приблизилось время отбоя. Тут дежурный, открыв дверь, назвал мою фамилию:

– На выход!

Все удивились, а я – нисколько.

Дежурный определил меня в другую камеру, где находился только один человек. Переступив порог, я помолился, и по реакции этого человека понял, что он не равнодушен к Богу.

Наше знакомство скоро переросло в доверительный разговор. Он сказал, что родом из Одессы, и верующих знает с положительной стороны. Неудачно сложившаяся обстановка в семье стала причиной того, что он оказался в тюрьме. С бригадиром у него возникли проблемы из-за опасной для здоровья работы, и потому он попал в карцер. Двое суток он провёл в камере один, было очень тяжело, началась депрессия, не хотелось жить.

Камеры карцеров тщательно проверяются, чтобы там не было ничего, чем можно было бы нанести себе вред. Он же показал мне интересную находку и рассказал, что с ним произошло. Вот что я услышал и понял, как работают силы тьмы.

– Когда я принял решение, что жить мне не имеет никакого смысла, потому как семья разрушена, здесь – тоже не известно, чем кончится, я начал искать пути, чтобы покончить с собой. И вдруг за этой откидной штукой я нашёл верёвку. Как она здесь оказалась, и почему её не обнаружили, я даже не подумал.

Говоря эти слова, он достал и положил передо мной верёвку длиной около двух метров. Теперь я уже был не только удивлён, но и поражён умыслами дьявола, цель которого – убить и погубить. Я, поглядывая на дверь, попросил его быстренько спрятать обратно это орудие смерти и, главное, поскорее забыть о нём. Теперь мне стало ясно, почему я должен был оказаться в этом не очень приятном месте, где кормят через сутки.

Около двух суток я беседовал с моим сокамерником об Иисусе Христе, о Евангелии. Мы говорили о том, для чего Он пришёл на эту объятую грехом землю, как пострадал за грешников и умер на кресте. Мой собеседник плакал, слушая моё свидетельство. А когда я рассказал, что Иисус воскрес и победил грех, смерть и дьявола, чем дал всем нам – грешникам – чудесную надежду на прощение, спасение и новую жизнь, он обрадовался и спросил:

– А что нужно сделать мне?

– Тебе надо помолиться и попросить, чтобы Христос простил тебя, вошёл в твою жизнь Своим Духом Святым, и открыл в тебе новую, осмысленную жизнь. Христос готов тебя избавить от лукавого, ибо Он Сам сказал: «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8:36).

Мы помолились, и я попросил его не ориентироваться на чувства, а жить верой.

– Когда выйдешь на свободу, – сказал я, – найди истинных христиан, тебе будет необходимо общение с верующими.

После этого у него возникло много вопросов. Мы беседовали, я начал учить его петь псалмы. Время пролетело незаметно. На седьмые сутки меня забрали из камеры. Надзиратель зачитал мне приказ, которым начальник сократил мне срок пребывания в карцере с десяти суток до семи. Потом приказал:

– Забирай свою одежду и отправляйся в барак.

Я по-братски попрощался со своим сокамерником. Пообещал поддерживать его в своих молитвах. Больше Господь не дал мне возможности с ним увидеться.

Часть 2 Глава 20

Благословения и испытания

По возвращении в рабочую зону меня сразу же пригласили к отрядному. Покровительствовавший мне офицер посмотрел на меня с улыбкой и сказал:

– Что ж, Николай, нам придётся с тобой расстаться, о чём, честно говоря, искренне жалею. Но пойми меня правильно... Приказ начальника – закон для подчинённого. Тебя приказано перевести в отряд, ответственный за сбыт продукции.

Выходя из кабинета, я сам себе сказал:

– Прощай, электроцех, прощай, должность, которой я не пользовался, прощай, опасная работа, ибо «любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу».

Вначале меня пристроили к молодым ребятам на упаковку готовой продукции. Они часто устраивали между собой драки и сильно сквернословили. Я начал просить Господа, чтобы Он усмотрел для меня работу в одиночестве. Однажды я обратил внимание на молодого парня, который тачкой отвозил готовую упакованную продукцию в помещение для вывоза с территории лагеря. Он был нерусский, в очень грязной рабочей одежде, пропитанной маслом и солидолом. Над ним все смеялись и издевались.

Выбрав удобный момент, я подошёл к нему, чтобы познакомиться. Он подал мне руку:

– Набатов, Пирим-Гулы, – сказал он мне с улыбкой на ломаном русском, и в глазах его была улыбка.

– Николай Шепель, – ответил я, дружески пожимая его руку, – христианин, осуждённый за верность Иисусу Христу.

– Я сразу понял, что вы не такой, как остальные, – сказал он с радостной ноткой в голосе, – называйте меня просто Пирим. Я по национальности – туркмен.

– Как же ты сюда попал? Скажи, если не секрет. Где Туркменистан, а где Украина? И за что тебя сюда упрятали?

– Честно говоря, я не всем рассказываю правду, – улыбнулся Пирим, – а вам скажу, потому что был близко знаком с христианами. И упрятали меня сюда на два года за отказ от службы в Советской Армии.

Честно говоря, я был шокирован услышанным. Передо мной стоял молодой парень, который, как и я, страдал за свои убеждения.

– Сейчас рабочее время, – сказал я как можно спокойнее, – если ты не против, давай после работы встретимся и побеседуем.

– Согласен, – кивнул Пирим, и потащил свою тяжёлую тачку на погрузку.

Я обратился к Богу с молитвой:

– Господи! Помоги мне сделать всё возможное, чтобы этого молодого и неопытного человека не «опустили», как это произошло с теми, кто ест, как прокажённый, отдельно, и выполняет всю самую грязную работу.

Потом, первым делом, я нашёл одежду почище, отмыл и переодел Пирима. Далее приблизил его к такому кругу своих знакомых, где могли постоять друг за друга. Я благодарю Господа за то, что Он помог мне в этих добрых побуждениях.

При встрече я попросил, чтобы Пирим рассказал мне немного о себе. Его рассказ меня удивил и ещё больше сблизил с ним. Оказалось, что родом Пирим – из глухого, малоизвестного села в Туркменистане, из бедной семьи. Он неплохо учился в школе, мечтал стать лётчиком. После окончания школы взялся за осуществление своей мечты. Купил билет и приехал в Киев поступать в лётное училище. Но, как часто бывает с такими мечтателями, не подошёл по состоянию здо-

ровья. Он очень опечалился, но выбора не было: пришлось учиться, чтобы готовить гражданские самолёты к полётам.

Пирим получил комнату в общежитии, небольшую стипендию и, самое главное, форму студента училища гражданской авиации. Он имел неплохие способности к изучению иностранных языков. Однажды он познакомился со студентами с Африканского континента, которые также учились в Киеве. Один из чернокожих друзей был из христианской семьи и сильно повлиял на мировоззрение Пирима. Свои христианские взгляды они тщательно скрывали от посторонних, понимая, в каком положении находятся верующие в СССР. А Пириму надо было молчать и перед своими родственниками, придерживающимися далеко не христианских взглядов. Они были мусульманами.

Так продолжалось более трёх лет. Потом Пириму пришлось решать вопрос службы в Советской Армии. Но он к тому времени уже понял, что брать в руки оружие и принимать присягу – большой грех. Поэтому он начал отстаивать своё право не служить в армии, мотивируя учёбой. Начальство решило сломить упрямого парня, угрожая судом и сроком. Но сломить Пирима оказалось не так-то просто. Он доказывал свою правоту до тех пор, пока судья не зачитал приговор. Такова была советская действительность. Пирим оказался в лагере общего режима посёлка Таганча.

Когда я рассказал, почему нахожусь здесь, он очень обрадовался. Посоветовавшись с Иваном Мефодиевичем, мы приняли решение поддержать парня нашим христианским кругом. Так мы называли нашу зоновскую церковь с приближёнными, новообращёнными и сочувствующими. Мы договорились, что я буду проводить с Пиримом уроки и личные беседы, чтобы он уверовал и утвердился в здравом Евангельском учении. Он оказался неплохим студентом. А я благодарил Бога за Его удивительный промысел.

Долгое время неразрешённым оставался вопрос Вечери Господней. У нас не было вина. Мы начали об этом молиться и просить помощи у Господа. И Он расположил одного граж-

данского человека, который, рискуя своей работой, передал нам небольшую бутылочку вина. Мы спрятали драгоценную для нас передачу и ожидали возможности совершить заповедь Господню.

В это время меня перевели на новую работу по проверке электромагнитов. Это был ответ на мою просьбу об освобождении от общего шума, ругани и всякой нечистоты. Теперь у меня был скромный кабинет, где была установлена соответствующая аппаратура для проверки электромагнитов.

Мы назначили время и, при Господней охране и наблюдении друзей и приближённых, в глубоком благоговении совершили заповедь. Для этого Он послал нам всё: и хлеб, напоминающий о страдающем Теле Господнем, и чашу с вином – напоминание о Его пролитой Крови за грешный мир. После участия мы, радостные и счастливые, обнимались и приветствовались, поздравляя друг друга с этим великим для нас праздником.

Используя подаренную Господом возможность, я на рабочем месте много размышлял о пройденной жизни, служении Господу в церкви, о радостях и печалях. Часто мои размышления выражались в стихотворной форме, и я на клочках бумаги записывал то, что приходило от Него. Так рождались стихи, которые сохранились до самого освобождения. Вот – одно из них:

Меня не поняли

Меня не поняли… ну что ж,
Не будет слёз и огорченья.
Не понят был Иисус Христос,
Толпой был предан на мученья.
Легко ли было Ему несть
Позор Креста и пить отраву?
Но Он, смирившись, принял крест,
Всё претерпев, вошёл во славу.
Нет, нелегко идти путём,
Что назван узким и тернистым,

Где «я» падёт перед крестом,
Где места мыслям нет нечистым.
Меня не поняли... ну что ж,
Уж нет меня, а есть терпенье.
Страдаю, как страдал Христос,
И это – путь для обновленья.

Испытания приходят неожиданно. В нашем отряде нашёлся мужчина, который решил каждое утро при построении на проверку смеяться надо мной и поносить моего Господа. Я старался терпеливо переносить его насмешки, но поношение Господа болью отзывалось в моём сердце. Я начал молиться и просить, чтобы Он запретил дьяволу использовать этого бедного человека.

Так проходило время, и вот однажды я заметил, как к двери моего кабинета подошло четыре человека. Среди них был и тот, который злословил по утрам. Они постучали и попросили меня выйти. Когда я вышел, то один из пришедших, обращаясь к тому, кто утром выглядел таким героем, а теперь дрожал от испуга, спросил, указывая на меня:

– Ты знаешь этого человека?

Видя, что тот не может вымолвить ни слова, он строго поднял его опущенную голову и сказал:

– Посмотри на него и скажи: ты знаешь этого человека?

– Знаю, – тихо протянул он.

– А вы знаете этого человека? – спросили уже меня.

– Знаю, ребята, и очень хорошо, ибо он каждое утро бомбит меня гнилыми словами. Хорошо, что не кулаками.

– А что бы вы попросили сделать этому мерзавцу?

– Я хотел бы попросить, чтобы он перестал злословить и поносить имя Бога.

– Ты понял, о чём идёт разговор? – строго спросил один из пришедших. – Если ты ещё хотя бы один раз скажешь что-либо плохое на этого человека или будешь поносить его Бога, то мы сделаем так, что, когда ты освободишься, то долго не протянешь. Мы тебя предупредили. Если ты себе это позволишь, пеняй на себя. Ты понял?

– Да, понял, – сказал тот дрожащим голосом.

И они ушли.

Продолжая работать, я ещё долго пытался всё осмыслить, а потом искренне поблагодарил моего Господа за Его удивительную защиту. После того случая поношение больше не повторялось. Тот человек теперь старался обходить меня стороной.

Часть 2 Глава 21

Клевета и поношение

В лагерную больницу всегда была очередь. Для одних она являлась убежищем от изнуряющей тяжёлой работы, для других – последней соломинкой, за которую хватались, ища облегчения своего недуга. Мне тоже приходилось несколько раз обращаться в зоновскую клинику.

Однажды вечером, когда я почувствовал недомогание, у меня появилось внутреннее побуждение обратиться в больницу. Помолившись и предав всё в руки Господа, я пошёл к знакомому мне зданию. После объяснения с дежурным меня пропустили на приём к врачу, который уже собирался уходить домой. Выслушав и осмотрев меня, он поставил диагноз – аппендицит. А значит, мне предстояла операция в районной больнице города Канева. Это дело не простое, но для них хорошо знакомое, потому как в зоне такие случаи бывали часто.

Решено было везти меня в Канев ночью. Всё получилось чётко и быстро, и я не переставал удивляться тому, что не было никаких проблем и затруднений. Где-то в половине двенадцатого мы уже были в районной больнице. В хирургическом отделении меня осмотрел дежурный врач, и дал команду срочно готовиться к операции. Перед тем, как лечь на стол, я помолился и попросил благословения для врача и для себя. Операция проводилась под местным наркозом, и я всё время свидетельствовал медперсоналу о Боге и объ-

яснил, в чём разница между заключением за преступление и за убеждение.

Больно было только один раз, а так операция прошла успешно и быстро. Видно было, что врач опытный, расположенный ко мне и сочувствующий верующим. Потом меня положили в общую палату. К утру все больные вместе со мной уже крепко спали. На следующий день было воскресенье. Я поблагодарил Господа за то, что всё прошло благополучно, и просил дальнейшего водительства в моей жизни.

В палате, где я находился, больные интересовались, почему я нахожусь в заключении. Это открывало мне возможность для свидетельства.

Лагерное начальство не упустило возможности направить в больницу своих самых верных стражей, чтобы охранять меня и днём, и ночью. В этом мне пришлось убедиться на третий день после операции. Господь побудил Катю приехать в зоновскую больницу, чтобы через врача передать мне лекарство. Врач, человек добросовестный и расположенный к верующим, сказал:

– Николая Шепеля в лагере сейчас нет.

Это сообщение очень удивило и насторожило мою жену.

– А где же он может быть? – спросила она.

– В районной больнице Канева. Ему сделали операцию.

– Какую операцию? – разволновалась Катя.

– Не переживайте, – успокоил её врач, – ему удалили аппендицит. Операция прошла успешно.

Жена поблагодарила его за информацию и направилась в Каневскую районную больницу. По пути она думала, как меня найти и что передать. Она купила немного продуктов, но пройти в палату ей так и не удалось. Охрана дежурила в коридоре больницы и возле палаты.

Она стояла в фойе больницы у окна с печальным видом. Один больной, проходя мимо, обратил на неё внимание и спросил:

– Женщина, у вас что-то случилось?

Она рассказала о своей проблеме, и он согласился занести пакет с передачей в палату. Потом объяснил, как можно меня увидеть через окно на третьем этаже. Жена поблагодарила его за сочувствие и пошла на указанное им место. Так мы увиделись, но поговорить почти не смогли. Охрана сработала очень быстро, и мне пришлось махнуть ей рукой, чтобы она спряталась за кустами. Это было сделано вовремя, потому что надзиратель уже вышел за угол здания и начал смотреть, не стоит ли кто возле окна. Через время я понял, что поговорить нам так и не удастся, так как охрана насторожилась. Пришлось показать жене, чтобы она уходила.

После до меня дошли слухи, что мне якобы готовили побег, и только бдительная охрана его предотвратила. Хирург, оперировавший меня, намекнул сотрудникам, что он – не тот человек, который пойдёт на сделку с совестью и нарушит клятву Гиппократа в угоду кому-то из КГБ.

Я благодарен Господу, что Он дивно сохранил меня и уберёг от смертельной опасности через злые замыслы врагов детей Божьих. Чтобы я был под постоянным надзором и не мог свидетельствовать о Боге, сотрудники КГБ вынудили врача перевести меня в отдельную палату.

Медперсонал относился ко мне с пониманием и сочувствием. Нетрудно было догадаться, что действует молитвенная поддержка церкви. Лечение закончилось благополучно, мне сняли швы и выписали в зону. Иван Мефодиевич и другие друзья встретили меня с радостью, и обо всём расспрашивали.

Приближалась третья зима моего пребывания в лагере, а вместе с ней – и моё освобождение. Как и везде, верующие в тюрьме тоже готовились к встрече Нового года и Рождества Христова.

Стих о Рождестве пришёл в моё сердце под впечатлением приближающегося праздника. Я представлял, как мои дети, родные, церковь готовятся праздновать приход Спасителя на грешную нашу землю. Сколько светлого и прекрасного будет в наших домах, в сердцах тех, кто любит своего Го-

спода, остаётся Ему верным, несмотря на штрафы, разгоны, суды. Внутренне я также готовился к празднику, мысленно пел про себя удивительную рождественскую песню «Тихая ночь». Она навеяла мне такие слова:

Он пришёл в этот мир,
Кротко в яслях лежал,
И в мелодии лир
Свет небес засиял.
    Он принёс благодать,
    Счастье, радость и мир.
    И об этом вещать
    Вечно будет эфир.
Вновь поёт чудный хор
Эту дивную песнь.
Тихой ночи аккорд,
О спасении весть.
    Я склоняю главу
    В сей торжественный час,
    Постою, помолчу,
    Вспоминая о вас.
Мне на крыльях зари,
Полететь бы туда,
Где лишь правда царит,
Где вражды нет и зла.
    Слиться б с песней небес,
    С жизнью вечной весны
    В дивном мире чудес
    И святой белизны.

Размышляя о праздничных собраниях, я вспоминал, как нелегко было их проводить. Гонители не могли спокойно спать. Они в любое время, назначенное нами для проведения собрания, устраивали разгоны. Особенно им не нравились рождественские и пасхальные собрания, так как в них участвовали дети.

Но что важно отметить, все действия духа, который был в этих людях, были построены на угрозах:

– мы не допустим, чтобы вы собирались вместе, молитесь дома, или идите в православную церковь;

– мы отберём детей, если вы будете водить их на ваши собрания;

– мы будем вас судить.

Если на нас, верующих, эти угрозы не действовали, они были безоружны. Поэтому, когда мы на различных допросах свидетельствовали, что уже приговорили себя к смерти ради Христа, они отступали в своей бессильной злобе.

Второй метод борьбы с верующими – это клевета и поношение. Для этого атеистами использовались все доступные средства: и радио, и телевидение, и пресса. А цель была одна – опорочить верующих перед людьми, чтобы те не каялись и не обращались к Богу. Но, увы, чем больше они старались, тем больше церковь росла, крепла и умножалась.

Как пример, хочу привести статью из газеты за шестое декабря 1986 года, которую мне пришлось читать, и молиться за моего брата, чтобы Господь дал ему силы не устрашиться угроз противников Божьих. Привожу статью в оригинале, без перевода.

Суд без суду

Сміляни гнівно засудили на сходці того, хто під приводом віри в Бога став на шлях антирадянщини.

Познайомтесь, житель кварткому №13 (провулок Орджонікідзе), Дуженко М.Р., працівник радіотелевізійного ательє. Цей громадянин – провідник незареєстрованої групи євангельських християн-баптистів (розкольників). Це, зрештою, не головне. Правоохоронні органи виявили, що він займався виготовленням палітурок для нелегально виданої літератури, в якій друкувалися політично шкідливі висловлювання. Суть їх ви здогадуєтесь яка: роздути антирадянські настрої, показати у кривому дзеркалі нашу радянську дійсність, наш радянський спосіб життя.

Відомо, що такі «слуги Бога» об'єднані між собою тісними зв'язками і таємно творять свої чорні справи. Але ж правду в

народі кажуть, що скільки ниточці не витись – кінець колись буде.

Коли працівники адміністративних органів пред'явили Дуженку санкцію на проведення обшуку і попросили добровільно викласти і здати міліції знаряддя праці та літературу, він відмовився зі словами: «Шукайте, в мене нічого немає». Вже через декілька хвилин у спальній кімнаті під підлогою, де стояло ліжко, було знайдено вхід у тайник, замаскований килимовою доріжкою.

Ось на столі одне з основних знарядь праці – друкарська машинка. А в столі знайшли спецверстат для виготовлення палітурок, пачки паперу, картону, копіювальний папір, клей, нитки, кліше, спеціальну поліграфічну фарбу і, звичайно ж, антирадянську літературу.

Дуженка запитали: «А що ж це?». Він, звісно, нічого відповісти не міг, як і на сходці кварткому, що недавно відбулася. Тут кожен із сусідів і знайомих сподівався почути від Дуженка чистосердечне каяття за свої вчинки. Але отруєний ворожою пропагандою, ненавидячий (не побоїмося цього слова) свій народ і країну, в якій живе, він лише викручував наведені проти нього факти про підривну діяльність.

Із слів Дуженка:

– Ну, що я можу сказати. Мені приписують, що, буцімто, знайшли у будинку літературу антирадянського характеру. Такої у мене не було. Там була чисто релігійна література.

Чистої води брехня, громадянине Дуженко (пробачте, читачі, на слові). У цій «Божій» літературі поряд з релігійними висловлюваннями є й інші, а точніше вони, ці релігійні висловлювання, служать приправою для нагнітання серед віруючих антирадянських настроїв.

Ось документ за підписом одного з компетентних спеціалістів, який скрупульозно проаналізував її. Деякі витримки з цього документа:

- «Вісник істини» №3, 1980. На сторінці 13 містяться заклики до невиконання законодавства про релігійні культи, підбурювання до антирадянської діяльності. «Вставайте,

– мы не допустим, чтобы вы собирались вместе, молитесь дома, или идите в православную церковь;

– мы отберём детей, если вы будете водить их на ваши собрания;

– мы будем вас судить.

Если на нас, верующих, эти угрозы не действовали, они были безоружны. Поэтому, когда мы на различных допросах свидетельствовали, что уже приговорили себя к смерти ради Христа, они отступали в своей бессильной злобе.

Второй метод борьбы с верующими – это клевета и поношение. Для этого атеистами использовались все доступные средства: и радио, и телевидение, и пресса. А цель была одна – опорочить верующих перед людьми, чтобы те не каялись и не обращались к Богу. Но, увы, чем больше они старались, тем больше церковь росла, крепла и умножалась.

Как пример, хочу привести статью из газеты за шестое декабря 1986 года, которую мне пришлось читать, и молиться за моего брата, чтобы Господь дал ему силы не устрашиться угроз противников Божьих. Привожу статью в оригинале, без перевода.

Суд без суду

Сміляни гнівно засудили на сходці того, хто під приводом віри в Бога став на шлях антирадянщини.

Познайомтесь, житель кварткому №13 (провулок Орджонікідзе), Дуженко М.Р., працівник радіотелевізійного ательє. Цей громадянин – провідник незареєстрованої групи євангельських християн-баптистів (розкольників). Це, зрештою, не головне. Правоохоронні органи виявили, що він займався виготовленням палітурок для нелегально виданої літератури, в якій друкувалися політично шкідливі висловлювання. Суть їх ви здогадуєтесь яка: роздути антирадянські настрої, показати у кривому дзеркалі нашу радянську дійсність, наш радянський спосіб життя.

Відомо, що такі «слуги Бога» об'єднані між собою тісними зв'язками і таємно творять свої чорні справи. Але ж правду в

народі кажуть, що скільки ниточці не витись – кінець колись буде.

Коли працівники адміністративних органів пред'явили Дуженку санкцію на проведення обшуку і попросили добровільно викласти і здати міліції знаряддя праці та літературу, він відмовився зі словами: «Шукайте, в мене нічого немає». Вже через декілька хвилин у спальній кімнаті під підлогою, де стояло ліжко, було знайдено вхід у тайник, замаскований килимовою доріжкою.

Ось на столі одне з основних знарядь праці – друкарська машинка. А в столі знайшли спецверстат для виготовлення палітурок, пачки паперу, картону, копіювальний папір, клей, нитки, кліше, спеціальну поліграфічну фарбу і, звичайно ж, антирадянську літературу.

Дуженка запитали: «А що ж це?». Він, звісно, нічого відповісти не міг, як і на сходці кварткому, що недавно відбулася. Тут кожен із сусідів і знайомих сподівався почути від Дуженка чистосердечне каяття за свої вчинки. Але отруєний ворожою пропагандою, ненавидячий (не побоїмося цього слова) свій народ і країну, в якій живе, він лише викручував наведені проти нього факти про підривну діяльність.

Із слів Дуженка:

– Ну, що я можу сказати. Мені приписують, що, буцімто, знайшли у будинку літературу антирадянського характеру. Такої у мене не було. Там була чисто релігійна література.

Чистої води брехня, громадянине Дуженко (пробачте, читачі, на слові). У цій «Божій» літературі поряд з релігійними висловлюваннями є й інші, а точніше вони, ці релігійні висловлювання, служать приправою для нагнітання серед віруючих антирадянських настроїв.

Ось документ за підписом одного з компетентних спеціалістів, який скрупульозно проаналізував її. Деякі витримки з цього документа:

- «Вісник істини» №3, 1980. На сторінці 13 містяться заклики до невиконання законодавства про релігійні культи, підбурювання до антирадянської діяльності. «Вставайте,

одягайте щити віри і виходьте на бій з противником душ наших... Не дозволяйте безбожникам входити у святилища ваших громадян».

• «Вісник істини» №4, 1982. На сторінці 3 містяться наклепи про, буцімто, наявність у нашій країні практики переслідування віруючих за їх релігійні переконання. Тут же на сторінці 23 – наклепи на радянські адміністративні органи.

• П.І. Рогозін «Существует ли загробная жизнь». Ця книга спрямована на релігійне виховання як віруючих, так і невіруючих. Дається релігійно-ідеалістичне трактування деяких природничо-наукових даних. На сторінці 189 містяться наклепи на атеїстів, прищеплюється презирливе ставлення до них.

Думається, що немає сенсу і далі наводити «цитати» з цих антирадянських пасквілів. У читачів і так склалося уявлення про їх зміст.

На сходці жителі дали належну оцінку діяльності Дуженка. Виступи були гнівними, осудливими. Кожен говорив про те, що антигромадські дії громадянина Дуженка і його поплічників на руку імперіалістам. Вони підривають безпеку СРСР. Це недопустимо. Особливо зараз, коли світовий імперіалізм в особі президента США Р. Рейгана проголосив хрестовий похід проти СРСР.

Говорить І.Ф. Литвинов:

– Треба прямо сказати, що Дуженко – ворог. Радянська влада дала йому освіту, добру роботу. Він їсть наш хліб, а працює на користь західної пропаганди. Я думаю, що слідчі органи з'ясують, з ким він був зв'язаний. Я, як громадянин СРСР, обурений до краю справами Дуженка і пропоную вжити до нього найсуворіші, передбачені нашим законодавством, заходи.

Я.Т. Яковлев:

– Перед нами ворог радянської влади, що прикидається дурником. За міфом Ісуса Христа продали за 30 срібних, а за скільки ви, громадянине Дуженко, продаєте радянську вла-

ду? За своє життя я зустрічав різного роду відщепенців, і з них дехто косо дивиться на радянську владу. У війну їх не милували, коли відмовлялися брати в руки зброю. То ж і вас не виховувати, а суворо карати треба.

С.Д. Ковальчук:

– Всі ми тут виносимо тобі найсуворіший осуд без всяких прокурорів. А прокурор і відповідні слідчі органи візьмуть до уваги наші виступи і винесуть тобі суворе покарання.

Сходка жителів кварткому №13 винесла рішення просити детально розслідувати протиправну діяльність громадянина Дуженка М.Р. і вжити до нього суворі, передбачені законом, заходи.

Хочеться сподіватись, що Дуженко і його поплічники нарешті схаменуться і покінчать з ганебним минулим. Бо нікому не дозволено творити чорні діла, зважаючи на характер наших радянських законів. Терпець врешті може увірватись, і відповідати за заподіяне доведеться. І не за віру в Бога, а за те, що під її приводом він став ворогом радянської влади.

О. Клименко,
секретар міськвиконкому;
О. Озеров,
кореспондент «Червоного стяга»

Часть 2 Глава 22

Освобождение

Зима в 1987 году была очень снежной. Местами сугробы были в рост человека. День моего освобождения, 26 января, приближался. Последние дни, казалось, тянулись очень медленно.

Я ходил на работу с бригадой, но меня работать уже не заставляли. Самые близкие моему сердцу друзья уже освободились. Освободился и уехал домой и брат Иван Мефодиевич, который был нашим «мотором» и инициатором во многих мероприятиях зоновской церкви.

Остающимся друзьям я передал всё, что у меня было из духовной литературы. С одной стороны, я испытывал большую радость, а с другой – было грустно расставаться с друзьями, с которыми годы делил всё, чем были наполнены тюремные будни.

В это время у меня родилось ещё одно стихотворение – последнее в лагере:

Прощальное

Первый снег, протоптана дорожка...
Не тоскуй, сердечко, не грусти.
Не взыщи и ты, моя берёзка,
Я, прощаясь, говорю: прости.
Сколько раз ты вечером шептала:
– Не горюй, о, милая душа.

На работу молча провожала
И ждала тихонько до утра.
Нелегко мне, милая берёзка,
Расставаться, но ты будешь знать,
Где бы ни прошла моя дорожка,
О тебе я буду вспоминать.
Милый край, жена моя и дети
Так давно уже устали ждать.
Уходя, дни не забуду эти,
Потому что в сердце благодать.

С 25 на 26 января началась сильная метель. Сугробы были наравне с автомобилями. Техника не справлялась с очисткой дорог. Когда меня вызвали к начальнику тюрьмы, чтобы вручить документы, я был поражён тем, что услышал. Мне заявили, что в связи с тем, что за три года я не исправился и продолжал заниматься распространением религиозных взглядов, меня освобождают под надзор сроком на год. Если я и впредь буду заниматься религиозной агитацией, меня вновь посадят.

Говорить с этими людьми было бесполезно, так как было ясно, что здесь не обошлось без КГБ. Это оттуда пришло указание, как меня надо освобождать из лагеря. Меня строго предупредили, чтобы после возвращения домой я сразу же явился в районный отдел милиции и встал на учёт. Там мне объяснят, как я должен себя вести. Из всего сказанного я сделал вывод, что из лагеря в Таганче я отправляюсь в лагерь домашний.

Получив бумаги об освобождении, я поблагодарил Господа за то, что домой буду возвращаться уже без конвоя. В лагере за три года я заработал столько, что хватило на дорогу назад.

После полудня я уже стоял за дверью проходной в надежде, что меня кто-то встретит. Посмотрев по сторонам, никого не увидел. Снега было так много, что пришлось буквально пробираться через него на автобусную остановку, чтобы доехать до Канева. Я долго ждал, но автобуса не было. Потом

понял, что его не будет так скоро, как мне надо, из-за снежных завалов.

Я начал молиться и просить помощи у Господа, чтобы не возвращаться опять в зону на ночь. Господь ответил на мою просьбу. Вскоре подъехала грузовая машина, и шофёр согласился подвезти меня до развилки Канев-Черкассы. Когда он меня высадил, поблизости не было видно никакого жилья. Я опять начал молиться и просить помощи у Господа, чтобы не заночевать на морозе. И опять Бог явил Свою милость ко мне. Со стороны Канева показалась машина. В кабине было тепло, водитель оказался разговорчивым. Всю дорогу мы беседовали о Библии, о Боге. Я ему засвидетельствовал о том, что освободился из зоны, что за проповедь Евангелия мне пришлось отсидеть три года. Он удивлялся и сочувствовал мне, а потом сказал, что сразу по запаху догадался, откуда я еду. Я об этом и не подумал, потому что привык в лагере к запаху табачного дыма.

Так мы доехали до Черкасс. Денег за проезд он с меня не взял. Я поблагодарил его, сказав, что Бог послал его мне в попутчики. В городе я уже был почти дома. Сначала ехал в троллейбусе, потом – автобусом до Хуторов, сошёл на конечной остановке. Шёл домой и благодарил Бога. Он удивительно позаботился обо мне. Первыми меня встретили дети. Они играли на улице, увидели меня, узнали и побежали навстречу. Я обнимал их, радовался и вытирал набегающие на глаза слёзы.

Меня удивило, что Кати не оказалось дома. Оказывается, она с друзьями поехала меня встречать. Отправились три легковых автомобиля, но не смогли пробиться через снежные заносы. А когда всё же уда-

Снова вместе

лось проехать, было уже поздно. Я, не зная их планов, уже уехал и оказался дома раньше, чем они.

В субботу и воскресенье в нашем доме собралось много народа, особенно молодёжи. Несмотря на то, что из комнат убрали почти всю мебель, разместить всех пришедших на служение было непросто.

После трёх лет заключения эти встречи были для меня настоящим праздником и большим подарком от Господа. Я понял, что братья страдают не напрасно. Врата ада Церковь одолеть не смогут.

Но радость встречи потихоньку стала утихать, приходилось перестраиваться на обыденные жизненные вопросы. Первым делом надо было встать на учёт по надзору в районном отделе милиции. Посмотрев документы, начальник милиции приказал строго выполнять все указания надзора, чтобы не осложнять отношения: никуда не выезжать, приходить отмечаться в строго назначенное время. Я также должен знать, что меня

После возвращения со второго срока. В центре – пресвитер Николай Шепель, слева – регент Анатолий Иващенко, справа – благовестник Саша Павленко

могут проверить и днём, и ночью. Мне вернули мой паспорт и сказали, чтобы я срочно устраивался на работу.

Когда я поехал на завод, где работал раньше, мне отказали: свободных мест нет. Так мой двадцатилетний стаж на ЗХВ закончился. Меня просто побоялись восстановить на старое место работы. Их можно было понять. Открытый суд, нравоучения, требования и прочее им просто надоели. Я же оказался в затруднительном положении. Найти работу после срока заключения оказалось не так просто.

В церкви объявили о моей нужде и стали просить ясности у Господа. Вскоре появилась возможность учиться на оператора газовой котельной, причём – бесплатно. На учёбу вместе со мной пошли ещё несколько братьев из поместной церкви, и были мы на ней на протяжении четырёх месяцев. Экзамены я сдал на «отлично», получив удостоверение оператора.

И снова взялся за поиски работы. Большим облегчением стало то, что через полгода с меня сняли надзор. По всему было видно, что начинаются какие-то перемены в верхних эшелонах власти.

В это время братья предложили мне посетить брата Якова Иващенко, отбывающего четырёхлетнюю ссылку в Зырянке – это рядом с Якутском. Я согласился. Добираться надо было самолётом через Москву и Якутск. Поэтому мы с родственниками брата собрали чемоданы, взяли необходимые адреса и отправились в дорогу. До Москвы доехали поездом, а в Москве надо было брать билеты на самолёт Москва-Якутск.

Несмотря на зимнее время и плохие погодные условия, до Якутска мы долетели благополучно. Но до Зырянки добираться было сложнее. Сидели в аэропорту и, как говорится, ждали с моря погоды. Север есть север, тем более, зимой.

У нас был адрес брата-миссионера, жившего в Якутске. Пришлось походить по заснеженным улицам в поисках нужной улицы и дома. Брат принял нас с радостью. Мы долго беседовали, расспрашивали, как живут верующие в Якутске, как собираются на служения. Он бодро рассказывал, а потом поделился волнующими его вопросами относительно эф-

фективной проповеди в силе Духа Святого. Назвал и имена некоторых проповедников, к которым был сильно расположен. Я внутренне ощутил, что здесь что-то не так. Харизматическое движение тогда только начало себя проявлять, и для многих братьев оно было непонятно. Позже я узнал, что этот брат попал под влияние духа заблуждения.

Наконец мы взяли билеты и отправились в Зырянку. Встреча с братом Яковом была радостной и до слёз трогательной. За время пребывания там мы увидели жизнь верующих в ссылке. В зимнее время дни в той местности очень короткие, а ночи, соответственно, длинные. Пришлось познакомиться с северным сиянием и очень низкой температурой, когда от мороза воздух приобретает синеватый оттенок.

Посёлок очень бедный – старые деревянные лачуги, разбитые дороги... Местные жители – в основном бывшие ссыльные и люди севера. В посёлке полно бродячих собак, потому что собачьи упряжки – одно из основных средств передвижения там.

Мы с братом много беседовали, делились переживаниями, нуждами народа Божьего, молились. Посёлок Зырянка расположен на берегу реки Колыма. Брат показал нам, где он работает, показал и бывшие лагеря, от которых остались только вышки и места, ограждённые колючей проволокой. Я представил себе, сколько здесь было людей, в том числе и наших братьев. Они здесь страдали и умирали, оставаясь верными Господу.

Брат Яков познакомил нас с теми, кто готов был слушать Слово Божье. Мы молились об их спасении.

Время нашего пребывания в гостях быстро пролетело, и нам надо было собираться домой. Расставаться с братом было нелегко, но мы верили в скорую встречу в родных краях. Обратный путь был таким же трудным, особенно намучились мы в аэропорту в Якутске.

Дома, в церкви, было потом что рассказать о нашем путешествии.

Часть 2 Глава 23

Помещение для собраний

Несмотря на то, что репрессии со стороны государственной машины продолжались, церкви утверждались, пополнялись и даже испытывали радость от гонений. Надо было учить молодёжь, растить молодых проповедников, служителей, тружеников воскресных школ. Поэтому служителям двух областей – Черкасской и Кировоградской – было предложено организовать обучение по программе Библейской школы. Методику и программу обучения мы с братом Костей разработали сами.

Занятия проходили раз в месяц в разных местах: Смеле, Знаменке, Кировограде, Черкассах. Законодательством о религиозных культах такое строго запрещалось, но Господь благословлял и хранил нас. Можно только радоваться тому, что, несмотря на угрозы и запреты, много молодых братьев и сестёр потянулись к обучению и посещению занятий. Прошли годы, и этот посев дал хорошие всходы – церкви пополнились молодыми тружениками на ниве Божьей.

В нашу Черкасскую поместную церковь пришло так много молодёжи и детей, что ни один частный дом уже не мог всех вместить. Воскресная школа работала всё активнее. Занятия духового и струнного оркестров, сестринские собрания – всё это радовало сердце.

У меня возникла идея построить скромное помещение для проведения собраний, и назвать его «Скиния». Я начал

об этом молиться, потом предложил этот проект братьям церковного совета. Все его с радостью одобрили. Поговорили об и этом на членском собрании, все дружно согласились.

Было решено выделить из церковных средств денег на покупку материалов для постройки помещения шесть на двенадцать метров: трубы, доски, ДСП для внутренних стен и пола, толстую фанеру для потолка, шифер для наружных стен. Закупив и заготовив материал, дружно собраться, и за день-два закончить постройку и поставить власть имущих перед фактом. В таком случае мы избежим предписаний о незаконной застройке.

С этим все охотно согласились, но когда возник вопрос, кто же пожертвует место для строительства «Скинии», наступило глубокое молчание. Оказалось, что самого главного у нас нет – клочка земли размером шесть на двенадцать метров. Здесь требовалась особая жертвенность, ибо все помнили отобранные и конфискованные молитвенные дома в Харькове, разрушенный Дом молитвы в Одессе и других местах.

Церковь молилась, время шло, но все чего-то ожидали. Однажды ночью мне приснился удивительно яркий сон, как будто у нас во дворе, со стороны огорода, стоит новое здание где-то шесть на двенадцать, всё светлое. Утром я рассказал об этом Кате, на что она ответила:

– Я всё поняла...

– Да, но как ты считаешь, нам надо поступить?

– Ты всегда слишком много берёшь на себя.

– Скажу тебе прямо, ты права. Но что мне сказать Господу? Я же не могу Ему отказать.

– Если не можешь, то соглашайся. Я никогда не была против того, что от нас хотел Господь.

– Спасибо за согласие.

– Но только согласуй это с братьями и церковью, чтобы после не было недоразумений, – посоветовала жена.

А я подумал: какие ещё могут быть недоразумения, когда народу Божьему нужно скромное место для собрания? А Кате сказал:

– Ну что ж, если жертвовать для Господа, то надо жертвовать до конца. Нам уже всё равно: два срока есть, так что третий погоды не сделает. Ведь Христос контролирует всё это. Ты же знаешь сестру Полю из Харькова? Она на одном собрании свидетельствовала о том, что сильно желала, чтобы её арестовали и дали срок. Везде она без всякого страха выступала, была впереди, но её так и не арестовали. И даже не угрожали, что посадят. Так что и страдать за Господа надо удостоиться, Он Сам разрешает этот вопрос.

Когда я обо всём рассказал братьям, они сразу же дали согласие. Тогда я предложил этот вариант церкви. Мы жертвуем небольшим участком, засаженным клубникой – разве это так важно? Христос ради нас пожертвовал Своей жизнью.

За короткое время собрали все необходимые материалы, а потом назначили дни, чтобы дружно сойтись для строительства. Когда из труб сварили железный каркас, казалось, что полдела уже сделано. Дальше пошли блоки: окна, двери, внутренние стены. Засыпали утеплитель в стены, снаружи прибили шифер. Когда был подбит потолок и накрыта крыша, взялись за пол. Братья, ответственные за пение, решили сразу же выделить место для хора. Сделали также пристройку при входе в «Скинию». Осталось только покрасить стены и повесить светильники. Вопрос отопления решили оставить до осени.

Брат из села Русская Поляна сделал скамейки для посетителей. Скамейки получились длиной по два с половиной метра. Их поставили в два ряда с хорошим проходом посередине.

Когда было объявлено первое собрание, все пришли, как на праздник. Мы, было, надеялись, что наши «опекуны» ещё не знают о нашей деятельности. Но ошиблись. На первое собрание пришла целая группа во главе с участковым. Подняли шум, начали составлять акт и угрожать, что пришлют бригаду строителей, чтобы всё разрушить. Мы спокойно ответили:

– Акт можете составлять, вы же знаете, что мы их не подписываем. А если будете разрушать то, что принадлежит Богу, то будете иметь дело с Ним. Мы вам только можем дать совет: узнайте, где сейчас находятся те, кто давал команду разрушить Дома молитвы в Одессе и других местах. Лучше прекратите шум, присядьте и будьте у нас почётными гостями.

Мы видели, что Господь уже связал их, и они потеряли силу. Остались только пустые формальности – слова угроз и акт.

В стране пахло переменами. Это было их последнее посещение, больше они к нам не приходили.

В августе братья спросили меня, могли мы с братом Костей поехать посетить Ивана Яковлевича Антонова, который уже четвёртый год находился в ссылке в посёлке Тея в Сибири. К такому служению я всегда был готов. Тем более, что в посёлке Тея уже была небольшая группа верующих, и надо было преподать крещение новообращённым.

Собрав чемоданы, мы с братом отправились в дальнюю дорогу. Сначала – в Москву, потом – самолётом до Красноярска, дальше – пересадка, и другим самолётом – до посёлка Тея.

Местность там гористая, посёлок окружён лесом. Люди ютятся в деревянных домиках. Короткое лето используют в основном для того, чтобы подготовиться к долгой зиме.

Встреча с братом была сердечной. Иван Яковлевич жил в очень скромном домике. Мы с Костей расположились так, что заняли практически всё помещение. Брат показал нам своё хозяйство, рассказал о своей жизни. Мы много беседовали. Он расспрашивал о жизни церкви, мы много свидетельствовали и о Библейской школе, и о положении церквей.

Вечером брат познакомил нас с верующими, собравшимися, чтобы послушать гостей из далёкой Украины. Мы поделились Словом, ответили на вопросы. Люди очень благодарили за брата Ивана Яковлевича. Оказывается, они долго молились и просили, чтобы Бог послал им служителя. И Он ответил на их молитву через ссылку брата. Мы слушали это свидетельство, и нам всё понятнее становилось место

Писания: «Любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу». Именно, наверное, поэтому Иван Яковлевич слушал свидетельства сестёр с улыбкой на лице. В конце нашего общения мы составили план пребывания в общине, наметили собрания, личные беседы с душами, желающими заключить завет с Богом через водное крещение. Друзьям не хотелось расходиться, но мы очень устали от длительных перелётов, и им пришлось отпустить нас на отдых.

Вопрос крещения был у нас одним из главных. Надо было провести беседы с желающими принять крещение и найти место для его проведения. При встрече с одной сестрой мы услышали свидетельство, поразившее нас до глубины души. Спокойно рассказывая о пережитом, она обратила особое внимание на безграничную любовь и милость нашего Господа к ней:

– Своих родителей я не знаю, ибо росла и воспитывалась у добрых людей, которые долгое время скрывали от меня

Евангелизационная группа. Н.Е. Шепель в центре снимка. Внизу: справа – Павел, слева Петя

моё происхождение. Мои приёмные родители нашли меня в своей конюшне, куда меня, замотанную в тряпки, поздно ночью бросили под ноги лошадям.

Когда хозяин рано утром зашёл в конюшню, то обратил внимание на странное поведение лошадей. Они настороженно кидались из стороны в сторону, храпя и мотая головами. Подняв свёрток и поняв, что в нём – что-то живое, хозяин быстро устремился в дом и передал его жене.

Развернув свёрток, они увидели девочку, которая была настолько обессиленной, что уже не могла кричать. Ей было всего несколько недель. Обогрев и накормив малютку, стали думать, что делать. Заявили в сельский совет, искали мать. Время шло, но никто не отзывался. Девочка выжила, хотя надежды на это было мало. Так как своих детей у них не было, они оставили её у себя и удочерили.

– Так я выжила – по милости Божией, много пережила за свои сорок с лишним лет, – продолжала сестра, – и теперь рассказываю вам свою историю. Бога я искала с самого детства, но не знала истины. Евангелия у меня не было, я не встречала никого, кто рассказал бы мне о Боге. У нас здесь, знаете, люди больше заняты собой и своим хозяйством. Грамотных тоже было немного. Но свет Евангелия разными путями начал проникать и к нам. Слава Богу, к нам прислали брата Ивана Яковлевича. Он много потрудился, рассказал нам о Господе и Спасителе. Я познакомилась и подружилась с такими же, ищущими спасения своей бессмертной души. Вот теперь есть желание заключить завет с Господом через водное крещение.

Выслушав свидетельство, мы могли только поблагодарить Господа за дивные и чудные Его дела. Так у нас решился первый вопрос, и три души были готовы принимать крещение. Второй вопрос мы надеялись решить быстро, но всё оказалось не так просто. Горные речушки были, но очень мелкие. Вода в них была чистая, но очень холодная. Мы обошли много мест, и остановились на самом подходящем варианте.

ли они в то, что Христос вчера и сегодня... Тот же, а также о том, нет ли каких грехов, которые сначала надо оставить через покаяние с исповеданием. Потом, при поддержке церкви, братьями-служителями совершалась молитва с возложением рук.

Когда очередь дошла до сестры с мальчиком, она сказала:

– Мы должны на этой неделе ехать с ним в Киев – в клинику к профессорам, так как у него дёсна воспалены так, что причиняют ему страшную боль. Местные врачи не смогли ничем помочь. Я верю, что молитва исцелит его, и мой сын снова будет здоров.

На это брат ответил:

– По вере вашей да будет вам!

Мы совершили молитву. Собрание закончилось, все разъехались, а через время при встрече брат сказал мне:

– Ты помнишь маму с мальчиком, у которого была проблема с дёснами?

– Хорошо помню, а у тебя есть что рассказать?

– Да, брат. Я её видел, и она рассказала следующее: «Домой мы ехали автобусом и благодарили Бога за то, что Он ответил на нашу просьбу. Всё было хорошо, и никаких жалоб на боли. Но когда приехали домой, и он побежал на улицу гулять с ребятишками, то два раза возвращался в дом и говорил, что опять болит. Я же ему отвечала: «Сынок, успокойся, мы помолились, и Христос тебя исцелил. Иди, всё будет хорошо». Он убегал опять. К вечеру боли прекратились, и до сегодняшнего дня мой сын здоров. Я сердечно благодарна за это Господу».

Итак, мы видели руку Божью в нашем служении.

Однажды одна сестра из поместной церкви подошла ко мне с просьбой:

– Моя старшая сестра Наталья, проживающая в селе Бузуков, сильно заболела. Врачи обнаружили у неё рак лёгких и отправили домой умирать. Её невестка работает медсестрой в этой больнице, и ей всё рассказали. Наташа раньше была

членом церкви, но вышла замуж за человека, который всю жизнь очень противился Господу. Жене своей он строго запретил посещать собрания верующих, да и церкви в их селе не было. Теперь, когда муж умер, она одна в доме, к тому же сильно заболела, и желает покаяться и попросить прощения у Господа, в Которого всегда верила, несмотря на запреты и обстоятельства.

– Хорошо, – ответил я, – мы выберем время и посетим больную.

– Только бы не опоздать, – забеспокоилась сестра.

Была зима, выпал снег, но автобусы в Бузуков ходили, хотя и не часто. Мы узнали расписание, и вечером два брата и четыре сестры поехали навещать больную. Зимние дни – короткие, и когда мы приехали в село, уже стемнело. От остановки по протоптанной в снегу тропинке друг за другом пошли к домику, где жила Наташа. В окнах горел свет. Рядом жили сын с невесткой, которые и присматривали за больной матерью.

Когда мы открыли дверь и поздоровались, то увидели невестку и соседей, которые о чём-то тихо разговаривали. Мы объяснили цель нашего визита. Невестка с сожалением сказала:

– Буквально недавно медсестра сделала укол морфия, и она уснула.

Мы в нерешительности стояли у двери, и не знали, что нам делать. Наша поездка казалась напрасной, мы не учли обстановки на месте.

– Давайте предоставим всё Господу в молитве, – предложила сестра Наташи.

Мы согласились и, преклонив колени, горячо помолились Господу, чтобы Он усмотрел нам беседу с больной. После этого сестра зашла в спальню, и через несколько минут вышла с радостным лицом.

– Друзья! Господь ответил на нашу просьбу. Наташа проснулась, желает всех нас видеть и молиться вместе с нами.

Для нас это было хорошим знаком и большим ободрением. Мы увидели в этом содействующую руку Божию, и уже в комнате, где на постели лежала Наташа, совершили молитву и попросили Божьего присутствия и благословения на предстоящую беседу.

Вначале я взял больную за протянутую ко мне слабую руку и задал ей несколько вопросов:

– Наташа, несмотря на ваше прошлое, вы верите, что Иисус Христос – ваш личный Спаситель?

– Верю, – ответила Наташа.

И голос её звучал вполне уверенно.

– Вы верите, что все грехи, допущенные в прожитой жизни, Христос по вашей молитве вам простит?

– Верю, – опять прозвучал твёрдый ответ.

– Наташа, – продолжал я, – если Господь заберёт вас к Себе, то у Него вам будет намного лучше, чем на земле. Там не будет уже болезни, не будет одиночества, не будет никакой нужды. Сам Иисус Христос сказал, что у Него обителей много, и это – прекрасные обители.

Наташа внимательно слушала, и глаза её засветились радостью и надеждой.

– Вы желаете помолиться, чтобы Христос простил вам все грехи и принял вас к Себе?

– Желаю... Помолитесь и вы за меня.

Она прикрыла глаза и в краткой молитве попросила за всё простить её. Просила прощения и за охлаждение, и за страх перед мужем, за своё малодушие и маловерие. Её «Аминь» мы дружно поддержали. После Наташи молились все присутствующие.

Я вновь задал ей вопрос:

– Вы желаете восстановления в Церкви Христа?

– Да, очень желаю...

– Помолимся и об этом, – сказал я. И мы вновь горячо обратились к Господу.

Во время молитвы Господь положил мне на сердце спросить у Наташи о том, о чём я обычно спрашиваю у больных:

– Вы верите, что Христос может вас исцелить, если Его об этом попросить с верой, и если эта просьба соответствует Его воле?

– Верю! И пусть Господь Сам усмотрит всё.

– Тогда будем совершать молитву, – сказал я, после чего положил руку на её голову и попросил Господа об исцелении Наташи по её вере и согласно Его святой воле.

Все друзья, несмотря на кажущееся безвыходное положение, вместе с Наташей дружно сказали: «Аминь». Мы оставили Наташу, предав в любящие руки Господа, попрощались с соседями и родными, и поспешили на автобус, чтобы не опоздать. Это был последний рейс.

Домой ехали молча, каждый думал о том, что только что пережил. У каждого на сердце было что-то своё, особенное, и никто не торопился это высказывать. Если следовать логике, Наташе оставалось жить несколько дней. Но что будет дальше, один Господь знает.

Прошла неделя. Сообщений из села Бузуков – никаких. В церкви мы всё объяснили, и все засвидетельствовали, что Наташа принята в члены церкви. Прошла ещё неделя, всё тихо. Прошёл месяц, решили вновь посетить больную. Когда с её сестрой вошли в дом, то увидели, что она уже не лежит, а сидит на постели. Нам сказали, что морфий отменили, и Наташа ночью спокойно спит.

Увидев радостную улыбку на её лице, мы тоже обрадовались.

– Наташа, как сейчас ваше самочувствие? – спросил я.

– Благодарение Богу, намного лучше. Боли в груди не чувствую, дышать намного легче, но в теле ощущаю слабость.

– А как вы едите? У вас есть желание принимать пищу?

– Да, мне готовят бульон, и я понемножку ем.

Мы сказали Наташе о решении церкви, и она искренне благодарила и нас, и Господа за то, что она теперь восстановлена в Теле Христовом. После всего увиденного и услышанного мы от всего сердца вознесли хвалу Богу. Невестка ска-

зала нам, что собирается отвезти свекровь в больницу для проверки.

Так мы уехали в надежде на лучшее. А через короткое время получили свидетельство о результатах этой проверки. Анализы и рентген показали, что лёгкие у Наташи здоровы. Собрали целый консилиум, прямо при Наташе начали рассуждать, как такое могло случиться? Выписали в безнадёжном состоянии, думали, что её уже похоронили, а она, жива и здорова, сидит перед ними. Что бы это значило? Один врач высказал такую мысль:

– Скорее всего, это подействовало лекарство, которое мы вводили Наташе на протяжении всего лечения.

Тогда Наташа спокойно возразила:

– Знаете, что я вам на это должна сказать? Не лекарство и не ваше лечение меня исцелило, а Иисус Христос – по моей вере и просьбе, и по молитве верующих.

Они улыбнулись, но промолчали, боясь что-либо говорить по этому поводу, так как атеистическая власть тогда была господствующей.

В церкви мы не делали сенсации, а скромно благодарили Господа. Когда весна вступила в свои права, растаял снег и начала зеленеть трава, я посетил Наташу. Она хлопотала по хозяйству, планируя, где и что будет сажать.

Я спросил её:

– Сестра, вам уже скоро восемьдесят, у вас что-нибудь болит?

Она улыбнулась, глядя на меня, и сказала:

– Ноги, бывает, болят, если много хожу, спина болит, если часто нагибаюсь, да и руки болят, потому что много работы. Я же в доме одна.

– А лёгкие не болят? – спросил я, посмотрев Наташе прямо в глаза.

– Нет, брат, лёгкие не болят.

– Слава Господу, – сказал я, – что Он врачует и исцеляет.

Сестру Наташу я посещал около десяти лет. Проводил беседы, совершал Вечерю. Посещала её и группа молодёжи.

Она всегда была бодрой и радостной, всегда благодарила Господа за Его дивную милость к ней и исцеление.

Сейчас Наташа уже в вечности. Она ушла к Господу, Который простил её, как ту великую грешницу, помиловал, исцелил и принял в Свои обители.

Я изредка вспоминаю об этом на больших собраниях, чтобы никому не приписать славу и не оскорбить нашего любящего Господа, как это делают некоторые в таких случаях в наши дни.

Часть 2 Глава 25

Откровенный разговор

Этот случай произвёл впечатление на многих в церкви, особенно же – на тех, которые из-за своей болезни не могли посещать собрания. Так, одна из сестёр, в доме которой проходило собрание, после служения обратилась ко мне:

– Николай Емельянович, можно мне с тобой откровенно поговорить?

– Безусловно, можно, я готов вас выслушать, – ответил я.

– Знаешь, брат, у меня тоже большая проблема со здоровьем. Я об этом молюсь Господу уже долгое время, но хотела бы попросить совершить молитву с возложением рук о моём исцелении. Дело в том, что лечение врачей мне не помогает.

Что я мог сказать, слушая её просьбу? Одно я знал наверняка, что отказать нельзя. Но и дать сестре обнадёживающий ответ тоже не мог. Поэтому сказал ей так:

– Давайте этот вопрос предоставим Господу в молитве. Хорошо проверьте свою прошлую жизнь. Всё, что Дух Святой вам откроет, надо принять, покаяться, исповедать и попросить прощения, проследив за собою, чтобы был плод покаяния. Второе необходимое условие – это глубокая вера в исцеляющую силу Божьей благодати.

Сестра согласилась, и мы назначили время встречи. Вначале совершили молитву о прощении всех исповеданных грехов. А после молилась сестра, чтобы Господь исцелил её от болезни. Я внутренне понимал, что чего-то здесь не хвата-

ет. Но я ничего не мог сделать, и поэтому совершил молитву с возложением рук и просьбой, чтобы Господь явил милость к сестре и исцелил её, если Его воле угодно. После этого мы поблагодарили Господа, доверившись Его воле.

Прошло время, но сестра оставалась больной. Мне трудно сказать, почему. Кажется, с моей стороны было сделано всё по Его Слову, но... исцеляет Господь, а не мы или наша молитва. Молитва веры – это только путь к достижению цели. А «Он взял на Себя однажды наши немощи и понёс наши болезни». Сестра так и отошла в вечность со своим недугом. Но перед этим Господь показал нам, сколько внутренних проблем было в её сердце. Они так и остались неразрешёнными и глубоко сокрытыми.

Быстро пробежало лето, вновь наступила зима. Первый снег покрыл землю мягким белым ковром. Идя на работу, я встретил молодую сестру, которая не так давно переехала в Черкассы в поисках работы. Она жила со своей бабушкой и посещала поместную церковь. Поравнявшись с ней, я сказал:

– Приветствую, сестра Оля. Я хотел у тебя спросить о бабушке. Она такая ревностная сестра, но я уже два воскресенья не вижу её на собраниях.

– Приветствую, – ответила она, – а я как раз хотела передать вам просьбу от бабушки. Она сильно заболела, слегла и готовится к переходу в вечность. Уже и маму пригласила, чтобы повидалась с ней перед смертью.

– Теперь я понимаю, почему у меня было большое побуждение посетить сегодня твою бабушку. Вечером постараюсь зайти к вам, – сказал я, прощаясь с Олей.

Зимние дни – короткие, и когда я вышел из дома, уже начало темнеть. Подойдя к калитке, я ещё раз кратко помолился, прося Божьего благословения на посещение больной сестры.

Хата, в которой она жила со своим охладевшим к Богу и отпавшим от церкви мужем, была старенькой. Она делилась на две части – прихожую, в которой была печка, и комнату.

Обстановка была скромная, но везде было чисто и прибрано. Дедушка лежал на кровати у стены, не проявляя никакой реакции на моё приветствие, видимо, после очередной попойки. Для него выпить вечером – было обычным делом. На моё приветствие ответила дочка, которая как раз хлопотала у печи. Она провела меня в комнату и поставила табуретку возле кровати, где лежала больная.

– Приветствую, сестра Оксана, – сказал я, взяв ослабевшую руку сестры, – что это с вами?

– Да вот, что-то болит внутри, подняться не могу. Думаю, что это уже конец моим страданиям. Увидела тебя, брат, и рада. Хочу побеседовать, помолиться и предать всё в руки Господа.

– Я также, сестра, шёл к вам с целью побеседовать и помолиться, – ответил я. – У вас есть на сердце что-то, что вы хотели бы открыть и исповедать Господу? В чём-то вас, может, осуждает совесть?

– Я долго думала, лёжа в постели, и Господь мне напоминал, где я, бывало, ленилась посетить собрание, ссылаясь на усталость. Также бывала невоздержанной. Вы же знаете, с каким мужем я живу. Он постоянно пьёт, а я за него молюсь, чтобы Бог дал ему покаяние. Бывало, что мало жертвовала на дело Божье, а теперь вот сожалею, каюсь и плачу.

Так мы беседовали около часа. Я задавал вопросы, сестра отвечала, во многом осознавала свою виновность и каялась. А когда беседа подошла к концу, я, как обычно в таких случаях, спросил:

– Сестра Оксана, мы будем в молитве просить Господа о прощении всех исповеданных вами грехов. Вы твёрдо уверены в том, что «...когда мы исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит от всякой неправды»?

– Безусловно, верю, ибо так написано в Его Слове, – ответила сестра.

– Вы верите, что Господь заберёт вас к Себе, на небо, когда придёт время?

– Да, верю, – сказала сестра, – у меня нет никакого сомнения.

– А вы хотели бы попросить Господа, чтобы Он исцелил вас, если на это есть Его воля?

– Верю, и хочу Его попросить об этом, – ответила сестра, и в голосе её прозвучала неподдельная искренность.

– Тогда будем молиться. Я позову вашу дочку.

Когда я рассказал о нашем желании обратиться с просьбой к Господу, дочка со слезами помолилась первой. Потом – сестра Оксана. Она каялась, просила прощения и доверила свою жизнь Его любящим рукам, веря, что Он, если пожелает, может её исцелить. В конце молился я, возложив руки на голову сестры. Я поблагодарил нашего Спасителя за Его Голгофскую жертву, за пролитую на кресте Кровь, за победу над властью греха, болезни и смерти и попросил, чтобы Христос, если есть на то воля Его, исцелил и поднял с постели сестру.

Я пожал руку сестре Оксане, попрощался и направился к двери. Её дочка оделась и вышла проводить меня до калитки. Перед тем, как разойтись, мы около получаса беседовали о сложившихся обстоятельствах и её переживаниях. Потом она пошла в дом, а я зашагал по заснеженной улице домой. Я шёл и размышлял о прошедшей беседе. Для меня были приятны искренность, простота и сердечность сестры. Я благодарил за всё Господа.

На следующий день мне передали, что когда дочка возвратилась в дом, сестра Оксана же сидела на постели. Утром она поднялась и хлопотала у печки. В пятницу пришла на молитвенное собрание, чтобы поблагодарить Бога за исцеление. После собрания я подошёл к сестре и, приветствуя её, спросил:

– А как ваш муж отреагировал на то, что Господь совершил на его глазах?

– Пока, брат, никак, – ответила она.

Я очень удивлялся той беспечности к своей бессмертной душе, какая проявлялась у Трофима, бывшего когда-то членом церкви.

Но прошло немного времени, и мы получили от него приглашение посетить их дом. Я взял с собой брата. И что мы увидели? Трофим лежит в постели, в тяжёлом состоянии. Смерть подошла так близко, что он, наконец, опомнился и решил обратиться к Тому, Кому когда-то обещал служить доброй совестью, а потом изменил. Увидев нас, он сразу прямо заявил:

– Братья, я хочу искренне покаяться во всём, что у меня было в прошлой жизни...

Мы с братом переглянулись, не зная, как правильно поступить. Начать разбираться, в чём он виновен, и раскладывать все его грехи по полочкам? Или согласиться просто молиться и просить за всё прощения? И мы сказали:

– Давайте вместе будем просить милости у Того, Кто один может миловать.

Это было такое раскаяние, какого я ещё не слышал. Это был вопль души, стоящей на краю глубокой пропасти, называемой адом. Слёзы заливали не только лицо, но и подушку. Он исповедовал Господу всё! И измену, и неверность, и пьянство, и многое другое. Он просил за всё простить его, как окаянного грешника. А в конце молитвы сказал так:

– Господи, если Ты усмотришь ещё оставить меня на земле, то я обещаю Тебе, что засвидетельствую всем моим собутыльникам, что был страшным грешником, но теперь помилован и оставлен в живых, чтобы призвать их к покаянию, чтобы они оставили эту беспутную жизнь, пока ещё Бог терпит и милует их.

Мы с братом также помолились и попросили у Бога милости и прощения для этой души ради Голгофской жертвы и пролитой Крови нашего Спасителя и Господа Иисуса Христа. Мы также попросили, чтобы, если это угодно Ему, Он исцелил больного и оставил на земле для свидетельства. Мы были рады видеть рядом жену Трофима, стоящую на коленях и благодарящую Бога за услышанную молитву.

Когда мы вставали с колен, то увидели на лице Трофима улыбку радости и умиротворения. Мы поняли: молитва ус-

лышана и прощение даровано. А через некоторое время он попросил:

– Братья и сёстры, примите меня в члены церкви, простив блудного сына, как простил меня мой Небесный Отец.

Брат Трофим на протяжении нескольких лет не только словом, но и делом свидетельствовал всем, кто знал его как неисправимого горького пьяницу, что Господь силен спасти по вере.

Церковь, его родные и близкие сердечно благодарили Бога за Его благодать, содействующую нам в служении.

Часть 2 Глава 26

Дивные перемены

Как погода меняется под лучами весеннего солнца, так менялась и наша жизнь под влиянием внешних перемен в стране. Сначала люди говорили о наступившей оттепели, так называемой перестройке, а потом и вовсе о независимости Украины. Во всех этих переменах просматривалась дивная рука нашего Господа, отвечающая на молитвы народа Своего, остающегося верным в гонениях и преследованиях.

Первым делом с меня сняли надзор. Потом вызвали и зачитали решение о реабилитации. Даже выдали удостоверение, где было написано следующее: «Пред'явник цього посвідчення має право на пільги і компенсації, встановлені Законом Української РСР «Про реабілітацію жертв політичних репресій в Україні». Посвідчення безстрокове і діє на всій території Української РСР».

Пользуясь возможностью, мы, при поддержке миссии в США, возглавляемой Г.П. Винсом, и миссии FriedensBote в Германии, выкупили в Черкассах пришедшее в запустение помещение клуба «Строитель» и начали его переоборудование в Дом молитвы. Так как в нём не было ни окон, ни нормальных дверей, то начали с этого. Потом убрали сцену, обновили стены и потолок, оборудовали классы для детского служения и библиотеку.

Разборы Слова Божьего и молитвенные собрания стали неотъемлемой частью нашего служения. Малый зал при мо-

литвенном доме был отведён для благотворительного служения.

Жизнь церкви набирала силу нового расцвета: души каялись, принимали крещение, расширялась работа в области по благовестию. С новой силой началось служение среди народа Божьего. Большую помощь в этом служении оказывал брат Георгий Винс. Участились братские общения – как областные, так и всеукраинские. Благодаря благовестию, в Черкасской области стали возникать новые группы верующих, а через время они перерастали в поместные церкви.

Однажды Господь открыл мне кое-что через сон. В сплошной темноте я с группой братьев, которых узнавал только по их голосам, должен был тянуть большую телегу. Мне с несколькими другими досталось деревянное дышло впереди телеги. Остальные братья толкали её сзади и по бокам. Тянуть было тяжело. Мы спотыкались, падали, поднимались, но, несмотря на кромешную тьму и трудности, продвигались вперёд. Проходило время, и по голосам можно было понять, что участников становится всё меньше.

Но вот стало чуть светлей. Я почувствовал небольшое облегчение. Вокруг начали обрисовываться смутные очертания местности. А главное, я увидел узкую тропинку, извивающуюся посреди широкого поля. Прилагая огромные усилия, я двигался по этой тропинке. Становилось всё светлее и светлее, скоро должно было взойти солнце. Можно было уже разглядеть на кромке зеленеющего поля капельки освежающей росы.

Вскоре я понял, что голоса вокруг меня умолкли, и я остался один. Впереди виднелось огромное здание с воротами, к которым меня привела тропинка. Я ни разу не оглянулся назад и не видел, что же я тяну. Когда я оказался у самых ворот, взошло солнце, и его яркие лучи осветили меня и мой груз. Оглянувшись назад, я увидел то, что меня просто поразило. Оказывается, двухколёсная повозка была наполнена слитками золота, ярко сияющими в солнечных лучах. От неожиданности я ахнул.

Потом посмотрел вперёд, и в это время увидел сверху что-то наподобие большой птицы, какой раньше никогда не видел. Она издавала удивительные звуки, каких я раньше никогда не слышал. Я понял, что это ангел. Он быстро подлетел ко мне и, протянув небольшую белую лепёшку, улетел. Я положил лепёшку в рот, и она тут же растаяла, оставив медовый привкус. Силы мои окрепли. Мне надо было сделать только один шаг, чтобы переступить порог этого большого здания. И тут я проснулся.

Долгое время я был под впечатлением этого удивительного сна и мало кому о нём рассказывал. Но у Бога милосердного – и планы, и исполнение этих планов. И блажен тот, кто предаёт свой путь в Его руки.

Однажды брат-служитель из Умани попросил помочь ему в одном очень важном деле. Приехав, я услышал поучительную историю об одной сестре, члене их поместной церкви. Она хотела покаяться, исповедать перед братьями все допущенные грехи, чтобы потом в молитве попросить Господа об исцелении, ибо была прикована к постели. Подобных нужд в нашем служении встречалось немало, но эта была особенной. Брат рассказал такую историю:

– Эта сестра – дочь верующих родителей, живут они в селе, недалеко от нашего города. Она вышла замуж за неверующего, родила двух девочек, но серьёзно заболела и оказалась прикована к постели. Муж не смог этого выдержать и заявил, что едет на заработки в Россию. Она плакала и просила не оставлять её в таком состоянии, но он убеждал, что для лечения нужны деньги, а их-то как раз и нет. Обещал скоро вернуться, но проходили месяцы, потом и годы, а от него не было никаких вестей.

Находясь в бедственном положении, но при поддержке верующих родителей, постоянно слыша от них Слово Божье, она начала осознавать своё греховное положение и каяться. Наступил момент, когда они пригласили меня выслушать её исповедание и совершить молитву. Она проявила живую веру, искренне покаялась и засвидетельствовала о том, что

верит в исцеляющую силу Божьей благодати. Я совершил молитву с возложением рук. К большой радости и её, и родителей, Господь помиловал её и поднял с постели. Приняв крещение, она стала ревностным членом поместной церкви. Несмотря на штрафы и угрозы, она постоянно посещала собрания. В то время они проводились, в основном, в нашем доме. От автобусной остановки надо было немного пройти по тротуару, а потом – по парковой зоне метров пятьсот. В нескольких кварталах от парка был наш дом.

Всё было благополучно до одного случая. Перед этим в её сознании не раз появлялись мысли о бывшем муже, она начала по нему скучать и вспоминать, как жила с ним, и как никогда остро чувствовала тоску и одиночество. Всё настойчивее подступали почти непреодолимые чувственные желания.

Произошло это уже поздней осенью. Когда она, торопясь на собрание, проходила по парковой зоне, уже темнело. Вокруг было тихо, она спокойно шла, размахивая сумочкой, которую держала в руке. Вдруг раздался треск раздвигаемых веток, наперерез ей неожиданно вышел мужчина и схватил её за руку, в которой была сумочка. Как позже выяснилось, в ней лежали золотые обручальные кольца. Мужчина тихо, но решительно сказал: «Ты в этот вечер моя!» – и потянул её в темноту.

Она могла бы кричать, но голос пропал, могла бы сопротивляться, но он крепко держал её руку, в которой была сумочка с дорогими для неё вещами. Было ещё что-то, что властвовало над ней, и в чём она в тот момент не могла разобраться. Позже она назвала это искушением. И она уступила.

После того, как она вернулась домой, боль в ногах свалила её в постель. Старая болезнь возвратилась. Теперь она плачет и кается. Дочери подросли, и не желают её слушать, не хотят ей помогать, в доме – беспорядок. Ходить она не может. Хочет опять просить милости у Бога. Родители – в отчаянии.

Выслушав это свидетельство брата, я сказал:

– Брат, с подобным я ещё не сталкивался. Думаю, что положение сестры очень и очень сложное, здесь попрана Божья милость, однажды уже проявленная к этой душе.

– Но давай завтра послушаем её, и потом уже примем решение, – попросил брат, – она очень нуждается в поддержке в своём тяжелейшем положении.

Я согласился.

Мы посетили сестру утром, долго беседовали, слушали её свидетельство, видели её раскаяние, слёзы. Она не просто каялась, а казнила себя за допущенные грехи и промахи в жизни. Потом, посоветовавшись с братом и учитывая все нюансы, решили совершить молитву и попросить милости у Господа, чтобы Он простил, помиловал и вновь исцелил от болезни.

Я уехал домой, а брат через время сообщил, что всё осталось без изменений. У Бога, оказывается, были совсем другие планы. Сестра, к большому сожалению, так и оставалась прикованной к постели до самого перехода в вечность. Это поучительный урок для нас.

А через время я стал свидетелем и участником ещё одной непростой истории. Из небольшой сельской церкви мне передали, что молодая, очень жертвенная и ревностная сестра, заболела и желает побеседовать и помолиться. Я сказал, что готов: пусть приедет ко мне домой, когда будет возможность. Сестра приехала с родственниками. По её лицу видно было, что она очень больна.

Когда мы попросили благословения на беседу, я понял, что сестра искренно верит в силу Божьей благодати, в своё исцеление. Подход к решению молитвенной нужды был правильным. Проверив свою прошлую жизнь, она покаялась, исповедав все грехи, открытые ей Святым Духом. Потом, убедившись, что она правильно понимает суть просьбы об исцелении, мы молились о прощении и благодарили Господа за услышанную молитву.

Потом, убедившись, что она правильно понимает суть просьбы об исцелении, мы помолились с возложением рук. Поблагодарив Господа, друзья уехали.

Прошло несколько дней, и ко мне приехал отец сестры, весь в слезах:

– Николай Емельянович, объясни, что случилось, и, ради Бога, помоги. После возвращения домой дочери стало плохо, как и прежде, пошли отёки, набирается вода. Но она не хочет принимать никаких медикаментов, утверждая, что Господь исцелил её по молитве. Посоветуй, что нам делать, – попросил брат, – мы видим, что если ничего не предпринять, дочь умрёт. А кроме тебя, она никого не желает слушать.

– Я согласен сейчас же ехать с вами, – сказал я.

Когда мы приехали, я понял, что больная действительно в критическом состоянии. Мы помолились, и я побеседовал с ней, обратив её внимание на то, как Господь отвечает на наши молитвы об исцелении, если на то есть Его воля. Либо делает это сверхъестественным путём Сам, либо – через врачей и лекарства. Она задала ещё много вопросов, и я отвечал ей текстами из Писания.

В заключение беседы она спросила:

– Я не оскорблю Господа, если приму сейчас лекарства?

– Нисколько, – ответил я.

Тогда она согласилась помолиться и попросить благословения на продолжение лечения. Через время ей стало легче, и все благодарили Господа.

Я уехал домой с миром и спокойствием в сердце.

Часть 2 Глава 27

Освобождение зависимых

Гонения 60-х пошли на пользу народу Божьему, ибо очистили церковь, объединили и сплотили её. Свобода 90-х годов, наоборот – расслабила, многих рассорила друг с другом, и часто служила поводом к угождению плоти. Это произошло и в нашей практике служения. Церковь разделилась на три части. Одна часть продолжала проводить богослужения в посёлке Хуторы, а две другие – в Черкассах. Чтобы не создавать межцерковных проблем, мы все наши усилия направили на благовестие. Мы считали, что свободу, дарованную по милости Божьей, надо использовать правильно, чтобы потом не оказаться виновными пред Господом. Ведь Он перед Своим вознесением сказал: «Дана Мне всякая власть... Итак, идите и проповедуйте Евангелие».

Для того, чтобы благовестие было эффективным, надо было решить три основных вопроса: во-первых, вопрос полного посвящения на это служение хотя бы двух братьев, во-вторых, вопрос транспорта, задействованного непосредственно для этого, и, в-третьих, вопрос материальной поддержки служения. Церковь молилась, и Господь ответил и послал просимое.

Тогда был разработан и согласован план совершения данного труда. Братья должны были четыре раза в неделю с утра до вечера ездить по сёлам, в которых Господь откроет возможность для простой и доступной проповеди Еванге-

лия. Каждый день братьям надо было посетить семь-восемь мест, причём часто таких, где многие раньше не слышали о Боге. Нельзя сказать, что всё давалось легко. Были трудности, но Господь давал силы их превозмочь, и посылал Своё благословение.

Через год души начали каяться и заявлять о своём желании креститься. За несколько лет постоянного труда – зимой и летом, в жару и стужу – образовались новые поместные церкви. Господь в Своей заботе посылал простые молитвенные дома, где могли собираться верующие.

Совершая служение, братьям пришлось столкнуться со сложными духовными проблемами, о которых они до сих пор знали только теоретически. Это были проблемы многих сельских жителей, связанные с оккультизмом. Однажды, приехав из одного села, они рассказали такую историю из жизни молодой женщины.

Она вышла замуж, жили с мужем в мире и согласии, родила ребёнка. Решили его крестить. Поехали в церковь, представились священнику. Он выслушал их и задал вопрос маме:

– А вы крещены?

– Нет, меня родители в детстве не крестили, – ответила женщина.

– Тогда надо вам вначале креститься, а потом крестить ребёнка.

Она согласилась. Обряд был совершён, она получила крестик на цепочке, и священник предупредил, чтобы она его не снимала. Когда приехали домой, то в первое же утро, проснувшись, она обнаружила, что крестик лежит на тумбочке возле кровати, а цепочка осталась на шее. Женщина удивилась, и решила вернуть крестик на место, приложив для этого немало усилий.

Но наутро всё повторилось. Потом – снова и снова. После этого начались страшные скандалы с мужем. При всех её стараниях, уговорах и слезах удержать его не удалось, и всё

кончилось тем, что муж оставил семью и уехал в неизвестном направлении.

Она устроилась на работу в магазин к частному предпринимателю. Там и начались у братьев-проповедников встречи и беседы с людьми. Они предложили всем желающим приходить туда в определённое время, чтобы хотя бы минут тридцать-сорок посвятить чтению Евангелия и рассуждению о прочитанном. Братья заметили, что атмосфера во время общений очень тяжёлая. Рассказали об этом в церкви и пригласили меня побывать на одной из таких встреч.

Мы с братом Андреем приехали в магазин. Была зима, как раз выпал снег, людей было немного. Я внимательно наблюдал за обстановкой. Вначале брат Андрей представил меня присутствующим:

– Это – служитель нашей церкви. Он уже давно трудится для Господа и может ответить на ваши вопросы.

После этого он кратко помолился и, открыв Евангелие от Матфея, стал читать главу, в которой говорилось о начале служения Иисуса Христа.

Женщина неожиданно резко встала и начала ходить по магазину. Лицо её исказилось, покраснело, а глаза стали искриться из-за неестественного блеска. Я, стараясь быть спокойным, спросил её, почему она себя так ведёт, но ответа не последовало. Она будто не слышала. Поняв, что это духовная проблема, я приказал ей во имя Иисуса Христа подойти к нам. Она подошла. Тогда я обратился к Андрею:

– Брат, прочитай стих ещё раз медленно.

Андрей стал читать, а я предложил ей повторять слова за ним. Она вытянулась, словно струна, и сказала:

– Мне сейчас голос внутри говорит: «Что ты слушаешь эту ахинею?!»

Тогда я понял, с кем имею дело, поэтому, пользуясь силой и властью нашего Господа, твёрдо приказал:

– Дух нечистый, именем и властью Иисуса Христа повелеваю тебе не мешать этой женщине слушать Евангелие, и сейчас же оставить её!

После этого она вдруг сорвалась с места и закричала:

– Я бегу отсюда, бегу! Я не могу здесь оставаться!

Безусловно, и для Андрея, и всех присутствовавших это было поразительно.

Тогда я ещё раз приказал:

– Дух нечистый, во имя Господа Иисуса Христа и Его пролитой Крови оставь женщину и не мешай ей слушать Его Слово.

Всё вдруг изменилось, она успокоилась, вернулась на своё место, и до конца нашей беседы слушала, что читал брат Андрей.

Мы закончили общение краткой молитвой и уехали. Перед этим я посоветовал женщине довериться Богу, проверить перед Ним свою жизнь и покаяться с исповеданием грехов. Однако она должна искренне пожелать не только прощения грехов, но и освобождения от оккультной зависимости, в которой находится.

К большой нашей печали, магазин вскоре закрыли, и мы потеряли с этой женщиной всякую связь.

А через время братья рассказали ещё об одном сложном случае в их служении. В городе Чигирине несколько душ уже не только уверовали, но и приняли крещение. У одной сестры девочка примерно лет четырнадцати оказалась в таком состоянии, что мать в слезах прибежала к брату:

– Я с ней уже замучилась, она всё стала делать мне назло. Деньги ворует, где бы я их ни спрятала, в школе ведёт себя вызывающе. Учителя стали жаловаться. Что мне делать? Молюсь, но перемен не вижу.

Братья предложили ей приехать в Черкассы в среду, в день, когда я беседую с тяжело обременёнными людьми. Она ответила согласием и попросила молиться об этом.

Через некоторое время мы встретились. Мать была сильно обеспокоена, а дочь крайне напряжена. Я понял, что проблема серьёзная, и если бы не молитвы за девочку, то вряд ли бы она согласилась приехать с мамой. Прежде всего, я

сказал им, что со слов братьев знаком с их ситуацией, и предложил:

– Давайте помолимся и попросим у Господа помощи для её разрешения.

Мы совершили молитву, и я попросил, чтобы Господь благословил нашу беседу и запретил нечистому духу мешать нам и проявлять физическое давление, а также, чтобы Он поставил ограду и защиту для нас во время беседы.

Мама в слезах изложила суть проблемы. Я слушал и смотрел на девочку. Она была замкнута, насторожена, но из глаз текли слёзы. Ей было жаль и маму, и себя, но чувствовалось, что она – под властью нечистого духа, и не может справиться с собой. Тогда я спросил её:

– То, что мама о тебе говорит, это правда?

– Да, правда, – сквозь слёзы ответила девочка.

– А ты хочешь быть свободной от этой зависимости?

– Да, конечно, а что мне надо для этого сделать?

– Прежде всего, доверься Господу и глубоко осознай, что ни я, ни мама тебя не сможем освободить, только Он может тебе помочь. Будь искренней и ничего не скрывай. Он и так всё знает, а ты открой и исповедай всё, что случилось с тобой. Итак, если согласна, рассказывай. А потом мы решим, что дальше делать.

И девочка начала рассказывать странную историю. Ничего подобного я доселе никогда не слышал.

– Ко мне ночью, после двенадцати, стал приходить мужчина в чёрном капюшоне на голове. Он садится на край кровати и, если я уже сплю, будит меня и даёт наставления о том, что я должна делать на следующий день. Он открывает мне, где мама прячет деньги, и требует, чтобы я воровала их. Если я не соглашаюсь, у меня начинаются боли в голове и в животе.

Внимательно слушая и стараясь не перебивать рассказ вопросами, я в молитве просил у Бога ясности, откуда эти атаки дьявола. Понятно стало, что девочка – просто жертва в духовной войне. Позже, обращаясь к сестре, спросил:

– Скажите, как у вас сложилась личная жизнь в семье, отношения с родственниками, соседями. Постарайтесь не упустить ни одной мелочи.

Она начала свой рассказ:

– С мужем жизнь не сложилась, давно живу одна с дочерью. Уверовала, приняла крещение, служу Господу в церкви. Мама – тоже верующая.

Потом, после небольшого раздумья, рассказала о родственниках, неверующих и противящихся Господу.

– У нас начался спор за наследство. Они требовали часть маминого дома, тогда как не имели к нему никакого отношения. Получив отказ, стали угрожать, мол, мы вам сделаем, будете ещё нас вспоминать. А однажды утром, это было летом, я увидела, что наш порог со стороны улицы посыпан пеплом. А также заметила, что дочка, идя утром в школу, прошла по нему. Я смела пепел и унесла подальше от дома. С тех пор не раз размышляла: для чего это было сделано?

– И после этого у вас начались проблемы? – спросил я.

– Да, – ответила сестра.

Тогда я, обращаясь к ним, сказал:

– Господь открыл вашу проблему, теперь будем просить, чтобы Он избавил от неё. Но для этого нужно искреннее покаяние во всех грехах, допущенных в жизни, исповедание этих грехов и отречение от тех, которые связаны с оккультной практикой. Надо в таком случае заявить твёрдо, во всеуслышание: «Господи, каюсь за такой-то грех (назвать его по имени), отрекаюсь от него, прости меня ради пролитой на Голгофе Крови, и освободи от последствий».

Видя согласие девочки, я задал ей несколько вопросов и попросил, чтобы она без смущения на них ответила. Она отвечала осознанно, хотя было видно, как ей нелегко. Девочка часто делала паузы, задумывалась. Ободряя её, я доступным языком старался объяснить ей, что сейчас происходит в духовном мире:

– Ты, исповедуя и называя эти грехи, как бы берёшь их и кладёшь к ногам Иисуса Христа. Теперь в молитве попроси

Его забрать их и освободить тебя от всех последствий. Если будешь просить с верой, то сейчас же получишь просимое, ибо Он Сам так сказал: «Просите, и дано будет вам... Всякий просящий получает». Обрати внимание на слово «получает», оно стоит в настоящем времени. Теперь ты согласна так молиться, с твёрдостью и верой?

– Да, – тихо ответила девочка.

Я несколько раз объяснил ей, как надо правильно просить Господа, ибо знал, что со стороны лукавого может быть противление. В конце молитвы попросил, чтобы она отказалась от встреч с человеком в чёрном капюшоне. После этого предложил помолиться маме, осознать перед Господом свою вину и попросить прощения, а также защиты от сил тьмы для их семьи. Она плакала, каялась, исповедовала свои грехи и просила милости, прощения и защиты у Господа. Особо умоляла помиловать её дочь, которую, в свою очередь, от всего сердца простила за всё её непослушание. И мы вместе в конце молитвы сказали: «Аминь».

В заключение помолился я, поблагодарив Господа, что Он открыл нам корень проблемы – чародейство. Поблагодарил за то, что и мама, и дочка, смиряясь, покаялись. А их попросил довериться Слову Божьему, говорящему, что если двое согласны просить Господа о всяком деле, то получат от Отца Небесного, потому что просили с верой, и не сомневаясь. Также в Слове сказано: «И вот, какое дерзновение мы имеем к Нему, что когда просим чего по воле Его, Он слушает нас. А когда мы знаем, что Он слушает нас во всём, чего бы мы ни просили, – знаем и то, что получаем просимое от Него» (1 Послание Иоанна 5:14-15).

На основании этих мест поблагодарил Господа за полученное по вере прощение и освобождение. Также силой и властью, данной мне Иисусом Христом, как Его служителю, разрушил наложенное через чародейство проклятие, и запретил духу нечистому приходить и прикасаться к девочке. Она – дитя Божье, и принадлежит Иисусу Христу. Я попро-

сил, чтобы Господь поставил защиту над домом, где она живёт с мамой. И мы опять сказали: «Аминь!»

После молитвы я задал девочке несколько вопросов:

– Где теперь те грехи, которые ты, исповедуя, положила к ногам Иисуса Христа? – она смотрела на меня, размышляя. – Они теперь числятся за тобой? – спросил я.

– Нет, их забрал Иисус Христос.

– Значит, ты свободна от грехов?

– Да, свободна.

– Ты свободна и от того нечистого духа, который приходил ночью и смущал тебя?

– Да, свободна. Христос меня освободил.

Я видел перемену, которая произошла. Она была и в душе, и в теле девочки. Тогда я предложил поблагодарить за всё нашего Господа. Помолившись, они ушли с радостью на сердце.

Через время я спросил братьев, каков результат нашей беседы. Они пересказали свидетельство сестры:

– Жизнь полностью изменилась. Дочь вновь стала послушной, перемена ярко выражена. В школе стала успешной, появилось желание учиться дальше, после среднего образования. В церкви решила заниматься с самыми маленькими детьми. И что самое главное – этот мужчина в чёрном капюшоне больше ни разу не появился и не потревожил девочку.

Часть 2 Глава 28

Примеры душепопечения

Видя в происходящем руку Божью, я начал понимать важность служения душепопечителя. Воля Господа, я понимал, была в том, чтобы изучать основы душепопечительства и научиться применять их в практике христианской жизни.

Однажды, после богослужения, а у нас в церкви в то воскресенье совершалась Вечеря Господня, ко мне подошла сестра, приехавшая из села:

– Брат Николай, я хотела спросить, как мне быть? У меня уже долгое время появляется неестественный страх.

Я знал сестру давно. У неё были проблемы в молодости, трудное замужество и непростая семейная жизнь, но было и искреннее желание служить Господу. Поэтому я пригласил её в кабинет, где провожу беседы и консультации по средам.

Когда сестра зашла, мы попросили благословения на предстоящую беседу. А после молитвы она рассказала о своей проблеме.

– Меня постоянно преследует страх, будто кто-то стоит у меня за спиной, следит за мной и даже физически на меня действует. Однажды ночью, как только я начала засыпать, с меня кто-то стал стягивать одеяло!

– Сестра, – сказал я, наблюдая за ней и внимая её рассказу, – а ты проверяла свою жизнь пред Богом, имела беседу с целью очищения?

– Да, брат, имела, проверяла и старалась быть искренней в исповедании.

– Что тебе говорил служитель относительно твоих страхов?

– Он спросил, были ли у меня проблемы с почками, и обращалась ли я к врачам.

Безусловно, я понял, почему брат задал такой вопрос. На почве заболевания почек, при интоксикации, могут возникнуть проблемы с ощущениями и воображением.

– Дорогая сестра, – возразил я, – ты до конца своей жизни будешь лечить почки, но тебе это не поможет. У тебя духовная проблема.

– А что мне делать? Вновь исповедовать уже исповеданные грехи?

– Думаю, у тебя где-то есть скрытый грех, связанный со спиритизмом.

– Что ты, брат, – ответила она, выражая явное недоумение, – я никогда не была связана с таким грехом.

– А ты не спеши делать выводы, а предоставь это дело Господу, и Дух Святой тебе откроет.

– А я не согрешу пред Господом, если буду сейчас называть уже исповеданные грехи?

Я успокоил её, сказав, что нужно искать, а значит, поднимать то, что было, на поверхность.

– Тогда я начну с начала, – и сестра назвала по имени три греха, достаточно веских, по её мнению, чтобы испортить отношения с Господом. Потом остановилась, задумалась и стала рассказывать случай из детства: – Я тогда ходила в третий или четвёртый класс. Однажды ученики нашего класса на большой перемене решили вызвать на контакт то ли Пушкина, то ли какого-то другого поэта. Я запомнила очень мало, но хорошо помню, что мне было интересно хотя бы со стороны посмотреть, что из этого получится.

– Вот и всё, – сказал я сестре, – с этого момента ты уже попала на крючок лукавому, он не упускает ни малейшей воз-

можности. Поэтому в Слове Божьем нам дано предупреждение: «... и не давайте места диаволу...»

После этого она вспомнила ещё одно обстоятельство своей жизни. По соседству с ней жила женщина с нарушенной психикой, которая время от времени попадала в психиатрическую больницу. Когда она бывала дома, то часто заносила сестре различные угощения. Та спокойно принимала их. Пришлось сестре объяснить:

– Если ты видишь проблему человека, и не знаешь природу её до конца, то будь осторожна, контактируя с ним. Надо стараться быть с такими людьми на расстоянии и поступать мудро. Не чуждаться, но и не сближаться до доверительной дружбы. Особенно это касается различных угощений. Часто дьявол использует и этот метод воздействия для нанесения вреда.

Я посоветовал сестре хорошо осознать всё исповеданное, поимённо назвать грехи Господу, засвидетельствовав перед всем духовным миром о своём раскаянии, и отречься от них. Нужно попросить не только простить её ради Голгофской жертвы и пролитой Крови нашего Спасителя, а также освободить от всех последствий греха. И, прежде всего, освободить от духа страха, который долгое время её преследовал. Объясняя, я старался подчеркнуть важность того, чтобы называть каждый грех по имени, полностью доверившись при этом Господу.

После этого сестра вместе со мной преклонила колени. Я внимательно следил и за молитвой сестры, и за её поведением. В молитве не было никаких препятствий до пункта, где надо было назвать грех спиритизма. Она вдруг замолчала и не знала, что дальше сказать. Видя эту паузу и понимая, что идёт духовная борьба, я в краткой молитве попросил Господа запретить лукавому мешать сестре, чтобы она могла исповедать свой грех, отречься от него, попросить прощения и освобождения от его последствий.

Она тут же всё вспомнила, и до конца молитвы уже не было никаких проблем. После неё молился я, благодарил

Господа за Его выраженное в Слове обетование о том, что когда мы Его просим и верим, что Он слышит нас, то и получаем просимое по вере и по воле Его. В конце молитвы я запретил духу страха преследовать сестру. Запрет был произнесён во имя Иисуса Христа и на основании власти, данной мне Господом, как Своему ученику и последователю: «Се, даю вам власть наступать на всякую вражью силу...»

Когда мы встали с молитвы, неподдельная радость была на лице сестры.

– Дорогой брат, – сказала она, – я только что испытала то, чего давно не испытывала.

– И что именно? – спросил я очень осторожно, зная, что на чувственной основе можно ожидать чего угодно.

– Когда я, как вы понимаете, с большим затруднением исповедала грех спиритизма и попросила Господа простить меня и освободить от его последствий, то словно чья-то сильная рука проникла вот сюда, – она показала на область груди, – и изъяла какую-то тяжесть. Мне сразу стало легко и радостно. Я готова сейчас петь, благодарить и прославлять моего Господа...

Тогда я предложил:

– Ну, что ж, давай, дорогая сестра, встанем пред Ним и поблагодарим Его за милость, прощение и освобождение. А также попросим защиты на будущее, ибо из опыта я знаю, что намного легче получить что-то по вере от Господа, чем сохранить полученное.

Мы, склонившись, горячо поблагодарили Его за всё и попросили защиты на дальнейшую жизнь сестры.

После этого я не раз встречал сестру, но она никогда больше не жаловалась на преследование страхом. Слава Господу за это!

Вспомнился ещё один случай. Однажды, опять-таки в среду, для беседы со мной приехали верующие из села под Черкассами – тётка и племянница с сынишкой лет тринадцати. Так как мы раньше не встречались, то начали со знакомства.

Старшая сестра в церкви занимается сестринским служением, её племянница – регент хора. У каждой из них была своя нужда. Кроме того, мама имела проблемы с сыном, это было видно по его поведению.

Когда мы познакомились, и они рассказали о том, что их беспокоит, я предложил помолиться и предоставить всё Господу. Первую беседу я имел с тёткой. Благо, проблемы были не очень сложные, она проявила понимание и искренность, и вопрос был решён без особого труда.

Когда я перешёл к беседе с племянницей, то сразу понял, что тут дело обстоит не так просто. Внешность сестры, её поведение свидетельствовали о том, что она находится под каким-то, пока непонятным для меня, духовным бременем. Поэтому я попросил её поподробнее рассказать о себе, о своих родителях, а также о своей семейной жизни.

– Мама моя – христианка, член нашей поместной церкви, а папа был полной ей противоположностью. Он не просто был неверующим, но изо всех сил противился Богу.

– В чём конкретно выражалось его противление?

– Он был связан с оккультизмом, знахарством и чародейством, и, наверное, поэтому тяжело умирал. Перед окном, где рлежал больной, росло дерево, а когда он умер, его как бы вырвало с корнем и отбросило в сторону. После того, как его не стало, у меня начались проблемы со здоровьем, и не только физическим. На чердаке у нас появился посторонний шум, будто кто повозку возит из одного конца в другой.

– Подождите, сестра, минуточку, – остановил я её. – Вы можете сейчас вспомнить, что именно находится у вас на чердаке?

– Там образы, иконы, которые мама сняла со стен, когда пришла в церковь.

– Понятно, – сказал я, – а может, там есть ещё что-то?

– Святая вода в бутылках. На крещение мама приносит её и хранит там, а когда болеют внуки, она покропит, и болезнь быстро проходит. Так она не раз лечила моего сына, и помогало. Правда, сейчас у него уже проблемы с психикой.

Я открыл место Священного Писания и сказал:

– А теперь, сестра, послушай, как об этом говорит Господь. Давай прочитаем Второзаконие, 18 главу с 9 стиха: «Когда ты войдёшь в землю, которую даёт тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мёртвых. Ибо мерзок перед Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего». Я мог бы на этом поставить точку в нашей беседе, ибо молиться и просить что-то у Господа, не уничтожив все эти мерзости, вряд ли имеет смысл. Но у меня есть побуждение предложить тебе смириться перед Богом, внимательно проверить всю свою сознательную жизнь и ничего не упустить.

Идёт очередное занятие семинара по душепопечительству, руководителем которого является Н.Е. Шепель

Нужно раскаяться, назвав грех по имени, попросить прощения с отречением, и освобождения от последствий греха. Пообещай Господу, что ты сегодня же по приезде домой уничтожишь всю мерзость, которая хранится на чердаке и в доме после смерти отца. Все записи, одежду, любые вещи не просто выбрось, а сожги.

Сестра дрожащим голосом сказала:

– Согласна. Даю обещание Богу.

Тогда я положил перед ней лист бумаги, дал ручку и попросил по пунктам записать всё, что Дух Святой откроет. А сам тем временем пошёл беседовать с её сыном. Когда вернулся, то увидел, что лист бумаги исписан с обеих сторон, там было около двадцати пунктов, о которых сестра хотела сказать Господу. Расспросив её конкретно по каждому пункту, я предложил совершить молитву, объяснив, как это надо делать, чтобы не допустить ошибок. И мы преклонили колени для молитвы.

Перед её глазами был список грехов, которые Господь ей открыл. Теперь она называла каждый из них, и со слезами просила простить ради Его пролитой Крови, очистить её и освободить от последствий греха. В конце она поблагодарила за прощение и попросила исцелить от физической и духовной болезни.

После сестры молился я и благодарил Господа за Его дивное обетование: если двое согласятся просить о всяком деле, будет им от Отца Небесного. Я благодарил Господа за то, что Он ответил на её просьбу, ибо, если мы исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, прощает нас и очищает от всякой неправды. В конце я именем Иисуса Христа запретил нечистому духу действовать на сестру как извне, так и изнутри, а также в доме. Потому что она теперь полностью принадлежит Господу, и враг души, дьявол, теперь не имеет над ней никакой власти. Я попросил, чтобы Господь поставил Свою защиту и над сестрой, и над её домом.

После того, как мы встали с колен, сестра, обращаясь ко мне, спросила:

– Вы видели, как в конце молитвы от меня отделилось какое-то маленькое серое существо и побежало прямо к окну?

– Нет, – сказал я, – не видел.

– Брат, как вы могли не увидеть? Это было так реально!

– Может быть, и так, сестра, – ответил я. – Если это существо ушло, то слава Богу. Давай за всё поблагодарим Его. Но ты должна понять важную истину: твоя задача – сохранить то, что Господь даровал по нашей просьбе. И тебе придётся вести духовную войну, ведь противник наш – дьявол. Учись отражать его атаки именем Иисуса Христа. Проси Его всеоружия для себя и будь побеждающей, ибо побеждающий, как написано в Откровении, наследует всё.

После этого мы совершили молитву за её сына, и они уехали домой.

Часть2 Глава 29

Служение душепопечителя

Примеры, с которыми мы познакомились – это лишь маленькая частица, свидетельствующая о тех проблемах, которые возникли в нашем служении. Поэтому приходилось молиться и просить ясности у Господа, как нам противостоять умыслам дьявола. Бороться с таким злом в одиночку – малоэффективно, потому на братском общении я предложил братьям-служителям и другим, желающим нести труд душепопечения, собираться каждый месяц на двухдневные семинары.

Слава Богу, друзья с готовностью откликнулись на это предложение, и вот уже более четырёх лет мы проводим такие занятия. Господь явил нам Свою милость, и мы имели много богатого духовного материала, но главное – это наша практика.

Мы собирались вместе, беседовали, делились опытом, молились, проводили уроки, делая записи в своих рабочих тетрадях. Поначалу нас было человек десять-двенадцать, потом число желающих посещать такие занятия увеличилось.

Вот – первые уроки, с которых мы начинали нашу учёбу. Вот то, что мы должны были понять и усвоить на практике.

Душепопечительство – это попечение о душах, и служением этим должен заниматься в церкви, прежде всего, служитель. Сегодня, как никогда, мы часто встречаем людей с повреждённой психикой. На основании Слова Божьего и духовной практики причины психических отклонений можно квалифицировать следующим образом:

- Физические причины:

– врождённые, родовые травмы;

– приобретённые вследствие травм головы, воспаления и заболеваний мозга, старения организма (склероз).

- Духовные причины:

– оккультная обременённость;

– стресс, горе (Втор. 28:34);

– частичное или полное отсутствие контроля над своим поведением.

Поэтому очень важно проводить правильную диагностику:

– исследовать, с чего всё началось;

– помолиться в присутствии такого человека, наблюдая за его реакцией;

– после молитвы постараться войти в контакт с ним.

Пример. Одну девочку родители считали одержимой. Пригласили брата, он побеседовал и сказал: «Это психическая болезнь, она свободна от духовной зависимости».

Но есть случаи, когда психическое расстройство наступает вследствие демонической зависимости.

Пример. Гадаринский бесноватый (Мр. 5:1-2). Христос многих освобождал от такой зависимости (Мф. 4:24).

Существуют различные мнения среди народа Божьего о том, может ли возрождённый христианин быть демонизированным или одержимым. Одно из них – не может (2Кор. 5:17). Тут важно отметить, что процесс освящения – длительный и часто нелёгкий. Старая природа ведёт борьбу с новой (Гал. 5:17). У дьявола есть масса возможностей искушать человека. Он искушал и нашего Господа (Евр. 4:15).

Степень искушения может быть различной и часто зависит от того, каким было прошлое у христианина до покаяния, из-за каких грехов он страдал (алкоголь, наркотики, похоть). У него должно быть большое желание выйти из-под контроля демонических сил. Для освобождения ему нужно тесное сотрудничество со Христом. Без этого сотрудничества освобождение практически невозможно.

Как человек попадает в зависимость от демонических сил?

В книге Второзаконие, в 18 главе, записаны указания Бога не обращаться к гадателям, прорицателям, чародеям – людям, являющимся посредниками между человеком и демоническим миром.

Важно отметить, что для дьявола не имеет значения, как был осуществлён контакт – через служителей оккультного мира или самостоятельно, сознательно или в шутку, в детстве или в зрелом возрасте. Это вроде прикосновения к радиоактивным предметам и получение через это невидимого глазу облучения.

Запомним, что дьявол никогда ничего не делает даром. Он может дать физическое исцеление, но взамен приобретает право на душу человека.

После контактов с оккультными силами у человека проявляется немотивированный страх, чувство постороннего присутствия, навязчивые мысли (о самоубийстве), галлюцинации. У некоторых появляется большое желание познания глубин сатанинских с целью приобретения определённых даров и способностей, например, лечения, ясновидения, гадания... Получается, что люди заключают союз с демоническим миром, став заодно с бесами, которые их используют (1Кор. 6:16).

Контакт человеческого духа с духом демоническим – это брачный союз. В одержимом живут две личности. Человек становится рабом нечистого духа, хотя подчиняется ему добровольно. Освободиться от этого рабства нелегко. Силы тьмы особенно противодействуют, когда человек начинает стремиться к Богу. Человеку становится плохо, когда он слышит разговор о Боге, присутствует на собрании детей Божьих, читает Библию. Он испытывает страшное противление покаянию.

Оккультные контакты в прошлом – это сеть, с помощью которой дьявол может поймать человека и подчинять его своей воле (2Тим. 2:26). Для освобождения часто недостаточно того, что человек уверовал и принял крещение.

Пример. Симон-волхв (Деян. 8:9-24).

Есть ещё одно положение, лишающее верующего духовной свободы. Это, когда человек, принявший Христа:

– грешит сознательно;

– огорчает Святого Духа;

– обращается к оккультной, а часто – и к религиозно оккультной практике.

Демоническое влияние в таком случае может усиливаться и даже довести человека до одержимости (1Пет. 5:8). В последнее время таких случаев становится всё больше и больше (1Тим. 4:1). Проблема двойственности была и в Коринфской церкви (1Кор. 10:20-21).

И особенно нужно сделать ударение на том, что христианин может дать место дьяволу в себе через безнравственность. Сатана, используя эту почву, постепенно захватывает всё большую территорию в душе человека, доводя его до одержимости.

Нам нужно постоянно помнить о том, что Христос совершает в нас Свою победу только при участии нашей воли, при нашем сильном желании быть свободными и побеждающими. Он всегда даёт человеку право выбора (Втор. 30:15, 19; Иов. 34:11; Иер. 18:7-10). Содействие нам будет оказано только после того, как мы изберём предлагаемое Господом.

Очень важно знать, что пассивность, инертность, безволие и бездействие способствуют сатане в его борьбе за человеческую душу (1Пет. 5:8-9). Он никогда не оставит идею увести человека от Христа и поработить уже избранных. Степень влияния зависит от того, сколько места в душе отдаётся в распоряжение дьявола.

Пример. В городе Красноярске был случай с одной верующей. Она посещала церковь, где говорили на языках, и она тоже говорила. Однажды голос сказал ей кое-что, что её очень смутило:

– Вы сотрудничаете с НЛО.

Это было сказано и её подруге. На следующий день голос предупредил, что придут инопланетяне, и они будут взяты. Хорошо, что она обратилась к служителю церкви, в которой проводили работу по разоблачению дьявольских подделок. Она получила духовную свободу.

Подводя итог, нужно отметить следующее. Люди доходят до зависимости:

- Увлекаясь оккультной практикой.
- Уклоняясь от здравого христианского учения.
- Погружаясь в плотские грехи.

Демоническое вторжение можно разделить на три стадии, переходящие одна в другую, если не противостать врагу:

- Обольщение.
- Демонизация.
- Одержимость.

Всё начинается с малого, но может закончиться тем, что человек окажется среди обречённых на смерть.

Итак, духовный труд, учёба, служение продолжаются. Помоги нам, Господи!

Приложение

Фотографии из жизни и служения Н.Е. Шепель

Их восемь – подаренных Господом.
Слева направо сидят: Павел и Пётр.
Стоят: Володя, Саша, Надя, Иван, Тимофей, Аня

Н.Е. Шепель со старшим сыном Павлом и младшей дочерью Аней на празднике Жатвы в дочерней церкви г. Золотоноши

Аня трудится в воскресной школе, руководит пением

Лето 1999 года. Господь прилагает к церкви спасаемых. Крещение преподаёт Н.Е. Шепель (стоит первый справа)

Николай Емельянович (первый справа) – среди студентов и преподавателей Черкасского заочного филиала Киевского библейского института

Рукоположение Павла на благовестника. Сейчас он пресвитер Черкасской церкви

В одном из сёл области в частном доме проходят евангелизационные собрания. Сегодня с благовестием приехал Николай Емельянович

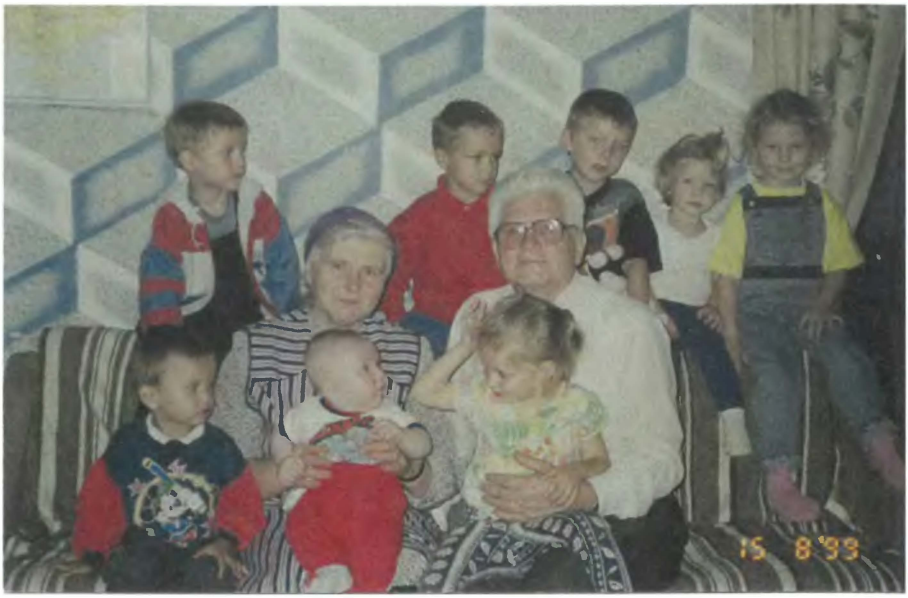
Путь лежит в Чигиринский район, с. Ивковцы. Чтобы служение не страдало, пришлось уже в преклонном возрасте самому сесть за руль

Встреча Н.Е. Шепель с молодежью после второго срока

Встреча братьев пресвитеров Украины (г. Киев, Киево-Троещинская церковь)

Евангелизационная поездка в Черкасской области. (Крайний слева Н.Е. Шепель)

Крещение в г. Черкассы совершает Н.Е. Шепель (крайний справа)



Николай Емельянович и Екатерина Яковлевна в кругу детей и внуков. Кто-то из них живёт рядом, а кто-то приезжает издалека

Семья Н.Е. Шепель, старшие сыновья Павел, Петр, Иван с женами

Николай Емельянович Шепель с ответственными по группам в Черкасской области

Пламенная проповедь в новой церкви в микрорайоне «Химпоселок», где совершал служение в последние годы своей жизни Н.Е.Шепель

Николай Емельянович Шепель в кругу детей и внуков в 2010 году в Америке

Эта книга является живым свидетельством о пробуждающей силе Духа Святого в жизни народа Божьего, Церкви Христовой в трудные годы в Украине. Христос сказал: «...На сём камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» (Мф. 16:18). Атеизм коммунистической системы при всей своей изощрённости и грубой жестокости не смог разрушить то, что создано жертвенной любовью на Голгофе.

Книга освещает как положительные, так и отрицательные стороны жизни детей Божьих: веру и маловерие, верность и трусливую измену. Здесь описаны события из пережитого в личной жизни, а также жизни тех, кто победил диавола кровью Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбил души своей даже до смерти (Откр. 12:11-17).

Книга эта посвящается христианской молодёжи с целью дальнейшего её пробуждения для жертвенного служения Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу.

Samenkorn